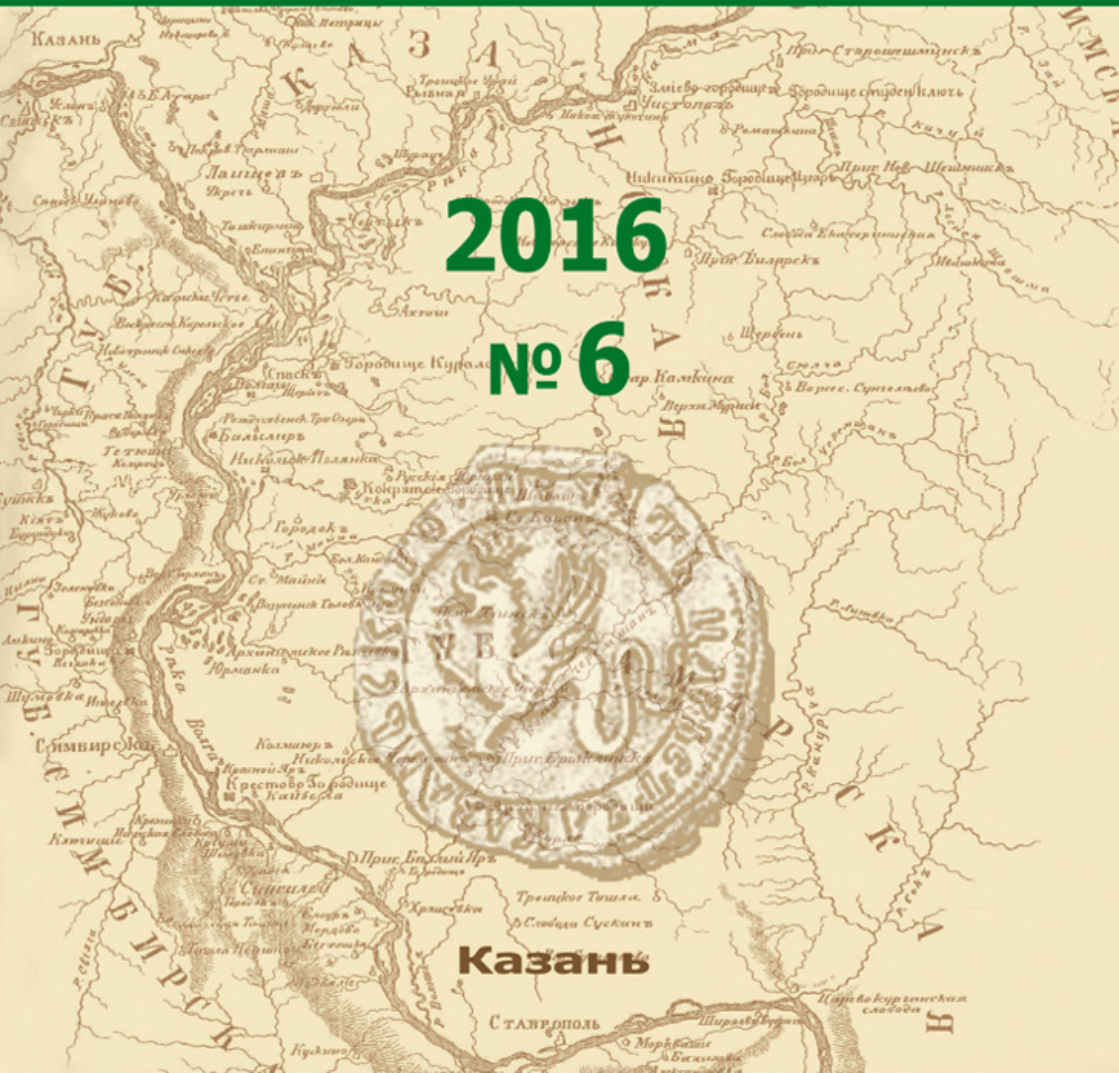

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья

2016
№ 6

Казань

ISSN 2410-0765

Научный журнал

**ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Academic Journal

**FROM HISTORY AND CULTURE OF PEOPLES
OF THE MIDDLE VOLGA REGION**

2016. №6

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Институт истории
им. Ш. Марджани Академии
наук Республики Татарстан

FOUNDER:

Sh. Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy
of Sciences

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–64142
от 25 декабря 2015 г. выдано
Роскомнадзором

Certificate of registration of the Mass
Media ПИ № ФС77–64142
received from Roskomnadzor
on December 25, 2015

Выходит 1 раз в год

Published once a year

Адрес редакции:

420014, г. Казань,
Кремль, подъезд 5
Тел./факс (843) 292 84 82
(приемная), 292 19 15

Editorial Office Address:

420014, Kazan,
Kremlin, entrance 5
Tel./Fax (843) 292 84 82
(reception), 292 19 15

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
The Research Annual is included in the Russian Science Citation Index Database.
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52839

- © ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2016
- © Отдел новой истории Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ, 2016
- © «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2016

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Загидуллин Ильдус Котдусович**, д.и.н., заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Арсланова Алсу Айратовна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рафаиль Хакимов, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Ананий Иванов, д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Вадим Трепавлов, д.и.н., руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Галина Никитина, д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск, Российская Федерация)

Гаяз Самигулов, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университета (Челябинск, Российская Федерация)

Геннадий Николаев, к.и.н., зам. директора по науке, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари (István Vásáry), Dr.Sci. (история), профессор, Университет им. Этвеша Лоранда – Eötvös Loránd University (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер (Michael Kemper), Dr.Sci. (история), профессор, Университет Амстердама – University of Amsterdam (Амстердам, Голландия)

Олег Марискин, д.и.н., профессор, Саранский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Петр Кабыгтов, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт (Paul W. Werth), Ph.D. (история), профессор, декан исторического факультета, Университет Невады – University of Nevada, Las Vegas (UNLV) (Лас Вегас, США)

СОДЕРЖАНИЕ

Загидуллин И.К. Предисловие	6
--	---

Статьи

Арсланова А.А. Персоязычные сочинения по истории монгольского периода в рукописной коллекции Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета	13
Ахтямова А.В. Социальная структура татар в городах Уфимской губернии (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.)	30
Басырова С.Г. Изучение истории школы Южного Урала конца XVIII – начала 60-х гг. XIX в. дореволюционными исследователями	42
Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года	62
Охотникова С.В. Проблема «ясачных чувашей» в современной российской историографии	94
Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М. Борьба Токтамышевичей за власть в 10–20-х гг. XV в.	110
Пислегин Н.В. Исторические населенные пункты на территории Безменшурского сельсовета Кизнерского района Удмуртской Республики: попытка корреляции народных преданий и документальных источников	126
Сабитов Ж.М. Источники по генеалогии Джучидов, зависящие от «Мунтахаб ат-таварихи Муини»	136
Свердлова Л.М. Казанская биржа как представительная организация предпринимателей Волжско-Уральского региона (середина XIX – начало XX в.)	145
Субботина А.М. Ислам и этнокультурные взаимодействия на территории Поволжья и Приуралья в XIX – начале XX века в современной исторической литературе	163

Хамитбаева Н.С., Багаутдинова Х.З. Численность и занятость сельского населения Казанского уезда в конце XIX века	173
Шадрина А.П. История города Свияжск и Свияжского уезда на страницах памятных книг Казанской губернии (1861–1916 гг.)	185
Щербакова Т.И. Историография новейшей истории Мордовии	205

Публикация источника

Галлям Р.Г., Хисматуллин Б.Р. Легенда о «Зюри хане»	225
Мустафина Д.А. Служилые татары через призму земельной тяжбы с монастырем	232
Торопицын И.В. Новые данные о судьбе участников Хивинской экспедиции князя А.Бековича-Черкасского. 1718–1719 гг.	266

Новые книги

Гильмутдинов Д.Р. Новый труд по истории татарского национального движения 1860–1905 гг.	274
Саматова Ч.Х. О сборнике документов и материалов «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года»	277
Загидуллин И.К. Первый исторический путеводитель по «мусульманскому» Петербургу	285
Субботина А.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии: о монографии Л.М. Владимировой	292

Хроника научной жизни

Исхаков Р.Р. Мероприятия, посвященные празднованию 160-летия со дня рождения В.Т. Тимофеева (1836–1895)	296
Ахтямова А.В. Всероссийский научный семинар «Татарские городские общины в модернизационных процессах (середина XIX – начало XX века)»	299

Материалы круглого стола
«Вопросы формирования и трансформаций
этносословных групп Поволжья и Приуралья
XVII – начала XX века» (г.Казань, 20 ноября 2015 г.)

Басманцев Д.В. Имперская идеология и нерусское население на территории Чувашии в XVIII веке	302
Вильданова Р.К. Закир Кадыри об основных этапах национального движения татар	307
Галлям Р.Г. Селение Абзябар Казанского уезда как объект государственной национально-религиозной экспансии (вторая половина XVI – начало XX в.)	314
Гусева Ю.Н. Тарханы и башкиры с.Алькино Бугурусланского уезда Самарской губернии в XIX веке и вопросы этносоциальной истории тюркских селений Среднего Поволжья	324
Иванов В.П. Татарская ассимиляция как фактор этнодемографических процессов у чувашей в XVIII–XIX вв.	332
Исхаков Р.Р. Религиозное просвещение и консолидационные процессы среди крещеных татар во второй половине XVI – XVIII вв.	340
Махмутова А.Х. Изучение этносословных особенностей на примере жителей деревни Бизяки Елабужского уезда Вятской губернии	361
Шакуров Ф.Н. Этногенетические концепции татарских историков конца XIX – начала XX века	368

ПРЕДИСЛОВИЕ

В информационном письме о подготовке нового номера периодического издания за 2016 г. для принимаемых статей тема «Вопросы источниковедения и историография истории народов Среднего Поволжья» была названа в качестве приоритетной. Поэтому тематика большинства статей этого номера журнала была обусловлена интересами редакции.

Вопросам источниковедческого анализа посвящены пять публикаций. *А.А. Арсланова* задалась целью описания отложившихся в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ двух рукописных персоязычных сочинений по истории монгольского периода: список сочинения Фахр ад-Дина Абу Сулайман Да'уда ибн Абу-л-Фазл Мухаммада Банакати (ум. в 730/1329–30 г.) и неполного списка произведения 'Абд Аллаха Хатифи Хабушани Джами «Книга о Тимуре мавланы Хатифи». Казахский исследователь *Ж.М. Сабитов* продолжает серию публикаций, посвященных анализу различных аспектов произведения «Мунтахабат-таварихи Муини», написанного Муин ад-Дина Натанзи в 1413–1414 гг. В данной статье автор рассматривает связи между источниками, зависящими от данного средневекового тюркоязычного сочинения. Статья *И.К. Загидуллина* посвящена комплексному анализу указа царя Федора Алексеевича «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 г.: в ней определяются место указа в законодательной практике самодержавия середины XVI – первой четверти XVIII в. по христианизации нерусских народов Среднего Поволжья, истоки, пути реализации и его результаты в отношении служилого и ясачного населения края. *А.П. Шадрина* выбрала объектом своего исследования памятные книги по Казанской губернии за 1861–1916 гг. и по страницам справочных изданий отследила особенности подачи информации о Свияжске и Свияжском уезде. По сохранившимся устным преданиям и по материалам ревизских сказок XVIII в. и Ландратской переписи 1716 г. ижевский историк *Н.В. Пислегин* попытался реконструировать возникновение исторических поселений в Безменшурском муниципальном образовании Кизнерского района Удмуртской Республики, сделав вывод о корреляции народных преданий и документальных источников.

Вопросам историографии истории народов края посвящены четыре публикации. Исследование *С.В. Охотниковой* является примером всестороннего рассмотрения сложной и по сей день остающейся дискуссионной темы «ясачных чуваш» – тяглового населения Среднего Поволжья XVI–XVII вв., в статье определены основные противоречия во взглядах представителей казанской и чувашской исторических школ, а также точка зрения современных марийских и башкирских исследователей по вопросам этно-конфессиональной и языковой принадлежности и социально-экономического положения «ясачных чуваш».

В публикации доцента *С.Г. Басыровой* освещается деятельность нескольких поколений краеведов дооктябрьского периода по изучению истории школьного дела на Южном Урале в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в. Определены основная тематика, методы исследования, социальный и профессиональный состав исследователей, рассмотрены труды, с которых началось научное осмысление различных аспектов истории образования на Южном Урале.

А.М. Субботина, изучив ряд трудов современных исследователей, имеющих отношение к роли ислама в социальном поведении народов Поволжья и Приуралья в XIX – начале XX в., делает вывод о том, что в зависимости от принадлежности авторов к той или иной научной традиции, акцент в работах делается на конфронтацию и конфликт, интеграцию и взаимодействие, или наблюдается сочетание обеих тенденций; под влиянием зарубежных исследований внимание переключается на интеграционные, модернизационные процессы, по-новому рассматриваются межкультурные связи соседних мусульманских и немусульманских народов.

Интересным исследованием, охватывающим большой временной отрезок (1917–2010-е гг.) и рассматривающим динамику изучения новейшей истории Мордовии, является статья доцента *Т.И. Щербаковой*. Автор анализирует основную проблематику трудов советского периода, считает, что региональные научные изыскания носили в целом прикладной характер и преследовали, главным образом, пропагандистские цели. Важнейшим достижением современной региональной историографии автор называет постановку вопроса о цене советских аграрных преобразований в судьбе мордовского народа. Наиболее дискуссионными темами в новейшей истории Мордовии автор называет такие вопросы, как роль КПСС,

возможные альтернативы экономического развития региона, модели взаимоотношений центра и региона, оценка результатов советской национальной политики.

По актуальным проблемам истории региона посвящены четыре статьи. Многогранную деятельность Казанской биржи в качестве представительной организации предпринимателей Волжско-Уральского региона раскрывает в своей публикации *Л.М. Свердлова*. Статья *Я.В. Пилипчука и Ж.М. Сабитова* посвящена определению роли Великого княжества Литовского в политической борьбе за власть в Золотой Орде сыновей Тохтамыша с Идегеем в 10–20-х гг. XV в.

По материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., привлекая другие опубликованные и архивные источники, *Н.С. Хамитбаева и Х.З. Багаутдинова* определяют социально-экономическое состояние и демографический профиль Казанского уезда в конце XIX в. по таким важным параметрам, как национальный, конфессиональный, половозрастной и сословный состав и занятия сельского населения. Используя тот же источник, *А.В. Ахтямова* подсчитала и оформила в формате таблиц и диаграмм сведения об удельном весе, сословном составе и распределении татар-горожан по группам занятий, определив их основные источники доходов, в губернском и уездных городах Уфимской губернии.

Раздел «ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА» правомерно рассматривать как продолжение статей, посвященных источниковедческому анализу. Так, *Р.Г. Галлям и Б.Р. Хисматуллин* впервые публикуют текст исторической легенды «Зюри хан», которая относится ко времени существования Казанского ханства и записана в селе Старые Зюри Тюлячинского муниципального района РТ – в поселении ханской эпохи – и отложилась в фондах Тюлячинского краеведческого музея. Исследователи допускают возможность существования исторической личности по имени «Зюри» («Жюри»), который вполне мог быть одним из «даруга-беков» – сборщиком налогов по Зюрейской даруге. В легенде утверждается о происхождении деревни Старые Зюри от имени этой личности и повествуется о постройке им Казани.

Доцент К(П)ФУ *Д.А. Мустафина* предлагает вниманию читателей тексты двух публично-правовых актов XVII в. из фонда Грамот Коллегии экономии (ф. 281) РГАДА, остававшихся до сих пор без внимания исследователей. Послушная грамота казанского воеводы

боярина Ивана Васильевича Морозова «с товарищи» келарю Елабужского Троицкого монастыря старцу Моисею «с братьею» от 11 марта 1638 г. и ввозная грамота казанского воеводы ближнего боярина Петра Большого Аврамовича Лопухина «с товарищи» митрополиту Казанскому и Свияжску Маркеллу на рыбные ловли на левобережье реки Камы, в Кривой Волошке, и на Простинский исток, находившиеся во владении служилого татарина Абдрахмана Кулаева из деревни Большой Менгер, от июня 1692 г. раскрывают новые грани земельных правоотношений в XVII в. в Казанском крае. Хронологические рамки описываемых событий далеко не ограничиваются этими годами и уходят в ханский период. Остроту излагаемому историческому сюжету придают факт судебной тяги между монастырем-феодалом и несколькими поколениями служилых татар, отстаивающих свои законные права на вотчинные наделы.

Поставить правильные акценты в понимании содержания публикуемых документов помогает вводная статья. Автор обращает внимание на необязательность пространственного расположения владений служилого татарина в рамках одной местности. Комментируя разрешение земельной тяжбы между служилыми татарами деревни Менгер Алатской дороги Казанского уезда и Елабужским Троицким монастырем, исследователь отмечает, что «...любой документ, удостоверяющий право собственности, мог быть проигнорирован или истолкован в желаемом русле, в соответствии с потребностями и поставленной целью, если в земельном конфликте ущемлялись интересы представителей высших структур ветвей (светской и духовной) власти». Иначе говоря, приметой российской действительности являлось отсутствие справедливости в обществе, попираемое представителями власти прав населения. Переводя этот сюжет на историко-философскую плоскость, правомерно констатировать, что ощущение большинством российских поданных отсутствия в государстве и обществе справедливости, недоверие к местной власти, которое кристаллизировалось в течение столетий, в конечном счете, стало главной проблемой между властью и подданными, приведшая к революциям начала XX в.

Астраханский исследователь *И.В. Торопицын*, публикуя новые источники из фонда РГАДА, касающиеся судьбы участников неудачной для российского правительства Хивинской экспедиции 1717 г. в Центральную Азию, повествует о роли астраханских юр-

товских татар, ездивших в Бухару по торговым делам и выкупавших пленных русских военнослужащих, позицию российских властей в отношении пленных соотечественников.

Также своеобразным продолжением публикаций по историографии можно рассматривать материалы раздела «*НОВЫЕ ИЗДАНИЯ*», где представлены рецензии исследователей на научные труды: 1) отзыв заведующего отделом источниковедения Центра исламоведческих исследований АН РТ, кандидата исторических наук *Д.Р. Гильмутдинова* на книгу И.К. Загидуллина «Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.» (Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.); 2) отзыв старшего научного сотрудника Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, кандидата исторических наук *Ч.Х. Саматовой* на сборник документов и материалов «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы» (Казань: Издательство Академии наук РТ, 2015. 588 с.); 3) рецензия заведующего отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, доктора исторических наук *И.К. Загидуллина* на исторический путеводитель по «мусульманскому» Петербургу, составленный Р.И. Беккиным и А.Н. Тагирджановой (М., СПб.: Институт Африки РАН, 2016. 640 с.; ил.), 4) рецензия доцента кафедры культурологии и менеджмента в культуре ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», кандидата исторических наук *А.М. Субботиной* на монографию Л.М. Владимировой, посвященной истории взаимоотношений Самарского земства с крестьянами-мусульманами губернии в 1865–1914 гг. (Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2016. 256 с.).

В разделе «*НОВОСТИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ*» журнала размещены: сообщения о проведенных в сентябре с.г. мероприятиях, посвященных празднованию 160-летия со дня рождения известного крещено-татарского религиозного просветителя, педагога Василия Тимофеевича Тимофеева (1836–1895) (*Р.Р. Исхаков*) и о Всероссийском научном семинаре «Татарские городские общины в модернизационных процессах (середина XIX– начало XX века)», который состоялся в Казани 26 сентября 2016 г. (*А.В. Ахтямова*).

В 2015 г. в Казани в рамках Международного научного форума «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» были проведены: 19 ноября – научная конференция «Исторические судьбы

народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» (2015 г.), материалы которой изданы¹, и 20 ноября – круглый стол на тему «Вопросы формирования и трансформаций этнословесных групп Поволжья и Приуралья XVII – начала XX века». Журнал завершается материалами этого круглого стола – переделанными в научные статьи докладами большинства участников данного научного мероприятия. Ряд авторов раскрывает заявленную на Круглом столе тему посредством микроисторий – отслеживают изменения сословного и конфессионального положения жителей отдельных селений. Так, согласно сведениям *А.Х. Махмутовой* (г.Казань), по материалам первой ревизии жители Бизяки Елабужского уезда Вятской губернии записаны как платившие «бобыльский ясак» «ясашные татары», которые в 30-х гг. XVIII в. стали «тептярями», а после объединения Тептярского войска с Башкирским в 50-х гг. XIX в. начали называться «башкирцами». По материалам писцовых книг первой половины XIX в. *Ю.Н. Гусева* (г.Самара) повествует о тарханских и муллинских родах «башкирской» деревни Алькино Бугурусланского уезда Самарской губернии. На примере истории ясачной деревни Абзябар Казанского уезда, жители которой были крещены во второй половине XVI в., а в XVIII – XIX вв. сделались «русскими», *Р.Г. Галлям* (г.Казань) иллюстрирует случай трансформации этноконфессиональной идентичности у «ясачных чуваш».

Более шире, уже на примере отдельных этноконфессиональных групп населения Среднего Поволжья раскрывают эти вопросы *В.П. Иванов* (г.Чебоксары), рассматривая этнокультурное воздействие татар-мусульман на округе как один из важных факторов этнодемографических процессов среди чуваш в XVIII–XIX вв., и *Р.Р. Исхаков* (г.Казань), повествуя о религиозном просвещении и консолидационных процессах среди крещеных татар во второй половине XVI – XVIII вв. *Д.В. Басманцев* (г.Чебоксары) раскрывает данную проблему через призму внутривнутриполитического курса правительства XVIII в. в отношении нерусских крестьян православного вероисповедания, главным образом, чуваш-земледельцев.

¹ *Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья*. Сб. статей. Вып. 5. Материалы международной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 476 с.

Публикации двух участников круглого стола посвящены обзору татарской историографии по теме этнической консолидации и самоидентификации татар-мусульман. *Ф.Н. Шакуров* (г.Казань) дает характеристику этногенетическим концепциям татарских историков конца XIX – начала XX в. *Р.К. Вильданова* (г.Ульяновск) анализирует концепцию Закира Кадыри об основных этапах татарского национального движения нового времени.

Обобщая, следует отметить, что материалы круглого стола свидетельствуют, с одной стороны, об очевидных достижениях историков по изучению процессов формирования и трансформации этносословных групп населения Поволжья и Приуралья XVII – начала XX в., с другой – о необходимости перевода научных изысканий на качественно новый уровень, придав им определенную системность, комплексность, конечной целью которых могла бы стать коллективная монография по данной проблеме с участием всех заинтересованных сторон.

Надеюсь, что публикации журнала привлекут внимание коллег, станут вкладом в изучение вопросов социально-экономической, этнополитической истории и культуры народов Волго-Уральского региона, послужат укреплению контактов между исследователями.

И.К. Загидуллин
доктор исторических наук

СТАТЬИ

УДК 94(5)"12/13"

А.А. Арсланова

Персоязычные сочинения по истории монгольского периода в рукописной коллекции Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета

Объектом данной статьи являются персоязычные рукописные книги по истории монгольского периода, хранящиеся в фондах Восточного сектора Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Они занимают достойное место в собрании арабографических рукописей данной коллекции, однако до недавнего времени не подвергались специальному изучению и фронтальной каталогизации.

Ключевые слова: персоязычные рукописи, рукописная коллекция Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, история монгольского периода.

В настоящее время инвентаризированных персоязычных рукописных книг, содержащих списки сочинений по истории монгольского периода в коллекции Восточного сектора Научной библиотеки К(П)ФУ, насчитывается буквально единицы, но имеющиеся, несомненно, представляют значительный интерес для исследователей, как дополнительные сравнительные материалы.

1. Так, под шифром Ф-39 (245) в библиотеке имеется полный список сочинения **Фахр ад-Дина Абу Сулайман Да'уда ибн Абу-л-Фазл Мухаммада Банакати** (ум. в 730/1329–30 г.) *روضة اولى الالباب فى تواريخ الاكابر و الانساب* («Сад мудрых относительно историй великих людей и генеалогий»)¹.

¹ Н.Д. Миклухо-Маклай писал о нем: «Автор – Фахр ад-Дин Абу Сулайман Да'уд ибн Абу-л-Фазл Мухаммад Банакати (ум. в 730/1329–30 г.), историк и придворный поэт известного Хулагуида Газан-хана (694–703/1295–1304), наградившего его в 701/1301-02 г. почетным званием «малик аш-шу'ара» («царь поэтов»). Сочинение посвящено Хулагуиду Абу Са'иду (716–736/1316–

По собственным словам автора, в 701/1301–02 г. монгольский правитель Персии Газан-хан назначил его «царем поэтов» – «малик аш-шу'ара». Современный иранский исследователь Джа'фар Ша'ар, обратил внимание, что «он в одном случае так говорит о себе: «Составление этой истории было делом Абу Сулайман Дауда, по прозвищу Фахр ал-Банакати, из числа хвалителей его величества (Газан-хана), смотревшего взглядом милости и милосердия на положение этого слабого и пожаловал ему благословение «царя поэтов», эта касыда была представлена в Золотой ставке и получила милость...»².

Свой исторический труд под названием «Раузат ули-л-албаб фи таварих ал-акабир ва-л-ансаб» [Э.Г. Браун переводит как «Сад разума, об истории великих и генеалогий», А.А. Семенов как «Сад мудрых в отношении историй великих людей и (их) происхождения», Н.Д. Миклухо-Маклай интерпретирует как «Сад мудрых относительно историй великих людей и генеалогий»], которую обычно для краткости называют «Тарих-и Банакати», он написал в 717/1317–18 г. Труд представляет собой историю от Адама до официального вступления на престол Абу Са'ида, разделен на предисловие и девять *кисм*, девятая из которых посвящена истории монголов и их завоеваниям. Почти все исследователи согласны, что в основном это сочинение представляет собой сокращение «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина. Так, в своей «Истории Индии» сэръ Элиот писал: «...Как утверждает сам автор, в основном труд является сокращением «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, он был составлен только 7 лет спустя после этой работы в 717 (1317)... Он переписал Рашида... близко, однако, без заимствования его расположения, и посвятил свой труд султану Абу Са'иду, 9-му монгольскому правителю Персии» (Sir H.M.Elliot, 1869, p. 55).

В связи с вопросом о заимствованиях необходимо отметить, что в те времена само понятие о плагиате понималось несколько иначе, и было одинаково чуждо всем средневековым компиляторам – му-

1335). Время написания сочинения: 717/1317–18 г. (этот год указывается в сочинении как текущий год)». См.: (Миклухо-Маклай, 1975, с. 57).

² تاریخ 1347 روضه اولی الاباب فی معرفه التواریخ و الانساب بکوشش دکتر جعفر شعار تهران ، بناکتی C. 12 – (1969) (The Society of National Monuments of Iran № 66. Tarikh-e Banakati. A General History from the Earliest Times to the 14th Century, A.D. by Fakhr al-din Banakati. Ed. by Dr. Ja'far Shear. – Tehran, 1969).

сульманским, европейским и китайским. Не считалось предосудительным переписывать текст своего источника почти буквально. Так, между прочим, поступал и сам Рашид ад-Дин, когда пользовался трудом своего предшественника Джувейни. Составитель каталога восточных рукописей Парижской национальной библиотеки Э.Блоше придерживался мнения, что Банакати все же использовал оригинальные сведения по истории Китая, которых не было у Рашид ад-Дина (Blochet E., 1905–1934). Явная ошибочность такого мнения была доказана после опубликования В.Розеном текста Рашид ад-Дина, на что указал тот же В.В. Бартольд, справедливо считавший, что в сочинении Банакати только незначительная часть, посвященная истории правления Улджайту за время после 1310 г., не заимствована из сочинения Рашид ад-Дина.

М.А. Гаффаров также считал, что выборка Банакати из Рашид ад-Дина не имеет большого научного значения. «А когда будет полностью напечатан свод Решиеддина, – заметил он, – экскерптный труд Бенакетия потеряет вообще всякую ценность, за исключением нескольких незначительных дополнений о современных Бенакетию событиях, частью в виде стихотворных панегириков Газан-хану, Олчжейту и Абу-саиду (воцар.1316)» (Гаффаров, 1913, с. 38–39).

Известный британский исследователь Э.Г. Браун посвятил Банакати целый раздел в своей знаменитой «Литературной истории Персии». Он писал: «...Более известный как «Та'рих-и-Банакати», труд определенно и, конечно, по общему признанию, вдохновленный огромным трудом Рашиду'д-Дина, включает 9 разделов, названных *кисм*.... В этом отношении он очень ясно показывает широкое влияние исторической концепции Рашиду'д-Дина, так как более половины книги посвящено немусульманским народам, упомянутым в заголовках последних пяти *кисм*, а именно евреям, европейским народам, включая римских императоров и пап, индийцев, китайцев и монголов. Описания этих народов, хотя по большей части короткие и сухие, показывают определенное реальное знание о главных фактах, тогда как утверждения о немусульманских религиозных доктринах являются беспристрастными и лишены желчности или фанатизма. ... Автор «Та'рих-и-Банакати» происходил из Трансоксианы и, как придворный поэт Газан-хана (701/1301–2), был, несомненно, знаком с монгольским двором и со многими иностранцами из отдаленных земель, которые часто его посещали. Его информация о евреях,

христианах, индийцах, китайцах и монголах, хотя широко и прямо заимствована, часто теми же словами, со страниц Рашиду'д-Дина, тем не менее, несомненно, дополнена той, которую автор узнал устно от представителей рассматриваемых народов. Ни в одной персидской истории домонгольского периода и в немногих после него мы не находим так много ссылок на места, народы, исторические события за пределами понимания большинства мусульманских писателей; места, подобные Португалии, Польше, Богемии, Англии, Шотландии, Ирландии, Каталонии, Ломбардии, Парижу и Кельну; на людей, подобных римским императорам от Ромула и далее; пап от Святого Петра до папы, современного автору, о котором сказано, что он является двести вторым в наследовании; о событиях, подобных различным церковным соборам, о принятии Британией христианства во время папы Элетериуса, о несторианской ереси и тому подобное. В качестве образца одного из самых интересных отрывков достоин внимания рассказ о печатании с помощью деревянных печатных форм в Китае...» (Перевод автора по: Brown, 1951, p.100. – А.А.).

Надо отметить, что известный современный иранский историк Аббас Экбал был высокого мнения об этом историке. Он считал, что в этой книге, кроме тех сведений, которые автор извлек из «Джами ат-таварих», он собрал у ильхана Газана и других приближенных его величества дополнительные сведения, поэтому книга при небольшом объеме является одной из наиболее значительных «историй» монгольского периода³.

В 1969 г. в Тегеране доктор Джа'фар Ша'ар опубликовал «Тарих-и Банакати» на основе трех доступных ему рукописей. В предисловии к изданию он уделил место определению важности «Тарих-и Банакати». При составлении своей книги, указал он, Банакати использовал несколько исторических книг, особенно «Джами ат-таварих» Рашиди ... Однако, очевидно, что и пересказ содержания «Тарих-и Джахангушай» Джувейни принял опосредованную форму через «Джами ат-таварих». По мнению Ша'ара, преимуществом книги является легкость стиля. Читатель не сталкивается с неясными, путанными и сложными выражениями и словами, более того, в различных фаслах имеются проблемы, данные в особом порядке, исторические события записаны с указанием месяца, года, иногда

عباس اقبات تاريخ از حمله چنگيز تا تشكيل دولت تيموری 1346 موسسه انتشارات امير کبير تهران
С. 520.

дня, то есть, выражаясь современно, дана хронология. Однако автор при описании исторических событий в некоторых случаях, подобно другим историческим книгам, не пренебрегал изложением легенд и дастанов, а также нравоучений и мудростей, изредка он также рассказывает сказки». Еще одно преимущество этой книги Ша'ар видел в литературном стиле, который не содержит красноречивых украшений, читателя не одолевает скука. «Предложения коротки, прочны и естественны, свободны от сложности и напыщенности выражений. С этой стороны данную книгу можно считать одним из старых и подлинных персидских текстов, который до некоторой степени сам является показателем прозаического стиля 6 в.х., имеет новый обильный словарь...» (Джа'фар Ша'ар, с. 15).

В целом рукописи рассматриваемого сочинения, имеющиеся в ряде европейских хранилищ, в России и в восточных странах, достаточно редки. Хорошая рукопись (список XVI в.), например, имеется в коллекции Института востоковедения Узбекистана (Ташкент). Известны также рукописи из личной библиотеки Муджтаба Минови (Тегеран, самая старая), рукопись, принадлежащая Национальной парижской библиотеке под номером S:p 210 «Блоше 259», рукопись, принадлежащая Бодлеянской библиотеке (Оксфорд) и некоторые другие, менее важные. Замечательно, что прекрасно иллюминированная среднеазиатская рукопись «Тарих-и Банакати» под шифром Ф-39 содержится в коллекции Восточного сектора Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета, она переписана в 1272/1856 г. в Бухаре Мухаммадом Юсуфом Мир Ахур бин Мирзой. В разное время указанная рукопись очень кратко была упомянута в известных трудах Стори (Стори, 1972, ч. 1, с. 324) и Брегеля (Брегель, 1972, с. 370). До сих пор подробного ее описания проведено не было. Текст написан уверенным крупным каллиграфическим насталиком. Бумага восточная, средней плотности, типа пергамента, лощеная, кремового цвета, без водяных знаков. Количество листов: 220. Лакуна: л. 211об. Прослеживается небрежная пагинация простым карандашом. Восточная пагинация сбита на л. 32, отмечена далеко не на всех листах, поэтому проследить ее затруднительно. Изредка встречаются кустоды. Размеры страницы: 31,5×22,5 см. Размеры текста: 24,5×13 см; он имеется на лл. 7–215. Поля: левое – 6,5 см, правое – 2,5 см, верхнее – 3 см, нижнее – 3 см. Текст написан черной тушью, подзаголовки и отдельные слова – слегка выцветшей киноварью. По 19 строк на странице. Переплет из

очень толстого картона, обтянутого толстой шершавой кожей зеленого цвета типа «саур». На крышки наклеена блестящая бумага темно-коричневого цвета, на которую, в свою очередь, по центральной продольной оси наклеены три аппликации – крупный медальон и две небольшие пальметты-подвески в зеркальном отражении с тисненым орнаментом, фисташкового цвета. По бордюру в виде аппликаций наклеены узорные тисненные украшения, утратившие былую позолоту. Внутри поле заключено в тройную белую рамку и заполнено двойными полосами по диагонали. На верхней и нижней пальметтах лицевой стороны крышек легенда: عمل مير محمد صحاف. Внутренние стороны крышек обклеены бумагой грязно-розового цвета. Внутреннее поле (26×16 см) здесь расчерчено двойными диагональными полосами желтого цвета и заключено в тройную рамку белого цвета. По периметру этого поля наклеены аппликации с тисненым цветочным орнаментом болотного цвета с утраченной былой позолотой. Размеры переплета: 31,5×23 см. Ширина корешка: 3 см. Особо стоит отметить замечательную полихромную иллюминированность – на л. 7об. имеется красочный, грубовато выполненный унван, представляющий собой трехслойный орнаментальный узор, выполненный золотой, синей, бирюзовой и красной красками. На лл. 7об.–8 поля между внутренней и внешней рамками (между которыми 4 см), обрамляющими текст, украшены пышным растительным узором золотой и синей краской. Текст рукописи заключен в тройную сине-золотую рамку. Внешняя рамка по бордюру разворота листов выполнена киноварью. Колофон также украшен полихромным цветочным орнаментом в сине-красно-золотых тонах. На развороте лл. 139об.–140 имеется грубо выполненная карта-схема различных городов Ближнего Востока, Средней Азии и Поволжья (с юга на север, включая народы «сакалиба, болгар»). Карта заключена в двойную золотую рамку. Корешок с одного края отстает от рукописи; края лл. 53, 142 и 220 оторваны. Левое поле л. 184 испачкано серой краской. В рукописи имеются печати Центральной Восточной Библиотеки Музея ТССР (лл. 7, 11), а также муллы Салах ад-Дина б. Исхака ал-Казани (лл. 7, 95об., 214об.). На л. 7, скорее всего, рукой владельца дана расшифровка легенды (Салах ад-Дин ибн Мавлави Исхак)⁴ и порядковый номер – 31.

⁴ Рукописи с его личной печатью многочисленны. Правда, о нем самом известно не так много. Он был ученым-богословом, имам-хатибом и мударри-

В целом можно говорить о безусловной важности, большом фактологическом и историографическом значении сочинения Банакати для изучения всемирной истории. Прекрасная рукопись, содержащаяся в библиотеке Казанского университета, несомненно, достойна своего дальнейшего тщательного исследования, ввода в научный оборот и использования специалистами.

2. В коллекции библиотеки под шифром Ф–40 имеется также неполный список (дефектный в конце) сочинения **‘Абд Аллаха Хатифи Хабушани Джамии** *تیمور نامه مولانا هاتفی* («Книга о Тимуре мавланы Хатифи»). Об авторе известно, что он был сыном сестры ‘Абд ар-Рахмана Джамии. Родился в Харджирде, умер в мухарраме 927/январе 1520 г. Шах Исмаил, возвращаясь из похода на Хорасан в 917/1511–12 г., посетил его и попросил написать поэму о своих завоеваниях. Хатифи успел написать лишь 1000 стихов этого маснави и умер в том же году. Его перу принадлежат несколько поэм и стихотворений. Данная поэма повествует о походах и подвигах Тимура, написана в подражание «Искандар-нама» Низами в размере мутакариб и посвящена султану Хусайну Байкара (843–912/1439–40 – 1506–07). Иногда это сочинение называют «Зафар-нама» или «Зафар-нама-йи Хатифи». Переписчик нашего списка неизвестен. Рукопись датируется XVIII в., написана мелким изящным насталиком. Бумага плотная, грязно-желтого цвета, на просвет без водяных знаков. Лл. 1–5 и 161–163, вклеенные позднее, – лощеные, белого цвета (типа пергамента). Количество листов: 163. Лакуны наблюдаются на лл. 1–4, 161–163. Пагинация сделана простым карандашом. Имеются кустоды. Размеры страницы: 21×14 см. Размеры текста:

сом второй махалли Казани, преподавателем казанского медресе «Каримия» («Апанаевское») при 2-й соборной мечети. Очевидно, что Салах ад-Дин б. Исхак имел страсть к коллекционированию рукописных книг, известен, как «знарок шариата и восточных языков, имевший дома богатую библиотеку духовной литературы, стал главным наставником Галимджана Баруди. Под руководством этого мударриса юный шакирд изучил основы веры, сделал первые шаги в постижении арабской, тюркской и персидской литературы». Умер Салах ад-Дин б. Исхак в 1875 г. Установлено, что он имел коллекцию из 667 сочинений в 743 томах на арабском и персидском языках, которую продал Г.Баруди. Последний, получив в собственность коллекцию своего учителя, еще до 1917 г. вместе со своим собранием подарил ее библиотеке медресе «Мухаммадия», а оттуда она поступила в библиотеку университета вместе с сочинением Банакати (см.: Салихов, 1995, с. 255).

14,5×8,5 см; он имеется на лл. 5–160, написан в два столбца черной и красной тушью, заключен в тройную красно-сине-золотую рамку. Размеры столбцов: 13,5×4 см, расстояние между ними: 0,5 см. Внутри столбцы отделены друг от друга рамкой золотого цвета. Поля: левое – 4 см, правое – 2 см, верхнее – 4 см, нижнее – 3,5 см. Подзаголовки к главам читаются с трудом, написаны очень выцветшими синими чернилами. Эти же подзаголовки продублированы вертикально киноварью другой рукой очень крупным насталиком вдоль внешней стороны рамки. На лл. 104об.–105 в тексте имеется крупная чернильная клякса черного цвета, однако текст восстановлен киноварью на полях крупным насталиком. Встречаются редкие глоссы. По 14 строк на странице. Переплет из толстого картона, обтянутого кожей малинового цвета. Два блока тетрадей в середине рукописи разъединены и в двух местах скрепляются между собой нитками. На крышке наклеена блестящая бумага темноболотного цвета. В центре по продольной оси – крупный медальон, заполненный изящным тисненым цветочным узором и две небольшие пальметты-подвески в зеркальном отражении с легендой: *برکنار خاشرم دل مهر سيد مارفی* (?). По периметру крышек тянутся рамки из ряда тисненых точек. Внутренние стороны крышек довольно грубо обклеены плотной бумагой серого цвета. Размеры переплета: 21,5×14,5 см. Ширина корешка: 3 см. Рукопись подвергалась реставрации – имеются подклейки. Части листов с началом и концом списка аккуратно наклеены на другую бумагу. Много водянистых потеков. Имеются печати Центральной Восточной Библиотеки Музея ТССР (л. 5), в поле которой ярко-голубыми чернилами вписана цифра «۲۴۹»; муллы Исхака: *۳۶ نومر مولوی صلاح الدین ابن مولوی السحاق* (лл. 5, 75об., 160); черная овальная с легендой: *۱۲۷۵ خاک تاج... حیم سعید کوتای رسول محمد* (л.5); черная овальная с легендой: *محمد سعید بن سعید الله* (л.5). На левом поле л. 6 имеются оттиски двух черных овальных печатей на две трети заклеенных бумагой. В нижней части л. 14 – две очень маленькие овальные печати черного цвета, легенда на которых не читается из-за неполноты оттиска. В нижней части л. 160 – два очень дефектных оттиска овальных печатей черного цвета, легенда которых не читается. В верхней части л. 1 мелкая надпись черными чернилами: *تیمور نامه هاتفی*. Под ней тем же почерком запись в шесть строчек, сильно затертая пальцем. Ниже – маленький библиотечный штамп с

легендой: «Проверено 1954» и записью: «№ 40 ф». Список упоминается в трудах Стори (Стори, ч. 2, с. 810) и Брегеля (Брегель, с. 372).

В так называемом «Фонде Готвальда» имеется еще один полный иллюминированный список данного сочинения в хорошем состоянии под шифром «№ 23 Готв.р», датируемый 1589 г.

3. Необходимо назвать также неполный список (шифр: Ф-338) **تاریخ گزیده** («Избранной истории») выдающегося историка и географа XIII–XIV в. **Хамд Аллаха б. Абу Бакра б. Ахмада б. Насра Мустауфи Казвини** (р.680/1281–82 и ум. 750/1349–50 г.), к карьере которого как чиновника и историка приложил свою руку знаменитый визирь и историк ильханов Рашид ад-Дин.

О Казвини мало что известно, кроме того немногого, что он сам сообщает в своей работе. Он был арабского происхождения и происходил из старого рода мустауфи, представители которого давно обосновались в г. Казвине и занимали должности по управлению финансами. Вероятно, именно брат Зайн ад-Дин Мухаммад ибн Тадж ад-Дин ввел Хамд Аллаха в литературный кружок, которым руководил могущественный визирь. Хамдаллах Казвини был писцом, стал близким другом Рашид ад-Дина и воспользовался его покровительством. Когда последний стал независимым в делах управления, он поручил Казвини (около 711/1311 г.) ведать финансами районов Казвина, Абхара, Зенджана и обоих Тарумов (Таримайна); ему же, видимо, Хамдаллах обязан работой над составлением исторических и историко-географических описаний мусульманского мира. Что касается его дальнейшей жизни, то сведений о ней не сохранилось. Историческим трудом, составившим Хамд Аллаху известность как историку, явилась его компилятивная всеобщая история – «Тарих-и гузида» («Избранная история»), законченная в 730/1329–30 г. для ходжи Гийас ад-Дина Мухаммада, при котором он служил после казни Рашид ад-Дина. «Тарих-и гузида» носит характер краткого руководства по всеобщей истории и основывается главным образом на плане и сведениях II тома «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, а также на некоторых оригинальных документах⁵. Подобно другим историографам своего времени, Хамд Аллах до-

⁵ Как заметил В.В. Бартольд, Хамдаллах Казвини происходил из бюрократической семьи, «во владении которой, по-видимому, сохранялись некоторые документы предшествующих веков» (см.: Бартольд, 1963, с. 355).

полнил свое сочинение сведениями, которые заимствовал из книг других историков.

В Предисловии к своему труду «автор перечислил около двух десятков своих источников: 1) «Сират ан-наби», или Биография Пророка (вероятно, Ибн Хисшамса); 2) «Кисас ал-Анбийя» (вероятно, ат-Талабиса); 3) «Рисала-йи Кушайрийя»; 4) «Тазкират ал-Авлия» (вероятно, Фарид ад-Дина Атгара); 5) «Тадвин» Имам ад-Дина ал-Йафи'и; 6) «Таджараб ал-Умам» (вероятно, Ибн Мискавейха); 7) «Машариб ат-Гаджариб»; 8) «Диван ан-Насаб»; 9) Хроника Мухаммада Джарир ат-Табари; 10) История Хамзы из Исфохана; 11) «Тарих ал-Камил» Ибн ал-Асира; 12) «Зубдат ат-таварих» Джамал ад-Дина Абу-л-Касима Кашани; 13) «Низам ат-Таварих» Кади Насиру'д-Дина ал-Байдави; 14) «Уйюн ат-Таварих» Абу Талиба 'Али ал-Хазина ал-Багдади; 15) «Китаб ал-Ма'ариф» Ибн Кутайба; 16) «Тарих-и Джухангуша» 'Ата Малик-и Джувайни; 17) Персидский перевод Абу Шарафа Джарбадакани «Китаб ал-Йамини» ал-'Утби; 18) «Сийасат-нама» (здесь названная «Сийар ал-Мулук») Низам ал-Мулка; 19) «Шах-нама» Фирдоуси; 20) «Салджук-нама» Захири Нишапури; 21) «Маджма'у Арбаби'л-Маслак» Кади Рукн ад-Дина Джувайни; 22) «Истизхар ал-Ахбар» Кади Ахмада Дамгани; и, наконец, 23) «Джами ат-Таварих» покойного замученного господина и хозяина автора – Рашиду'д-Дина Фадлу'ллаха» (Brown, 1951, p. 88).

Работа Хамд Аллаха Казвини состоит из предисловия, введения («фатиха» – о сотворении мира) и шести больших глав («баб»), каждая из которых разделяется на отделы, обозначаемые словом «фасл». Некоторые отделы делятся еще на параграфы. Книга имеет заключение («хатима»). В четвертой главе говорится о династиях мусульманского периода, начиная с Саманидов до монголов. Впоследствии автор продолжил изложение до 742/1341–42 г., а его сын Зайн ад-Дин (биография его совершенно неизвестна) в отдельном добавлении описал события в Иране за 742–794/1341–42 – 1391–92 гг., завершившиеся завоеванием Тимура. Автор описывает эти события как очевидец. Данными этого продолжения пользовались многие последующие компиляторы, прежде всего, продолжатель Рашид ад-Дина Абд-ар-Раззак Самарканди и Мирхонд (последние два, вероятно, через посредство Хафиз-и Аbru) (Сборник материалов, 1941, с. 91).

Как отметил В.В. Бартольд, это сочинение Казвини в 1873 г. было напечатано Мельгуновым, но не вышло в свет. Оно «ныне опубликовано в факсимиле со старинной (XV в.), но не очень исправной рукописи проф. Э.Г. Броуном в «Gibb Memorial» Series (XIV), с сокращенным переводом и указателями» (Бартольд, 1963, с. 98). Сэр Эллиот писал об этом авторе и его сочинении следующее: «Этот труд был составлен в 730 (1329) г. Хамдуллахом бин Абу Бакром бин Хамд бин Насром Мустауфи Казвини; и был посвящен министру Гийас ад-Дину, сыну Рашида..., автор у них у обоих служил секретарем. Его труд занимает место среди наилучших историй Востока. Рейно использовал его для своей «Mem.sur l'Inde». Хаммер-Пургшталль называет его в разных местах своих работ самой лучшей, наиболее достоверной и самой прекрасной из всех историй, которые были составлены в этот период. Он отмечает, что она содержит много материала, которого нет в других источниках, и соглашается с похвалой, которую ей воздал Хаджи Халифа в отношении того, что ее утверждения заслуживают безусловного доверия. Жаль, поэтому, что труд составлен в такой краткой форме и более полезен для дат, чем для фактических подробностей. Авторы всеобщей истории часто цитируют его под названием «Тарих Гозиди».... Автор утверждает, что он взялся написать в стихах всеобщую историю со времени Мухаммада и уже написал 5 или 6 тысяч строк и надеется дополнить их до 75000; однако, желая также написать труд в прозе, с той целью, чтобы как можно скорее иметь удовольствие представить его своему великолепному патрону Гийас ад-Дину, восхваления которого занимают две страницы, он составил этот труд под названием «Тарих-и гузида», «Избранная история», составив его из 24 различных сочинений, названия которых он дает...» (Sir H.M. Elliot, K.C.B., 1869, p.60–61). В 1910 г. факсимильный текст «Тарих-и гузида» был издан в Лондоне со вступлением Э.Г. Брауна⁶. Как он заметил, здесь была воспроизведена довольно точная и древняя рукопись, переписанная в 857/1453 г.⁷ До 1910 г. для исследователей были доступны только немногие опубликованные части этого труда. Известный английский

⁶ The Ta'rikh-i-guzida or «Select History» of Hamdu'llah Mustawfi-i-Qazvini. Composed in A.H. 730 (A.D. 1330) and now reproduced in fac-simile from a manuscript dated A.H. 857 (A.D. 1453) with an introduction by E.G.Brown. Vol.1. Containing the text. – Leiden, 1910.

⁷ Ibid. – P.88.

востоковед в предисловии к этому изданию констатировал меньшую ценность этого сочинения по сравнению с трудами Джувейни, Рашид ад-Дина и Вассафа, хотя оно и было составлено только двумя годами позднее «Тарих-и Вассаф». В 1913 г. вышел второй том, содержащий сокращенный английский перевод и указатели⁸. Как писал Браун, «...вся работа теперь доступна ученым, которые могут составить свое собственное мнение о ее ценности» (Brown, 1951, p. 88).

В 1913 г. отмеченный выше Мирза Абдулла Гаффаров в своей работе «Из области персидской историографии» монгольского периода заметил, что и после опалы и смерти Рашид ад-Дина его труд был основным источником для последующих авторов, как, например, для Хамдаллаха Казвини. Его «Тарих-и гузиде» он считал полезной «сообщениями не только о новейших событиях, современных автору; она и в компилятивных частях, напр., о саманидах, о Махмуде газневидском, о сельджуках и ассасинах, дает ценные сведения, – правда, черпаемая Хамдаллахом обыкновенно не из первоисточников, а чаще всего из «Свода летописей» Решидеддина. Как бы то ни было, пока не издан полный свод везиря Решидеддина, мы из «Тарих-и Гозиде» можем извлекать сообщения старых авторов, среди которых иные не изданы до сих пор, иные, по-видимому, затеряны, – тем более что иногда у Хемдаллаха есть и отличия от Решидеддина» (Гаффаров, с. 40).

В 1941 г. Составители II тома «Сборника материалов по истории Золотой Орды» А.А. Ромаскевич и С.Л. Волин, безусловно, не могли обойти вниманием этот важнейший источник. Они справедливо считали, что рукопись, положенная в основу факсимильного издания Э.Г. Брауна 1910–1913 гг., несмотря на ее старость, изобиловала лакунами и ошибками. Поэтому в своем издании 1941 г. текст переведенных отрывков они дали по рукописи

⁸ The Ta'rikh-h-guzida or «Select History» of Hamdullah Mustawfi-i-Qazwini, compiled in A.H. 730 (A.D.1330) and now abridged in English from a manuscript dated A.H.857 (A.D.1453) by Edward G.Brown, with indices of the fac-simile Text by R.A.Nicholson. – Part II, containing the abridged translation and indices. – London, 1913. 237+286 p.

Ленинградского государственного университета № 153 (переписана в 813/1410–11 г.⁹) и по рукописи ИВ АН С 501 (ранее 578а¹⁰).

В 1960 г. ‘Абд ал-Хусейн Нава’и издал в Тегеране текст «Тарих-и гузида» по шести рукописям, включая рукопись, которую использовал Эдвард Браун. В обширном предисловии к этому изданию иранский ученый дает подробности биографии Казвини и его семьи, характеризует сочинения персидского средневекового историка, обстоятельно своей собственной работы над текстом, описывает использованные им рукописи. Таким образом, поиск списков и изучение данного источника имеют свою богатую историю.

⁹ А.Т. Тагирджанов считал этот список самым ранним из всех известных списков, который включает три части: 1. Тарих-и гузида (описание событий с древнейших времен до конца первой трети XIV в., то есть до 1330 г.); 2. Дополнение к Тарих-и гузида (события 1335–1344 г.); 3. Зайл-и Тарих-и гузида (1342–1392 г.) (см.: Тагирджанов, 1962, с.32; Хамдаллах Мустауфи Казвини, 1986, с.81).

¹⁰ Н.Д. Миклухо-Маклай, однако, как о более ранней и лучшей говорит о рукописи под шифром С 503 (578b): «...Список «Тарих-и гузида» (С 503, старый шифр 578 b; колл. А.Л. Куна, 1890 г., №81; 572 лл), датированный 11 зу-лка’да 847/2 марта 1444 г., является одним из наиболее старых известных экземпляров этого произведения; он украшен унваном гератской школы, прекрасно оформлен и по всей вероятности, переписан в Хорасане. Второй список (С 501, старый шифр 578а; колл. Р.Френа, 1842 г.; 217 лл) содержит чрезвычайно редко встречающееся в рукописях «Та’рих-и гузида» особое добавление к названному труду, сделанное сыном Хамдаллаха Мустауфи Казвини Зайн ад-Дином [это добавление в данном списке было отмечено еще А.А. Ромаскевичем (МИГТ, 1, с. 54)]; в этом добавлении Зайн ад-Дин изложил события с 742 по 794 г.х. (лл.197б – 217б), то есть с 1341–1342 по 1391–1392 г.н.э. Список датирован 21 раби’ I 1024/21 апреля 1615 г.» (см.: Миклухо-Маклай, 1958, с.237–238). В другой своей работе по поводу рукописи С 503 тот же автор заметил некоторые расхождения между нею и изданной рукописью Брауна. «Как видно из содержания списка, – пишет Н.Д. Миклухо-Маклай, – VI глава в нем содержит один отдел («Предания, относящиеся к городу Казвину»), опущенный в рукописи, изданной Брауном. Кроме того, 3-й отдел («Важнейшие постройки, находящиеся в Казвине») той же VI главы в списке примерно вдвое больше этого же отдела в издании (лл.240а–241а, ср. издание, стр.830–832); наконец, есть некоторые расхождения, иногда довольно существенные, между текстом V главы, в частности текстом отдела этой главы, посвященного поэтам, и текстом того же отдела в издании (лл.225б–234а, ср. издание, стр.812–829)...» (см.: Миклухо-Маклай, 1975, с.60–61).

В коллекции Казанского федерального университета также имеется список рассматриваемого сочинения, о котором, несмотря на указания Стори и Брегеля, известно не очень много.

В нашем списке отсутствует фатиха и начало баб I, обрывается в середине фасла 6 баб VI. Переписка датируется, по всей вероятности, XVIII в. Текст переписан неизвестным переписчиком слегка небрежным убористым насталиком среднего размера, с л.14об. – более крупным. С л. 19 наблюдается другая рука – крупный насталик с элементами полушекасте, лл. 208–214, 272–287об. – очень четкий убористый насх среднего размера, лл. 224об.–247об. – очень мелкий аккуратный насталик. В правом левом углу того же листа – очень мелкая надпись черными чернилами: ...تواریخ کزیده است. Бумага средней плотности, слабо лошенная, на просвет без водяных знаков. Количество листов: 296. После л. 47 следует л. 83. Пагинация черными чернилами сделана переписчиком (начинается с л.12). Текст написан черными чернилами, подзаголовки – киноварью. Количество строк на странице: 19, 24. Размеры страницы: 22×13,5 см. Размеры текста: 17×9,5 см. Поля: левое – 1,5 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2–2,5 см. Встречаются редкие глоссы. Переплет из толстого картона, обтянутого плотной хлопчатобумажной тканью темно-синего цвета в очень мелкую поперечную полоску. На верхней части верхней крышки наклеен квадратный кусочек белой бумаги с надписью черными чернилами: رقم ۲۰۳ تاریخ فارسی عمومی. Здесь же красным карандашом написана цифра «2456». С внутренней стороны крышек ткань со всех сторон стянута множеством скрепляющих толстых ниток синего цвета. Ширина корешка: 4,5 см. Рукопись ветхая, тетради блоком отходят от верхней крышки и корешка. Многие листы разрознены и сильно поедены книжным жучком, дырка на л.31. Рукопись реставрировалась – имеются множественные подклейки. В верхней части л. 1, отдельного от списка, надпись простым карандашом: «Хамдаллах Казвини (перечеркнуто) حمد الله قزوینی تاریخ کزیده». В середине листа – маленький прямоугольный штамп фиолетового цвета с легендой: «Проверено 1954», под ним – «338 ф». Еще ниже – в правом нижнем углу – большой штамп фиолетового цвета с легендой «Научная библиотека Т.И.-И.Э.И. № 2456» (дубль на л. 296об.). В нижней части л. 225 – стоящая вертикально маленькая овальная печать черного цвета с

легендой: *خاک لفانی محمد رفیع*. Список упоминается в трудах Стори (Стори, 1972, Ч. I, [245] с. 331) и Брегеля (Брегель, 1972, [2] с. 370).

Источники и литература

1. *Blochet E.* Catalogue des manuscrits persans par E. Blochet. Vol. 1–4. – Paris, 1905–1934.
2. *Brown E.G.* A Literary History of Persia. Vol. III. – The Tartar Dominion (1265–1502). – Cambridge, 1951. 640 p.
3. *Sir H.M. Elliot, K.C.B.* The History of India as told by its own historians. The Muhammadan Period. – London, 1869. Vol. II. 579 p.
4. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Подготовил к изд. И.П. Петрушевский. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1963. 759,[1]с.
5. *Брегель Ю.Э.* Восточные рукописи в Казани // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования, 1969. – М.: Наука, 1972. С.356–373.
6. *Гаффаров М.А.* Из области персидской историографии монгольского периода // Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Имп. Моск. Археологического об-ва. Т. 4. – М., 1913. С.1–70.
7. *Джа'фар Ша'ар.* Тарих-и Банакати: The Society of National Monuments of Iran № 66. Tarikh-e Banakati. A General History from the Earliest Times to the 14th Century, A.D. by Fakhr al-din Banakati. Ed. by Dr. Ja'far Shear. – Tehran, 1969.
8. *Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ).* Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
9. *Миклухо-Маклай Н.Д.* Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения АН СССР // Ученые записки института востоковедения. Т. XVI. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С.237–238.
10. *Миклухо-Маклай Н.Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып.3. Исторические сочинения. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1975. 444 с.
11. *Салихов Р.Р.* Галимзян Баруди // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1995. С. 252–269.
12. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.* Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
13. *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях / Перевел с англ., переработал и дополнил Ю.Э. Брегель. Часть II. История Ирана, Курдистана, Средней Азии, Афганистана, Тур-

ции, Кавказа, арабских стран, Европы и Америки, Китая и Японии / Отв. ред. Ю.Е. Борщевский. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. 1247 с. и сл.

14. *Тагирджанов А.Т.* Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т.1. История, биографии, география. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 513 с.

15. *Хамдаллах Мустауфи Казвини.* Зайл-и тарих-и гузида (дополнение к «Избранной истории» / Вступ. ст., пер. с перс., прим. и указатели М.Д. Кязимова и В.З. Пириева. – Баку: Элм, 1986. 146,[2] с.

А.А. Арсланова

Казан (Идел буе) федераль университеты Н.И. Лобачевский ис. фәнни китапханәсенәң кулъязмалар жыелмасында монгол чоры тарихы буенча фарсы телле әсәрләр

Әлеге мәкаләнең объекты булып Казан (Идел буе) федераль университеты Н.И. Лобачевский ис. фәнни китапханәсенәң Көнчыгыш секторы фондында сакланучы монгол чоры тарихы буенча фарсы телендәге кулъязма китаплар тора. Алар гарәп телендәге кулъязмалар жыелмасында лаеклы урын били, ләкин күптән түгел генә махсус өйрәнүгә һәм гомуми каталогка кертүгә юлыга.

Ачыкч сүзләр: фарсы телле кулъязмалар, Казан (Идел буе) федераль университеты Н.И. Лобачевский ис. фәнни китапханәсенәң кулъязмалар жыелмасы, монгол чоры тарихы.

А.А. Arslanova

Persian copies on the history of the Mongol period in the Manuscripts' Collection of the Scientific library after N.I. Lobachevsky of Kazan (Volga region) Federal University

The object of this topic are Persian manuscripts on the history of the Mongol period, which are stored in the Collection of the Eastern Sector of the Scientific Library after N.I. Lobachevsky of Kazan (Volga region) Federal University. They have a worthy place in the Fund but so far, have not been yet subject of the special study and cataloging.

Keywords: Persian manuscripts, manuscript collection of the Scientific Library by the name of N.I. Lobachevsky of Kazan (Volga region) Federal University, history of the Mongol period.

Арсланова Алсу Айратовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ; старший библиограф Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки К(П)ФУ; заведующая Центром иранистики при Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: alsuarslanova044@mail.ru

Арсланова Алсу Айрат кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре; Казан (Идел буе) федераль университеты Н.И. Лобачевский ис. фәнни китапханәсенә кулъязмалар һәм сирәк китаплар бүлегә өлкән библиографы; Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты каршындагы Иранны өйрәнү үзәгә мөдире (Казан шәһәре).

Arslanova Alsu Ayratovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh. Marjani Institute of History of AS RT; Senior bibliographer of the Department of rare books and manuscripts of Kazan (Volga region) Federal University; Head of the Center of Iranian Studies (Kazan).

Социальная структура татар в городах Уфимской губернии (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.)

Источниковой базой исследования послужили материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Представлены численность и общая характеристика сословного состава татарского населения по городам Уфимской губернии. Распределение городских татар по группам занятий позволило определить их основные источники дохода.

Ключевые слова: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., Уфимская губерния, города, татары, модернизация.

В результате либеральных реформ 1860–1870-х гг. Россия, вслед за другими европейскими странами, вступила на путь модернизационного развития, тесно связанный с процессами создания индустриального общества и урбанизации. Реформы привели к существенным изменениям во всех регионах страны. Городская среда стала тем пространством, где наиболее отчетливо проявлялись новые явления в социально-экономической сфере. В образ жизни горожан вовлекались новые лица, воспринимавшие машинную индустрию, железнодорожную магистраль и пароходы, почту и телеграф, телефон как неотъемлемую часть повседневной жизни.

Расширение границ империи являлось одним из составляющих российской модернизации XIX в. Волго-Уральский регион превратился из пограничного во «внутреннюю окраину», затем, – во внутреннюю Россию. Были изменены административные границы. Так, в 1865 г. образовалась Уфимская губерния путем деления Оренбургской губернии на две самостоятельные – Уфимскую и Оренбургскую. В административном отношении губерния делилась на 6 уездов: Уфимский, Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский и Стерлитимакский.

Экономический базис города – центра модернизации, как известно, предопределило строительство железнодорожных линий. С запада на восток Урал пересекла Самаро-Златоустовская железная дорога, вступившая в эксплуатацию в 1892 г. Магистраль Сызрань – Самара – Уфа – Златоуст – Челябинск протяжением 1140 км создала «коридор» в сибирском направлении. Еще в феврале 1891 г. вышел

Указ о строительстве «сплошной через всю Сибирь железной дороги» от Челябинска до Владивостока (История железнодорожного транспорта, 1994, с. 101, 150, 185–186, 318).

Для понимания социального облика региона к началу XX в. большое значение имели демографические процессы. В крае рост как сельского, так и городского населения происходил быстрее, чем в стране в целом, что в значительной степени объясняется притоком пришлого крестьянского населения. Несмотря на то, что городское население края росло более быстрыми темпами, чем сельское, его удельный вес по-прежнему оставался крайне низким. Если к 1897 г. в Европейской России городское население достигло 12,8% всего населения, то в Уфимской губернии оно составляло 4,9% всего населения губернии (История Башкортостана, 2004, с. 381, 426). Этнический состав населения отличался многообразием: башкиры составляли 40,98%, русские – 37,97%, татары – 8,41%, другие народности – 12,64%. Другой особенностью была многочисленность в губернии представителей мусульман (49,88%).

Урбанизационные процессы стали одним из важных факторов интеграции мусульманского населения в российское социокультурное пространство. История развития татарских городских общин, задававших тон в социально-экономической и общественной жизни мусульманского сообщества Волго-Уралья, отражает историческую ситуацию, в которой функционировал данный социум. В работе используются данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г., позволяющие реконструировать социальный облик городов Уфимской губернии по таким важным показателям, как численность, вероисповедание, сословный, этнический состав и общественное разделение труда татарского населения (Первая всеобщая, т. 45, 1904)¹. Изучение социально-профессионального состава по материалам переписи 1897 г. позволяет выделить определенные закономерности и особенности развития капитализма в условиях многонационального региона России.

В современных исследованиях отмечается большая информативность опубликованных материалов переписи, которые практически не вызывают у историков каких-либо серьезных претензий в плане их достоверности. Сегодня переписной материал – это наиболее репрезентативный официальный источник, содержащий сведе-

¹ При подсчете учитывались только те лица, указавшие татарский язык своим родным языком.

ния о состоянии российского общества на рубеже XIX и XX вв. (Загидуллин, 2000, с. 9–10; Кошман, 2008, с. 36).

К настоящему времени накоплен определенный опыт изучения расселения и динамики демографических процессов у татар в рамках Волго-Уральского региона в XVIII–XIX вв. (Исхаков, 1993 и др.). На основе материалов переписи 1897 г. анализируются вопросы численности и расселения, социальной структуры, занятости и грамотности татарского населения в статье немецкого исследователя К.Ноака (Ноак, 1998). Эта тема нашла отражение и в коллективной монографии «История татар» (История татар, 2013).

При обработке материалов переписи 1897 г. к городам были отнесены официально признанные таковыми населенные пункты. В предисловии редактора отмечено, что в России под городами «разумеются такие поселения, которым, кроме наименования города, законом присвоено и особое административное устройство и управление» (Города и поселения, 1905, с. 1). Примечательно, что доля горожан составляла 13% от общей численности населения Российской империи. При подсчете были учтены также города, насчитывавшие менее 2 тыс. жителей. По итогам переписи 1897 г. наибольшее количество российских городов имели от 5 до 10 тыс. жителей, хотя основная масса городского населения проживала в городах свыше 50 тыс. жителей. В начале XX в. городами-селами именовались поселения с населением менее 5 тыс. человек, малыми – от 5 до 20 тыс. человек, средними – от 20 до 100 тыс. человек, большими – более 100 тыс. человек (Россия, 2002, с. 115). Таким образом, число жителей являлось важным, однако, неосновным типологическим признаком городских поселений в Российской империи.

Прежде чем перейти к обзору материалов о составе городского населения губернии в 1897 г., отметим, что в переписи, как известно, национальная принадлежность респондентов определялась через показатель родного языка. Знаменательно, что в анкетах переписи наряду с татарским, туркменским, турецким языками значились также «мещеряцкое» и «тептярское» местные наречия. Переписчики, как отмечают современные исследователи, определяя национальность, часто были вынуждены действовать на свое усмотрение (Ноак, 1998, с. 148; Загидуллин, 2014, с. 20). Диалектное разнообразие было вызвано реалиями той эпохи (наслоение на национальное самосознание ряда групп мусульманского населения в

Приуралье бывшего их сословного наименования, которое продолжало играть определенную роль в их социальной жизни и поведении, несмотря на приписку их в крестьяне) (Загидуллин, 2014, с. 20). По мнению К.Ноака, особенно проблематичным было подразделение народов на субгруппы, на татар и башкир (Ноак, 1998, с. 148). И.К. Загидуллин пишет, что в материалах переписи под «башкирами» следует подразумевать полиэтничную социальную группу населения (Загидуллин, 2014, с. 22). Между тем, по словам исследователя, термин «башкир» для *городской среды* являлся этническим маркером, который был выражен в переписном листе, содержащем графу «родной язык». Как пишет Д.Горенбург, тептярей и мишарей после 1917 г. постепенно «расписали» по национальностям, официально признанным Советской властью. Тюрко-язычным мусульманам в их составе было предложено стать либо татарами, либо башкирами. Коростелев подсчитал, что примерно 1/3 сделались башкирами, а 2/3 – татарами. Кроме того, в 1920-е гг. в татар «превратились» многие башкиры (Горенбург, 2004, с. 74).

Согласно сведениям 1897 г., в губернском и 5 уездных городах Уфимской губернии расселялось 107303 души обоего пола (4,88% от общей массы населения губернии). Городское население было многонациональным: основную часть населения составляли русские – 84% (90134 чел.); татары – 7,48% (8030 чел.); башкиры – 5,29% (5671 чел.). Свыше 90% татарского населения рассматриваемых городов относилось к мусульманской конфессии, за исключением Мензелинска, где мусульманами являлись 77% татар. Среди татар-горожан мужчины составляли 56,5%, женщины – 43,5%. Рассмотрим численность татар по отдельным городам.

Таблица 1

Удельный вес татарского населения городов Уфимской губернии в 1897 г. (Первая всеобщая, т.45 (табл. XIV)

Города	Все наличное население об.п.	Татарское население об.п.	% татар ко всему населению
Уфа	49275	2524	5,12
Белебей	5835	788	13,50
Бирск	8589	174	2,03
Златоуст	20502	277	1,35
Мензелинск	7552	488	6,46
Стерлитамак	15550	3779	24,30
В городах:	107303	8030	7,48

Как видим из таблицы, удельный вес татар ко всему населению города составлял 7,48%, причем характерным являлось неравномерное расселение татар. Наибольшее количество татар проживало в Стерлитамаке: здесь почти каждый четвертый житель назвал татарский язык своим родным языком. Отметим, что «мещеряцкий язык» назвали родным 0,17% (181 чел.) горожан, «тептярский язык» – 0,36% (381 чел.).

В пореформенный период население городов, как и все население Российской империи, продолжало делиться на сословия, представлявшие собой определенные «социально-правовые группы, каждая из которых отличалась своим юридическим положением, определенными правами и обязанностями в обществе» (Гончаренко, 1994, с. 31). Н.С. Хамитбаева, изучавшая социально-сословный состав в татарских общинах городов Волго-Уральского региона в конце XIX в., отмечает, что в рассматриваемый период сословный статус городских жителей был значительно «размыт», прежде всего – в имущественном плане (Хамитбаева, 2013, с. 65). Перепись 1897 г. выделяла в составе населения городов, как и страны в целом, десять сословных групп: 1) дворян потомственных; 2) дворян личных и чиновников не из дворян; 3) лиц духовного звания христианских исповеданий; 4) потомственных и личных почетных граждан; 5) купцов; 6) мещан; 7) крестьян; 8) войсковых казаков; 9) инородцев; 10) финляндских уроженцев. Кроме того, учитывались лица, не принадлежавшие к этим сословиям, не указавшие своего сословия, и иностранные подданные.

Сословный состав городского населения Уфимской губернии представлен в таблице 2.

Таблица 2

Распределение городского населения Уфимской губернии в 1897 г. по сословиям (Первая всеобщая, т.45 (табл. XXIV)

Сословия	Население об.п.	% к итогу
Дворяне потомственные	2867	2,67
Дворяне личные, чиновники не из дворян	3766	3,51
Лица духовного звания	1534	1,43
Потомственные и личные почетные граждане	795	0,74
Купцы	1234	1,15
Мещане	41395	38,58
Крестьяне	53856	50,19

Войсковые казаки	66	0,06
Инородцы	–	–
Финляндские уроженцы	2	–
Лица, не принадлежащие к этим сословиям	1477	1,38
Лица, не указавшие сословия	130	0,12
Иностранные подданные	181	0,17
Итого:	107303	100

Как показывает таблица, сословный состав отличается высоким процентом крестьян (50,19%) и мещан (38,58%), остальные сословия незначительны в количественном показателе.

Сословный состав татарского городского населения Уфимской губернии представлен в таблице 3.

Таблица 3

Распределение татарского городского населения Уфимской губернии в 1897 г. по сословиям (Первая всеобщая, т.45 (табл. XXIV)

Сословия	Татарское население об.п.	% к итогу
Дворяне потомственные	327	4,07
Дворяне личные, чиновники не из дворян	44	0,55
Лица духовного звания	22	0,27
Потомственные и личные почетные граждане	10	0,13
Купцы	115	1,43
Мещане	4272	53,20
Крестьяне	3128	38,96
Войсковые казаки	9	0,11
Инородцы	–	–
Финляндские уроженцы	–	–
Лица, не принадлежащие к этим сословиям	83	1,03
Лица, не указавшие сословия	11	0,14
Иностранные подданные	9	0,11
Итого:	8030	100

Значительная часть татар-горожан Уфимской губернии к концу XIX столетия относилась к мещанскому сословию (53,2%) (Табл. 3). Необходимо подчеркнуть, что распределение представителей мещанства в изучаемых городах было неравномерно. В Стерлитамаке удельный вес татарских мещан составлял 38,03% (3054 чел.), в Уфе

– 8,98% (721 чел.), в Белебее – 4,99% (401 чел.), в прочих городах – менее 1%. Из данных таблицы явствует, что вторым по численности сословием, проживавшим в Уфе и уездных городах, являлось татарское крестьянство, причем большинство их было сосредоточено в губернском центре (18,61%, 1494 чел.). Третье место в социальной структуре татарского общества занимали потомственные дворяне. Из 473 потомственных дворян татарского происхождения десяти крупных городов Поволжья и Приуралья (Хамитбаева, 2013, с. 66) 206 чел. проживали в Уфе (43,6%). Отметим, что в уездных городах Уфимской губернии насчитывалось потомственных дворян из числа татар: 61 чел. (Стерлитамак), 36 чел. (Белебей), 18 чел. (Бирск), 4 чел. (Мензелинск), 2 чел. (Златоуст).

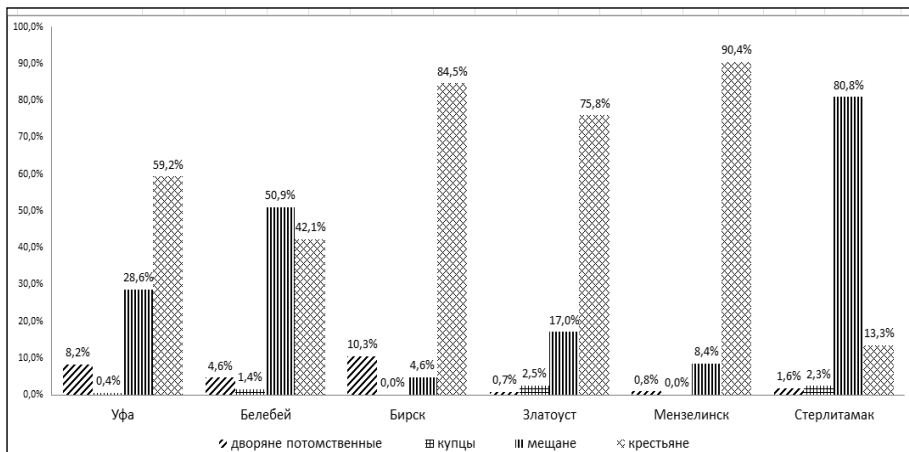
Купцы составляли 1,43% от всего городского татарского населения. Наибольшее количество из них (87) было представлено в Стерлитамаке. Как показывают приведенные данные, остальные категории татарского населения городов Уфимской губернии составляли менее 1%. Немногочисленной, но весьма влиятельной группой горожан являлись представители мусульманского духовенства. Примечательно, что в Уфе проживало наибольшее число лиц духовного звания (16 чел.). Это составляло 43,2% от всего количества татар десяти крупных городов Поволжья и Приуралья, принадлежавших к сословию духовенства. В XIX в. в Уфе имелись две мечети (1830, 1873), к 1917 г. число мусульманских приходов дошло до четырех (Адрес-календарь, 1917, с. 169). Кроме того, в нем располагалось Оренбургское магометанское духовное собрание. В 1889 г. Уфимская губерния занимала первое место по численности прихожан и приходов (Загидуллин, 2014, с. 40–41).

Сравнительно-сопоставительный анализ двух таблиц позволяет сделать следующий вывод: 11,41% потомственных дворян, 10,32% мещан, 9,32% купцов и только 5,81% крестьян были из татар.

Дальнейший анализ статистических сведений позволяет рассмотреть распределение татарского населения по основным сословным группам по отдельным городам (Диагр. 1).

Из диаграммы видно, что крестьяне доминировали в Мензелинске (90,4%), Бирске (84,5%), Златоусте (75,8%) и Уфе (59,2%), а мещане – в Стерлитамаке (80,8%) и Белебее (50,9%).

Диаграмма 1

Крестьян-отходников привлекали города, прежде всего, как рынки рабочей силы. Главным источником пополнения мещанского сословия, представители которого, как и крестьяне относились к «податной», непривилегированной части населения дореволюционной России, также оставалась деревня (Гончаренко, 1994, с. 32, 131, 150–151, Хамитбаева, 2013, с. 66). Сословие мещан представляло собой достаточно неоднородную социальную общность, состоявшую в своем большинстве из мелких городских владельцев недвижимой собственности, преимущественно в виде разного рода построек; низших государственных служащих, мелких предпринимателей, ремесленников и т.д. (Гончаренко, 1994, с. 137).

Значительную роль в промышленном развитии Уфы сыграло, как было подчеркнуто, строительство Самаро-Уфимского участка железной дороги (Самарско-Златоустовская железная дорога). Ведущее место в промышленности Златоуста занимали предприятия металлургии. Преимущественно как торговые города развивались Белебей, Бирск, Мензелинск, Стерлитамак (История Башкортостана, 2004, с. 426–427).

Обратимся к анализу профессиональной стратификации татарского городского населения Уфимской губернии. По сведениям самих разработчиков, «градация населения по занятиям – на самостоятельно занимающихся и на членов семей, не дает полной чис-

ленности лиц, действительно занятых в данном промысле или производстве, вследствие чего данные настоящего труда относящиеся к занятиям населения, – не исчерпывающего характера и скорее указывают лишь на численность группы лиц, получающих средства существования от того или иного профессионального занятия или производства» (Бечаснов, 1904, с. XII).

Диаграмма 2

Приведенная диаграмма дает общее представление о распределении занятий татарского городского населения губернии. Отметим, что диаграмма указывает лишь на процентное соотношение лиц, получавших средства к существованию. Если рассмотреть процентное соотношение по видам занятий самостоятельных членов семей, общее количество которых 3067 человек, представится следующая картина: прислуга и поденщики – 32,01% (981 чел.), торговля – 22,53% (691 чел.), перерабатывающая отрасль – 10,21% (313 чел.), сельское хозяйство – 8,48% (260 чел.), сфера услуг – 6,85% (210 чел.).

Важным источником существования татар-горожан являлась торговля, при этом торговали преимущественно продуктами сельского хозяйства, кожами, мехами, тканями и предметами одежды. В Стерлитамаке доля татар-торговцев была значительно выше и со-

ставила всего 42,63%, в том числе 14,3% – торговля продуктами сельского хозяйства, 6,1% – торговля кожами.

Согласно статистическим материалам, во всех шести городах в системе общественного разделения труда татар был достаточно распространен как вид занятия «служба частная, прислуга, поденщики». На первом месте по численности лиц, относящихся к этой группе, находилась Уфа – 36,3% (915 чел.), затем шли Стерлитамак – 22,6% (853 чел.), Белебей – 26,5% (209 чел.), Мензелинск – 38,7% (189 чел.), Бирск – 50% (87 чел.), Златоуст – 24,9% (69 чел.).

Доля занятых в перерабатывающей отрасли (промышленности, ремесле и кустарном производстве) среди городских татар составляла 9,49% (762 чел.). Одной из важных сфер хозяйственной деятельности уфимских татар был извоз (9,5%, 240 чел.). Помимо Уфы заметное число татар среди извозчиков проживало в Стерлитамаке (4,1%, 156 чел.).

Во всех уездных городах среди собственно сельско-хозяйственного татарского населения выделялась группа татар, занимавшихся земледелием: Стерлитамак (8,6%, 325 чел.), Белебей (7,6%, 60 чел.), Златоуст (17,3%, 48 чел.), Мензелинск (8,4%, 41 чел.), Бирск (6,9%, 12 чел.).

Таким образом, материалы переписи 1897 г. позволили выявить татарские общины городов Уфимской губернии, определить удельный вес городского населения. Самые большие группы татар-мусульман проживали в Стерлитамаке и Уфе. Уфа представляла собою центр татарского дворянства Волго-Уральского региона. В целом данные переписи свидетельствуют, что подавляющее большинство татарского городского населения губернии составляли мещане и крестьяне. Исследование социально-профессиональной структуры татар-горожан показало их активность в сфере торговли. Довольно заметное число татарских городских жителей было представлено в группе «служба частная, прислуга, поденщики». Дальнейшее, более подробное изучение отдельных городов позволит уточнить, конкретизировать сделанные выводы и сравнить с аналогичными показателями у других народов.

Источники и литература

1. *Адрес-календарь Уфимской губернии* и справочная книжка на 1917 год. – Уфа: Уфимский Губернский Статистический Комитет, 1917. 172, 96 с.
2. *Бечаснов П.А.* Краткий обзор цифровых данных по Ярославской губернии // Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. Т. L. Ярославская губерния. 4, XII, 233 с.
3. *Города и поселения* в уездах, имеющие 2000 и более жителей [предисл.: Н.Тройницкий]. – СПб.: Паровая типография Н.Л. Ныркина, 1905. 108 с.
4. *Первая всеобщая* перепись населения Российской Империи, 1897. Т. 45. Уфимская губерния. Тетрадь 2. – СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. 210 с.
5. *Гончаренко Л.Н.* Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века: /Социально-экономическое исследование/. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ин-т им. И.Я. Яковлева, 1994. 192 с.
6. *Горенбург Д.П.* Татары – башкиры – снова татары: изменения этнической идентичности в Башкортостане // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 65–94.
7. *Загидуллин И.К.* Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 223 с.
8. *Загидуллин И.К.* Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.
9. *История Башкортостана* с древнейших времен до наших дней: В 2 т. / под ред. И.Г. Акманова. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. – Уфа: Китап, 2004. 488 с.
10. *История железнодорожного транспорта России.* Т. I: 1836–1917 гг. / под общ. ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. – СПб., 1994, 336 с.
11. *История татар с древнейших времен в семи томах.* Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. / гл. ред. Р.С. Хакимов; науч. ред. И.К. Загидуллин; отв. секр. Р.Р. Исаков. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 1171 с.
12. *Исаков Д.М.* Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.). – Казань: Изд-во «Печатный двор», 1993. 143 л.
13. *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 448 с.
14. *Ноак К.* Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1998. №5. С. 147–158.
15. *Россия в начале XX века* / под общ. ред. академика А.Н. Яковлева. – М.: Новый хронограф, 2002. 744 с.

16. *Хамитбаева Н.С.* Социально-сословный состав и общественное разделение труда в татарских общинах городов Поволжья и Приуралья в конце XIX в. // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 64–73.

А.В. Әхтәмова

**Уфа губернасы шәһәрләрендә татарларның социаль структурасы
(1897 елгы Беренче гомуми халык санын алу
материаллары буенча)**

Тикшерүнең чыганак базасы булып Россия империясендә 1897 елгы Беренче гомуми халык санын алу материаллары тора. Уфа губернасы шәһәрләрендә татарларның санына һәм сословияләренә гомуми характеристика бирелә. Шәһәр татарларын шөгыйльләре буенча төркемнәргә бүлү, аларның төп керем чыганакларын ачыкларга мөмкинлек бирде.

Ачыкч сүзләр: 1897 елгы Беренче гомуми халык санын алу, Уфа губернасы, шәһәрләр, татарлар, модернизациялү.

A.V. Akhtyamova

**Social structure of urban Tatars in Ufa Province
(on materials of the First general population census of 1897)**

Source base of the article is based on materials of the First census of population of the Russian Empire in 1897. Here are presented the number and general characteristic of the class composition of the Tatar population of the cities of Ufa province. Distribution of urban Tatars by groups of occupations allowed to identify their main sources of income.

Keywords: the First national census of population of the Russian Empire in 1897, Ufa Province, cities, the Tatars, the modernization.

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: alsu_was@mail.ru

Әхтәмова Алсу Вазыйх кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа гасыр тарихы бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh. Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

Изучение истории школы Южного Урала конца XVIII – начала 60-х гг. XIX в. дореволюционными исследователями

В статье рассматриваются заслуги дореволюционных исследователей в изучении истории школьного дела на Южном Урале в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в. С середины XIX в. начался процесс выявления, публикации, систематизации исторических источников по истории школы края. Особый вклад в создание источниковой базы исследований внесли члены Оренбургской ученой архивной комиссии. В работе рассмотрены труды, в которых началось научное осмысление различных аспектов истории образования края в дореформенный период. Краеведы Южного Урала приступили к исследованию истории отдельных учебных заведений края, обучения различных сословных групп, указали на активную роль государственной власти в развитии школьного дела, начали изучение специфики развития образования в крае. В работе проанализирован вклад в изучение проблемы И.С. Шукшинцева, П.Н. Столпянского, С.Н. Севастьянова, А.И. Добромыслова и др.

Ключевые слова: дореволюционная историография истории народного образования Южного Урала, формирование источниковой базы, создание первых исследований.

Истории народного образования Южного Урала дореформенного периода (конца XVIII – начала 60-х гг. XIX в.) в отечественной исторической науке не уделялось большого внимания в дореволюционной историографии. Интерес исследователей сосредотачивался преимущественно на системе учебных заведений 60-х – 90-х гг. XIX в. либо истории школы начала XX в. Это объяснялось вполне объективными причинами: хронологической близостью к объекту исследования, богатой источниковой базой, разнообразием и многочисленностью учебных заведений, бурно развивавшихся в условиях буржуазных реформ и т.д. Исследователи обращались лишь к отдельным сюжетам истории школы края дореформенного периода. В основном они делали это с целью либо разыскать начало деятельности какого-либо известного учебного заведения, либо вскрыть исторические корни злободневных общественных проблем, связанных, как правило, с положением «иностранцев» в Российской импе-

рии. Тем не менее, в дореволюционной историографии началось изучение истории народного образования конца XVIII – середины XIX в., времени появления и начального этапа становления системы государственных учебных заведений в российских регионах.

У истоков научного изучения истории края стояли отдельные энтузиасты – учителя, чиновники, военные, священники, общественные деятели, приступившие к сбору, систематизации, изучению и публикации различных материалов по истории Южного Урала. Объединенные позже в различные краеведческие организации, первые исследователи края положили начало южноуральскому историческому краеведению, испытывавшему влияние центральных научных центров, но в то же время выработавшему собственные научно-исследовательские традиции (Хасанов, 2002).

Дореволюционная историография истории народного образования Южного Урала дореформенного периода представлена самыми разнообразными материалами. Это, прежде всего, работы, опубликованные в периодической печати. Первые сведения об учебных заведениях края можно обнаружить в «Оренбургских губернских ведомостях», начавших выходить в свет с 1838 г. в Уфе. В 1840-е гг. с появлением «неофициальной» части в газете стали помещаться сообщения об открытии новых школ, заметки описательного характера о положении дел в различных учебных заведениях, иногда с кратким экскурсом в их историю. Большая часть этих материалов имела информационный характер и относится скорее к историческим источникам, а не историографическим. Однако, в это же время на страницах не только местной, но и российской прессы стали появляться и аналитические материалы, посвященные изучению отдельных страниц истории народного образования Южного Урала. Большая их часть относилась уже к последней трети XIX в., времени становления исторического краеведения на Южном Урале.

К этим работам по содержанию близки труды, вышедшие в свет отдельными изданиями в виде достаточно объемных работ или небольших брошюр, созданные в основном учителями, чиновниками учебного ведомства. В своих «кратких исторических очерках», «материалах», «записках» авторы освещали историю отдельных государственных учебных заведений края, либо отдельные ее аспекты. Многие работы подобного характера выходили в свет к юбилейным датам основания известных школ.

Среди работ дореволюционных историков Южного Урала значительное место принадлежит исследованиям членов Оренбургской ученой архивной комиссии, работавшей в 1887–1918 гг. На основе тщательного отбора и систематизации архивных документов был написан ряд ценных работ по отдельным аспектам истории школ конца XVIII – XIX вв., опубликованных в «Трудах ОУАК».

К четвертой группе историографических источников следует отнести труды по отдельным проблемам истории края, в которых история школы и различные аспекты ее развития не выступали специальным предметом исследования. К этой группе относятся, во-первых, работы, авторы которых давали общие сведения по истории обучения отдельных сословных групп (духовенства, горнозаводского населения, оренбургских казаков, башкир и т.д.) в общем контексте их истории, во-вторых, обобщающие труды по истории Южного Урала, в которых авторы приводили известные им сведения по истории различных школ края.

Изучение указанных групп историографических источников дает яркое представление о заслугах дореволюционной историографии в изучении истории народного образования Южного Урала дореформенного периода. Важной составляющей научного изучения прошлого является, прежде всего, создание источниковой базы исследований. Обращаясь к истории образования края, первые исследователи извлекали исторические источники из архивов учебных заведений, губернских учреждений, а также фиксировали современное им состояние интересующей их проблемы. Как правило, первые публикации по истории школы представляли собой статьи компилятивного характера, в которых приводились извлеченные из источников материалы. Они были посвящены отдельным сюжетам истории образования, обучению определенных сословных групп общества, истории определенных учебных заведений, как правило, известных, имевших давние традиции. Авторы располагали в хронологическом порядке доступные им сведения, последовательно раскрывали основные стороны деятельности школ, стремясь вместить в работу все известные им материалы. При этом только в самом конце XIX – начале XX в. краеведы стали указывать источники приводимых сведений.

Уже в середине XIX в. была предпринята попытка дать целостный взгляд на состояние школьного дела в Оренбургской губернии,

правда, в контексте общего описания края. Так, в работе преподавателя Оренбургской духовной семинарии Василия Макаровича Черемшанского были приведены подробные сведения о числе школ, учителей, учащихся Оренбургской губернии за 1850 г. (Черемшанский, 1859, с. 242–250). Ни в одной работе, опубликованной к тому времени, да и позже, нет такого полного перечня всех школ губернии с разделением на ведомства (учебное, военное, духовное, удельное, горное и т.д.), указанием времени открытия школ, их расположения, в отдельных случаях и социального состава учащихся. Автор пишет: «В настоящее время каждое отдельное сословие жителей имеет свой особый рассадник для образования молодого поколения» (Черемшанский, 1859, с. 242).

Основные количественные данные автор представил в виде таблиц. В.М. Черемшанский также дал краткую характеристику каждому типу учебных заведений по предметам преподавания, особенностям управления и содержания школ, платы за обучение и жалованья учителей. Желая показать успехи развития народного образования в Оренбургской губернии, автор в обобщенном виде представил динамику расширения школьной сети в крае за предшествующее десятилетие. При таком добросовестном подходе автор, тем не менее, не указал источник приведенных им данных. Труд В.М. Черемшанского до сих пор представляет ценность для исследователя как подробный исторический источник, который не обнаруживает расхождений с архивными документами различных ведомств.

Огромную роль в выявлении исторических источников по истории края, в том числе и народного образования, сыграла деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии, которая и была создана для разбора архивных дел канцелярии Оренбургского генерал-губернатора и архивов других учреждений губернии (Нугаева, 2010, с. 19). В распоряжении ОУАК были документы, содержавшие сведения по истории огромного российского региона – Оренбургской губернии, созданной в 1796 г. на месте Уфимского наместничества (разделена на Уфимскую и Оренбургскую в 1865 г.). Среди огромного массива источников встречались документы по истории народного образования края. Считая своей главной заслугой нахождение той или иной информации (Любичанковский, 2014, с. 124), члены ОУАК приступили к введению в научный оборот многих сведений по истории народного образования Южного Урала.

Отдельных публикаций источников было мало, зачастую они помещались в общем массиве найденных сведений по истории края. Так, И.И. Архангельский при изучении истории города Троицка приводит некоторые сведения о численности учителей и кантонистов (воспитанников) военно-сиротского отделения в 1817–1825 гг., данные об уездном и приходском училищах в Троицке и т.д. (Архангельский, 1900, с. 3–50). М.Л. Юдин публикует в «Материалах к истории Оренбургского края» обнаруженные им части летописного дневника, который велся в Оренбурге по распоряжению военного губернатора П.П. Сухтелена. Он приводит описание торжественного открытия девичьего училища в 1832 г. (Юдин, 1899, с. 43–47). Характерной особенностью этих публикаций являлось не только отсутствие источниковедческого анализа, но и указания самого источника информации. Лишь некоторые авторы указывали, что их работы созданы на материалах «архива бывшего генерал-губернаторства», «архива Тургайского областного правления» и т.д.

В качестве исторических источников по истории народного образования выступают и некоторые статьи членов Оренбургской ученой архивной комиссии. Многие из них были написаны на основе отдельных архивных дел, не содержали критики источника. К таким работам относятся, например, две статьи преподавателя Оренбургской мужской гимназии Ивана Степановича Шукшинцева. Небольшая по объему работа «Первая частная школа в Оренбурге» была написана автором в результате изучения одного архивного дела 1851 г., в основе которого прошение девицы Александры Савченковой к Оренбургскому генерал-губернатору В.А. Перовскому с просьбой оказать содействие в возобновлении деятельности ее частной школы. И.С. Шукшинцев приводит фрагменты не только прошения А.Савченковой, но и обращения В.А. Перовского к попечителю Казанского учебного округа с просьбой разрешить открытие частной школы (Шукшинцев, 1899, с. 77–81).

Другая работа «Первые врачи из башкир в Оренбургском крае» вновь была написана И.С. Шукшинцевым на основе изучения одного архивного дела, правда довольно объемного, включавшего документы 1831–1845 гг. В этой работе тексты документов, которые зачастую приводятся полностью, составляют более 80%. На основе цитирования источников И.С. Шукшинцев проследил историю обучения башкирских мальчиков в Казанском университете от появле-

ния этой идеи у оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена до поступления первых лекарей из башкир на службу в Башкиро-мещерякское войско (Шукшинцев, 1911, с.11–37). Изложение материала в статье обрывается на середине 40-х гг. XIX в., поскольку дело архива канцелярии Оренбургского военного губернатора на этом заканчивалось. Работы И.С. Шукшинцева свидетельствуют о том, что в отличие от более ранних авторов, исследователи конца XIX – начала XX в. разграничивают свои тексты от источника, помещая материалы последнего в кавычки.

Заслуги Оренбургской ученой архивной комиссии в создании источниковой базы сводятся не только к выявлению и публикации источников, но и систематизации архивных материалов. О тщательной работе членов ОУАК в этом направлении свидетельствует деятельность Петра Николаевича Столпянского, ставшего позже известным историком и краеведом Петербурга. В 20-м выпуске «Трудов ОУАК» им была опубликована «Систематическая опись дел архива Оренбургской ученой архивной комиссии. Указатель делам, касающимся народного просвещения и промышленности Оренбургского края». Исследователь систематизировал архивные дела в 100 отделов, 73 из которых посвящены истории народного просвещения. В понятие «народное просвещение» П.Н. Столпянский включил не только школы, но и библиотеки, архивы, театр, выставки, периодическую печать, книги, карты, памятники, типографии, персоналии, связанные с культурой края. Однако 52 из 73 отделов в описи посвящено непосредственно учебным заведениям (Столпянский, 1909).

Опись П.Н. Столпянского представляет собой и попытку определенной классификации учебных заведений, критерии которой, очевидно, не определялись ученым специально. Так, выделяются «заведения высше-учебные специальные» и «заведения средне-учебные» (применительно к школам других российских городов), училища башкирские, «киргизские», казачьи, школа тептярская, училища духовные, мусульманские, волостные, частные, женские и мужские. Сам исследуемый материал требовал определенной систематизации школ по уровню обучения, профессиональной специализации, составу учащихся и т.д. В описи представлены также архивные дела училищ городов, входивших в состав Оренбургской губернии до ее разделения в 1865 г.

Особенно тщательно систематизированы документы наиболее известных учебных заведений Оренбурга: Неплюевского кадетского корпуса, Николаевского Института, Училища земледелия и лесоводства, казахских («киргизских») школ, Фельдшерской школы. В документах каждого из них составитель стремился выделить подразделы (с указанием нумерации дел): «открытие, преобразования», «библиотека», «прием воспитанников», «болезни воспитанников», «воспитание физическое», «исключения воспитанников», «часть хозяйственная», «ремонт», «штат учителей», «жалованья, пенсии», «отчеты», «экзамены, окончание курса» и т.д. Во второй части своего труда ученый наполнил свою систематизацию нумерацией и названиями конкретных архивных дел, расположенных в хронологической последовательности.

Составленный П.Н. Столпянским указатель архивных дел, касающихся народного просвещения, давал представление о специфике развития образования на Южном Урале, этноконфессиональных особенностях школ, распространении специальных учебных заведений военного ведомства и т.д. Ученый облегчил своей работой не только процесс поиска источников будущим исследователям, но указал на основные аспекты деятельности школ, требующие всестороннего изучения. Это был первый опыт систематизации архивных дел, сыгравший важную роль в становлении архивной системы регионов Южного Урала (Нугаева, 2010, с. 20), ставший ценным помощником для последующих поколений исследователей края.

К заслугам дореволюционных исследователей следует отнести не только их усилия по формированию источниковой базы изучения истории школы, но и создание первых трудов, в которых начинается осмысление отдельных страниц и аспектов истории народного образования Южного Урала. К наиболее ранним трудам относится обширная статья, опубликованная в 1851 г. в пяти номерах «Оренбургских губернских ведомостей» под названием «Краткий исторический взгляд на развитие духовного образования в Оренбургском крае» неизвестного автора. Начиная работу, автор указывает на источники своего сочинения: «письменные факты, имеющиеся теперь в архиве семинарского правления». При этом он сокрушается о пожаре 1806 г., уничтожившего многие документы Оренбургской (по названию епархии) духовной семинарии, открытой в 1800 г. в Уфе. Автор сетует, что из-за этой «безвозвратной утраты сведения о пер-

вых годах существования семинарии, основываясь на отрывистых, случайно сохранившихся известиях, а также на устных рассказах современников, не всегда ясных и согласованных за давностью времени, не могут быть полны и отчетливы...» (Краткий исторический взгляд..., 1851, № 22, с.87). Патетический стиль изложения не мешает автору иногда приводить в тексте конкретные источники своих сведений и даже цитировать их: отчет ректора семинарии 1809 г., акт пожертвования П.Я. Тоузакова средств для семинарской библиотеки, свидетельства врача семинарской больницы Постникова и др. Правда, делается это автором все же довольно редко.

Изучив историю Оренбургской духовной семинарии, автор представил целостную картину развития этого учебного заведения. Выделены периоды в истории этого учебного заведения: 1) с 1800 до 1818 гг.: от открытия до преобразования; 2) с 1818 г. до времени создания статьи. В работе последовательно излагаются основные вопросы истории Оренбургской духовной семинарии, начиная с вопроса о том, где же получали образование дети духовенства до открытия семинарии в Уфе. Автор раскрыл вопросы об учредителях Оренбургской духовной семинарии, ее первых ректорах, составе и деятельности семинарского правления, предметах преподавания и происшедших в учебном курсе изменениях, реформировании семинарии в 1818 г., упомянул о ревизиях семинарии, распорядке дня семинаристов. Особенно большое внимание в работе уделено экономической стороне истории главного духовного учебного заведения края. Автор подробно исследовал историю создания семинарской библиотеки, досконально изучил историю строительства зданий семинарии, в том числе церкви и больницы, дал подробную информацию о суммах семинарии и лицах, внесших пожертвования на ее нужды.

Увлекаясь экономической стороной истории семинарии, автор не приводит данных об учащих, их уровне подготовки, численности, лишь однажды называет число выпускников семинарии за 1818–1850 гг. Правда, довольно подробно раскрыт вопрос об обучении в духовной семинарии детей уральского единоверческого духовенства. Не вполне оправдывает себя и название данной работы: автор уделил внимание в основном Оренбургской духовной семинарии в Уфе, а о духовных училищах, бывших неотъемлемой частью формировавшейся системы духовного образования, упоминает довольно кратко. Тем не менее, это была первая известная попытка

обобщения сведений о духовных учебных заведениях Оренбургской епархии, которая давала представление об их полувековой истории. Для современного исследователя эта работа представляет интерес как исторический источник.

В 1862 г. появилась статья «Образование в Башкирии», ставшая довольно популярной (была напечатана в двух периодических изданиях и отдельной брошюрой). Она принадлежала автору с псевдонимом А.В.Д. и была посвящена актуальной проблеме интеграции «инородцев» в российское общество. Прежде всего, автор разграничивает понятия «грамотности» и «образования» у башкир, считая, что первая «распространена в такой мере, что редкий из башкир не умеет читать, конечно, по-татарски, а не по-русски». Образование же «стоит у них на самой низкой ступени». Доказывая этот тезис, автор приводит данные о численности мусульманских школ и учеников и даже вычисляет соотношение учащихся и мужского населения. Демонстрируя широкое распространение коранических школ, автор считает, что они не ведут башкирское население к образованию, а лишь «к поддержанию заблуждений и невежества».

Рассуждая о возможных путях расширения образованности среди башкир, автор указывает: «В деле народного образования могли бы быть полезны и сами татарские школы, если бы печатались на татарском языке какие-либо издания для передачи народу современных сведений...» (Образование ..., с.51). Другой путь, которому уделено наибольшее внимание, автор связывает с распространением русской грамоты среди башкир. Так, автор переходит к анализу обучения башкир в русскоязычных школах, которое стало практиковаться властями с 1830-х гг. Ценность данной статьи состоит в том, что автор не просто приводит фактические сведения (делает он это без каких-либо ссылок на источники), но приходит к выводу о неудовлетворительных результатах обучения башкир в русских школах и пытается разобраться в причинах этого. Среди них он называет нежелание башкир отдавать детей в русские школы из-за отсутствия преподавания мусульманского вероучения в некоторых из них (батальонах военных кантонистов), посылка в русские школы детей бедных родителей или сирот, не способных впоследствии повлиять на нравы и обычаи односельчан, непригодность полученных, преимущественно военных знаний, в деле гражданского управления, малочисленность обучившихся в русскоязычных школах.

По убеждению автора, главная причина неудачного обучения башкир в русских школах в том, что его цель состояла не в народном образовании башкир, а только в извлечении «пользы, которую можно извлечь от людей, обучавшихся чему бы то ни было» (Образование..., с.55), т.е. в утилитарном подходе к делу. Лишь в 1851 г. при подготовке проекта учреждения кантонных школ была высказана другая цель: распространение русской грамотности. Автор дает позитивную оценку обучения башкир в приходских и уездных училищах Министерства народного просвещения в 1858–1860 гг., а также появившимся в 1860 гг. кантонным школам, которые он называет «русскими деревенскими школами». Результаты их деятельности автор называет удовлетворительными: «Только с распространением русских школ возможно прочное водворение между башкирами русского элемента и слитие башкир с другими сельскими условиями» (Образование..., с. 60).

Эта публицистическая статья внесла свой вклад в изучение проблемы. Автор обобщил, проанализировал и опубликовал значительный объем данных об обучении башкир, мало известных широкому кругу читателей. Он предложил свой взгляд на проблему модернизации башкирского общества в преддверии реформирования Башкирского войска.

К авторам, стремившимся не просто воспроизвести прошлое по отдельным архивным документам, но и исследовать его, относится есаул Оренбургского казачьего войска, выпускник Неплюевского кадетского корпуса, помощник адъютанта штаба Оренбургского казачьего войска, член ОУАК Сергей Никанорович Севастьянов. Из истории народного образования Оренбургского края первой половины XIX в. его интересовали страницы, связанные с обучением военных сословий. Среди первых трудов С.Н. Севастьянова по истории школы была работа «Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг.» (Севастьянов, 1896). Поскольку большая часть этой работы посвящена пореформенному периоду истории станичных школ, она требует отдельного рассмотрения.

Обратимся к другому труду исследователя – довольно обширной статье «Князь Г.С. Волконский, как инициатор памятника Неплюеву – Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса». В самом начале своего труда автор формулирует четкую цель исследования: «составить очерк о деятельности бывшего орен-

бургского военного губернатора князя Г.С. Волконского по учреждению в Оренбурге Неплюевского училища» (Севастьянов, 1897, с. 1). Для ее достижения С.Н. Севастьянов, прежде всего, характеризует состояние народного образования в крае с 1740-х до 1803–1808 гг., т.е. со времени губернаторства И.И. Неплюева до первых лет губернаторства Г.С. Волконского. На основе изучения нескольких архивных документов и литературы исследователь дает краткую характеристику существовавших школ (народные училища, русскоязычные школы для «инородцев», школа для казахских детей), приводит данные о годах их открытия, численности учеников и приходит к выводу о низком уровне грамотности населения, особенно уральских и оренбургских казаков.

Далее автор переходит к разъяснению причин, побудивших князя Волконского выступить перед императором с инициативой открытия Неплюевского училища. Последовательно изучая документы, С.Н. Севастьянов прослеживает разницу подходов центральной власти, радевшей, прежде всего, об образовании дворянских детей, и губернатора Г.С. Волконского, считавшего, что «за дворянами стоит целая масса населения, нуждающаяся еще больше в просвещении... из полудиких еще кочевников башкир, киргиз, тептярей, мещеряков, ... из казаков – пионеров этого края» (Севастьянов, 1897, с. 12–13). Автор показал активную работу Г.С. Волконского с чиновниками военного и учебного ведомств, местным дворянством, купечеством с целью получить разрешение открыть Неплюевское училище и найти для этого необходимые средства.

С.Н. Севастьянов привел множество ссылок на архивные дела, а также полные тексты многих документов: рапорт Г.С. Волконского императору Александру I, переписка князя с «жертвователями» средств, проекты создания военного училища, принадлежавшие Г.С. Волконскому и его преемнику П.К. Эссену и др. Он выяснил, кому принадлежала инициатива включения «мечетной» суммы (деньги, выделявшиеся для мусульманской школы казахских детей при Оренбургской соборной мечети) в капитал Неплюевского училища, когда училище впервые было названо военным (1824 г.) и др. Заканчивая свой труд, автор попытался найти сведения о том, где помещалось открытое в январе 1825 г. училище, а также привел сведения об основных преобразованиях Неплюевского военного училища и его директоров.

На протяжении всей работы исследователь ссылается на архив канцелярии Оренбургского генерал-губернатора. Важно, что С.Н. Севастьянов, в отличие от многих своих коллег по ОУАК, приводит конкретное название использованных архивных дел с указанием их хронологических рамок, количеством листов. Автор привлек также изданные к этому времени труды по истории Оренбургского края: работы В.Н. Витевского о Неплюеве, историческую справку И.С. Хохлова «Столетие Оренбургского городского трехклассного училища 1789–1889 гг.» (Оренбург, 1889), первый выпуск «Трудов ОУАК» (Оренбург, 1896).

Работа отличается четкой и логичной структурой, текст разделен на шесть глав, выводы сформулированы в отдельном «Заключении». Еще одной особенностью труда С.Н. Севастьянова, свидетельствующей о скрупулезном труде автора, было его стремление привести в сносках сведения об упоминаемых им личностях, а также данные о происхождении рода князей Волконских.

Таким образом, исследование члена ОУАК С.Н. Севастьянова по истории открытия Оренбургского Неплюевского военного училища (к тому времени кадетского корпуса) было выполнено на довольно высоком для того времени научном уровне, оно внесло важный вклад в формирование историографии истории этого знаменитого учебного заведения.

Рассмотренный труд свидетельствовал об активной роли начальников Оренбургского края в развитии школьного дела. Отметим роль Г.С. Волконского (1803–1817) и П.К. Эссена (1817–1830) в открытии Неплюевского военного училища, С.Н. Севастьянов в другой своей работе выделял просветительскую деятельность еще одного военного губернатора П.П. Сухтелена (1830–1833). В «Биографических заметках о графе П.П. Сухтелене, оренбургском военном губернаторе» исследователь подчеркнул его заслуги в упорядочении учебного процесса в Неплюевском училище, открытии научного музея при нем, начале обучения медицине башкир в Казанском университете, а также учреждении девичьего училища и приходского училища в Оренбурге, увеличении числа станичных школ в Оренбургском казачьем войске (Севастьянов, 1902, с. 85–87).

К историческим трудам, посвященным дореформенной истории образования на Южном Урале, стоит отнести и работу Александра Ивановича Добромыслова, одного из самых активных членов Орен-

бургского отдела Русского Географического общества и Оренбургской ученой архивной комиссии, изучавшего казахское кочевое скотоводство, жизнь и обычаи кочевников. В девятом выпуске «Трудов ОУАК» им была опубликована статья «Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов». Автор проанализировал деятельность Екатерины II по строительству мечетей на границах Уфимского наместничества и созданию мусульманских школ при них. Обобщив сведения материалов архива Тургайского областного правления, А.И. Добромыслов рассмотрел шаги Оренбургской пограничной комиссии по учреждению школы при Оренбургской соборной мечети для детей казахов. Приняв во внимание сведения о количестве учеников, отпускаемых на школу средствами, исследователь приходит к выводу о том, что эта школа «не имела никакого влияния на распространения среди киргизов татарской грамотности и магометанского вероучения» (Добромыслов, 1902, с. 60).

На страницах этой небольшой работы А.И. Добромыслов вел полемику с автором известного труда по истории Оренбургской епархии Н.М. Чернавским. Во-первых, историк опровергает имевшееся в литературе заблуждение о том, что было заведено много мусульманских школ для казахов, а школа в Оренбурге была главной. В действительности была открыта лишь одна школа, утверждает А.И. Добромыслов. Во-вторых, автор считает необоснованным обвинение Екатерины II в насаждении ислама среди казахов при помощи строительства мечетей и распространения «татарской» грамотности, прозвучавшее в работе Н.М. Чернавского. А.И. Добромыслов отмечает: «Татары и мечети, по-моему, только были тем мостом, через который предварительно должны были пройти киргизы для сближения с русскими, но не больше» (Добромыслов, 1902, с. 62).

Среди трудов, посвященных истории дореформенной школы Южного Урала, можно отметить и небольшую статью краеведа Павла Юдина с многообещающим названием «Григорий Федорович Генс – первый директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса». В начале своей работы автор кратко знакомит читателя с историей открытия Оренбургского Неплюевского училища, начиная с его инициатора первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева. Автора отличает серьезное отношение к историческим документам, которые он цитирует со ссылками на архивы.

Однако непосредственно по заявленной теме у исследователя оказывается незначительный объем материала. Приведя биографические сведения Г.Ф. Генса, автор посвящает его деятельности в должности директора Неплюевского училища всего лишь одну страницу текста из одиннадцати. Это объясняется, очевидно, следующим заявлением автора: «Не столько важны и интересны его заслуги по устройству и управлению училищем, как важны и ценны собранные в оставленных им записках материалы по археологии, истории и этнографии Оренбургского края и среднеазиатских ханств». (Юдин, 1899, с. 367). П. Юдин признает, что по вполне объективным причинам Г.Ф. Генс не сумел «поставить на прочную почву» деятельность училища, которым он руководил в 1825–1832 гг. В основной части своей работы П. Юдин повествует о жизненном пути Г.Ф. Генса, связанном преимущественно со службой председателем Оренбургской пограничной комиссии, а также о его личных качествах. Для этого автор широко использует воспоминания современников Г.Ф. Генса.

Еще одним трудом биографического жанра, имеющим отношение к истории народного образования Южного Урала, является работа священника Николая Николаевича Модестова «Бывший префект гродненской гимназии, иеромонах доминиканского ордена, кандидат Зеленко в Оренбурге». Работа, занявшая целый выпуск трудов ОУАК, подробно освещает жизненный путь и деятельность польского ссыльного католического священника в Оренбурге, известного в крае своей благотворительной и культурной деятельностью. Нашей теме посвящен один из одиннадцати разделов труда, в котором идет речь о деятельности М.Ф. Зеленко по заведению естественнонаучным музеем в Оренбурге, состоявшим при Неплюевском военном училище, а также руководству Училищем земледелия и лесоводства. Правда, о последнем упоминается, к сожалению, очень кратко; зато имеется высказывание востоковеда В.В. Григорьева (очевидца событий) о том, что период руководства М.Ф. Зеленко училищем земледелия и лесоводства «едва ли не был лучшим в истории его существования» (Модестов, 1913, с. 58, 79).

Работа члена Оренбургской ученой архивной комиссии Н.Н. Модестова, опубликованная в 1913 г., времени, когда ученые-краеведы уже имели богатый опыт исследования страниц местной истории, свидетельствует о довольно высоком уровне работы с ис-

точниками и литературой, тщательном их изучении. Автор дает точные ссылки на архив ОУАК с указанием дел и страниц, ссылается на журналы «Исторический вестник», «Северная пчела», «Вестник Европы», «Русская старина», энциклопедические издания, местную периодику, труды краеведов В.Н. Витевского, Н.М. Чернавского, не соглашается с некоторыми взглядами П.Н. Столпянского (Модестов, 1913, с.50). По многим признакам труд приближен к научной монографии, правда, история школьного дела занимает в нем очень незначительное место.

Среди исторических сочинений дореволюционной историографии истории Южного Урала привлекают внимание и обобщающие труды, авторы которых обращаются к вопросам народного образования наряду с другими аспектами истории края, отдельных сословий, учреждений и т.д. (Стариков, 1891; Белов, 1896; Чернавский, 1901–1902; Столпянский, 1908 и др.). Авторы значительной части трудов дореволюционного периода обращались к различным страницам истории дореформенной школы Южного Урала при изучении всей истории отдельных учебных заведений, школьного обучения различных сословий и т.д., сосредотачивая свое основное внимание на 1860-х – 1890-х гг. (Митурич, 1870; Гурвич, 1878; Симагин, 1888; Хохлов, 1892; Севастьянов, 1896; Васильев, 1896; Алекторов, 1900; Столетний юбилей..., 1901; Поликарпов, 1904 и др.). Как правило, материалы конца XVIII – 50-х гг. XIX в. занимают в этих исследованиях небольшую часть, поэтому эти работы не рассмотрены в рамках данной статьи и требуют отдельного историографического изучения.

Подводя итоги проведенного историографического анализа, следует сделать вывод о заслугах дореволюционных исследователей в изучении истории народного образования Южного Урала в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в. К ним, прежде всего, относится формирование источниковой базы для изучения истории школы. Оно осуществлялось в ходе публикации преимущественно в периодической печати, а также отдельными изданиями различных сведений из документов учебных заведений, губернских учреждений, архивохранилищ. Эти публикации, как правило, выглядели как небольшие статьи, посвященные отдельным аспектам истории школы в крае. До конца XIX в. исследователи редко указывали источник приводимых материалов. Как правило, отсутствовала и критика источников.

Особенно серьезный вклад в становление источниковой базы исследований по истории школы внесли члены ОУАК, которые не только выявляли и вводили в научный оборот различные данные, извлеченные из исторических источников, но и занялись систематизацией архивных документов по истории народного образования края, сосредоточенных в Оренбурге в архивном фонде Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора. Результатом этой деятельности стало издание П.Н. Столпянским указателя архивных дел.

Другой серьезной заслугой историков второй половины XIX – начала XX в. является начало научного осмысления истории народного образования Южного Урала дореформенного периода. В трудах краеведов началось изучение отдельных аспектов истории школьного дела в крае, прежде всего, истории конкретных учебных заведений и обучения различных сословий. Особое внимание исследователей привлекли наиболее крупные и известные заведения: Оренбургское Неплюевское военное училище, Оренбургская духовная семинария в Уфе. Интерес вызывала и практика обучения представителей иррегулярных войск Оренбургского края, прежде всего, башкир, в государственных школах, например, в Казанском университете. Этот интерес особенно проявлялся в начале 1860-х гг. и был вызван предстоявшей отменой системы кантонного управления башкирами. Политика государства по усилению казачьих войск вызвала в 1870–1880-е гг. внимание исследователей и к школьному обучению оренбургских казаков.

Таким образом, в рамках дореволюционной историографии было положено начало исследований специфики развития южноуральской школы в условиях пограничного положения региона с пестрым этноконфессиональным составом населения. Впервые была отмечена особая роль главных начальников края в лице оренбургских военных губернаторов, а позже генерал-губернаторов, в становлении школьного дела в крае, особенно в развитии специальных учебных заведений военного ведомства, распространении грамотности и специальных знаний среди оренбургского казачества, башкир, казахов и т.д. В контексте общероссийских работ дореволюционной историографии (И.А. Алешинцева, С.В. Рождественского, С.А. Князькова) местные краеведы признавали огромную роль государства в развитии образования и просвещения дореформенной России и демонстрировали это на материалах Южного Урала.

Несмотря на то, что не было предпринято ни одной попытки целостного рассмотрения истории школы в крае (для этого еще не сформировались объективные условия), местные краеведы выделили основные типы школ края дореформенного периода с определением их специфики по контингенту учащихся, предметам преподавания, управлению (В.М. Черемшанский, отчасти П.Н. Столпянский). Хотя далеко не все типы школ стали предметом изучения, а работ, посвященных истории школы края в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в., было немного, дореволюционные исследователи внесли свой посильный вклад в изучение истории народного образования. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. происходил постепенный переход от любительского интереса к профессиональной научной деятельности в изучении истории огромного российского региона.

Источники и литература

1. *Алекторов А.Е.* Очерк народного образования в Тургайской области: Летопись 1744–1898. – Оренбург, 1900. 80 с.
2. *Архангельский И.И.* Материалы к истории города Троицка // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 6. – Оренбург, 1900. С.3–50.
3. *Белов В.Д.* Исторический очерк Уральских горных заводов. – СПб., 1896. 179 с.
4. *Васильев А.В.* Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. – Оренбург, 1896. 289 с.
5. *Гурвич Н.* Пятидесятилетний юбилей Уфимской мужской гимназии. – Уфа, 1878. 14 с.
6. *Добромыслов А.И.* Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.9. Оренбург, 1902. С.51–64.
7. *Краткий исторический взгляд* на развитие духовного образования в Оренбургском крае // Оренбургские губернские ведомости. 1851. № 22–26.
8. *Любичанковский С.В.* Научно-публикаторская деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии (конец XIX – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электрон. науч. журн. 2014. № 4. С. 120–125. URL: [http:// http://vestospu.ru/archive/2014/articles/14_12_2014.pdf](http://vestospu.ru/archive/2014/articles/14_12_2014.pdf) (дата обращения 16.08. 2016).
9. *Митурич П.В.* Очерк истории Оренбургского Неплюевского военного училища и Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, от ос-

нования их до последних преобразований // Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. – Оренбург, 1870. С.193–216.

10. *Модестов Н.* Бывший префект гродненской гимназии, иеромонах доминиканского ордена, кандидат Зеленко в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.28. Оренбург, 1913. 83 с.

11. *Нугаева Ф.Г.* История архивного дела в Уфимской губернии (1865–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2010. 27 с.

12. *Образование в Башкирии* // Экономист. 1862. Кн.1. С. 49–66 (СПб., 1862. 18 с.; Оренбургские губернские ведомости. 1862. № 34, 35).

13. *Поликарпов А.* Краткий исторический очерк 75-летия Уфимской мужской гимназии. (1828–1903). – Уфа, 1904. 93 с.

14. *Севастьянов С.Н.* Биографические заметки о графе П.П. Сухтеленe, оренбургском военном губернаторе // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.9. – Оренбург, 1902. С. 81–92.

15. *Севастьянов С.Н.* Князь Г.С. Волконский, как инициатор памятника Неплюеву – Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса» // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 3. – Оренбург, 1897. С. 1–57.

16. *Севастьянов С.Н.* Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 (краткий исторический очерк). – Оренбург, 1896. 39 с.

17. *Симагин В.* Учреждение казачьих школ в Оренбургском казачьем войске. (1818–1887) // Военный сборник. 1888.– № 9–10.– С.391–399.

18. *Стариков Ф.И.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1891. 249 с.

19. *Столетний юбилей Уфимской духовной семинарии. 1800–1900.*– Уфа, 1901. 130 с.

20. *Столянский П.Н.* Город Оренбург. – Оренбург, 1908. 399 с.

21. *Столянский П.Н.* Систематическая опись дел архива Оренбургской ученой архивной комиссии. Указатель делам, касающимся народного просвещения и промышленности Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып.20. – Оренбург, 1909. 232 с.

22. *Хасанов Э.Р.* Историческое краеведение на Южном Урале: Вторая половина XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург: 2002. 22 с.

23. *Хохлов И.* Столетие Оренбургского городского 3-х классного училища: 1789–1889 (Историческая записка). – Оренбург, 1892.

24. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях.– Уфа, 1859. 472 с.

25. *Чернавский Н.М.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. – Оренбург, 1900. Вып.1. 346 с.; Оренбург, 1901–1902. Вып.2. 1058 с.

26. *Шукиинцев И.С.* Первые врачи из башкир в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 11. – Оренбург, 1903. С. 11–37.

27. *Шукиинцев И.С.* Первая частная школа в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 5. – Оренбург, 1899. С. 75–81.

28. *Юдин М.Л.* Материалы к истории Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 5. Оренбург, 1899. С. 25–48.

29. *Юдин П.* Григорий Федорович Генс – первый директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса // Русская старина. 1899. № 8. С. 363–373.

Список сокращений

ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия

С.Г. Басыйрова

Революциягә кадәрге тикшеренүчеләр тарафыннан XVIII йөз ахыры – XIX гасырның 60 нчы еллар башында Көнъяк Урал мәктәбе тарихын өйрәнү

Мәкаләдә революцияга кадәрге тикшеренүчеләрнең XVIII йөз ахыры – XIX гасырның 60 нчы еллар башында Көнъяк Уралда мәктәп эше тарихын өйрәнүдә казанышлары карала. XIX гасырның уртасыннан жирле төбәк мәктәбе тарихы буенча тарихи чыганаclarны ачыклау, бастыру һәм системага салу процессы башлана. Оренбург гыйльми архив комиссиясе эгъзалары тикшеренүләрнең чыганаclar базасын булдыруга аерым өлеш кертә. Мәкаләдә реформага кадәрге чорда төбәкнең мәгариф тарихын төрле яктан фәнни өйрәнелгән хезмәtlәр карала. Көнъяк Урал төбәгенең туган якны өйрәнүчеләре аерым жирле уку йортларының һәм төрле сослови төркөмнәренең укыту тарихын тикшерергә керештеләр, мәктәп эшенең үсешендә дәүләт һакимиятенең актив ролен күрсәтеп үтеләр, төбәктә мәгариф үсешенең үзенчәлеген өйрәнә башладылар. Хезмәттә И.С. Шукиинцевның, П.Н. Столпянскийның, С.Н. Севастьяновның, А.И. Добромысловның һәм башкаларның әлеге мәсьәләне чишүгә керткән өлешләре анализлана.

Ачык сүзләр: Көнъяк Урал халык мәгарифе тарихының революциягә кадәрге историографиясе, чыганаcl базасын формалаштыру, беренче тикшеренүләр булдыру.

Study of the South Ural school history of the late XVIII – early 60's of the XIX centuries by pre-revolutionary researchers

This article is devoted to merits of pre-revolutionary researchers in their studies of the South Ural school history of the late XVIII – early 60's of the XIX century. In the middle of the XIX century the process of identification, publication, systematization of historical sources concerning the school history of the region started. The Orenburg scientific archival commission studies made a significant contribution to formation of the research source base. This article deals with scientific works, where scientific understanding of different historical aspects of the region's formation history during the pre-revolutionary period began. The local history experts of The South Ural proceeded to the research of certain education institutions of the region, of the education of different estate groups, pointed out the active role of the governmental authorities in school education development, started a research of regional education development specifics. The article analyses the contribution to study of the problem which made by I.Shukshintsev, P.Stolpyansky, S.Sevastyanov, A.Dobromyslov and others.

Keywords: pre-revolutionary historiography of the history of the popular education of the South Ural region, formation of the historical research source base, formation of first researches.

Басырова Светлана Габдрауфовна – кандидат исторический наук, доцент; доцент кафедры новой и новейшей истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г.Нижний Новгород); e-mail: sbasyrova@yandex.ru

Басыйрова Светлана Габдерәүф кызы – тарих фәннәре кандидаты, доцент; Н.И. Лобачевский ис. Түбән Новгород дәүләт университетының Халыкара мөнәсәбәт һәм дөнья тарихы институты яңа һәм иң яңа тарихы кафедрасы доценты (Түбән Новгород шәһәре).

Basyrova Svetlana Gabdraufovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Modern and Early Modern history, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod).

Об указе царя Федора Алексеевича «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года

В статье предпринята попытка определения места указа царя Федора Алексеевича «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года в законодательной практике самодержавия середины XVI – первой четверти XVIII в. по христианизации нерусских народов Среднего Поволжья, истоки, пути реализации и его результаты в отношении служилого и ясачного населения края.

Ключевые слова: царь Федор Алексеевич, царский указ от 16 мая 1681 года, политика христианизации, ясачные новокрещены, служилые новокрещены.

Место царского указа от 16 мая 1681 года в системе реализации политики христианизации в Среднем Поволжье второй половины XVI – XVII вв. Вслед за «наказной памятью», данной Иваном IV в 1555 г. первому казанскому архиепископу Гурию (ААЭ, т.1, с. 259–261), и грамотой царя Федора Ивановича, адресованной казанским воеводам князьям И.М. Воротынскому, А.Н. Вяземскому и дьякам И.Осокину и П.Карпову от 18 июля 1593 г. и последовавшей в качестве ответа на жалобу-ходатайство казанского митрополита Гермогена (История Татарии, с.147–150), именной указ царя Федора Алексеевича «Об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 г. (ПСЗ–1, т.2, №867, с.312–313) стал третьей комплексной программой московского правительства по реализации христианизации нерусских народов Среднего Поволжья. Причем, если в 1555 г. географические рамки миссионерской деятельности архиепископа Гурия охватывали территорию бывшего Казанского ханства и приоритет отдавался крещению «татар» – представителей местной привилегированной прослойки, а царская грамота от 18 июля 1593 г. ориентировала власти на принятие мер по удержанию, прежде всего, новокрещен в лоне православной церкви, то указ от 16 мая 1681 г. распространялся на все Поволжье и Приуралье. Если «наказная па-

мать» 1555 г. предписывала первому казанскому архиепископу крестить мусульман путем увещевания и облегчения участи провинившихся или осужденных за преступления неофитов (Загидуллин, 1997, с.260–263), а царская грамота 1593 г. разрешала применение широких административных мер вплоть до наказания и заключения в тюрьму провинившихся новокрещен за их отказ от соблюдения обрядов церкви или игнорирование наставления православного духовенства (Загидуллин, 2016, с.156–158), то указ от 16 мая 1681 г. был «сложносоставным»: с одной стороны, он предусматривал налоговые льготы и денежное вознаграждение за принятие крещения в зависимости от социального статуса новокрещеных, с другой – предписывал применение к различным группам неправославного населения мер принуждения и угроз. Причем и «пряник», и «кнут» должны были применяться, с учетом не только социального статуса, но в некоторых случаях этнического происхождения и конфессиональной принадлежности неофитов.

Несмотря на декларирование жестоких мер наказания, царская грамота Федора Ивановича от 18 июля 1593 г. специально не ориентировала военных властей Казанского края на крещение мусульман или последователей традиционных верований. На этом фоне указ царя Федора Алексеевича от 16 мая 1681 г. имеет наступательный характер и, по сути, является логическим продолжением «наказной памяти» Ивана IV 1555 г. в новой общественно-политической и этнодемографической обстановке, сложившейся спустя 125 лет в Волго-Уральском регионе. К этому времени на всей территории Московского государства уже были законодательно запрещены мусульманская миссионерская проповедь и вовлечение в ислам русских, что признавалось тягчайшим преступлением: обвиненный в таком преступлении мусульманин («басурман»), согласно Соборному уложению 1649 г., подвергался сожжению «огнем безо всякого милосердия» (Тихомиров, Епифанов, с.291). Отныне помимо представителей бывшей элиты – мурз и служилых татар – в орбите миссионерской проповеди церкви и правительства официально находилось и ясачное население, которому были обещаны существенные материальные преференции в виде освобождения от налогов, что призвано было качественно изменить конфессиональную топографию Волго-Уральского региона.

Указ царя Федора Алексеевича от 16 мая 1681 г. довольно сложен для восприятия. В нем присутствуют несколько сюжетных линий. Начнем анализ с конца текста законодательного акта. Государь призывает ясачную мордву креститься и получить искомую шестилетнюю льготу от всех налогов, в противном случае угрожает передать их мурзам и служилым татарам в качестве зависимых людей, что означало ухудшение их социально-экономического положения и закрепление навечно в положении крепостных крестьян. Тем самым государь как бы не оставляет для ясачной мордвы другой альтернативы как быть крещеными и получить в придачу льготу от налогов и сохранить прежний статус, или же быть приписанными в крепостное состояние к «жестоким» эксплуататорам – татарским помещикам. Угроза передать в крепостное состояние ясачную мордву в случае отказа от крещения – это, безусловно, новое слово во внутривосточном курсе правительства. Теперь речь идет о тотальном принудительном крещении мордвы во всех регионах расселения. Итак, по замыслу русского правительства, среди последователей традиционных верований мордва должна была стать первой полностью окрещенной этнической группой. Для реализации этого плана имелись веские основания.

Правительство было хорошо осведомлено об успешной миссионерской деятельности Рязанского и Муромского архиепископа Мисаила (1651–1656 гг.), после смерти которого крещение местного населения потеряло прежнюю динамику. Как известно, на основании указа царя Алексея Михайловича и поручения патриарха Никона архиепископ Мисаил в сопровождении отряда служилых людей и духовных лиц совершил трехкратный объезд Шацкого, Тамбовского и Кадомского уездов. В 1654 г. архиепископ окрестил в Шацком и Тамбовском уездах более 4 тыс. человек (осталось только 2000 некрещеных)¹. Психологическое давление отряда служилых людей и настойчивые действия архиепископа Мисаила вкуче с его методом массового крещения позволили повторить успех и во время миссио-

¹ Вот что рассказал архиепископ о своей миссионерской поездке в Шацкий и Тамбовский уезды в 1654 г. и методе массового крещения Антиохийскому патриарху Макарию: «летом... окрестил из них 4400 человек, что было совершено так: он велел раздеться мужчинам и поставить их в реке в штанах, а женщин в рубашках, налил масла, по прочтении молитвы крещения всех их погрузил вместе, и они просветелись и восприняли веру с большой любовью» (Путешествие, 1896, с.198).

нерской поездки 1655 г. В ряде селений он крестил всех жителей «без остатка с женами и детьми». Во время третьей экспедиции (1656 г.), татарские и мордовские крестьяне, собравшись группой из 500 человек у с.Канабеево – поселения, где в прошлом году архиереем собственноручно окрестил всех жителей, напали на отряд миссионера с оружием в руках и смертельно ранили Мисаила стрелой. Во время следствия по факту убийства архиепископа возможная расправа властей так сильно напугала нападавших татар и мордву, что многие обвиняемые крестились (Доброклонский, 1889, с.3).

Значительные успехи в крещении в своих вотчинах мордовских крестьян демонстрировал темниковский Пурдышевский монастырь, который 3 февраля 1621 г. был жалован несудимой и уставной грамотой (Документы, 1940, с.260- 264). Наконец, выделение в 1682 г. из Рязанской епархии Тамбовской и Воронежской епархий также было призвано способствовать успеху христианского просвещения мордвы (Доброклонский, 1889, с.3).

Совершенно иной посыл присутствует в указе в отношении других «иноземцев»², которым государь обещает за крещение милость в виде шестилетней льготы от всех налогов. По мнению Д.М. Макарова, внимание властей к форсированию крещения ясачных людей объяснялось тем, что «в рассматриваемое время Поволжье стало одним из центров «раскола», и правительство опасалось распространения «раскола» среди еще не крестившихся народов Поволжья» (Макаров, 1981, с.95–96). На наш взгляд, к этому времени у близкого окружения царя Федора Алексеевича существовал четкий план массового крещения ясачного населения.

Начальная, основная, часть указа от 16 мая 1681 г. адресована татарским помещикам, которые владели крестьянами и бобылями хри-

² Согласно А.Каппелеру, в XVI-XVII вв. в Московском государстве при обозначении нерусских и нехристианских народов широко применялся термин «иноземцы», «исходящий из критерия пространства и охватывающий людей из чужих земель». И лишь с середины XVII в. распространяется новое коллективное понятие «иноверцы», которое уже в XVIII веке вытесняет понятие «иноземцы» в обозначении народов Волго-Уральского региона (Каппелер, 2012, с.32). Эволюция понятий, идентифицирующих «чужих» – не православных народов региона – с «иноземцев» на «иноверцев» является отражением процесса изменения отношения в общественном сознании русского общества к новым подданным Московского государства.

стианского вероисповедания. Указ гласил: «Низовыхъ городовъ³ у мурзь и у татаръ, и у мурзинскихъ, и татарскихъ женъ, и у вдовъ, и у недорослей, и у девокъ ихъ и поместья съ крестьяны и съ бобыли отписать на Себя, Великаго Государя, для того, что ведомо ему, Великому Государю, учинилось Мурзы и Татарове в поместьяхъ своихъ и вотчинахъ крестьяномъ чинять многие налоги и обиды и принуждаютъ ихъ къ своей басурманской веры и чинять осквернение и отписнымъ крестьяномъ всякие изделья делать на себя и Мурзь и Татаръ ни в чем не слушать податей не платить. А буде на помещиковъ и вотчинниковъ всякие изделья делати и подати платили и те изделья делать и подати платить на Великаго Государя, а Мурзамъ и Татаромъ сказать, что испомещены они будутъ, а вместо взятых поместий и вотчинъ по рассмотренью иноверцами Темниковской и Кадомской мордвою, и о том Великаго Государя указъ будетъ впредь. А будетъ которые Мурзы и Татарове в Православную Христианскую веру креститься; и техъ крестить; и отписнымъ крестьяномъ за ними быть попрежнему» (ПСЗ–1, т.2, №867, с.312–313).

В качестве единственной альтернативы для сохранения своих поместий и вотчин, в которых имелись крестьяне и бобыли, исповедующие христианскую веру, для мурз и служилых татар указывалось крещение. В таком случае за ними сохранялись и отписанные крестьяне, и выдавалось вознаграждение. В случае же отказа от крещения, гласил указ, что они будут испомещены вместо изъятых поместий темниковской и кадомской мордвой, о чем последуют специальный указ государя.

Согласно указу от 16 мая 1681 г., денежное вознаграждение предусматривалось лишь членам семей татарской титулованной

³ В данном указе требует уточнения термин «низовые города», который в данном случае имеет двойное значение – с одной стороны, идентифицирует сами города, с другой – регион распространения самого указа, ибо нерусское население, как правило, проживало в сельской местности. Д.И. Багалеи в «Очерках из истории колонизации степной окраины Московского государства» относит к низовым окраинным городам следующие: Терки, Астрахань, Царицын, Самара, Казань, Тетюши, Курмыш, Алаторь, Касимов, Кадома и Темников (Багалеи, 1887, с.52). М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов под низовыми городами подразумевают «города, находившиеся по среднему и нижнему течению Волги (Казань, Астрахань и др.)» (Тихомиров, Епифанов, 1961, с.325). Профессор И.П. Ермолаев относит к низовым территориям уезды, расположенные в Волжском бассейне ниже Нижнего Новгорода и Приуралья (Ермолаев, 2012, с. 22).

знати – мурзам (по 10 руб.), их женам (по 5 руб.), их детям (по 2,5 руб.) и нетитулованным служилым татарам – главам семейств (по 5 руб.), их женам (2,5 руб.), их детям (половину суммы, причитающейся матерям). Важно отметить, что основная масса мурз и служилых людей не имела крепостных крестьян. Поэтому смело можно утверждать, что вышеперечисленные денежные суммы предназначались именно для этой категории служилых татар.

Широкие географические рамки христианизации, очерченные указом от 16 мая 1681 г., немедленно выявили издержки в церковно-православном строительстве на окраине. Как известно, в районе «низовых городов» в 1668 г. была образована самостоятельная Вятская епархия, а спустя несколько лет, в 1672 г., учреждена Нижегородская епархия (Нижний Новгород, Алатырь, Курмыш, Ядринск с уездами), куда вошла небольшая часть Казанской епархии. Без специального христианского попечения оставалось огромное пространство Приуралья. В этой связи закономерным представляется объявление царским указом от 27 ноября 1681 г. об учреждении новой епархии в Приуралье (Акманов, 2011, с.108), руководство которой совместно с военными властями должно было претворять в жизнь предписания указа от 16 мая 1681 г. – крестить местную элиту и ясачное население.

«Истоки» указа от 16 мая 1681 г. Тема мотиваций и причин появления данного указа требует специального рассмотрения внутривластного курса правительства Федора Алексеевича и отношения самого государя к мусульманам. Если принять во внимание предыдущую законодательную практику царя Федора Алексеевича в сфере христианизации, то следует признать, что в плане предоставления льгот и наград новокрещеным и использования мер принуждения указ от 16 мая 1681 г. является новой, более четко регламентированной редакцией некоторых ранее принятых законодательных актов.

Начнем с предусмотренных данным указом льгот и привилегий для новокрещеных. Несмотря на острый недостаток источников по данной теме, сегодня правомерно говорить о существовании, по крайней мере, двух законодательных актов, регламентировавших размеры материального стимулирования для лиц, принявших крещение. Самое интересное – районы их распространения выходят за рамки центральных уездов Московского государства и предполага-

ют одаривание и неофитов служилых, и неофитов из числа тяглого населения. Контуры первого указа четко улавливаются в письме «холопа» Ивашки Власова⁴ от 1681 г., адресованном царю Федору Алексеевичу. Во исполнение его, царского, указа о вознаграждении крестившихся иноземцев – *«давать ... великого государя жалованье по три рубли денег, да по сукну»* (здесь и далее выделено нами. – И.З.) – Ивашка Власов начал активно заниматься новой для себя деятельностью. Он сообщает об успехах по крещению иноземцев «Мугалского рода»: в 1681 г. – 10 человек, в 1682 г. – 20 человек мужского и женского пола. Однако эти новокрещенные не смогли получить ни денежного вознаграждения, ни сукна. Следовательно, неофиты были обмануты, обманщиком оказался и сам челобитчик, что негативно отразилось бы на его репутации и дальнейшей деятельности по крещению иноверцев. По этой причине Ивашка Власов обращается к царю с вопросом: *«Откуды твое великого государя жалованье денги и сукна взять, того в твоем великого государя указе не написано»* (ДАИ, т.VIII, №89, с.312). Его второй вопрос: *«острогов ясачных людей, которые станут ко мне холопу твоему приходять, крестить велеть ли, и ясак с них снимать ли?»* свидетельствует о том, что челобитчик был знаком с содержанием указа от 16 мая 1681 г. Активная «миссионерско-проповедническая деятельность» Ивашки Власова, начиная лишь с 1680 г., свидетельствует: 1) о денежном вознаграждении в размере трех рублей и одаривании сукном ясачного новокрещена; 2) об издании этого указа в конце 1670-х гг. – 1680 г., потому что нельзя исключить, что Ивашка Власов начал заниматься крещением лишь после назначения на новую должность в остроге; 3) о выделении казенных средств на крещение нерусского населения в регионах, как основного поощрения в деле христианского просвещения, выдвинули представителей царской власти в лице воевод, которые были подотчетны за исполь-

⁴ Ивашка Власов пишет о «Селенгинскихъ и Баргузинскихъ и Иркутскихъ и иныхъ остроговъ», о «Нерчинскихъ, и Якуцкихъ, и Илимскихъ и Балаганскихъ, и Братскихъ ясачныхъ людей, Братцкого и Тунгусскаго родов, которые приходят ко мне холопу твоему для крещенья». Очевидно, челобитчик, который повелевает крестить, является воеводой в одной из крепостей Иркутского края, собственно в архиве иркутского губернского правления и был обнаружен этот документ. Здесь для нас важным является сообщение о денежном вознаграждении неофитов.

зование казенных денег, составляли списки новокрещеных, на авангард христианизации. В российских реалиях воевода становился, не только военным начальником, руководителем местной администрации, но и «миссионером», «миссионерско-проповедническая деятельность» которого заключалась: в оглашении указа, созыве в острог неофитов, приглашении священника для крещения и раздаче денежных средств после крещения. В случае с Ивашкой Власовым последнее условие не было соблюдено из-за отсутствия указания в царском указе источника расходов на эти цели.

Следует отметить, что в этот период, в связи подотчетностью воеводы за использование средств, выделяемых на крещение, он олицетворял успех данной государственной кампании. Это объясняется, прежде всего, тем, что в его руках были сосредоточены все рычаги власти в регионе. «Интересы и церковные, и гражданские обязывали воеводу быть пособником духовной власти в деле насаждения христианства среди окружающих инородцев» (Никольский, 2007, с.148). Раскрывая политическое содержание христианизации самодержавной власти в отношении нерусских народов, Н.В. Никольский отметил, что «Способствуя обращению иноверцев к христианству, воевода через это получал двоякую выгоду – личную и общественную. Со времени принятия новой религии инородец терял право делать то, что дозволялось его языческою религиею: обижать, грабить и убивать русских колонистов. Путем приобщения к христианской культуре вверенных ему нехристиан, воевода водворял порядок, приобретал себе союзников, которые поддерживали его и общерусские интересы» (Там же, с.148).

Между тем воеводы других регионов имели доступ к источнику вознаграждения новокрещен и, одаривая крестившихся, успешно осуществляли свою «миссионерско-проповедническую деятельность». О некоторых пунктах указа по материальному стимулированию новокрещен, полное содержание которых для современных исследователей остается неизвестным, сообщается в челобитной группы новокрещен из «разных городов», адресованной в 1682 г. государю Петру Алексеевичу: «А которые наши братья крестились в прошлых 187 (1679 г. – *И.З.*) и во 188 (1680 г. – *И.З.*) и во 189 (1681 г. – *И.З.*) и в нынешнем во 190 (1682 г. – *И.З.*) годах, и они были пожалованы «полным денежным жалованьем. Сверх их поместий отданы поместья отцовские и дядины и братины и родст-

венников их» (История Татарии, 1937, с.177–178). Из этого следует, что реализация данного указа о вознаграждении новокрещен активно осуществлялась в регионах расселения челобитчиков не позднее 1679 г.

На наш взгляд, другая часть закона, упомянутой в челобитной новокрещен из «разных городов» 1682 г. об изъятии у некрещеных помещиков-мусульман, владеющих крестьянами православного вероисповедания, поместий и передаче изъятной земельной недвижимости, в случае крещения, их родственникам, касается другого указа – указа 1675–1676 г., ориентированного на крещение романских и ярославских мурз, речь о котором пойдет далее.

Второй законодательный акт, непосредственно предшествовавший именному указу от 16 мая 1681 г., – грамота царя Федора Алексеевича, адресованная ядринскому воеводе Лариону Григорьевичу Ефимьеву, от 15 февраля 1681 г. В грамоте указывалось: «Ядринского уезду и иных городовъ и уездовъ мурзы Татаровя и Мордва и иныхъ верь иноверцы многие крестятца въ православную христианскую веру Греческого закона, а нашего великого государева жалованья, за недоборы денежной казны, за крещение имъ въ городахъ не дано, а инымъ дано несполна противъ *указныхъ статей*; и о томъ жалованье новокрещены намъ, великому государю, бьютъ челомъ, а денежную казну собрать вскоре не мочно. И мы, великий государь, пожаловали Ядринского уезду и иных городовъ и уездовъ мурзь и Татаръ и Мордву и Черемису и всякихъ розныхъ верь иноземцовъ, которые сами добровольно похотятъ креститца въ православную христианскую веру Греческого закона, и ихъ крестить безволочитно; а для того крещения, вместо нашего великого государя жалованья, имъ, новокрещеномъ мурзамъ и Татаромъ и всякимъ служивого чину людемъ, въ нашей великого государя службе давать льготы на шесть летъ, а ясашнымъ людемъ въ ясакъ и во всехъ всякихъ податяхъ въ плотяже льготы на шесть летъ же; а нашего великого государя *денежного жалованья и соболей и суконь за крещение не давать*» (ДАИ, т.VIII, №89, с.310–311). После получения данной грамоты ядринский воевода должен был призывать татар, мордву и черемис и иных иноверцев своего уезда и иных городов и уездов к крещению и «милость» им оказывать. О количестве новых неофитов воевода обязан был докладывать лично царю и «роспись в тетрадах подать в Приказе Казанского дворца бояри-

ну... князю Ивану Борисовичу Репнину съ товарищи» (Там же, с. 311).

Таким образом, по итогам анализа трех источников можно сделать следующие выводы. 1) Этот неизвестный указ царя Федора Алексеевича был издан не позднее 1679 г. и распространялся на Верхнее и Нижнее Поволжье. (Рассмотрение или доказательство распространения этого указа в Сибирский регион не входит в задачу нашего исследования. – *И.3*); 2) предполагал дифференцированное вознаграждение за крещение, с учетом социального происхождения неопита: для мурз – денежное вознаграждение («полное жалованье») и «соболя», для нетитулованных служилых татар – денежное вознаграждение (и, возможно, подарки); впервые для ясачных новокрещен из числа тяглого, ясачного населения было установлено денежное вознаграждение в сумме 3 рублей и куска сукна. Однако планы правительства были сорваны издержками, связанными с несвоевременным поступлением налогов от населения; бюджетный дефицит государства превратился в непреодолимое препятствие для успешного продолжения политики христианизации. Думается, в появлении такой неприглядной финансовой ситуации немаловажную роль сыграли военные расходы, связанные с войной Московского государства с Османской империей 1676–1681 гг.

Можно уверенно утверждать, что при патриархе Иоакиме (1673–1690 гг.) с 1675/76 г. Федор Алексеевич активизировал политику христианизации иноверцев (Беляков, 2015а, с.67). Более того, с 1678 г. государь нацелился на крещение многонационального ясачного населения края, подходя к решению поставленной перед собой задачи комплексно, включая в орбиту совместных интересов правительства и церкви заботу о материальном положении новокрещенных с тем, чтобы иноверцы могли воочию убедиться в выгоде принятия православия и о попечении государства об их благополучии. В рассматриваемый период единственным правительственным мероприятием, разрешающим провести тотальную ревизию материального благосостояния, производственно-бытовых отношений российских подданных различных вероисповеданий, и позволявших через земельную политику в определенной степени влиять на межконфессиональную ситуацию в местности, являлись систематически проводимые переписи населения. Как совершенно справедливо отмечает известный исследователь писцовых книг Казанского края

второй половины XVI – XVII вв. Д.Г. Мустафина, этот комплекс источников «содержит закодированную в количественных показателях богатую палитру социально-экономических параметров общества на конкретный момент. Достаточно напомнить, что мы часто говорим об основных направлениях политики правительства, забывая упомянуть о ее результатах, получается, что фактически не считаем нужным аргументировать свои слова и наблюдения. Тогда как эти сами основания для заключений о направлениях политики и их результативности беспристрастно отражены в писцовых материалах» (Мустафина, 2014, с.88).

Изменение принципа обложения вызвало проведение в 1677–1679 гг. валовой переписи дворов податного населения. Стольник М.С. Супонев и Д.И. Кошелев, стольник Б.Мякинин описывали дворы тяглого населения в Казанском уезде (Там же, с.95). По случаю проведения в Казанском уезде переписи дворов тяглого населения, Федор Алексеевич издал указ от 23 марта 1678 г., в котором был заложен комплекс мер по социальной защите ясачных новокрещен, с одной стороны, и изоляции их от мусульман и последователей традиционных верований, с другой. На основании поданных прошений новокрещенных в высшие инстанции, представитель правительства Д.И. Кошелев, командированный для проведения переписи в Казанский уезд, должен был «по их челобитью... разыскать же, и рассматривать накрепко, и разведывать о том со всякою осторожностью» (Айтплатов, 1967, с. 132, 135).

Согласно государеву указу от 23 марта 1678 г., при производстве переписи Дмитрий Иванович Кошелев должен был придерживаться следующих правил:

– если новокрещенные находились на кабальном положении на службе в хозяйствах «всех новокрещенных у тех людей (независимо их сословия и вероисповедания – *И.3.*) велено взять и посадить их дворы на ясаки, кто где жывал и дать им в тягле льготы на год, или как пристойно, смотря по их житьям, и по угодьям, и по своему рассмотрению»;

– если же в «прежних» хозяйствах новокрещен живут «сродичи их некрещенные, и тех из дворов велено вывести и землю и их всякими угоде владеть им не велеть, а жить своею братьею, кому где пристойно»;

– если же у новокрещеных «прежних» дворов и земельных наделов нет, им «велено отвести вновь под дворы и на пашню земли и всяких угодьев против их брать, и иных таких же в тех же местах, ис которых они крещены, или в которых местах пристойно, и потому ж дать в тягле льготы по рассмотренью»;

– если новокрещеные вдовы, сироты, «безродные люди», находившиеся на кабальном служении, после их освобождения, не имеют возможности завести своего хозяйства и родных у них нет, и «отдать их для прокормления некому», то «переписав, велено отдать с расписками в пригородах земских старостам на посады, а в селах старостам и крестьянам и велеть их кормить и беречь до государеву указу, да о том писать в Казань к стольнику и воеводе к Михаилу Львовичу Плещееву, и тем людям роспись прислать за своею рукою»;

– если крестьяне живут в хозяйствах служилых новокрещен «и за мурзы и за татары» в кабальной, а не в крепостнической зависимости, то их велено переписать, «взять и посадить на ясаки» (Там же, с.136).

Видимо, при проведении подворных переписей взаимосвязь льготного земельного обустройства, налогового обложения и крещения для непривилегированных слоев населения, ясачных крестьян была в порядке вещей. В царском указе особо подчеркивается, что «... новокрещеном во всяких делах велено держать ласку и привет и береженье большое, чтоб видя то, их братья некрещеные от прелестных своих вер обратились в православную веру» (Там же). Указ раскрывает стремление правительства материально поддержать и оказать реальную помощь новокрещеным, оказавшихся в тяжелой экономической ситуации или попавшим в экономическую зависимость татар-мусульман. Новокрещеным, ставшим батраками в хозяйстве нерусских, указывалось выделить наделы, а оставшихся по разным причинам без земельных наделов – обеспечить условиями для ведения земледельческого производства и предоставить льготы «в тягле». Представителей других социально незащищенных групп новокрещен в лице вдов, сирот, «безродных людей» рекомендовалось отдать на временное, до получения ими материального попечения от казанского воеводы, содержание местным посадским или сельским обществам. И, наконец, в случае выявления факта совместного проживания новокрещена в своем доме с родственниками прежней религиозной традиции, предписывалось не давать им совместно владеть землей с

новокрещеным и последних выселять к мусульманам. Эти моменты, с одной стороны, напоминают отдельные пункты грамоты царя Федора Ивановича, адресованной казанским воеводам князьям И.М. Воротынскому, А.Н. Вяземскому и дьякам И.Осокину и П.Карпову от 18 июля 1593 г., с другой – свидетельствуют о действии его положений в последней четверти XVII в.

С точки зрения материального содействия правомерно рассматривать и следующее предписание в указе царя Федора Алексеевича: «И которые (некрещеные. – *И.З.*) крестится похотят и их велено принимать, и как крещены будут, и их по тому ж устроить» (Там же). Определение размеров льгот и уступок новокрещеному находилось в компетенции чиновника, проводившего подворную перепись, который, в свою очередь, руководствовался, надо полагать, соответствующими предписаниями. Для улучшения своего благосостояния обедневшему «инородцу» не было более удобного случая, как принять крещение во время проведения переписи.

Как видно из указа царя Федора Алексеевича (1676–1682) от 23 марта 1678 г., попечение о социально-общественном статусе новокрещеных являлось важной чертой земельной политики власти. Представление земельных угодий, освобождение от налогов на определенный срок, особое «ласковое» отношение, на наш взгляд, это традиционные рычаги, используемые правительством в деле крещения и христианизации. А передачу на попечение и «кормление» сельским и посадским обществам новокрещеных сирот, вдов, «безродных людей», не имеющих своего хозяйства, следует признать новым явлением в политике христианизации, хотя нельзя исключить применение этих мер уже в первой половине столетия. В связи с «программным» характером запланированных мер по социальной защите новокрещен, правомерно предположить, что в свое время, польстивших на материальные подачки и льготы, православную веру приняла неблагополучная в социально-экономическом плане группа ясачного населения, которая, однако, растеряв предоставленные правительством преимущества, вскоре превратилась в батраков.

Итак, из текста царской грамоты от 15 февраля 1681 г., видно, что вследствие неполных налоговых поступлений в бюджет государства для ясачных новокрещен вместо вознаграждения в 3 рубля и одаривания сукном правительство ввело впервые шестилетнее освобождение от всех налогов, и, не выплатив служилым татарам

обещанного денежного жалования и подарков, поменяло систему и их материального поощрения шестилетней льготой от службы.

На первый взгляд, исходя из текста указа, кажется, что правительство решило поставить во главу угла реализации политики христианизации принцип совпадения желания с имеющимися возможностями. Трудно сказать, которая из льгот – прежняя или вновь введенная царской грамотой от 15 февраля 1681 г. – была выгоднее для мурз и служилых татар. Можно предположить, что служилые не приняли шестилетнюю льготу за крещение, потому что она лишь отсрочивала, а не избавляла навсегда от тяжелой воинской службы (Макаров, 2000, с. 116–117).

Однако сопоставление размера ясака и прежней денежной льготы для тяглого населения за крещение позволяет утверждать, что в документе речь шла лишь об отсутствии у правительства наличных денег на вознаграждение неофитов. В конце XVII в. в уездах Чувашии с одного ясака собирали ясачных, недельных, лесных, перевозных, ямских и полоняничных денег около 1 руб. (Макаров, 2000, с.117–118). По мнению Д.М. Макарова, шестилетняя льгота от налогов, в случае массового крещения ясачных людей, должна была серьезно ослабить поступления в казну, и самое главное – нововведение являлось невыгодным для государства и давало крестьянам большее предпочтение, чем прежняя льгота в 3 рубля и одаривание сукном. Такое решение, несомненно, было принято правительством с учетом возможных негативных финансовых последствий и численности неофитов, ранее крестившихся с целью получения денег. Если государство пошло на невыгодные для себя финансовые условия ради сохранения прежней политики христианизации, то это означало одно из двух: одержимость царя Федора Алексеевича идеей крещения ясачного населения – мусульман и последователей традиционных верований – или расчет государства на малочисленность неофитов, которые, соблазнившись возможностью получить казенные льготы, сменят вероисповедание. В последнем случае шестилетняя льгота от налогов имела бы большее пропагандистское, нежели практическое значение. Мы солидарны с мнением чувашского историка Д.М.Макарова о том, что в грамоте от 15 февраля 1681 г. «главную заботу правительства составляло крещение ясачных людей Поволжья, массовое крещение их решало основную задачу религиозной политики самодержавия в нерусских регионах государ-

ства» (Там же, с.117). Следует лишь добавить, что эта задача сохраняла прежнюю актуальность в царском указе от 16 мая 1681 г.

Как оказалось, правительство активно искало наиболее эффективные формы экономического воздействия на неопитов. Буквально через четыре месяца после принятия грамоты от 15 февраля государь пересмотрел приоритеты в вопросе награждения служилых новокрещен. Проанализировав установленные грамотой от 15 февраля 1681 г. правила, царь Федор Алексеевич указом от 16 мая 1681 г. ввел для мурз и служилых татар новые, индивидуальные, расценки за крещение, иницируя и материально поощряя активную жизненную позицию каждого члена семьи мурзы или служилого татарина по этому важному для государства вопросу. Очевидно, сделав приоритетной идею неуклонного окрещения татарской аристократической элиты, государство, несмотря на финансовые затруднения – дефицит наличных денег, подсчитало целесообразным вновь ввести денежное вознаграждение служилым новокрещеным. По части преференций для ясачных неопитов царь Федор Алексеевич пролонгировал положение грамоты от 15 февраля 1681 г., придав ему всеобщий характер.

Рассмотрим истоки указа от 16 мая 1681 г., касающиеся принуждения мурз и служилых татар к крещению, и, в случае отказа, изъятия поместий у тех из них, кто имел крепостных крестьян и бобылей православного вероисповедания. По справедливому замечанию А.В. Белякова, издав указ от 16 мая 1681 г. об отписке у мурз и татар низовых городов поместий и вотчин, правительство попыталось повторить вполне удавшийся эксперимент с крещением романовских и ярославских служилых татар (Беляков, 2015а, с. 67–68; Беляков, 2015, с.13). Репрессивные меры, изложенные в указе от 16 мая 1681 г., восходят к именному указу царя Федора Алексеевича «Об оставлении вотчин и поместий, отобранных у татар и других иноверцев, за теми, кому они отданы и о приискании новокрещеным из выморочных вотчин» 1675/1676 г. (ПСЗ–1, т.1, № 616, с.1029), который распространялся, по мнению А.В. Белякова, не только на романовских и ярославских татарских помещиков, а, возможно, на татарских помещиков всего Верхнего Поволжья (Беляков, 2015, с.67–68). В данном указе был зафиксирован порядок вознаграждения новокрещен поместьями и вотчинами «инородцев», отобранными у некрещеных татарских помещиков. Причем последние даже

в случае крещения не могли возвратить свои наделы, уже переданные новокрещеным или русским помещикам. В тот момент этой группе «запоздалых новокрещен» рекомендовалось выделять земельные угодья «из выморочных поместий». Иначе для части неофитов-новокрещен акт крещения фактически потерял бы смысл.

Итак, именной указ от 16 мая 1681 г. являлся логическим продолжением законодательной практики правительства царя Федора Алексеевича по христианизации служилых татар и ясачного населения. Часть репрессивных мер, заложенных в указе от 1675–1676 гг. и применявшихся ранее к некоторым группам мурз и служилых татар центральных уездов, указом от 16 мая 1681 г. была распространена на Волго-Уральский регион. Изданный в конце 1670-х гг. царский указ о награждении ясачных неофитов деньгами в сумме 3 рублей и одаривания сукном был заменен для тяглого населения Волго-Уральского региона льготой от всех налогов на целых шесть лет.

Претворение в жизнь указа от 16 мая 1681 г. Указ от 16 мая 1681 г. претворялся в жизнь с использованием мощи государственной машины. Грамоты о царском указе поступили в каждый город, мурзы и служилые татары чуть ли не поименно были уведомлены о тех льготах, которые дарует им русский государь, и о тех лишениях, которые ожидает их в случае непослушания государеву слову (Соловьев, 1997, с.237). С целью оказания психологического воздействия на татарских помещиков власти пошли на новые меры, о чем, в частности, свидетельствует царская «память» от 19 февраля 1682 г., адресованная курмышским подъячему и приставу «с товарыщи». Царь Федор Алексеевич предписал им «наспех, днем и ночью, неоплошно» объездить все мусульманские населенные пункты в Курмышском уезде, для оперативного исполнения подводы брать во всех деревнях и селениях, «собрать при себе» мурз, служилых татар, мурзинских жен, вдов, недорослей и девиц, и всем довести текст его, государева, предписания: «чтобъ они упрямство свое отложили, и во святую благочестивую христианскую веру Греческаго закона крестились, и восприявъ святое крещение, и челомъ государю и о поместьяхъ своихъ и о вотчинахъ в городехъ, за руками, приносили до 25 числа нынешняго 190 году; а которые по нынешнему великому государя указу, до того указного сроку христианския благочестивые веры Греческаго закона крещения не воспримуть. И о техъ своихъ предместьяхъ и о вотчинахъ челобитень не

подадутъ, и за то те ихъ поместья и вотчины и всякия угодыя розданы буду темъ мурзамъ и Татаромъ, которые напередъ крестились и которыя ныне февраля до 25 числа крестятся; а техъ Курмышскихъ мурзь и Татаръ, мурзинскихъ и Татарскихъ женъ, вдовъ, и недорослей, и девокъ, и иныхъ городовъ мурзь же и Татаръ, Курмышскихъ помещиковъ и вотчинниковъ... въ прошломъ во 189 году поместья и вотчины ихъ были отписаны, крестились и ныне крещены будутъ и которые креститься не похотять, и темъ всемъ учинивъ имянь ихъ роспись и изъ сказокъ перечневую выписку, прислать къ великому государю къ Москве марта къ 1 числу нынешняго 190 году» (ДАИ, т. VIII, №90, с.311–312).

Трудно сказать, насколько эта угроза-наставление возымела действие, однако очевидно, что она «заложила мину» в отношениях между родственниками новокрещеными и некрещеными мурзами и татарами. Следует отметить, что перспектива завладеть поместьями близких и дальних родственников-мусульман существенно расширяла социальную базу неопитов, прежде всего, за счет лиц, не имеющих крестьян православного вероисповедания.

Указ от 16 мая 1681 г. сыграл ключевую роль и в изъятии поместий и вотчин у татарских помещиков, которые решили остаться верными религиозным традициям предков, и в крещении части мурз и служилых татар, имевших крепостных крестьян православного вероисповедания. Всеобщий характер указа стал символизировать для некоторых мурз некую точку невозврата и способствовал формированию качественно нового представления о будущей своей жизни, в которой нет смысла дальнейшему сопротивлению внутриполитическому курсу правительства. Не случайно крещение приобрело массовый характер в центральных районах России. Челобитная новокрещеных князей и служилых татар из 10 человек, большинство которых именуют себя «князьями» (следовательно, прошения подали татарские помещики центральных уездов России. – *И.З.*), принявших православную веру в 1681 и 1682 гг., была адресована в 1582 г. государю Федору Алексеевичу⁵. Они сообщали, что, по цар-

⁵ Челобитная подана от имени десяти новокрещен: князя Андрея Мостофина, князя Алешки Девлет Килдеева, князя Дмитрия Девлет Килдеева, князя Алексея да князя Ивана Мостафиных, князей Семена и Ивана Алмашевых, детей Мостофиных, князя Александра Мамателеева, сына Мустофина, Роди-

скому указу «отписаны на... государя, поместья родственников наших и вотчины и крестьяне мурз и татар». Новокрещенные просили у царя отписанные поместья некрестившихся родственников, с которыми они жили в одних поместьях и вотчинах, и домах, и владели крестьянами сообща, отдать им, новокрещеным (История Татарии, 1937, с.176–177). В случае удовлетворения ходатайства этой группе новокрещен удалось бы сохранить в своем распоряжении земельные угодья своих близких родственников.

Попытки ходатайствующих заполучить задним числом отписанные поместья своих родных свидетельствуют о том, что единственной возможностью сохранить поместья в руках рода (насел) была приписка всей недвижимости новокрещенному – представителю этого рода. Таким образом, крещение отдельных представителей родов мурз и служилых татар также было обусловлено (или предполагало) «адаптацией» к новым требованиям властей, желанием сохранить за родом всей земельной недвижимости, унаследованной от отцов и дедов и жалованной царем.

Нововведение обозначило разное социальное поведение татарских помещиков в регионах. Указ от 16 мая 1681 г. еще более усугубил положение той группы романовских и ярославских мурз, которые, несмотря на потерю поместий, отстаивали свое право на исповедание мусульманской религии. Своим указом от 24 мая 1681 г. (ПСЗ–1, т.2, №870, с.315) царь Федор Алексеевич повелел: не выполнивших указ от 16 мая и оказавшихся без земли мурз и служилых татар с семьями и «людьми их басурманской верь» выслать из Москвы в Углич и разместить на постоянных дворах за счет новокрещен, получивших их надель. Государство, предвидя у ссыльных серьезные затруднения экономического характера, в случае отсутствия другого источника дохода, сохраняло для них «шанс» возвращения в прежнее состояние путем смены вероисповедания. В случае изъявления желания принять православие правительство гарантировало им возврат земельных угодий. Однако вскоре по указу «О неповороте крестившимся мурзам и татарам поместий их, отданных новокрещеным, и о даче им выморочных поместий» от 26 марта 1683 г. все случаи возвращения в предыдущие годы надель прежним владельцам – служилым татарам объявлялись недействи-

вона Уварова сына Мустафина и Семена Ивлиева сына Шахеева, Якова Васильева сына Шехаева (История Татарии, 1937, с.176–177).

тельными, и они должны были быть возвращены христианам и новокрещеным. Даже после крещения мурзы и служилые татары теперь не могли рассчитывать на возвращение старых поместий и вотчин, им было указано выделить им земли «из новокрещенских выморочных поместий». В указе особо оговаривается запрет передачи поместий и вотчин умерших новокрещеных их некрещеным родственникам или «чужеродцам», и горовится о передаче их только «женам и детям новокрещеных» и «русским людям». Обе стороны – и государство, и сами новокрещены – понимали, что в основе крещения лежали экономическое принуждение первого и стремление вторых сохранить свое материальное благополучие. Поэтому «великие государи», правомерно предвидя возвращение новокрещен в ислам, предупреждали, что в случае снятия ими с себя креста и по розыску таких лиц поступать с ними по государеву указу и Соборному уложению 1649 г.

Рассмотренная нами челобитная группы новокрещеных мурз и служилых татар «разных городов» 1682 г., адресованная государю Петру Алексеевичу, раскрывает одну из трагических сторон жизни мусульман того времени. Часть мурз и служилых татар крестилась не сразу, а лишь после того, когда властями были изъяты их поместья и вотчины, в результате некоторая часть из них, оказавшись без средств существования или в затрудненном материальном положении, решалась на акт крещения. Они выражали недовольство по поводу того, что в отличие от знакомых, которые крестились в 1679 – 1682 гг., им выдали лишь «денежное жалованье малое: всего по десять рублей», и они не были пожалованы «поместьями и вотчинами», и просили возвратить им после крещения поместья, описанные на государя или на их ранее крещеных родственников (История Татарии, 1937, с.177–178).

Некоторые итоги по реализации государева указа от 16 мая 1681 г. позволяет подвести сведения Сената о численности оставшихся в распоряжении татарских помещиков дворов православных крепостных крестьян за 1710 год. При этом следует отметить, что к этому времени после издания указа 16 мая 1681 г. и его приостановки по части изъятия крепостных крестьян летом 1682 г. прошло уже почти 40 лет, следовательно, увеличилась численность и татарских помещиков, и зависимого населения, правда, без изменений осталось количество деревень.

Таблица 1

Количество мурз, служилых татар, имеющих православных крепостных, по данным 1710 года (Ислаев, 2001, с.32).

Уезды	Кол-во мурз	Кол-во сл. татар	Кол-во деревень	Кол-во дворов	Примечания
Казанский	8	10	5	48	
Свияжский	3	3	3	57	
Симбирский	11	1	4	41	4 двора
Пензенский	46	2	11	76	
Саранский	20	2	12	39	4 солд. двора
Всего	88	23	35	261	8

Согласно сведениям Сената, к 1710 г. в Казанском, Свияжском, Симбирском, Пензенском и Саранском уездах оставалось еще 88 мурз и 23 служилых татар, которые владели 260 дворами крепостных крестьян православного вероисповедания, расселенных в 35 деревнях. Следовательно, действие указа от 16 мая 1681 г., имевшее кратковременный характер, не позволило самодержавной власти полностью лишить татарских помещиков крестьян православного вероисповедания.

Восстание в Приуралье 1681–1684 г. – ответная реакция населения на указ от 16 мая 1681 г. Оглашение указа от 16 мая 1681 г. не оставило у населения Волго-Уральского региона иллюзий относительно конечной цели религиозной политики московского правительства. Следует отметить, что помимо религиозного вопроса в каждом регионе имелась масса проблем. Одна из них – невыполнение властями своих обещаний, в том числе данных властями после восстания 1662–1664 гг. (Устюгов, 1947, с.106–107), которые также усиливали протестные настроения мусульман и последователей традиционных верований (Акманов, 1978, с.44). В такой напряженной ситуации указ от 16 мая 1681 г., содержание которого передавалось из уст в уста, спровоцировал восстание мусульманского населения. В этой связи совершенно однозначно – в контексте разворачивающейся политики христианизации служилых татар и ясачных людей – было воспринято мусульманами известие об учреждении по указу от 27 ноября 1681 г. в Приуралье новой епархии во

главе с епископом, который был призван претворять в жизнь царский указ от 16 мая 1681 г. (Акманов, 2011, с.108).

Со времени начала миссионерской деятельности архиепископом Гурием в Казанском крае прошло 125 лет, и в Среднем Поволжье проживало уже пятое поколение служилого и ясачного населения – российских подданных, которые выражали свой протест против экономического и этноконфессионального гнета правительства посредством вооруженных выступлений или скрытого неповиновения, что не позволяло самодержавию добиваться заметных результатов в деле крещения, в результате в Казанском крае наблюдалась устойчивая приверженность основной массы мусульман и последователей традиционных верований своим религиозным традициям. В Приуралье же до этого времени власть не вмешивалась во внутриобщинную жизнь местного населения.

Практика взаимоотношений новой власти с подданными в Казанском крае за прошедшее столетие подсказывала населению Приуралья, что претворение в жизнь нового указа и деятельность руководства вновь учреждаемой епархии будут развиваться по накатанному сценарию военно-феодальной колонизации Среднего Поволжья: усиление русской колонизации, строительство новых русских крепостей и монастырей, активизация христианизации, следовательно – грубое вмешательство во внутриобщинную и семейную жизнь людей, разрушение прежнего уклада бытовой и религиозно-обрядовой жизни, трансформация межэтнических связей и контактов под бдительным оком воеводской власти.

Руководителями восстания выступили мусульманские духовные лица – абызы, которые сыграли главную роль в идеологической обработке населения. Очевидно, подразумевая тяжкую участь мордвы, которую правительство поставило перед выбором: быть крещенными или закабаленными, приписанными к крепостному состоянию, среди мусульман и последователей традиционных верований распространились слухи о том, что власти будут в городах насильственно крестить жителей или отдадут не исполнивших волю правителей в кабалу. Как видно, борьба с христианизацией имела многостороннюю мотивацию: религиозный вопрос для повстанцев был тесно переплетен с социальным вопросом и увязывался с сохранением прежнего статуса. Нельзя исключить, что руководители восстания внесли свою лепту в вольное интерпретирование указа от

16 мая 1681 г., называя его началом тотального принудительного крещения народов Поволжья и Приуралья. Однако следует признать, что в их словах была доля истины.

Несмотря на недостаток источников, в целом можно определить основные вехи восстания 1681 – 1684 гг. Оперативному доведению до населения содержания указа способствовали местные воеводы и члены воеводских канцелярий. Уже в мае 1681 г. в деревнях жители обсуждали на собраниях глубоко потрясшую их новость о предстоящем крещении. Повстанцы соседних дорог, установив между собой связь, пытались координировать антиправительственные выступления. В частности, в Зауралье выехали мусульмане Ногайской дороги: в конце июля – начале августа 1681 г. власти были поставлены перед фактом: восстали жители Ногайской и Сибирской дорог в европейской части Приуралья.

Массовый характер восстание приобрело в начале апреля 1682 г., когда под руководством мусульманского религиозного деятеля Сеита восставшие стали нападать на закамские крепости. В мае отряды повстанцев появились возле Уфы. Массовости восстания в немалой степени способствовали выезды отдельных личностей, в основном это были абызы – местные муллы, которые призывали бороться за свои религиозные права ⁶.

Уже в мае воеводы Казани и Уфы обратились в Москву за военной помощью. Согласно сообщению очевидцев, в конце мая «уфинский город осаде от мордвы, черемис и башкирцев и многое время к Уфе приступают..., а казанские пригороды повоевали 7 пригородов...» (Цит. по: Акманов, 1978, с.45). «Севернее закамских крепостей восставшие подошли к самой р. Каме, запылали монастыри, церкви, помещичьи и дворцовые села, основанные на башкирских землях... борьба шла и за Камой в пределах Енейской волости», – отметил уфимский историк И.Г. Акманов, специально изучавший эти события (Там же, с.45). В мае одним из центров восстания стала Осинская дорога, здесь главный удар был направлен на Кунгур, который осадили мордва, башкиры и татары, было также совершено

⁶ Например, в мае 1682 г. около дворцового села Каракулево был пойман «подговорчик абыз Илметайка, который был от вора Сеит Сафирка (главный идеолог и руководитель восстания. – И.З.) подговаривать казанского и уфимского уезду всех свою братью в измене» (Цит. по: Акманов, 1928, с.45).

нападение на крепость Самара. В июне повстанцы хозяйничали в Казанском, Уфимском, Кунгурском и Верхотурском уездах.

Узнав о причинах опасений повстанцев, правительство стало предпринимать меры, чтобы успокоить население. Тревожное известие о восстании в Волго-Уральском регионе вынудило правительственные круги смягчить прессинг на мурз и ясачное население: «20 мая 1682 г. в Кадом послали грамоту, в которой утверждалось, что «которые мурзы, тотары, мордва, чуваша и черемисы не похотят креститься, их оставят в покое» (Беляков, 2015а, с. 69).

В то же время правительство намеревалось продолжить курс царя Федора Алексея на крещение иноверцев и подавить восстание. Для поддержки православных воинов в борьбе с мусульманами, «великие государи» и Софья Алексеевна 11 июня 1682 г. направили в Казань, помимо войсковых частей, «образы и знамена пресвятой Богородицы». Эти действия свидетельствуют о стремлении разыграть карту противопоставления православного населения иноверцам, которые восстали, отказываясь от предписания царей креститься. Однако надежды правительства на скорейший разгром повстанцев оказались несбыточными, а увещания и уговоры воевод не возымели на них действия.

Цари Иван и Петр Алексеевичи были вынуждены обратиться к повстанцам со специальной грамотой от 8 июля 1682 г. Государи упрекали башкир, чуваш⁷ и черемис в том, что они поддались ложным слухам, «будто вас басурманов велено в городах крестить в православную веру в неволеу», и призвали повстанцев прекратить восстание, за что обещали монаршую милость. Цари заявили, что указа о насильственном крещении «иноземцев» не было и не будет: «... а что вменяют воры вам всем башкирцам и чуваше и черемисе ложно, что будто было басурманов велено крестить неволею и тем вас приводить на всякие злые дела. А вам всем чинят великое оскорбление и смуту. И вы бы все ведали и своей братье сказывали всем, что такого нашего великих государей указу о крещении, что крестить неволею, не бывало и ныне нет и вам бы о том ни о чем не сумневатца» (Акманов, 1978, с.48) По сути, государи публично отказались от провозглашенной царем Федором Алексеевичем политики массового крещения мусульман и последователей традицион-

⁷ Речь идет, прежде всего, о ясачных чувашах.

ных верований (Акманов, 2011а, с.115). Своей упорной борьбой и воинской доблестью повстанцы заставили самодержавную власть временно воздержаться от осуществления своей стратегической цели по крещению нерусских народов Среднего Поволжья и учреждению православной епархии в Приуралье и перенести эти планы на более благоприятное для себя время.

Грамота «великих государей» от 8 июля 1682 г. внесла раскол в ряды повстанцев: доверенные четырех дорог повезли челобитые в Москву, просили прощения и обещали вернуть пленных, согласились дать аманаты. Другая группа во главе с мусульманским религиозным деятелем Сеитом вошла в союз с калмыками и в конце июля – августе 1682 г. развернула военные действия на Казанской (в районе рек Ия и Сунь), Осинской и Ногайской дорогах, возобновила нападения на закамские крепости. Повстанцы продолжали борьбу и после ухода в сентябре из района восстания основных сил калмыков во главе с Аюка тайшой. К этому времени восстание охватило Зауралье. В октябре 1682 г. правительство было вынуждено обещать повстанцам более не посягать на башкирские земли, сняло с должности ненавистного населению уфимского воеводу. Однако в 1683 г. восстание возобновилось с новой силой, потому что нерусское население не верило обещаниям ни русских воевод, ни правительства. В мае 1683 г. на Ногайской дороге повстанцы напали на Соловарный город, расположенный в среднем течении р.Белой, сожгли Вознесенский монастырь, на Казанской дороге напали на закамские крепости, особенно жестокие бои шли за Билярск. Против восставших двинулись войсковые части во главе с казанским воеводой князем Ю.С. Урусовым, на места боевых действий из разных городов были направлены рейтары, солдаты, а также яицкие казаки. В июне 1683 г. около закамских крепостей, в частности возле Мензелинска, произошел ряд боев, приведших к свертыванию повстанцами активных действий; восстание перешло в Зауралье, где правительственные силы были более уязвимы. Однако в 1684 г. восстание вновь возобновилось, решающее сражение состоялось около села Богородское у р.Уфа, после этого в регионе постепенно наступило общественное спокойствие (Там же, с.115–117).

Итак, ослабление «кулачной проповеди» в политике христианизации правительства в 1680-е гг. следует оценивать в контексте вы-

шеописанных событий – борьбы правительства с башкиро-татарским восстанием.

Другим ключевым фактором, заставившим Софью Алексеевну пересмотреть указ от 16 мая 1681 г., стало стрелецкое восстание в Москве. Поэтому накануне выезда из столицы, 19 мая 1682 г., она разослала в города письма с просьбой побуждать ратных людей к «скорейшему походу без всяких оговорок в полном вооружении явиться в Троицкий монастырь» (Устрялов, 1858, с.89). Видимо, в этот период экстрима мурзы и служилые татары играли определенную роль в происходивших событиях, и сохранение силы указа от 16 мая 1681 г. отнюдь не способствовало установлению доверительных отношений между правительством и мусульманами. Профессор Н.Фирсов по этому поводу писал: 29 мая 1682 г., спустя три дня после утверждения в качестве правительницы Софьи Алексеевны, было разрешено оставить половину поместий и вотчин за помещиками, отписав в пользу государя остальную часть (Фирсов, 1866, с.114; ПСЗ–1, т.2, №923, с.403). Вскоре Софья Алексеевна от имени «великих государей» 13 июля 1682 г. объявила о возвращении отнятых у мурз и служилых татар и вторую половину вотчин и поместий при условии, если они в своих хозяйствах «ко крестьянам никаких налогов и православной христианской вере тесноты не причинили» (ПСЗ–1, т.2, №944, с.456). Следует подчеркнуть, что эти уточнения касались лишь пострадавших и в экономическом отношении ущемленных за свою приверженность вере отцов и дедов мурз и служилых татар: крещение не имело обратной силы. Тем не менее, «почувствовав слабину властей, часть новокрещенцов отказалась от христианства. По региону прокатилась волна обвинений в ложном крещении и «скидывании креста»» (Беляков, 2015, с. 168).

Правительство оставалось верным своему стратегическому курсу по христианизации иноверцев. В период восстания, с учетом того, что под воздействием указа от 16 мая 1681 г. массово крестились мурзы и служилые татары центральных уездов, где царило спокойствие, правительство пересмотрело свои уступки. Именным указом от 26 апреля 1683 г. было объявлено, что «которые татарские и иных иноверцев поместья и вотчины взяты по указу... царя и великого князя Феодора Алексеевича..., и розданы русским людям и новокрещеным за крещение..., и тем поместьям и вотчинам быть за теми людьми по дачам. А прежде помещикам бусурманам тех по-

местий не отдавать». Тем самым правительство внесло очень важное уточнение в «отхотные» указы от 29 мая и 13 июля 1682 г., обеспечив возврат ранее отписанных крепостных крестьян и бобылей прежним хозяевам. Очевидно, что мурзы и служилые татары должны были получать новые земельные угодья без крепостных людей. Более того, второй пункт указа от 26 апреля 1683 г. полностью перечеркнул «отхотные» указы от 29 мая и 13 июля 1682 г.: «а которые поместья и вотчины из дач, по челобитью прежних помещиков басурманов, у русских людей и новокрещенов поворочены до сего ... указу отданы по прежним помещиком иноверцев в прошлом во 190 и во 191 годех (1682 и 1683 гг. – *И.З.*), и те поместья и вотчины у них, иноверцов, взять и отдать, по прежнему указу, русским людям и новокрещом» (ПСЗ–1, т.2, №1009, с.644–645; Макаров, 2000, с.125). Однако следует отметить, что указы от 29 мая и 13 июля 1682 г., несмотря на их корректировку данным законодательным актом, сделали самое главное – они отменили практику изъятия поместий и вотчин у мурз и служилых татар, имеющих крепостных крестьян и бобылей православного вероисповедания, и передачу в будущем изъятной недвижимости новокрещеным. Так был достигнут компромисс между правительством и служилой татарской корпорацией.

Итак, грамота государей от 8 июля 1682 г. стала важной победой повстанцев, которые, будучи уверенными в справедливости своего права исповедовать веру предков, защитили свои права с оружием в руках. Несомненным успехом повстанцев также следует признать временный отказ правительства от идеи учреждения в Уфе новой епархии. Также под воздействием восстания народов Волго-Уральского региона, подведомственного Казанскому приказу, указом от 20 октября 1682 г. было наложено «вето» на раздачу мордовских, черемисских, чувашских оброчных и ясачных и татарских «подкидных земель» в поместья «детям боярским и всяких русских чинов». Однако ранее переданные земли не подлежали возврату (ПСЗ–1, т.2, №959, с.471–472).

Движущей силой восстания 1681–1684 гг. было многонациональное ясачное население Волго-Уральского региона. Именно оно было напугано планами правительства по христианизации и озлоблено на российскую власть и отстаивало право на сохранение прежнего религиозного уклада.

Таким образом, указ от 16 мая 1681 г. был направлен на христианизацию аристократической элиты татар, а шестилетняя льгота от налогов и повинностей должна была способствовать крещению ясачного населения. Вторая половина мая 1681 г. – первая половина 1682 г. стали временем наиболее активного претворения в жизнь данного законодательного акта, затем, под воздействием восстания нерусских народов, его реализация была парализована, а в центральных регионах власти были вынуждены ослабить хватку и действовать осмотрительно, предписав администрации не давить на служилых и ясачных иноверцев с целью крещения. По сути, грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей от 8 июля 1682 г., которой было объявлено об отсутствии указа о крещении иноверцев в период восстания, была равнозначна отмене тех пунктов указа от 16 мая 1681 г., касающихся ясачного населения. По крайней мере, именно в таком смысле грамота была воспринята повстанцами четырех дорог Приуралья. В период восстания под воздействием слухов о крещении и не желая быть наказанными своим ближайшим окружением, вероятно, лишь единицы осмеливались открыто заявить о намерении креститься. Тем не менее, шестилетняя льгота для ясачных новокрещен не была официально отменена в установленном порядке и продолжала действовать.

Несомненно, часть крестьян воспользовалась появившейся возможностью облегчить свое социально-экономическое положение. Д.М. Макаров, изучив сборник С.Мельникова «Акты исторические и юридические и древния царския грамоты Казанской и других соседственных губерний», выявил факты действия этих льгот среди ясачных новокрещен. Эти документы (челобитья новокрещен) относятся к 1692 и 1693 гг.: к этому времени действие шестилетней льготы от налогов еще не закончилось, следовательно, ясачные люди получили эти льготы за смену вероисповедания не позднее 1686 г. (Мельников, 1859, с.121–123, 148; Макаров, 2000, с.129). Однако эта льгота в тогдашней общественно-политической обстановке не сыграла роль побудителя к массовому крещению ясачных иноверцев, на что рассчитывало правительство.

Петр Великий в своей законодательной практике учел опыт христианизации начала 1680-х гг. Главный урок, который вынес государь-преобразователь России – это осуществление дифференцированной политики крещения. Его указ «О крещении в Казанской

и Азовской губерниях магометан, у которых в поместьях и вотчинах находятся крестьяне православной веры» от 3 ноября 1713 г. дал татарским помещикам полгода на крещение, в противном случае их зависимые люди изымались в пользу государя. Как и в 1681 г., был применен психологический прессинг на служилых татар с намерением сломать их волю и неповиновение государю: буквально через три недели, 27 ноября 1713 г., появился указ, предписывавший: «деревни, которые за басурманами, сказать, что ежели не крестятся все, отнять и чтоб в том долгова сроку не давать». Лишь указом от 12 июля 1715 г. была прекращена практика изъятия поместий у татарских помещиков (Ногманов, 2005, с.95–96). В отношении ясачного населения лишь указом «О льготах новокрещенным от всяких поборов и податей на три года» от 1 сентября 1720 г. (Там же, с. 95) император счел целесообразным возродить практику предоставления ясачному населению льгот за крещение 1681 г. Таким образом, указ от 16 мая 1681 г. является апогеем законодательной политики христианизации правительства царя Федора Алексеевича; вслед за «наказной памятью» царя Ивана IV 1555 г., он стал новой комплексной программой по крещению служилых и ясачных иноверцев, претворение в жизнь которой легло на Романовых в первой и второй трети XVIII в.

Источники и литература

1. *Айтплатов Г.Н.* Новый архивный документ о ясачном обложении и ясачной политики царизма в Марийском крае в XVII веке // История, археология, этнография мари: Труды Марийского НИИ языка, литературы и истории. Вып.22. – Йошкар-Ола, 1967. С.130–147.
2. *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII в.: учебное пособие к спецкурсу «Классовые и национально-освободительные движения в России в конце XVII – первой трети XVIII в.». – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1978. 78 с.
3. *Акманов И.Г.* Налоги и повинности башкир. Религия и управление // История Башкирского народа в семи томах. Т.III. – Уфа: Гилем, 2011. С.106–110.
4. *Акманов И.Г.* Восстание 1681–1684 гг. // История Башкирского народа в семи томах. Т.III. – Уфа: Гилем, 2011а. С.115–118.
5. *Акты*, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 1. 1294–1598. 548 с.

6. *Багaley Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М.: Универ. типогр., 1887. 614 с.

7. *Беляков А.В.* Крещение мусульман и проблема их интеграции в России XVI–XVII вв. // Национальная политика России в контексте современных вызовов: идеи, практики, перспективы. Сборник трудов по итогам работы научно-исследовательских секций «Конгресса народов России – 2015». – Нижний Новгород, 2015а. С.56–74.

8. *Беляков А.В.* Конфессиональная политика России конца XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С.13–14.

9. *Доброклонский А.* Руководство по истории русской церкви. Вып. 3. – М.: Университетская типография, 1889. 307 с.

10. *Документы и материалы* по истории Мордовской АССР. Т.1. / Отв. ред. Б.Д. Греков, В.И. Лебедев. – Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. 436 с.

11. *Дополнения к актам историческим*, собранные и изданные археографической комиссией. Т.VIII.

12. *Ермолаев И.П.* Создание Приказа Казанского дворца как модели управления полиэтничным регионом. // Окраины Московского государства и Российской Империи: инновационные подходы в изучении Имперской истории России. – Казань, 2012. С.19–34.

13. *Загидуллин И.К.* «Наказная память» царя Ивана IV архиепископу Гурию как исторический источник // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы: Тезисы и краткое содержание докладов международной научной конференции, 10–11 октября 1996 года. – Казань, 1997. С.260–263.

14. *Загидуллин И.К.* Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в Казанском крае во второй половине XVI – начале XVII вв. // СТТГ. 2016. №8. С.146–166.

15. *История Татарии* в материалах и документах. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 503 с.

16. *Кантелер А.* Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX вв. этно-религиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.). – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С.13–39.

17. *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI – XVII вв.: Учебное пособие. – Чебоксары, 1981. 102 с.

18. *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.): Монография. – Чебоксары: Чувашский гос. ун-т, 2000. 280 с.

19. *Мустафина Д.А.* Писцовые книги как источник по истории народов Среднего Поволжья второй половины XVI – XVII вв. // Исторические

судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 4. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVI – начало XVIII вв.)» и Круглого стола «Понятия «чюваш» и «ясачная чюваша» в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (г. Казань, 6 декабря 2013 г.), проведенного в рамках данной конференции. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2014. С.85–98.

20. *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках // Никольский Н.В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. II / Сост., автор предисловия, комментариев и примечаний Г.А. Николаев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С.126–356.

21. *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI – XVIII веков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 215 с.

22. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 г. Учеб. пособие для высшей школы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. 444 с.

23. *Путешествие* Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с араб. Г.Муркоса. – М.: Университет. типогр., 1896. 166+208 с.

24. *ПСЗ–I*. Т.2. №867. С.312–313.

25. *ПСЗ–I*. Т.2. №870. С.315.

26. *ПСЗ–I*. Т.2. №923. С.403.

27. *ПСЗ–I*. Т.2. №944. С.456.

28. *ПСЗ–I*. Т.2 №959. С.471–472.

29. *ПСЗ–I*. Т.1. № 616. С.1029.

30. *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 7. Т. 13–14. История России с древнейших времен. / Отв. ред. Н.А. Иванов / – М.: Голос, Колокол-Пресс, 1997. 752 с.

31. *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. – Т.1. Господство царевны Софии. – СПб.: Типогр. II отделения Е.И.В. канцелярии, 1858. 340, 4 с.

32. *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. 1947. Т.24. С.30–110.

33. *Фирсов Н.А.* Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. – Казань: Университетская типография, 1866. 261 с.

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 1. 1294–1598. 548 с.

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т.VIII.

СТГГ – Средневековые тюрко-татарские государства

И.К. Заһидуллин

Патша Федор Алексеевичның «Мирза һәм йомышлы татарларның жир биләмәләрен һәм вотчиналарын тартып алу һәм христиан динен кабул иткәннәргә бирелә торган өстенлекләр» турындагы 1681 елгы 16 май указы хакында

Мәкаләдә патша Федор Алексеевичның «Мирза һәм йомышлы татарларның жир биләмәләрен һәм вотчиналарын тартып алу һәм христиан динен кабул иткәннәргә бирелә торган өстенлекләр» турында 1681 ел 16 май указының Урта Идел буенда яшәгән рус булмаган халыкларга карата XVI гасырның уртасы – XVIII йөзгә беренче чирегендә самодержавиенен чуқындыру сәясәте өлкәсендә канун чыгару практикасында тоткан урынын ачыклау омтылышы ясала. Бу указының сәбәпләре, алшартлары, йомышлы һәм ясаклы татарлар арасында аны тормышка ашыруның нәтижеләре баян ителә.

Ачыкч сүзләр: патша Федор Алексеевич, патшаның 1681 ел 16 май указы, христианлаштыру сәясәте, ясаклы яңа чуқынганнар, йомышлы яңа чуқынганнар, Урта Идел буе.

I.K. Zagidullin

About Decree of the tsar Fedor Alekseevich «About confiscation from the Murzas and Tatars their estates and ancestral lands, and about benefits which are provided to those who have accepted Christian belief» of May 16, 1681

In the article is made an attempt to determine the place of the decree of the tsar Fedor Alekseevich «About confiscation from the Murzas and Tatars their estates and ancestral lands, and about benefits which are provided to those who have accepted Christian belief» of May 16, 1681 in legislative practice of autocracy of the middle of the XVI – first quarter of the 18th centuries on the christianization of the non-russian people of Central Volga region, sources, ways of realization and its results concerning the service and ‘yasachny’ population of the region.

Keywords: tsar Fedor Alekseevich, Decree of May 16, 1681, politics of christianization, ‘yasachny’ newly baptized, military newly baptized.

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: zagik63@mail.ru

Загидуллин Илдус Котдус улы – тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенә мөдире (Казан шәһәре).

Zagidullin Ildus Kotdusovich – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of modern history, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

Проблема «ясачных чувашей» в современной российской историографии

Статья посвящена историографическому анализу исследований современных российских авторов по вопросам этнической, религиозной и языковой принадлежности, а также социально-экономического положения «ясачных чувашей» в XVI–XVII вв. в Среднем Поволжье. Выявлены особенности и противоречия во взглядах представителей казанской и чувашской исторических «школ». Рассмотрены работы марийских и башкирских исследователей, включившихся в разработку проблемы «ясачных чувашей» в постсоветский период. Сделан вывод о наметившемся сближении позиций татарских и чувашских исследователей по некоторым аспектам поставленной проблемы. В частности, прослежено постепенное утверждение в современной литературе в качестве основополагающего тезиса об общности булгарского наследия для чувашей и татар. Статья подводит некоторые итоги исследования проблемы «ясачных чувашей», позволяя выявить недостаточно изученные ее аспекты.

Ключевые слова: булгарское наследие, «ясачные чувашаи», казанские татары, Казанское ханство, этническая история, отечественная историография.

С понятием «ясачные чувашаи», встречающимся в русских документах XVI–XVII вв., связан широкий круг дискуссионных вопросов, разрешение которых весьма затруднено практически полным отсутствием источников по истории Казанского ханства. Тем не менее, в отечественной историографии имеется большой массив исследований, посвященных изучению различных аспектов истории ясачного населения Среднего Поволжья в составе Казанского ханства и Российского государства, в том числе чувашей. На наш взгляд, наибольший интерес представляют вопросы этнической, религиозной и языковой принадлежности, социально-экономического положения группы населения, именуемой в источниках «ясачная чуваша», поскольку политический аспект их истории получил достаточно широкое освещение. Литературу по данной проблематике можно условно разделить на дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

В дореволюционной историографии история «ясачных чувашей» не являлась предметом отдельного изучения, рассматривалась в непосредственной связи с историей Казанского ханства и вхождение народов Среднего Поволжья в состав России.

Изучение проблемы «ясачных чувашей» в советское время имело слишком схематический, односторонний характер. Отечественные исследователи, представленные, главным образом, историками казанской и чувашской «школы», отстаивали полярные точки зрения, до конца 1980-х гг. практически игнорируя аргументы друг друга. При этом характерной чертой историографии советского времени было то, что при определении этнической принадлежности «ясачных чувашей» главное внимание уделялось вопросам этногенеза татарского и чувашского народов. Постепенный отход ошибочной точки зрения о финно-угорском происхождении чувашей на задний план и осознание общности болгарского наследия для чувашей и татар позволили перейти к более объективному изучению данной темы.

С начала 1990-х гг. начался новый этап в изучении проблемы «ясачных чувашей» Казанского края, характеризующийся освобождением от идеологических установок и расширением методологической базы исследований. Еще в конце 1980-х гг. в дискуссию об этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского края вступает чувашский этнограф В.П. Иванов. Исследования, характеризующие историческую динамику расселения и численности чувашского народа, написаны с привлечением материалов из ряда опубликованных работ В.Д. Димитриева, поэтому содержат во многом схожую аргументацию для обоснования тезиса о чувашской этнической принадлежности «ясачных чувашей» (Иванов, 1989; Иванов, 1992; Иванов, 1998). Очерчивая территорию расселения болгаро-чувашей в середине XVI в., В.П. Иванов выделяет две области их проживания: 1) центральные и северные районы современной Чувашской Республики, где после ассимиляции некоторой части горных марийцев в конце XV – начале XVI в. формируется чувашская народность с сохранением доминирующего характера болгарского компонента; 2) земли на восток от Казани вплоть до реки Вятки, входившие в состав «Чувашской даруги» Казанского уезда, большая часть болгаро-чувашского населения которой в XV–XVI вв. в результате принятия ислама отатарилась, меньшая, сохранив язычество, мигрировала на территорию Чувашии. Автор пола-

гает, что «этноним «чуваш» в Казанском ханстве обозначал ясачных людей, в основном сельских жителей, исповедовавших языческую религию, в то время как городское мусульманское население, главным образом служилые люди, в официальных документах именовались «татарами».

Тезис о постепенном отатаривании левобережных чувашей подтвержден лингвистическими исследованиями чувашского языковеда Н.И. Егорова (Егоров, 1992; Егоров, 1999, с. 13–27). Анализ этноязыковой ситуации в Среднем Поволжье в казанский период (1445–1551 гг.) позволил ему сделать следующий вывод: «В годы расцвета Казанского ханства ослабли позиции болгарского языка, возросла престижность татарского языка, и началась ассимиляция местного болгаро-чувашского населения Заказанья и Присвияжья, которое, однако, было окончательно поглощено татарами лишь к концу XVII в.» По мнению автора, об этом свидетельствуют следы болгаро-чувашского языка, сохранившиеся в топонимии Заказанья и субстратной лексике татарского языка (Егоров, 1999, с. 23).

Кардинально противоположной точки зрения придерживаются М.З. Закиев и Я.Ф. Кузмин-Юманادي (Закиев, Кузмин-Юманادي, 1993). Утверждая, что язык волжских болгар характеризуется не чувашскими, а общнотюркскими особенностями, они отвергают общность болгарского наследия для татарского и чувашского народов и отождествляют болгар только с казанскими татарами. Согласно их теории, чувашаи-мусульмане левобережья Волги были ассимилированы булгарами к 60-м гг. XIV в.

Попыткой с новых позиций подойти к дискуссионным вопросам этнической истории Среднего Поволжья XV–XVI вв. стали исследования татарского этнолога Д.М. Исхакова. На страницах журнала «Советская этнография» им был представлен подробный анализ гипотез об этнической принадлежности «ясачных чувашей» левобережья Казанского края (Исхаков, 1988, с. 140–146). Рассматривая аргументы сторонников чувашской этнической принадлежности «ясачных чувашей», автор считает зыбкой фактологическую базу тезиса об отатаривании чувашского населения Казанского уезда к середине XVII в., тем самым ставя под сомнение состоятельность самой теории. Более убедительными, по мнению Д.М. Исхакова, являются доводы в пользу татарской этнической принадлежности «ясачных чувашей», изложенные Е.И. Чернышевым.

В 1990-е гг. в трудах Д.М. Исакова была сформулирована новая версия происхождения термина «ясачные чуваши» (Исаков, 1995; Исаков, 1998). Он был приравнен автором к понятию «черный люд» и обозначал, по его мнению, «этносословное образование, локализованное на территории Булгарского вилайета, а позже Казанского ханства. В Казанском ханстве эта группа образовывала феодально-зависимую – «низовую» страту казанско-татарского этноса» (Исаков, 1998, с. 97). В отличие от Е.И. Чернышева, Д.М. Исаков считает, что под наименованием «ясачные чуваши» в документах XVI–XVII вв. фигурировали не только казанские татары, но и часть чувашского этноса. В остальном он придерживается взглядов своего предшественника, относя «ясачных чувашей» к татароязычному мусульманскому населению, проживавшему на основной этнической территории казанских татар и численно значительно превосходившему представителей татарского служилого сословия. Причины применения этого термина он видит в хозяйственной специфике, позволявшей русской администрации называть как чувашей, так и часть казанских татар земледельцами или «ясачными чувашами», а также в возможном существовании переходного этнического состояния между чувашами и татарами на правобережье Волги в XVI – начале XVII в.

История формирования этнического состава населения Волго-Уральской историко-этнографической области в рамках концепций тюрко-татарского происхождения татар получила освещение в работах известного этнографа Р.Г. Кузеева (Кузеев, 1987; Кузеев, 1992). По предположениям автора, близким к выводам чувашских историков, в XV – первой половине XVI в. чуваши, проживавшие в Предкамье и на прилегающем левобережье Волги, влились в состав формирующегося казанско-татарского народа (нурлатско-кайбицкой и камско-устынской подгруппы), на правобережье чуваша смешивались с горными марийцами. К этнически смешанным этнографическим группам Р.Г. Кузеев относит бесермян, которых считает булгаро-чувашами по происхождению, говорящими на удмуртском языке. Неверным является представление автора об именовании в середине XVI в. «черемисами» не только марийцев и чувашей, а всего нетатарского населения Казанского ханства, включая удмуртов и мордву. Убедительным представляется мнение этнографа о значении термина «казанские татары»: появившись в пери-

од Казанского ханства для обозначения собственно татар, он «мог обрести, кроме этнического, и некоторое социальное или сословное звучание (т.е. стать этносоционимом), так как в среде полиэтничного населения ханства татары составили, опять же по золотоордынской традиции, некий привилегированный слой, не несущий бремя податей в казну, но обязанный хану военной службой» (Кузеев, 1992, с. 112–113).

Роль нетатарских народов в исторических событиях XV–XVI вв. в Среднем Поволжье получила некоторое освещение в трудах татарского историка С.Х. Алишева (Алишев, 1990; Алишев, 1995; Алишев, 2002; Алишев, 2003). Без особых на то оснований автор утверждает, что чуваши, мари, часть мордвы, удмуртов и башкир были покорены еще булгарами, а после образования Казанского ханства (С.Х. Алишев относит это событие к середине XIV в.) без применения силы оказались в его составе. Территорией расселения чувашей до завоевания Казани историк считает как правобережье, так и левобережье Волги. Все чувашское население ханства историк относит к категории ясачного, утверждая, что в чувашской среде феодалов не было. Сохранение чувашами языческих верований объяснено веротерпимостью татар-мусульман. С.Х. Алишев отмечает участие ясачных чувашей наряду с остальными народами края в выступлениях второй половины XVI в. (Алишев, 1999).

Некоторые аспекты социально-экономического положения марицев, чувашей и других народов региона в составе Казанского ханства и Русского государства получили освещение в трудах марицкого историка А.Г. Бахтина (Бахтин, 1994; Бахтин, 1996, с. 50–58; Бахтин, 1998). На наш взгляд, требует весомого обоснования тезис автора о том, что казанские феодалы пытались компенсировать недостаток финансовых поступлений с Луговой стороны за счет более значительного ясачного обложения правобережных марицких, чувашских и мордовских крестьян. Кроме того, автор без веских аргументов подверг сомнению устоявшиеся в отечественной историографии положения о колонизаторских стремлениях России, захвате русскими помещиками земель ясачных крестьян и насильственной христианизации населения Среднего Поволжья.

Противоположную, излишне негативную оценку экономической и религиозной политики русского правительства в Казанском крае («татарский гнет сменился более жестоким русским») дал в

своей статье чувашский историк А.В. Изоркин, придерживавшийся точки зрения о насильственном присоединении чувашских земель к Русскому государству (Изоркин, 1997, с. 127–137).

С конца 1990-х гг. изучением этносоциальной истории Казанского ханства активно занимается казанский историк Б.Л. Хамидуллин. В его исследованиях некоторое внимание уделено развитию «тюркского периферийного населения ханства», к которому автор с оговоркой о противоречивости болгаро-чувашской теории относит и «предков чувашей». Этническая территория «зарождающегося чувашского этноса» в XV–XVI вв. сознательно ограничена Б.Л. Хамидуллиным северной частью современной территории Чувашии, о проживании чувашей в Приказанье и Заказанье не упоминается. Численность чувашского населения в составе Казанского ханства составляла, по мнению историка, приблизительно 50–80 тыс. чел. Автор придерживается точки зрения о сохранении в XV–XVI вв. основной массой чувашей языческих верований, подчеркивая при этом ощутимое, но ненасильственное влияние ислама на культуру низовых чувашей. К ясачному люду он относит как чувашей, так и большую часть казанских татар (Хамидуллин, 1999, с. 82–93; Хамидуллин, 2002; Хамидуллин, 2004).

В обобщающей монографии татарского историка И.Р. Тагирова «История национальной государственности татарского народа и Татарстана» (Тагиров, 2000) история Казанского ханства, в основном ее политический аспект, изложена на основе предыдущих трудов казанских историков. Автором без указания источников приводятся данные о том, что численность населения ханства составляла около 2,5 млн чел., из них собственно татар было не более 1 млн чел. При этом казанские татары, по мнению историка, «стояли в своем развитии на голову выше других тюркских и финских племен страны» (Там же, с. 123). Других сведений о нетатарских народах края в работе не встречается.

Интерес для изучения поставленной проблемы представляют новые наработки ученых Татарстана по истории регионов XV–XVI вв., опубликованные в сборнике «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». На тщательном изучении источников и трудов предшественников основаны статьи Г.И. Аминовой (Аминова, 2002, с. 117–134) и Р.Ф. Галлямова (Р.Г. Галляма) (Галлямов, 2002, с. 280–316), посвященные селениям и административно-тер-

риториальному делению Казанского ханства. Р.Ф. Галлямовым сделан верный вывод об именовании одной из даруг ханства «Чувашской» по причине численного преобладания в ней «ясачных чувашей». Несмотря на критику многих положений, выдвигаемых Е.И. Чернышевым, И.П. Ермолаевым и Д.М. Исаковым, авторы придерживаются мнения об этносословном содержании термина «ясачные чувашаи», понимая под «чувашами» «черный люд» из числа податного болгаро-татарского населения. В статье Д.М. Исакова приведены подсчеты численности населения Казанского ханства к середине XVI в., итогом которых стал достаточно обоснованный показатель 0,5 млн чел. Однако историк, исходя из тезиса о существовании в ханстве ясачных татар, по-прежнему настаивает на численном преобладании татарского населения, называя татарами около 200 тыс. чел. (Исаков, 2002, с. 141–148). В последующих своих работах Д.М. Исаков, несмотря на упоминание о многонациональности населения Казанского ханства, практически не освещает историю нетатарских народов, совместно с И.Л. Измайловым относя к податному сословию подавляющее большинство татарского населения (Исаков, 2005; Исаков, Измайлов, 2005).

Достойна внимания точка зрения Д.М. Исакова о бесермянах. Их основой исследователь считает волжских болгар, проникших в бассейн реки Чепцы не позже первой четверти XIV в. или «арских чувашей», перешедших с территории Казанского ханства во владения арских князей в первой половине XVI в., в состав которых не ранее XVII в. влился южноудмуртский компонент (Исаков, 2010).

Взгляды В.Д. Дмитриева по вопросу этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского ханства вкратце были изложены в книге «Чуваши: этническая история и традиционная культура» (Иванов и др., 2000). Более полное освещение они получили в работе «Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству» (Дмитриев, 2001). В монографии затронут вопрос о мусульманско-татарской ассимиляции чувашского населения. Если в своих ранних трудах ученый допускал, что чувашаи окончательно слились с татарами позднее XVII в. (Дмитриев, Паньков, 1966, с. 53–58), то в названной работе отмечено, что процесс отатаривания чувашского населения левобережной стороны ханства продолжался и в течение XVIII в. По мнению историка, в первой половине XVI в. в Казанском ханстве татары составляли 20% населения, чувашаи – 50%, ма-

рийцы, удмурты и представители других народностей – 30%. Неизменным остался тезис о том, что ясачных татар в ханстве не было, из татар состояли светская и духовная элита и служилый люд. Вступая в полемику с татарскими учеными Е.И. Чернышевым, И.П. Ермолаевым, Д.М. Исхаковым, В.Д. Дмитриев приводит в пользу своей точки зрения убедительные аргументы: 1) документы второй половины XVI–XVII вв. левобережных чувашей называют «ясачными чувашами», используя это понятие наряду с терминами «ясачные черемисы» (марийцы) и «ясачные вотяки» (удмурты); 2) топонимы селений ясачных чувашей Казанского уезда – чувашские; 3) многие селения ясачных чувашей даруг (дорог) Казанского уезда, сохранив свои прежние названия, переселились в XVII в. в Нижнее Закамье и до настоящего времени являются чувашскими.

Статья В.Д. Дмитриева «О волжско-камском и казанском этапах этногенеза чувашей» содержит обстоятельную характеристику последнего этапа, начавшегося с опустошения Булгарской земли во второй половине XIV – начале XV в. и завершившегося вхождением территории Казанского ханства в состав Русского государства в середине XVI в. (Дмитриев, 2004, с. 62–110). Автор утверждает, что до образования Казанского ханства на его территории татарского населения не было. Таким образом, значительная часть левобережных чувашей и чувашей в районе устья реки Свияги была отатарена за период с середины XV до XVII в. Только с XVII в. отатаренные ясачные чуваша стали называться ясачными татарами. Взгляды В.Д. Дмитриева на проблему «ясачных чувашей» нашли отражение в ряде работ Г.И. Тафаева (Тафаев, 2010 и др.).

Аргументация В.Д. Дмитриева поддержана весомыми доводами В.П. Иванова, основанными на многочисленных этнографических материалах. Исследователь по-прежнему выделяет две территориальные группы болгаро-чувашского этноса (правобережную и левобережную), основу которых «составило преимущественно сельское земледельческое болгарское население («худые болгары»), не принявшее ислам (и отпавшее от него), вобравшее некоторое количество марийцев» (Иванов, 2005; Иванов, 2009, с. 56–78). По приблизительным подсчетам автора, численность чувашей к первой половине XVI в. могла составлять 90–120 тыс. чел. Опираясь на источники, свидетельствующие о переселении части чувашей из Казанского уезда в Закамье и на территорию нынешней Чувашии, а

также на топонимические данные, автор поддерживает вывод В.Д. Димитриева: «этнонимом «чуваши» в Казанском ханстве никогда не обозначали ясачных татар. В 1565–1568 гг. «чуваши» пяти даруг Казанского уезда были собственно чувашами же», и лишь в XVII в. отатаренные чувашаи стали именоваться «ясачными татарами» (Иванов, 2010). В статье, посвященной проблеме сравнительно-сопоставительного изучения общего и особенного в этнокультурах чувашей и казанских татар, В.П. Ивановым вновь подчеркнуто участие в формировании татарского этноса болгаро-чувашского компонента, и именно в этом факте автор обоснованно видит основную причину сходства и близости двух народов (Иванов, 2013, с. 31–45).

Социально-экономические аспекты истории «ясачных чувашей» в составе Казанского ханства и Русского государства в первом десятилетии XXI в. получили освещение в рамках диссертационных исследований О.Н. Петровой (Петрова, 2004), Р.Г. Насырова (Насыров, 2005), М.А. Судакова (Судаков, 2006).

Своеобразием отличаются взгляды на социально-экономическое положение ясачного населения в составе России, изложенные в исследованиях А.Г. Бахтина (Бахтин, 2001, с. 52–72). В противоречие с имеющимися фактами вступают предположения историка о том, что в Казанском крае «возникновение русского землевладения ... не затрагивало земельных прав местного населения» и «можно говорить не о сгоне коренного населения со своих земель, а о соперничестве администрации и русских переселенцев с местным населением за обладание оказавшимися на тот момент бесхозными землями» (Там же, с. 58). Интересная, но слабо обоснованная трактовка термина «ясачные чувашаи» содержится в исследованиях А.Г. Бахтина по истории Казанского ханства (Бахтин, 2001; Бахтин, 2008). Историк исходит из предположения, что в период существования ханства еще не произошло слияния болгар с пришлыми ордынскими татарами и, следовательно, не сформировался единый этнос казанских татар. Историк делает вывод об обложении ясаком всего нетатарского населения, в том числе и болгар. «Ясачные чувашаи» в его понимании – «позднебулгарское крестьянское население, которое, как и в период Золотой Орды продолжало выплачивать ясак уже новому казанскому правительству» (Бахтин, 2008, с. 199). Существование термина «чуваши» было обусловлено, якобы, отказом болгар до начала XX в. называться «татарами».

С 2009 г. последние наработки отечественных ученых по истории Казанского ханства публикуются в ежегоднике «Средневековые тюрко-татарские государства», издаваемом Институтом истории имени Ш. Марджани. Вопросы, имеющие отношение к проблеме «ясачных чувашей», затрагивались в статьях казанских историков. С новых позиций, требующих дальнейшего обоснования, Р.Г. Галлямом и Р.Г. Насыровым рассмотрено расселение в Закамье в XV–XVI вв. На их взгляд, в эпоху Казанского ханства указанные земли не пустовали и не представляли собой «дикое поле»: несмотря на соседство с ногайцами, на них существовали болгарские поселения (Галлям, Насыров, 2009, с. 49–63). В статье А.Г. Ситдикова, посвященной локализации и материальной культуре археологических памятников Казанского ханства, затронут весьма актуальный вопрос о необходимости дальнейшего изучения так называемых «черемисских кладбищ», позволяющих проследить проникновение ислама в среду местного языческого населения и процесс его тюркизации (Ситдинов, 2009, с. 152–155). Позиции Д.М. Исхакова по вопросу этнической принадлежности «ясачных чувашей» придерживается И.Л. Измайлов, считая очевидным (без приведения аргументов), что «какие-то группы податного (подьясачного) населения, в том числе и мусульманского (или мусульмированного и тюркизированного) именовались чувашами и вотяками» (Измайлов, 2012, с. 62–68).

Вопрос об этническом облике «ясачных чувашей» Казанского края на основе эпиграфических и других письменных материалов рассмотрен в исследованиях М.И. Ахметзянова. По мнению ученого, первоначально слово «чуваша» вошло в языковой оборот как социальный термин, обозначавший ясачное население Казанского ханства из отатарившихся болгар, и лишь позднее превратилось в этноним. Он полагает, что отатаривание основной массы болгар бывшего Булгарского улуса в языковом отношении произошло уже к началу XV в., но с оговоркой, «что до начала XVIII столетия они ещё не совсем потеряли свой язык» (Әхмәтжанов, 1998, 99–120 б.; Ахметзянов, 2011, с. 196–221).

В недавних исследованиях Н.И. Егорова было предложено толкование термина «ясачные чуваша», опирающееся на утверждение о формировании в татарском языке этнонима «чуваш» на базе чувашского конфессионализма *çăваç* (язычник). Опираясь данным аргументом, языковед делит болгарское население Казанского ханства на «бесермян» – мусульман и «чувашей» – язычников (Егоров, 2012).

В монографии «Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история», содержащей подробный историографический обзор истории Казанского ханства и чувашского народа в нем, итоговая точка зрения В.Д. Дмитриева об этнической принадлежности «ясачных чувашей» изложена в рамках проведенного им критического анализа трудов представителей казанской школы. Считая мнение многих татарских авторов о существовании сословия ясачных татар в лице «ясачных чувашей» ошибочным, ученый утверждает, что «из татар в ханстве (Казанском. – С.О.) ясачных татар не могло быть и не было», так как «в Золотой Орде и во всех татарских ханствах ясачными людьми являлись только народные массы покоренных этносов» (Дмитриев, 2014). Касаемо проблемы языковой принадлежности «ясачных чувашей» Казанского ханства, В.Д. Дмитриев указывает на недочеты в работах татарских исследователей. На его взгляд, в них не учтены различия между R-языками огуро-булгарской и Z-языками огузо-кыпчакской группы, не признано влияние булгарской цивилизации на угро-финские этносы, что отразилось в проникновении чувашских слов (чувашизмов) в венгерский, марийский, мордовский, удмуртский, коми языки.

В работе С.В. Охотниковой проведен анализ существующих гипотез по различным аспектам проблемы «ясачных чувашей» Казанского края, подведены основные итоги ее исследования и намечены перспективы изучения (Охотникова, 2014).

На современном этапе в обсуждение проблемы «ясачных чувашей» активно включились башкирские исследователи (История башкирских родов, 2014, с. 61–74; Хамидуллин, 2015, с. 48–59). Согласно их концепции, господствующий слой Казанского ханства составляли представители кочевых тюрко-монгольских племен. Чувашаи, названные потомками сувазов, разделены ими на две группы: 1) предки казанских татар – левобережные чувашаи-мусульмане, составлявшие основное население Казанского ханства и принявшие имя «татары» не ранее конца XIX в.; 2) предки современных чувашей – правобережные чувашаи-язычники.

Таким образом, с конца XVII в. по настоящее время в отечественной историографии в той или иной степени были освещены различные аспекты проблемы «ясачных чувашей» Среднего Поволжья: исследованы вопросы их этнической, религиозной и языковой принадлежности, рассмотрены динамика численности, социально-экономическое положение и территория расселения чувашского и

татарского населения в XV–XVI вв. На современном этапе учеными сделан важный вывод об общности болгарского наследия для чувашей и татар, а также намечены перспективы подробного изучения этнических составляющих, определивших уникальность и своеобразие каждого из этносов. Сближение позиций татарских и чувашских исследователей по некоторым аспектам поставленной проблемы, несомненно, способствует раскрытию «загадки» «ясачных чувашей» Среднего Поволжья.

Литература

1. *Алишев С.Х.* Из истории Казанского ханства. – Казань, 2003. 250 с.
2. *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начала XIX в. – М.: Наука, 1990. 270 с.
3. *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. 160 с.
4. *Алишев С.Х.* Казанское ханство. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 47 с.
5. *Алишев С.Х.* Тернистый путь борьбы за свободу (Социальная и национально-освободительная борьба татарского народа. Вторая половина XVI – XIX вв.). – Казань: ФЭн, 1999. 158 с.
6. *Аминова Г.И.* К методике составления административной карты Казанского ханства // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. С. 117–134.
7. *Ахметзянов М.И.* Этническим чуваш в источниках по истории татар // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. – Казань, 2011. Вып. 2. С. 196–221.
8. *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийский полиграф.-изд. комбинат, 1998. 192 с.
9. *Бахтин А.Г.* Народы Горной стороны в составе Казанского ханства // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. – Йошкар-Ола, 1996. № 1. С. 50–58.
10. *Бахтин А.Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. 252 с.
11. *Бахтин А.Г.* Повстанческое движение в Среднем Поволжье и Приуралье во второй половине 16 в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. 17 с.
12. *Бахтин А.Г.* Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 52–72.
13. *Бахтин А.Г.* Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв.: дис. ... докт. ист. наук. – М., 2001. 597 л.
14. *Галлям Р.Г., Насыров Р.Г.* Историческая география Закамья в эпоху Казанского ханства (к проблеме расселения в регионе в XV–XVI вв.) //

Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань: Алма-Лит, 2009. Вып. 1. С. 49–63.

15. *Галлямов Р.Ф.* Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. С. 280–316.

16. *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. К 450-летию вхождения Чувашии в состав России. – Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. 118 с.

17. *Димитриев В.Д.* О волжско-камском и казанском этапах этногенеза чувашей // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. – Чебоксары, 2004. С. 62–110.

18. *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.

19. *Димитриев В.Д., Паньков И.П.* Чувашия в составе Казанского ханства // История Чувашской АССР. В 2 т. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 53–58.

20. *Егоров Н.И.* Булгаро-чувашский язык в евразийском геополитическом пространстве в последние два тысячелетия своей истории // Историко-этимологическое изучение чувашского и алтайских языков. – Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 1999. С. 13–27.

21. *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному: доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2012 год. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 51 с.

22. *Егоров Н.И.* Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности. – Алма-Ата, 1992. 80 с.

23. *Закиев М.З., Кузьмин-Юмануди Я.Ф.* Волжские булгары и их потомки. – М.: ИНСАН, Российский фонд культуры, 1993. 160 с.

24. *Иванов В.П.* Общая характеристика исторической динамики расселения и численности чувашей // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. – Чебоксары: ЧНИИ, 1989. С. 12–18.

25. *Иванов В.П.* Расселение и численность чувашей: этногеографический очерк. – Чебоксары: Чув. респ. ин-т образования, 1992. 72 с.

26. *Иванов В.П.* Расселение и численность чувашей в России: историческая динамика и региональные особенности (Историко-этнографическое исследование): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Чебоксары, 2005. 46 с.

27. *Иванов В.П.* Чувашский этнос: проблемы истории и этнографии. – Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 156 с.

28. *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 384 с.
29. *Иванов В.П.* Этническая история чувашского народа: научный очерк. – Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 88 с.
30. *Иванов В.П.* Этническая история чувашей. – Чебоксары: Чув. респ. ин-т образования, 1992. 68 с.
31. *Иванов В.П.* Об этногенетических корнях различий в этнокультурах чувашей и татар // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 31–45.
32. *Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д.* Чуваши: этническая история и традиционная культура. – М.: ДИК, 2000. 96 с.
33. *Измайлов И.Л.* Этносословная структура Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. Вып. 4. С. 62–68.
34. *Изоркин А.В.* Сказка о «добровольном вхождении» Чувашии в состав Русского государства // Лик Чувашии. – Чебоксары, 1997. С. 127–137.
35. История башкирских родов. Гирей. Т. 2. / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов, Р.Р. Асылгужин и др. – Уфа: АОНБ «ЦИИНБ «ШЕЖЕРЕ», 2014. С. 61–74.
36. *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социальной структуре Казанского ханства и Русского государства). – Казань: Фэн, 2010. 224 с.
37. *Исхаков Д.М.* Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. С. 141–148.
38. *Исхаков Д.М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – середины XVI вв.) // Панорама-Форум. 1995. Вып. 3. С. 195–207.
39. *Исхаков Д.М.* Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (Критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. 1988. Вып. 5. С. 140–146.
40. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
41. *Исхаков Д.М.* Татары: популярная этнография. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. 159 с.
42. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2005. 116 с.
43. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. 347 с.

44. *Кузеев Р.Г.* Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н.э. до XVI в. Препринт доклада. – Уфа: Башк. филиал АН СССР, 1987. 65 с.

45. *Насыров Р.Г.* Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005. 34 с.

46. *Охотникова С.В.* «Ясачные чувашы»: некоторые итоги и задачи изучения. – Чебоксары, 2014. 36 с.

47. *Петрова О.Н.* Средневожские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 341 л.

48. *Ситдигов А.Г.* Археологические памятники Казанского ханства: локализация и своеобразие материальной культуры // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань: Алма-Лит, 2009. Вып. 1. С. 152–155.

49. *Судаков М.А.* Эволюция структуры землевладения и земельные отношения в Чувашском крае во второй половине XVI – XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2006. 285 л.

50. *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2000. 454 с.

51. *Тафаев Г.И.* Цивилизации Среднего Поволжья в процессе трансформации: учеб. пособие. – Чебоксары: Изд-во ГУП «ИПК «Чувашия», 2010. 150 с.

52. *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 335 с.

53. *Хамидуллин Б.Л.* Образование Казанского ханства: этнический и социальный аспект // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 82–93.

54. *Хамидуллин Б.Л.* Этносоциальная история Казанского ханства: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004. 218 л.

55. *Хамидуллин С.И.* «Исчезнувший» народ чувашы в этнологическом конструктивизме // Ватандаш. Уфа, 2015. № 1. С. 48–59.

56. *Әхмәтҗанов М.И.* Болгар теленең язмышы (Эпиграфика материаллары буенча) // Татар археологиясе. Казан, 1998. № 1 (2). 99–120 б.

С.В. Охотникова

Хәзерге Россия историографиясендә «ясаклы чувашлар» мәсьәләсе

Мәкаләдә хәзерге заман Россия авторларының Казан төбәге «ясаклы чувашларның» этник, дини һәм тел мәсьәләләрен, шулай ук социаль-икътисади торышын өйрәнгән тикшеренүләренә историографик анализ ясала. Казан һәм чуваш тарихи «мәктәпләре» вәкилләренә карашларындагы үзенчәлекләр һәм каршылыктар ачыклана. Советлар Союзы таркал-

ганнан соң, «ясаклы чувашлар» мәсьәләсе эшләнешенә тотынган мари һәм башкорт тикшеренүчеләренең хезмәтләре карала. Куелган проблеманың кайбер аспектлары буенча татар һәм чуваш галимнәренең фикерләре якынлашуы турында нәтижә ясала. Хосусан, хәзерге заман әдәбиятында чувашлар һәм татарлар өчен төп тезис буларак гомумилек болгар мирасы турында теземле раслау күзәтелә. Мәкалә «ясаклы чувашлар» проблемасына йомгак ясап, аз өйрәнелгән карашларны ачыкларга мөмкинлек бирә.

Ачыкч сүзләр: болгар мирасы, «ясаклы чувашлар», казан татарлары, Казан ханлыгы, этник тарихы, Ватан историографиясе.

S. V. Okhotnikova

The problem of ‘Yasak chuvashes’ in modern Russian historiography

The article is devoted to the historiographical analysis of the researches of contemporary Russian authors concerning ethnic, religious and linguistic belonging, as well as the socio-economic state of ‘Yasak chuvashes’ of the XVI-XVII centuries in the Middle Volga region. The peculiarities and contradictions in the views of the representatives of the Kazan and Chuvash historical «schools» have been revealed. The works of the Mari and Bashkir researchers, involved in developing of the problem of ‘Yasak chuvashes’ in the post-Soviet period, have been scrutinized. Traced approach of the Tatar and Chuvash researchers on certain aspects of the problem has been concluded. In particular, a gradual approval in contemporary literature like a fundamental thesis about the commonness of the Bulgar heritage for the Chuvashes and the Tatars has been traced. The article sums up some results of the research of ‘Yasak chuvashes’ problem, allowing to identify its poorly understood aspects.

Keywords: the Bulgar heritage, ‘Yasak chuvashes’, Kazan Tatars, Kazan khanate, ethnic history, native historiography.

Охотникова (Гончарова) Светлана Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г.Чебоксары); e-mail: svetlanagoncharova7@rambler.ru

Охотникова (Гончарова) Светлана Валерий кызы – тарих фәннәре кандидаты, Чуваш дәүләт гуманитар фәннәр институтының фәнни хезмәткәре (Чебоксар шәһәре).

Okhotnikova (Goncharova) Svetlana Valerevna – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary).

Борьба Токтамышевичей за власть в 10–20-х гг. XV в.

Данная статья посвящена фактору Великого княжества Литовского в политической борьбе Токтамышевичей за власть в 10–20-х гг. XV в. В работе представлена авторская реконструкция хронологии правления ханов-Токтамышевичей. Также новизной является отождествление Султан-Гирея с Гирей-баем и «великого императора Мухаммеда» с Хаджи-Мухаммедом. По мнению авторов, после поражения в битве на Ворскле Витовт не отваживался напрямую воевать против татар. Поддержка Токтамышевичей со стороны великого князя ограничивалась предоставлением политической поддержки, то есть Токтамышевичи провозглашались ханами на литовских землях и предоставлением политического убежища. Витовт не лез в выяснение отношений между Токтамышевичами. Идегей отреагировал на поддержку Витовтом Токтамышевичей походом на Киев в 1416 г. Смерть Идегея в 1419 г. обусловила угасание на некоторое время литовского интереса к событиям в степях. Идегей не заключал мира с Витовтом, поскольку великий князь поддерживал Кадырберди. Витовт в 1421 г. поддерживал Девлетберди, а в 1424 г. – Улуг-Мухаммеда. Поддержка со стороны литовцев помогла Улуг Мухаммеду вести борьбу за власть в 1424–1429 гг. Пролитовская политика Улуг-Мухаммеда вызвала недовольство со стороны крымской татарской знати, которая заменила его Саид-Ахмедом, сыном Бек-Суфи.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, татары, Идегей, Токтамышевичи, Витовт, литовцы.

Одним из интереснейших аспектов истории Восточной Европы является история Золотой Орды. Данная статья посвящена политической борьбе Токтамышевичей за власть в Золотой Орде в 10–20-х гг. XV в. Нужно сказать, что отдельные аспекты этих проблем исследованы М. Жданом, В. Гулевицем, А. Паруниным, Ж. Сабитовым (Ždan, 1930; Гулевич, 2013; Гулевич, 2014; Парунин, 2013; Парунин, 2015а; Парунин, 2015б; Сабитов, 2014). Для исследования нами привлечен весь комплекс источников, включая белорусско-литовские летописи, польские хроники, немецкие, арабские, персидские исторические сочинения. Задачей данного исследования является реконструкция хронологии правления Токтамышевичей в

Золотой Орде в 10–20-х гг. XV в. и литовско-татарских отношений рассматриваемого периода.

Вкратце история данного периода была описана следующим образом. В 1411 г. Джалал ад-Дин атаковал Идегей и убил в столкновении хана Пулада, правда, не смог удержаться в степи. В 1411 г. в Золотой Орде воцарился хан Тимур, который не пожелал быть марионеткой Идегея и вынудил последнего бежать в Хорезм. В 1412 г. Джалал ад-Дин, пользуясь этой усобицей, воцарился, однако вскоре был убит своим братом Джаббарберди, чем воспользовался уже Идегей, восстановивший свою власть. В 1418 г. Витовт провозгласил ханом какого-то Бетсубулу (Бек-Суфи), но попытка привести его к власти была неудачной. В Крыму воцарился ставленник Идегей Дервиш, однако, правил он недолго. После этого литовцы поддержали Кадырберди, в сражении с которым Идегей в 1419 г. погиб (Черкас, 2011, с. 50; Ždan, 1930, s. 564–569).

В сочинении немца Иоганна Шильтбергера отмечалось, что Пулада сверг иной татарский царь – Джалал ад-Дин. Того, в свою очередь, сверг брат Пулада Тимур. Тимур царствовал 14 месяцев и был свергнут возвратившимся Джалал ад-Дином, который процарствовал также 14 месяцев. Джалал ад-Дин погиб в сражении со своим братом Кепеком. Кепек же был вынужден уступить свой престол брату Керимберди. Последний после пяти месяцев правления уступил престол Джабару. Джабар был изгнан Чекре и Идегеем. Однако через девять месяцев им пришлось бороться за власть с другим претендентом по имени Мухаммед. Необходимо отметить, что немецкий автор не упомянул о хане Дервише, о котором есть сведения восточных источников и нумизматические данные. Автор выделяет сыновей Токтамыша – Джалал ад-Дин, Кепек, Керимберди, Джабарберди, которые правили до Чекре. Сведения Иоганна Шильтбергера в этом аспекте находят параллели у Яна Длугоша (он также называет несколько Джучидов (сыновей Токтамыша) – Зеледина, Керембердена, Бетсубулу, Еремфердена). Согласно автору, Мухаммед был изгнан Девлетберди, а тот был вынужден уступить престол Бараку. То есть разговор идет уже о реалиях 20-х гг. XV в. Чекре же погиб в войне с Мухаммедом, после чего Иоганн Шильтбергер стал слугой Маншука, который служил Чекре (Шильтбергер, 1984, с. 33–39; Парунин, 2015а, с. 88–95; Парунин, 2015б, с. 288–293; Измайлов, 2009, с. 721–723). Слова Иоганна Шильтбергера позволяют

предположить, что, возможно, Чекре погиб в 1420-х гг., когда погиб «его враг» Мухаммед и боролся за власть Девлетберди. Ранее А. Парунин высказывал такую точку зрения, утверждая, что Чекре погиб примерно в середине 1420-х гг. (Парунин, 2013, с. 119). Можно оспорить данный тезис. 1. Известие о смерти Чекре последовало, конечно, после перепитий битв Мухаммеда со своими противниками, но это отнюдь не означает, что Чекре погиб после смерти Барака в 1428 г. 2. Если в сообщениях о Чекре Иоганн Шильтбергер сам непосредственно принимал участие, то уже после этого он находился далеко от арены борьбы (Крым, Черкессия, Мингрелия), и его сообщения стоит воспринимать критически. После поражения Чекре Иоганн Шильтбергер, видимо, попал в плен и провел на службе Мухаммеда совсем короткое время, бежав от него к Маншуку, и уже потом (в Каффе, у черкесов или в Мингрелии) спустя много лет, услышав информацию о том, что хан Мухаммед боролся с Баракком, отождествил его с тем ханом Мухаммедом, к которому он попал в плен, так как имена ханов совпадали. Это неудивительно, если учесть такое большое количество ханов с именем Мухаммед, которые жили в эту эпоху (сын Токтамышша Кучук, с мусульманским именем Мухаммед, Хаджи Мухаммед, Улуг (старший) Мухаммед, Кучук (младший) Мухаммед, Мухаммед Барак). 3. Отождествление Чекре с Береке-ханом, который один раз упоминается в арабских источниках, не обоснованно. Если бы Чекре был ханом в эпоху соперничества Хаджи Мухаммеда и Барака, то от него остался бы хоть какой-либо нумизматический материал, как когда он правил при помощи Идегея. Поэтому, Чекре вряд ли мог быть ханом после того, как его свергли, и он растаял с Идегеем (у него самого не было больших ресурсов для борьбы за власть).

Мацей Стрыйковский писал, что Золдан Зеледин (султан Джалал ад-Дин) был союзником Витовта и Йогайла, он отправлял своих людей в набеги на Пруссию. Джалал ад-Дина считали отцом Керембердена (Керимберди), который захотел выйти из зависимости от литовцев, и Витовт поддержал Токтамышша Бетсубула и короновал его в Вильно. Он столкнулся с Керемберденом (Керимберди), был повержен и погиб. Еремферден бежал в Литву, там был коронован и ему на помощь отправили литовского командующего и войско. Вместе с литовцами на его стороне сражались и казаки. В битве с Керемберденом Еремферден победил и схватил противника,

чтобы замордовать. Тогда Литва доминировала над татарами. Идегей перекопский, который хотя и сам правил, но шел с Тамерланом, отправил дары и просил заключить вечный мир с литовцами. Ян Длугош сообщал, что Керемберден (Керимберди) после смерти своего отца Зеледина вышел из-под подчинения Витовта и тогда назначил правителем Бетсубулу и отправил его против Керембердена. В битве с ним Бетсубула погиб. Против своего брата выступил Еремферден, который находился в мире с Литвой. По данным Яна Длугоша, Идегей отправил в 1419 г. (такая же датировка и у иных польских хронистов) письмо Витовту с предложением мира. Марцин Бельский сообщал, что Солтан-Кирею перекопскому, который был приятелем Витовта, наследовал Керимберди, который начал нападать на Подолье. Тогда против него Витовт отправил Бетсубулу, который, однако, погиб в битве с Керимберди. Литовский князь отправил против последнего Заремферда. Заремферд одержал победу, и с того времени татары заключили мир с Литвой. Идегею приписано владение землями за Танаисом (Доном) в 1419 г. и инициатива мира с литовцами. У Яна Длугоша и Мацея Стрыйковского были интересные сведения о том, что Идегей отправил письмо Витовту письмо, желая помириться. Однако об этом не позволяет говорить тот факт, что такой документ отсутствует в сборнике грамот Витовта, да и немецкий шпион при дворе Витовта шут Генне никак это не комментирует (Dlugosz, 1869, s. 203–204; Стрыйковский, 2011, с. 643–644; Bielski, 1856, s. 566–567).

Кроме того, необходимо отметить сведения персидских и арабских источников. В «Муизз ал-Ансаб» упоминаются сыновья и дочери Токтамышша – 8 сыновей: Кадирберди, Искендер, Кучук, Абу-Саид, Джаббарберди, Кепек, Керимберди, Джалал ад-Дин и 5 дочерей: Байрамбек-ханча, Бахтибек-ходжа, Саид-бек-ходжа, Джаникеханча, Мелике-ханча (Храпачевский 2003, с. 441). Абд ар-Раззак Самарканди сообщал, что в 1408–1409 гг. умер Шади-хан и воцарился Пулад. Эмир Идегей был полноправным правителем. В 1410–1411 гг. стал ханом Тимур, который выступил против Идигу, который бежал в провинцию Хорезм. 17 марта 1416 г. из Хорезма в Самарканд пришло известие, что в Узбекском улусе (так в тимуридских источниках назывался Улус Джучи) воцарился Джаббарберди. 28 марта 1419 г. из Улуса Джучи бежал Барак-оглан. Его принял у себя мирза Улугбек (Храпачевский, 2003, с. 374–379).

Муин ад-Дин Натанзи указывал, что Идегей сделал ханом Тимура, сына Тимур-Кутлуга, и выдал за него свою дочь. Однако, это не спасло эмира от опалы, и Идегей бежал в Хорезм. Его от поражения спасло то, что Джалал ад-Дин, Султан-Хусейн, Мухаммед выступили против Тимура и правление государством Джучидов вернулось к сыновьям Токтамыша. Правление Джалал ад-Дина было кратковременным, и его сменил Султан-Мухаммед. При дворе Тимура, а потом Тимурида Хусейна находился Чакире-оглан. Сообщалось, что он выступил в поход на Хорезм, но в первой же битве был разбит Мухаммедом. Чекре же приходилось скитаться. Фактически после правления Тимура представления Муин ад-Дина Натанзи об истории Улуса Джучи, а вместе с тем и Идегей смутны (Храпачевский, 2003, с. 315–317). Султан-Мухаммед никак не мог быть Улуг Мухаммедом, так как мы видим, что в 1419 г. отец Улуг Мухаммеда воюет за Кадырберди, против Идегея, но не за сына.

Ибн Арабшах сообщал, что Идегей сделал ханами поочередно Кутлуг-Тимура, Шадибека, Фулада, Тимур. Тимур хан же не стал покоряться Идегей и отобрал у него власть. В то время из земель урусов (русин в Великом Княжестве Литовском) пришел «блестящий потомок» Токтамыша Джалал ад-Дин. В сражении с ним погиб Тимур, а Идегей погиб около Сарайчика у Сейхуна (Храпачевский, 2003, с. 214). Гаффари указывал, что Шадибек правил в 1408–1409 гг., его сменил Фулад, который правил ориентировочно в то же время. После него к власти пришел Тимур-солтан, который умер в 1410–1411 гг., когда против него выступил сын Токтамыша Джалал ад-Дин. Тимур бежал от него в Хорезм, где был убит эмиром Газан-ханом. У Джалал ад-Дина было несколько братьев – Керимберди, Кепек, Джаббарберди, Мухаммед-хан. К другим огланам, которые не имели отношения к Токтамышу, были отнесены Чака сын Дервиш-оглана (что не верно, так как Чекре был родственником Дервиша, а не сыном) и Гийас ад-Дин (сын Шадибека). Барак назван потомком Урус-ханом. Сообщалось, что в 1424–1425 гг. он победил Мухаммеда (Храпачевский, 2003, с. 395–396).

Хайдер Рази сообщал, что после Кутлуг-Тимура правил Шадибек в 1408–1409 гг., а после него Фулад, который умер в 1410–1411 гг. Когда к власти пришел Тимур, то против него выступил Джалал ад-Дин. Тимур был вынужден бежать, и Джалал ад-Дин

стал ханом и был им короткое время. У него было несколько братьев, но правили они недолго (Храпачевский, 2003, с. 398).

Бадр ад-Дин б. Ахмед ал-Айни говорил, что временем правления Идегея назван период с 1398 по 1419 г., пока против него не выступил сын Токтамышша Кадирберди. Он разбил Идегея в битве, а потом захватил в плен и приказал его казнить. Датой смерти Идегея назван 1419 г. (именно в 1419 г. реально и погиб Идегей). Под этим же годом сказано, что Улусом Джучи стал править Мухаммед-хан, который в 1421 г. враждовал с Барак-ханом и Берке-ханом (?). Сведения арабских источников об Идегее фрагментарны. Абу-л-Аббас Таки ад-Дин ал-Макризи говорил, что в 1416 г. в Египет прибыла хатун Идики, которая хотела совершить хадж. Похожие данные сообщал Шихаб ад-Дин Абу-л-Фадл Ахмед б. Али б. Хаджар ал-Аскалани (Храпачевский, 2003, с. 197, 204, 233–234). Таким образом, сведения арабских и персидских источников позволяют утверждать, что власть Идегея над западной частью Дешт-и Кыпчак существовала в 1416 г. Это же подтверждается целым рядом европейских хроник.

Интересны сведения генуэзских массарий, крымских армянских источников, записок Жильбера де Ланноа и джучидской нумизматики. В 1411 г. каффинцы заплатили дань уже Бек-Суфи. Кроме того, в генуэзских массариях упоминался некто Джаркас, который известен как Зико. Он был наместником Кырк-Ора и, вероятно, был черкесом по происхождению. Ему заплатили 5 июня 1411 г. В том же году 15 июня Каффа заплатила уже Магомет-бею, который представлял Джалкойа. В октябре того же года прибыл посол Бече от Бек-Суфи. Армянский летописец из Крыма говорил, что в 1411 г. Джалал ад-Дин, сын Токтамышша в 1411 г. овладел страной Суркат. 19 июля 1411 г. от Исмаила, вассала Джалал ад-Дина, в Каффу прибыли послы. Согласно Жильберу де Ланноа, Джалал ад-Дин побывал и у Витовта в Каменце-Подольском. Позже он побывал в Киеве. В.Гулевич считал, что Джалал ад-Дин установил власть в Крыму в июне 1411 г., а в ноябре-декабре 1411 г. выступил в поход против Пулада, предварительно заручившись в августе 1411 г. одобрением Витовта. Однако ему пришлось воевать уже против хана Тимура, который сверг Пулада и изгнал Идегея. В сентябре-октябре 1412 г. Джалал ад-Дин погиб в борьбе против Керимберди. Летом 1413 г., по сведениям армянского источника, безбожный господин Кавка держал в осаде Каффу. По мнению одних исследователей, Керимберди чеканил монеты в Кры-

му, а другие ученые это отрицают. Установление власти Керимберди в Крыму привело к бедствиям местного населения, а сам он процарствовал недолго – погиб от руки Кепека в 1414 г. Кепека же теснил Чекре, которого поддерживал Идегей. В 1416 г. Кепек искал поддержки у Витовта. Кроме того, поддержку литовцев искал и сын Токтамышша, Джаббарберди, на которого давили Идегей и хан Дервиш. Эта самая поддержка была причиной похода Идегея на Киев в 1416 г. На монетах 1419–1420 гг. читались имена Дервиша, Идегея и Бек-Суфи. В.Гулевич считает, что Бек-Суфи это и есть Бетсубула в польских источниках, а изложение борьбы за власть между сыновьями Токтамышша было путаным, и польский хронист путался в генеалогии Токтамышевичей. На службе у Бек-Суфи находились Акберди-бей и Исмаил. Украинский исследователь считал, что Бек-Суфи правил Крымом от имени Улуг-Мухаммеда, ссылаясь на ярлык этого хана Туглу-бею на право собирать налоги в Керчи. Временем правления Бек-Суфи были 1419–1421 гг. Жильбер де Ланноа отправился в 1421 г. в путешествие к императору Солхата (крымскому наместнику) в 1421 г. После смерти Бек-Суфи в Крыму установилась власть Девлетберди, а в Поволжье в то время правил Хаджи-Мухаммед, которого на трон возвел Мансур, сын Идегея. Нужно сказать, что в 1419 г. с Идегеем сражался Кадырберди, которого поддерживал Тегене-бей из Ширинов. В 1424 г. Улуг-Мухаммед назначил Тегене наместником Солхата, которым до того правили Тутол-бей и Саид Мансур. Девлетберди же был родственником Улуг-Мухаммеда и происходил от Таш-Тимура. Генуэзцы называли Девлетберди братом императора, а его титул упомянут как господин Девлетберди. Казахский ученый Ж. Сабитов, ссылаясь на Парижскую рукопись «Муизз ал-Ансаб», указывает, что Бек-Суфи не упомянут среди сыновей Таш-Тимура. Он считает Саид-Ахмеда не сыном Токтамышша, а сыном Бек-Суфи. В переписке Швитригайла с ливонцами Саид-Ахмедов по отчеству был назван Бексубович (Гулевич, 2014, с. 167–176; Сабитов, 2014, с. 63–74).

На протяжении 1400–1419 гг. Витовт воевал с татарами силами сыновей Токтамышша – Джалал ад-Дина, Джаббарберди, Керимберди. Также литовский князь использовал и Бек-Суфи из Крыма. Эта информация нам известна благодаря Яну Длугошу, а также Мацею Стрыйковскому. При помощи Токтамышевичей Витовт беспокоил пограничье Золотой Орды. В 1411 г. Джалал ад-Дин атаковал Иде-

гей и убил в столкновении хана Пулада, правда, не смог удержаться в степи. В 1411 г. в Золотой Орде воцарился хан Тимур, который не пожелал быть марионеткой Идегея и вынудил последнего бежать в Хорезм. В 1412 г. Джалал ад-Дин, пользуясь этой усобицей, воцарился, однако вскоре был убит своим братом Джаббарберди, чем воспользовался уже Идегей, восстановивший свою власть. В 1418 г. Витовт провозгласил ханом Бетсубулу, но попытка привести того к власти была неудачной. В Крыму воцарился ставленник Идегея Дервиш, однако правил он недолго. После этого литовцы поддерживали Керимберди (Keremberden брата Jeremferdena), в сражении с которым Идегей в 1419 г. погиб (Ždan, 1930, s. 5564–569; Wapowski, 1847, s. 410; Dlugosz, 1869, s. 203–204; Черкас, 2011, с. 50).

Татары Улуса Джучи также не ограничивались только незначительными ответными набегами. Например, поход Идегея на Киев в 1416 г. привел к сожжению Киева, но киевская крепость так и не была взята татарами. Витовт ответил экспедицией маршалка Радзивилла, которая была осуществлена совместно с Токтамышевичем Керимберды [Черкас 2011, с. 50; Клепатский 2007, с. 118; Заплотинский 2005, с. 42–43]. Вопрос относительно татарской кампании 1416 г. требует более детального рассмотрения. В источниках известно несколько версий. Более всего известна версия, высказанная польскими хронистами. Ян Длугош сообщал, что Идегей напал на Киев, сжег его предместья и церкви. Сказано, что он только не смог взять Киевский замок, который обороняли поляки и русины. Возможно, некоторая часть польских шляхтичей была размещена в Киеве в качестве гарнизона в предчувствии татарского набега (Dlugosz, 1869, s. 182–183). Также популярна версия Мацея Стрыйковского. В ней события датированы все тем же 1416 годом. Сказано, что татары гетьмана (эмира) Идегея вторглись в Киевское княжество. Они уничтожили, ограбили и сожгли сам Киев, да так что город до сих пор не вернулся к прежней красоте. При этом хронист совершенно не знал об опустошении Киева, которое осуществил Менгли-Гирей и возможно то, что Мацей Стрыйковский приписал Идегею, на самом деле сделал Менгли-Гирей в 1482 г. (Стрыйковский, 2011, с. 640). В хронике Марцина Бельского сказано, что в 1416 г. царь татарский Идегей много вреда нанес окрестностям Киева и сам город сжег, но не смог взять замок. Идегей, по данным польского хрониста, увел большой ясырь с Киевской земли (Bielski,

1856, s. 564). Бернард Ваповский сообщал, что в 1416 г. Идегей пришел с Дона и Днепра. Он повторял данные Яна Длугоша о польском и русинском гарнизоне Киевского замка, и также приводил его данные о том, что Идегей взял и сжег Киев (Wapowski, 1847, s. 393).

Что касается литовской версии событий, то имеются ранняя и поздняя литовские версии событий. Ранняя версия представлена первым сводом летописей Великого Княжества Литовского. Это разные редакции летописца великих князей литовских. В Слуцкой, Супрасальской, Академической летописях сказано, что в 1416 г. татары воевали около Киева и сожгли Печерский монастырь. Поздняя литовская версия представлена летописями второго и третьего свода летописей Великого Княжества Литовского. В летописи Красинского рассказ о походе татар на Киев размещен после описания битвы на Ворскле и рассказа о занятии Смоленска литовцами. Рассказ о татарском походе точно не датирован, но подразумевается, что это был 1416 год. В отличие от предыдущих летописей указан месяц вторжения – июнь. Сказано, что татары воевали около Киева и сожгли Печерский монастырь. Аналогичные данные находим и в Ольшевской, и в Румянцевской летописях. Несколько отличается подача материала в летописи Рачинского, поскольку сказано, что в том году татары воевали около Киева и что монастырь Печерский сожгли в июне месяце. Откуда взята информация о месяце июне как времени вторжения, неясно (Белорусско-литовские летописи, 1980, с. 73, 106, 140, 161, 187, 208).

По письменным и устным источникам выделяется еще один хан из потомков Токтамышша. Р.Ю. Рева выделил монеты Саид-Ахмада I, сына Керимберди, который правил во второй половине 1410-х гг. При этом он стал ханом, убив Гияс ад-Дина, сына Таш-Тимура (Рева, 2014, с. 48–60). С данной трактовкой мы абсолютно согласны. Здесь можно отметить, что Саид-Ахмад унаследовал свои ресурсы от отца. Соответственно он, исходя из этого, боролся против братьев отца и других ханов, придерживавшихся пролитовской ориентации. Судя по источникам, у него было перемирие с Идегеем. Также можно предположить, что Гияс ад-Дин I придерживался пролитовской ориентации и был возведен на престол сторонниками детей Токтамышша в силу того, что у сторонников данной партии на тот момент не было под рукой сыновей Токтамышша.

В «Похвале князю Витовту» сказано, что в Киеве великим князем литовским на царство были возведены Большой и Малый Салтаны. Вероятно, этими султанами были Джалал ад-Дин и Джаббарберди, которые долгое время находились во владениях Витовта. Хотя возможно, под названием малый султан может скрываться и Кучук, сын Токтамыша, чье имя можно перевести как малый. В «Похвале Витовту» упомянуты Девлетбердей (Девлетберди) и Махмет (Мухаммед, возможно Кучук, сын Токтамыша, которого мы отождествляем с Мухаммедом Кырк-ельским, который был возведен на престол Крыма после смерти Бек-Суфи). При этом в этом панегирике великому литовскому князю было сказано, что Витовт множество царей отпускает в Орду. Кроме вышеуказанных ханов, среди этих царей должны были находиться сыновья Токтамыша – Кепек, Джаббарберди, Керимберди, Кучук. Однако из всех этих правителей в Крыму на достаточно долгое время удавалось закрепиться только Девлетберди и впоследствии Улуг-Мухаммеду. Витовт в переписке с верховным магистром Тевтонского Ордена Паулем фон Русдорфом упоминал о царе Мухаммеде, как о своем ставленнике и о том, что за власть соперничают несколько правителей. Под этим Мухаммедом можно понимать и Мухаммеда, сына Токтамыша (он же Кучук), так и Улуг-Мухаммеда, который был поддержан Витовтом в середине 1420-х гг. (Русина, 1998, с. 88, 99–101).

Широко распространено мнение, что после смерти Идегея, ханом стал Улуг-Мухаммед. На самом деле все источники говорят о Мухаммед-хане, таким образом, этим Мухаммедом мог быть любой хан с именем Мухаммед. Здесь стоит отметить, два первоисточника, в которых есть уточнения, какие Мухаммеды стали править. Согласно Дженнаби, наследником Кадырберди был сын Токтамыша Кучук, который носил мусульманское имя Мухаммед (не путать с последующим Кучук-Мухаммедом, которого прозвали младшим Мухаммедом, сравнивая с соперником Улуг-Мухаммедом (старшим Мухаммедом)) (Сабитов, 2011, 98–104). Согласно Кадырали Жалаири, после смерти Идегея его сторонников возглавил Хаджи-Мухаммед (Сабитов, 2013, с. 53–62). Таким образом, на престол ханов Золотой Орды после смертей Идегея и Кадырберди взошли два человека с именем Мухаммед. Кучук с мусульманским именем Мухаммед (ставленник партии Токтамышевичей) и Хаджи-Мухаммед (ставленник партии Идегей). Причем Кучук (Мухаммед), сын Ток-

тамыша, скорее всего, идентичен Мухаммеду Кыркелски (которого посылал Витовт в Крым) и правил в Крыму, в то время как в Поволжье доминировал Хаджи Мухаммед и Мансур, сын Идегея. Улуг-Мухаммед не мог быть ханом в это время, так как был жив его отец, сражавшийся за детей Токтамыша. Улуг-Мухаммед, Худайдат и Девлетберди приходились близкими родственниками Токтамышу, и после пресечения рода Токтамыша ресурсы данной партии оказались у них под контролем, позволяя бороться за золотоордынский престол с другими претендентами. Непонятно время, когда Кучук скончался, но, видимо, это произошло вскоре после его прихода к власти. Ресурсы его партии, видимо, унаследовали его родственники Девлетберди и Худайдат, а позднее Улуг-Мухаммед.

В заключение стоит отметить, что согласно данным И.А. Мустакимова, два сына Токтамыша Абу Сеид и Искандер также правили в Крыму при помощи некоего Гирей-бая, что больше не встречается ни в одном источнике (Мустакимов, 2009, с. 127). Возможно, они правили недолго в Крыму, но хронологию их правления невозможно определить на данный момент. Касательно же Гирей-бая, то логично его сопоставить с Султан-Киреем перекопским, упомянутым у Марциана Бельского (Bielski, 1856, s. 566–567). Возможно, Гирей-бай был также аталыком (воспитателем) Хаджи-Гирея, от чьего имени пошло название всей последующей династии крымских Гиреев.

В 1422 г. татары напали на подольские владения Короны Польской, но поляки сумели разбить их. Подобные нападения происходили и раньше, например в 1420 г. Дружественные отношения отдельных ханов с Ягеллонами не были помехой набегам. Осенью 1424 г. Худайдат, родственник Девлетберди и Улуг-Мухаммеда, напал на верховские княжества (видимо, это было вызвано вторжением Барака). В 1423 г. Девлетберди получил дань с Каффы и начал войну. Из генуэзских источников мы узнаем, что каффинцы начали упоминать о великом императоре Мухаммеде в 1423 г., а в начале 1424 г. снова упоминался Девлетберди (Гулевич, 2014, с. 177–182; Гулевич, 2013, с. 110–115, 119–122; Беспалов, 2009, с. 205–210). Великий император Мухаммед, по нашему мнению, это Хаджи Мухаммед, который был позже побежден Баракком. Вторжение Барака на Запад Дешт-и Кыпчака привело к тому, что хан Худайдат ушел на территорию русских княжеств. Видимо оттуда, его родственник

и наследник Улуг-Мухаммед направился к Витовту и был воздвигнут на ханский престол с его помощью.

Реанимация Литовского фактора в Золотой Орде произошла в 1424–1429 гг., когда в Золотой Орде обострилась борьба за власть. Витовт делал ставку на Улуг-Мухаммеда, а Девлетберди делал попытки добиться благосклонности Витовта. Впрочем, великий литовский князь не отправлял войска, а лишь предоставлял политическое убежище.

Подводя итоги статьи, можно выделить следующих ханов в 1410-х гг., которые придерживались разной политической ориентации:

Ханы, получавшие поддержку Витовта	Партия Идегея	Самостоятельные ханы
2. Джалал ад-Дин		1. Тимур
		3. Керимберди
4. Кепек (Бетсабул)		3. Керимберди
5. Джаббарберди	6. Чекре	3. Керимберди
	6. Чекре	7. Мухаммед (генеалогия не ясна, возможно, Хаджи Мухаммед)
8. Гияс ад-Дин I, сын Таш-Тимура	9. Дервиш	
11. Бек суфи (Бетсабул)	9. Дервиш	10. Саид Ахмед, сын Керимберди
11. Бек суфи (Бетсабул)	9. Дервиш	12. Кадырберди (возможно, относился к первой партии)
13. Кучук (Мухаммед, Мухаммед Кыркелски), сын Токтамыш	14. Хаджи Мухаммед (Мухаммед)	Абу Саид и Искандер, сыновья Токтамыш (хронология правления не известна)

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам: нельзя выделять пролитовскую партию в Золотой Орде, логичнее говорить о ханах, получавших поддержку от Витовта. Впоследствии партия Токтамышевичей, после смерти Токтамышевичей обрела новых лидеров в лице их родственников из младшей ветви династического дома (потомки Тулек-Тимура, брата деда Токтамыш). Таким образом, обрели свои политические ресурсы Худайдат, Девлетберди, Улуг-Мухаммед, Гияс ад-Дин I и Хаджи-Гирей. Великий император Мухаммед – это Хаджи-Мухаммед. Гирей-бай татарско-

го исторического сочинения соответствует Султан-Гирею в хронике Марицина Бельского.

Литература

1. *Белорусско-литовские летописи* // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1980. Т. 35. 313 с.
2. *Беспалов Р.* Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом в 1424 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. – Тула: Гос. Музей заповедник Куликово поле, 2009. С. 205–210.
3. *Гулевич В.П.* Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 110–146.
4. *Гулевич В.П.* Крым и императоры Солхата: статус и хронология правления, 1400–1430 гг. // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С. 166–197.
5. *Заплатинський Г.* Емір Едігей: основні віхи державницької політики // Український історичний збірник. – К.: Інститут історії України, 2005. Вип.8. С. 33–53.
6. *Измайлов И.Л.* Идегей и его время // История татар. Т. 3. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 712–723.
7. *Клепатский П.Г.* Очерки по истории земли Киевской: Литовский период. – Біла Церква: Вид. О.В. Пшонківський, 2007. 480 с.
8. *Мустакимов И.А.* Об одном списке Дафтар-и Чингиз-наме // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2009. С. 122–131.
9. *Парунин А.В.* Политическая биография Чекре-хана Золотой Орды начала XV века // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. – Астана, BG Print, 2013. С. 114–120.
10. *Парунин А.В.* Сыновья Токтамыша на страницах польско-литовских хроник // Исторический формат. № 4. СПб., 2015. С. 288–296.
11. *Парунин А.В.* Путешествие Иоганна Шильтбергера как источник по истории Золотой Орды первой четверти XV века // Сибирский сборник. Вып. 3. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2015. С. 88–95.
12. *Рева Р.Ю.* Сайид Ахмад I и Гийас ад-Дин I. (История открытия, генеалогия, новообнаруженные эмиссии) // Нумизматика Золотой Орды. 2014. №. 4. С. 48–60.
13. *Русина О.В.* Україна під татарами і литвою. – К.: ВД Альтернативи, 1998. 320 с.

14. *Сабитов Ж.М.* Чекре-хан и «Мухаммед-хан» // Зертеуші. – Астана: Национальный научно-образовательный центр Зертеуші, 2011. №3–4. С. 98–104.

15. *Сабитов Ж.М.* Мангытский юрт от Мансура до Ваккаса // Научный Татарстан. 2013. №2. С.53–62.

16. Сабитов Ж.М. К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи // Крим: від античності до сьогодення. Київ, Інститут історії України НАН України, 2014. С. 63–74.

17. *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. – К.: Наукова думка, 1992. 336 с.

18. *Стрийковський Мацей.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. – Львів: Наукове товариство ім. Т.Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.

19. *Черкас Б.* Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.): науково-популярне видання. – К.: Темпора, 2011. 144 с.

20. *Храпачевский Р.П.* Золотая Орда в источниках. (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т.1. Арабские и персидские источники. – М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. 448 с.

21. *Шильтбергер И.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Перевод З.М. Буниятова. – Баку, Элм, 1984. 88 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger/frametext1.htm>; <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger/frametext2.htm>

22. *Kronika Polska Marcina Bielskiego.* Т.1. Księga I-III. Sanok: Nakład i druk Karola Polaka, 1856. <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=18578&from=FBC>

23. *Długosz J., Dziejów Polskich ksiąg dwanaście /* Przekład K.Mecherzyńskiego. Т. 4 Ks. XI, XII. Kraków: W drukarni “Czasu” W.Kirchmayera, 1869. 8, 668, XXIII s. <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=895&dirids=15>

24. *Wapowski B.* Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Т.1. Wilno: Księgarza i Typografa Szkół Białoruskiego Naukowego Okręgu, 1847. 494 s. http://www.pbi.edu.pl/book_reader.php?p=43498

25. *Żdan M.* Stosunki litewsko-tatarskie za czasow Witolda, w. Ks. Litwy // Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe poswiecone badaniom przeszlosci ziem Wielkiego X. Litewskiego. Rocznik VII. Zeszyt 3–4. Wilno: Towarzystwo przyjaciel nauk w Wilnie, 1930. S. 529–601.

Я.В. Пилипчук, Ж.М. Сабитов

XV гасырның 10–20 нче елларында Туктамыш нәселенә хакимият өчен көрәше

Мәкалә Туктамыш нәселе вәкилләренә XV гасырның 10–20 нче елларында хакимият өчен сәяси көрәшндә Бөек Литва кенәзлеге факторына багышлана. Авторның Туктамыш-хан нәселе вәкилләренә идарә итү хронологиясен төзү һәм Солтан Гәрәйне Гәрәй бай белән һәм «бөек император Мөхәммәднә» Хәжи-Мөхәммәд белән тиндәштерү бу мәкаләнең яңалыгы булып тора. Мәкаләдә шулай ук Бөек Литва кенәзе Витовтның Туктамыш улларына карата мөнәсәбәтләренә яңа караш чагыла.

Ачык сүзләр: Бөек Литва кенәзлеге, татарлар, Идегәй, Туктамышевичлар, Витовт, Литва халкы.

Ya.V. Pylpchuk, Zh.M. Sabitov

Great Duchy of Lithuania in the political struggle of Tokhtamyshevichies for power in 10–20-s of the XV century

This paper deals with the factor of the Grand Duchy of Lithuania in the political struggle of Tokhtamyshevichies for power in 10–20-s of the XV century. The purpose of the research study is to reconstruct the history of the chronology of Tokhtamyshevichies in the Golden Horde in the 10–20-s of the XV century and Lithuanian-Tatar relationships of that time. The novelty of this study is a new reconstruction of the chronology of the reigns of khans-Tokhtamyshevichies and identification the Sultan-Gheray to Gheray-Bai and identification of the «great emperor Mukhammad» to Haji-Mukhammed. The novelty is also a new look at the relationship between the Grand Duchy of Lithuania with Tokhtamyshevichies. Vytautas did not dare to fight directly against the Tartars after the defeat in the Battle of the Vorskla. Support to Tokhtamyshevichies by the Grand Duke confined to providing political support that is the proclamation of khan in the Lithuanian lands and the granting of political asylum. Edige reacted by march on Kyiv in 1416. Vytautas did not climb in explanation of the relationship between Tokhtamyshevichies. Death of Edige led to the extinction of the Lithuanian interest in the events in the steppes for a while in 1419. Edige did not conclude peace with Vytautas, as Grand Duke supported Kadyr-Berdi. Vytautas supported Devlet-Berdi in 1421 and supported Ulug-Mukhammed in 1424. Supporting from the Lithuanians helped Ulug Mohammed to fight for power in 1424–1429. The Lithuanian politics of Ulug-Mukhammed has caused dissatisfaction on the part of the Crimean Tatar nobility, who replaced him by Said-Ahmed (who was the son of Bek-Sufi).

Keywords: Great Duchy of Lithuania, the Tartars, Edige, Tokhtamyshevichies, Vytautas, Lithuanians.

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины (Киев, Украина); e-mail: bachman@meta.ua

Пилипчук Ярослав Валентин улы – тарих фәннәре кандидаты, Украина Милли фәннәр академиясе А.Ю. Крымский исемендәге Көнчыгышны өйрәнү институтының кече фәнни хезмәткәре (Киев, Украина).

Pylypchuk Yaroslav Valentynovych – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher at the Department of Eurasian Steppe, Institute of Oriental Studies of NAS of Ukraine (Kiev, Ukraine).

Сабитов Жаксылык Муратович – Ph.D., доцент кафедры политологии Евразийского Национального Университета (Астана, Казахстан); e-mail: babasan@yandex.ru

Сабитов Жаксылык Морат улы – Ph.D., Евразия милли университетының политология кафедрасы доценты, (Астана, Казахстан).

Sabitov Zhaxylyk Muratovich – Ph.D., Associated Professor, Department of Political Science, Eurasian National University (Astana, Kazakhstan).

Исторические населенные пункты на территории
Безменшурского сельсовета Кизнерского района
Удмуртской Республики: попытка корреляции
народных преданий и документальных источников*

Статья освещает некоторые сохранившиеся предания о возникновении исторических поселений в современной периферийной малой административно-территориальной единице Удмуртской Республики – Безменшурском муниципальном образовании Кизнерского района, а также соотносит их с доступными историческими источниками – в первую очередь, ревизскими сказками и Ландратской переписью 1716 г. Благодаря последним нам доступны достоверные сведения о примерной или точной дате основания того или иного населенного пункта, его этно-сословных и демографических характеристиках на протяжении порядка 150 лет. Рассмотренные в статье примеры вполне подтверждают возможность корреляции народных преданий и документальных источников: данные о времени основания существующих или исчезнувших во второй половине XX в. деревень, а также функционировании их предшественниц, отраженные в народных преданиях, в целом соответствуют фактическим данным на историческом промежутке, примерно равном одному веку. Более ранние поселения народная память может забывать. Без сомнения, главными, основными для исследователя должны быть официальные задокументированные данные, отложившиеся в архивах. На примере конкретного муниципального образования также можно заметить, что исторические населенные пункты в целом демонстрируют большую способность к сохранению, нежели возникшие во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Удмуртия, историческая деревня, переселения, исчезновение деревень, род-выжы, ревизские сказки.

Среди вопросов изучения исторического прошлого неизбежно обращение к государственному строю в различные исторические периоды, в том числе к административно-территориальному устройству, особенностям территориальной организации населения отдельных регионов. Российское многонациональное государство,

* Статья выполнена в рамках гранта РГНФ 15–11–18001 (тип: «а(р)») «Удмуртское Прикамье XVIII–XIX вв.: этно-сословная и демографическая характеристика в контексте поселенческой структуры».

начиная с конца XV в., включало в свой состав территории, населенные удмуртами. Небольшая их часть, расположенная на юго-западе современной Удмуртской Республики, в наши дни входит в состав современной российской малой административной единицы – «периферийного» Безменшурского сельсовета Кизнерского района. Она представляет собой один из многих примеров развития поселенческой структуры в нашем крае. Пик его пришелся на конец XIX – первую половину XX в. К сожалению, имеющаяся источниковая база ограничивает нижние территориальные рамки исследования началом XVIII в.

Под историческими деревнями в настоящем исследовании мы понимаем наиболее старые поселения, которые возникли не позднее середины XIX в. Территория современного Безменшурского сельсовета оформилась в 1954 г. путем объединения двух ранее существовавших – Безменшурского и Ямайкинского. На 10 февраля 1939 г. в Безменшурском сельсовете числились д. Безменшур, д. Бертло и поч. Чукло, в Ямайкинском – барак 178 квартал, д. Победа, д. Русское Ямайкино, д. Удмуртское Ямайкино, д. Уржум-Казанка, д. Чуштаськем, поч. Шудо; на 1 сентября 1955 г. в объединенном Безменшурском – д. Безменшур, д. Бертло, поч. Коммуна, д. Русское Ямайкино, д. Удмуртское Ямайкино, д. Уржум-Казанка, д. Чуштаськем, поч. Шудо, на 1 января 1989 г. – д. Безменшур, д. Бертло, поч. Коммуна, д. Чуштаськем, д. Ямайкино. В наши дни муниципальное образование включает в свой состав д. Безменшур (119 хозяйств), д. Бертло (59), д. Чуштаськем (38), д. Коммуна (3 хозяйства) (Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии, 1995, с. 362, 365, 370, 373, 374, 376; МО «Безменшурское»).

Историческими из перечисленных являются деревни Безменшур, Бертло, Чуштаськем и Ямайкино. Основание каждой из них связано с удмуртами рода Омга, значительную часть своей ранней истории они являлись мононациональными поселениями. Об их прошлом нам свидетельствуют два вида разнородных источников – устные предания, зафиксированные благодаря местным краеведам, учителям и школьникам*, и опубликованные и неопубликованные письменные источники. Так, согласно записям Ф.И. Загуменнова, в 1974 г. безменшурцы готовились к празднованию 200-летия дерев-

* Выражаем признательность учителю Безменшурской школы М.В. Кузнецовой за предоставленные материалы.

ни (Записи Ф.И. Загуменнова). Вместе с тем архивные данные в настоящий момент не подтверждают настоящую точку зрения. Согласно данным V ревизии (1795 г.), новопоселенная д. по речке Бисмешур, река Казанка тож (варианты написания названия – Бемешур, Безменшур, Бизминшур, Мезменшур, Нижнедетчур-Омга) Малой Ивановой сотни Иванова Малмыжского уезда Вятской губернии официально была основана где-то после 1784 г. В этот год здесь проживали 71 душа мужского пола и столько же – женского ясачных крещеных удмуртов. В 1797–1816 гг. Малмыжский уезд не существовал, а вся территория современного Безменшурского сельсовета входила в состав Староомгинской волости Елабужского уезда. В 1817 г. эта волость вошла в состав восстановленного Малмыжского уезда. По данным 1834 г., в деревне, входящей уже в состав Старотрыкской волости, в 33 дворах проживали 107 жителей мужского пола и 140 – женского. Одним из частных итогов крестьянской реформы П.Д. Киселева 1837–1841 гг. стало разделение волостей на сельские общества. Безменшур с этого момента входил в состав Верхнедетчур-Омгинского сельского общества Старотрыкской волости, в 1858 г. в нем насчитывалось 35 дворов (118 муж., 142 жен.). В следующем году это общество стало Большешабанской волостью (в свою очередь, разделенной на сельские общества), в состав которой деревня входила вплоть до административных преобразований Советской власти. По данным 1884 г., в ней в 52 дворах жили 311 удмуртов (164 муж, 147 жен.) и в 2 дворах – 7 русских (3 муж., 4 жен.) (ГАКО, ф. 176, оп. 2, д. 95, л. 7; д. 754, л. 294об.–303; д. 1649. л. 298–315; ф. 583, оп. 22, д. 48, л. 226; ф. 574, оп. 1, д. 3, л. 77; НА РТ, ф. 3, оп. 2, д. 495, л. 1–12; Вятская губерния, 1876, с. 389; Материалы по статистике Вятской губернии, 1886, с. 38; Пислегин, 2010, с. 33, 261).

Согласно преданиям, первыми жителями д. Безменшур были несколько семей-переселенцев из д. Средняя Дедьшур-Омга (основанной, в свою очередь, выходцами из д. Старая Омга). Средняя Дедьшур-Омга в то время стояла у р. Дедьшурки, на возвышенности, где теперь растет лес. По сей день это место называется «Шумесьская гора» или «Лудйыл гурезь» (с удм. «Поля на горке»). Среднюю Дедьшур-Омгу называли еще Шумесь. По предположениям, название произошло либо от антропонима Шамей, либо от слова «суэсь», т.е. испачканный сажей от пожара или испачканная сажей женщина, готовившая ритуальную кашу перед строительст-

вом нового дома. Существуют ряд версий переселения в Безменшур: поиск более удобного для земледелия и безопасного для жительства места (с разрастанием материнской деревни все больше детей тонуло в реке) или «пугачевщина» (через деревню проходила дорога из Барского Бурца на Старую Омгу; во время крестьянской войны проезжавшие по ней отряды повстанцев и правительственных войск забирали слишком много припасов). В те времена р. Безменшурка разделяла владения родов Бодья и Омга. Родовые имена зачастую прямо отражались в названиях поселений. Межа – по-удмуртски «бесмен», поэтому реку так и назвали, а от нее произошло и название деревни. У Безменшура второе название также Шумесь (Записи А.Е. Кузнецова, А.С. Егорова, Д.П. Петрова).

По преданию, Средняя Дедьшур-Омга является материнской и для д. Бергло. Ее название происходит от удмуртского «бертыло» («схожу домой»). Якобы ходоки, облюбовав небольшую поляну на берегу речки, сходили домой посоветоваться. Деревня тогда строилась без планов застройки, и в 1840 г. полностью сгорела – не осталось ни одного дома. После пожара договорились строить по определенному плану, так появились прямые улицы в деревне, которые сохранились до сих пор (Записи Д.П. Петрова). Заметим, что примерно в этот период со стороны государства начали следовать действия, направленные на развитие упорядоченной застройки сельских населенных пунктов. Строительство домов и планирование селений по специальным фасадам и планам в значительной степени внедрялось для избегания пожаров.

Архивные данные, имеющиеся на настоящий момент, позволяют утверждать, что д. Бергло (варианты названия, отразившиеся в документах: По речке Бергло, На речке Бергла) возникла, как и Безменшур, между 1784 и 1795 гг. Административная принадлежность деревень сельсовета, по крайней мере, до революции всегда совпадала. По V ревизии (1795 г.), в Бергло проживали ясачные крещеные удмурты (18 дворов, 58 муж., 48 жен.), в 1834 г. в 21 дворе были зафиксированы 87 жителей мужского пола и 98 – женского, в 1858 г. – соответственно 28, 95 и 102. В данных подворной описи 1884 г. в деревне было всего 59 удмуртских дворов с 306 жителями (152 муж., 154 жен.) (ГАКО, ф. 176, оп. 2, д. 95, л. 7; д. 754, л. 306об.–313; д. 1653, л. 337–355; ф. 583, оп. 22, д. 48, л. 226; ф. 574, оп. 1, д. 3, л. 77; НА РТ, ф. 3, оп. 2, д. 495, л. 15–24; Вятская

губерния, 1876, с. 389; Материалы по статистике Вятской губернии, 1886, с. 38; Пислегин, 2010, с. 33, 153, 261).

Среди исчезнувших деревень наиболее древней по праву может считаться д. Ямайкино (удм. Замайгурт). По всей видимости, основана она была либо из д. Дедьшур-Омги, функционировавшей на раннем этапе доступной для нашего изучения истории малой административно-территориальной единицы (см. ниже), либо напрямую из Старой Омги. По сохранившейся легенде, название деревни происходит от имени первого переселенца Дзямая. Более подробную информацию о жителях и вариантах названия деревни можно узнать из архивных данных. Возникло Ямайкино, по всей видимости, после III ревизии (1762 г.), в 1784 г. в новопоселенном поч. по речке Верхней Дешур Омги сотни Ивана Федорова (бывшая сотня Ивана Иванова) Малмыжского уезда были отмечены 23 ревизские (т.е. мужского пола) души и, вероятно, примерно столько же женских. В 1795 г. в д. Верхняя Дешур Омга (варианты названия в последующие годы: Верхняя Дедшур Омга, Верхняя Детшур-Омга, Верхняя Дейтшур-Омга, Емайкино тож, Верхняя Детчур-Омга, Верхнедетчур-Омга, Ямайкино) Малой Ивановой сотни Иванова Малмыжского уезда в 10 дворах проживали 72 (35 муж., 37 жен.) ясачных крещеных удмурта. Через 2 года она уже входила в состав Староомгинской волости Елабужского уезда, VII ревизия (1816 г.) зафиксировала в ней 45 жителей мужского пола и 52 – женского. В 1834 г. деревня в 17 дворов крестьян-удмуртов (55 муж., 80 жен.) находилась в составе Старотрыкской волости Малмыжского уезда, вскоре, около 1840 г., она стала центром сельского общества в составе этой волости. В 1858 г., буквально накануне преобразования Верхнедетчур-Омгинского сельского общества в Большешабанскую волость, здесь в 17 дворах проживали 159 крестьян (71 муж., 88 жен.), удмуртов и русских. Подворная опись, проведенная в 1884 г., дает следующие цифры: удмурты – 29 дворов (85 муж., 84 жен.), русские – 10 дворов (29 м., 30 ж.) (ГАКО, ф. 176, оп. 2, д. 95, л. 7; д. 754, л. 332об.–337; д. 1124; д. 1649, л. 358–371; ф. 583, оп. 600, д. 47, л. 472; оп. 22, д. 48, л. 226; ф. 574, оп. 1, д. 3, л. 80; НА РТ, ф. 3, оп. 2, д. 495, л. 57–65; Вятская губерния, 1876, с. 390; Материалы по статистике Вятской губернии, 1886, с. 38; Пислегин, 2010, с. 261).

Наиболее запутанной представляется история д. Чуштаськем. По легенде, деревню называли так потому, что ритуальная каша, которая готовится в день переселения, пригорела (удм. «чуштась-

кем»). Отметим основные вехи ее дореволюционного развития по данным доступных источников:

1884 г.: д. Нижняя Дечур-Омга, 34 двора, населенных 204 удмуртами (101 муж., 103 жен.) (Материалы по статистике Вятской губернии, 1886, с. 38). Сравнительный анализ имеющихся по соседству селений с полным правом позволяет сделать вывод, что, скорее всего, под этим данным, возможно, ошибочно названием (Нижняя Дечур-Омга – это вариант названия Безменшура) скрывается Чуштаськем.

1873 г. (использованы данные 1858 г.): д. Среднедетчур-Омга (или Бусташкем), 20 дворов, 78 муж., 91 жен. (Вятская губерния, 1876, с. 389). Второе название деревни явно приведено с ошибкой, возможно, опечаткой.

1858 г.: д. Среднедетчур Омга, 78 муж., 94 жен. (ГАКО, ф. 176, оп. 2, д. 1653, л. 397–410).

1850 г.: д. Средняя Детчур Омга, 77 муж., 91 жен. (ГАКО, ф. 176, оп. 2, д. 1124).

1836 г.: поч. Средняя Детчур Омга, Чустоскем тож, 18 дворов, 64 муж., 67 жен. (ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 3, л. 95об.).

1834 г.: д. Средняя Дейтчур Омга, 66 муж. и 79 жен. ясачных крещеных удмуртов (ГАКО, ф. 176, оп. 2, д. 754, л. 340об.–346).

1816 г.: д. Средняя Детчур Омга, 45 муж., 58 жен. (НА РТ, ф. 3, оп. 2, д. 495, л. 47–55).

При обращении к более ранним свидетельствам появляются новые трудности. Так, в данных за 1802 г. наиболее соотносимая с современным Чуштаськемом деревня носит название «Дедшур, Река Омга тож», в ней в 10 дворах зафиксированы 40 ревизских душ. Это предположение подтверждают сведения, почерпнутые из данных 1795 г. В них отмечена новопоселенная д. Дешур речки, Чустаскем тож, населенная ясачными крещеными удмуртами (40 муж., 32 жен.). Однако рядом с ней «всплывает» д. Средняя Дешур Омга, которая к моменту проведения V ревизии «совсем уничтожилась». Материалы III ревизии (1762 г.) это селение не отмечают, в данных 1784 г. оно числится как новопоселенный поч. по речке Средней Дешур Омги, в котором проживали 30 ревизских душ (ГАКО, ф. 176, оп. 2, д. 95, л. 7). Возможно, просуществовав, скорее всего, не более 30 лет, далее оно «передало» свое название Чуштаськему. Преимущество в названиях дает основания предположить связь между ними. Выскажем предположение, что эта «уничтоженная» деревня могла отчасти быть материнской для Безменшура и Бергло.

Интересным представляется также обращение к поселению, вероятно (косвенно это видно из его названия, а также расположения в ревизских сказках и ведомостях, созданных на их основе, рядом с искомыми), связанному с тремя Дедьшур-Омгами (Нижней – Безменшуром, Средней – Чуштаськемом и Верхней – Ямайкино). Возможно, оно также располагалось на территории современного Безменшурского сельсовета и могло быть старейшим из ныне известных. В уже упомянутых выше материалах 1795 г. среди прочих отмечена д. Дешур Омга (варианты названия: Дерешур Омга, Дерюшур Омга, На речке Деришур Омга, На речке Дериш Омге), которая к 1795 г. «совсем уничтожилась» (скорее всего, расселилась, причем, вполне вероятно, задав основной импульс развития поселенческой структуры «Безменшурского куста»), несмотря на довольно внушительную численность по предыдущей ревизии. В 1784 г. она входила в состав сотни Ивана Федорова Малмыжского уезда с населением в 101 душу только мужского пола, в 1762 г. – сотни Ивана Иванова Арской дороги Казанского уезда, в ней проживали крещенные ясачные удмурты (124 муж., 83 жен.). Перепись, проведенная в 1744 г., отметила 42 ревизских некрещеных души (сотня Урекейки Ларкина). Таким образом, середина XVIII в. стала для деревни такой же знаковой, как и для большинства нерусского населения бывшего Казанского ханства – отмеченной массовой христианизацией. В 1722 г. селение (37 душ мужского пола) находилось в составе сотни Тохтарки Иванова (бывшей сотни Оброски Плеханова). Первое письменное упоминание о нем относится к 1716 г. Проведенная в этом году Ландратская перепись зафиксировала 5 дворов (13 муж, 14 жен.). Было также отмечено, что в 1710 г. насчитывалось 10 дворов, а «из жилых и пустых дворов вотяки мужеска и женска пола померли и бежали, и дворы их пусты подлинно. И от тое убыли и малолюдства остальные вотяки, платя сполна подати, оскудали» (ГАКО, ф. 583, оп. 600, д. 47, л. 472; РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1190, л. 462–471об.; д. 1140, л. 722–724об.; д. 1130, л. 372об.; Подворная («Ландратская») перепись 1716 г., 2009, л. 635–637). Несомненно, эта деревня существовала и раньше, как минимум, в XVII в.

К сожалению, проследить родственные связи по ревизским сказкам не представляется возможным, поскольку нам известны только сводные данные по V и IV ревизиям (по последней первичные данные по территории Удмуртского Прикамья, по всей видимости, за редкими исключениями утрачены безвозвратно). Отсюда же отсутст-

вуют и прямые указания о том, откуда прибывали новопоселенцы, данные сведения весьма часто имелись в первичных источниках. Существующий временной разрыв (почти полвека), кроме того, затрудняется отсутствием у жителей фамилий. Последнее обстоятельство в принципе затрудняет генеалогические изыскания на территории, некогда бывшей в составе Казанского ханства. Без сомнения, главными, основными для исследователя должны быть официальные задокументированные данные, отложившиеся в архивах. Однако рассмотренные нами примеры вполне подтверждают возможность корреляции народных преданий и документальных источников.

В заключение на примере конкретного муниципального образования также можно заметить, что «исторические» населенные пункты в целом демонстрируют большую способность к сохранению. На территории Безменшурского сельсовета исчезли в основном деревни, которые возникли в конце XIX – первой трети XX в.

Источники и литература

1. ГАКО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 95.
2. Там же. Д. 754.
3. Там же. Д. 1124.
4. Там же. Д. 1649.
5. Там же. Д. 1653.
6. Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 3.
7. Там же. Ф. 583. Оп. 22. Д. 48.
8. Там же. Оп. 600. Д. 47.
9. *Записи А.Е. Кузнецова* // Фонды Безменшурского школьного исторического музея.
10. *Записи А.С. Егорова* // Фонды Безменшурского школьного исторического музея.
11. *Записи Д.П. Петрова* // Фонды Безменшурского школьного исторического музея.
12. *Записи Ф.И. Загуменнова* // Фонды Безменшурского школьного исторического музея.
13. НА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 495.
14. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1130.
15. Там же. Д. 1140.
16. Там же. Д. 1190.
17. *Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов.* – СПб., 1876.
18. *Материалы по статистике Вятской губернии.* Т. 1. Малмыжский уезд. – М., 1886. Ч. II.

19. *МО «Безменшурское»* // МО «Кизнерский район». Режим доступа: <http://www.mykizner.ru/city/poselen/bezmensh/index.php>. (дата обращения: 09.03.2015).

20. *Пислегин Н.В.* Удмуртское крестьянство и власть (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. 300 с.

21. *Подворная («Ландратская») перепись 1716 г.* // Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков [Электронный ресурс] / автор-сост. *В.С. Чураков*. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009.

22. *Справочник* по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. – Ижевск: Удмуртия, 1995. 744 с.

Список сокращений

ГАКО – Государственный архив Кировской области
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
дер. – деревня
поч. – починок
реч. – речка

Н.В. Пислегин

Удмуртия Республикасы Кизнер районы Безменшур авыл советы территориясендәге тарихи торак пунктлар: халык риваятьләре һәм документаль чыганаclarны бэйләү омтылышы

Мәкалә хәзерге Удмуртия Республикасындагы кече административ-территориаль берәмлек – Кизнер районының Безменшур муниципаль берәмлегендәге тарихи торак пунктларның барлыкка килүе турындагы кайбер сакланып калган риваятьләргә яктырта, шулай ук аларны документаль чыганаclar – беренче чиратта ревизия сказкалары һәм 1716 елгы Ландрат язучулары белән бэйли. Соңгылары ярдәмдә без теге яки бу торак пунктның якынча яки төгәл нигез салыну датасын, аның 150 ел дәвамында этно-сословия, демографик характеристикалары турында белә алабыз. Мәкаләдә каралган мисаллар халык риваятьләрен һәм документаль чыганаclarны бэйләү мөмкинлеген исбатлыйлар: XX гасырның икенче яртысында булган яки юкка чыккан авылларның нигезләнү вакытлары, шулай ук халык риваятьләрендә чагылган аларның элгәреләре турындагы мәгълүматлар якынча бер гасырлык тарихи дәвернең фактик мәгълүматларына гомумән алганда туры килә. Тагы да элгәрерәк авыллар турында халык хәтерә онытырга да мөмкин. Ничшиксез, тикшеренүче өчен архивлардагы официал документлар төп мәгълүмат булырга тиеш. Конкрет муниципаль берәмлек мисалында XIX гасырның икенче яртысында – XX гасыр башында барлыкка

килгәннәре белән чагыштырганда тарихи торак пунктлар гомумән алганда сакланып калу сәләтен күрсәтәләр.

Ачкыч сүзләр: Удмуртия, тарихи авыл, күченүләр, авылларның юкка чыгуы, выжы ыругы, ревизия сказкалары.

N.V. Pislegin

Historical settlements on the territory of the Bezmenshur commune of the Kizner district of the Udmurt Republic: an attempt of correlation of folk legends and documentary sources

Some of the surviving legends about the origin of historical settlements in the modern peripheral small administrative-territorial unit of the Udmurt Republic – the Bezmenshur commune of the Kizner district, as well as correlation of them with available historical sources (first of all with population census of the beginning of the XVIII – first half of the XIX centuries and with Landrat census of 1716) are examined in the article. These census provide information on the approximate or exact date of the founding of a settlement, its ethno-social and demographic characteristics for about 150 years. Viewed examples confirm the possibility of correlation of folk tales and documentary sources: information about the founding of the now existing or disappeared villages in the second half of the XX century and their precursors, which have been reflected in folk tales, are broadly in line with the actual data on the historical interval, approximately equal to one century. Folk memory may forget earlier settlements. For sure, the data deposited in the archives should be central for a researcher. On example of concrete commune we also can see, that historical settlements show a greater ability to preservation, rather than villages, which appeared in the second half of the XIX – beginning of the XX century.

Keywords: Udmurtia, historical settlement, migration, the disappearance of rural settlements, genus-vyzhy, population census.

Пислегин Николай Викторович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск); e-mail: sreg@rambler.ru

Пислегин Николай Виктор улы – тарих фәннәре кандидаты, доцент, Россия фәннәр академиясенң Урал бүлеге Удмурт тарих, тел һәм әдәбият институты Тарихи эзләнүләр бүлегенң өлкән фәнни хезмәткәре (Ижау шәһәре).

Pislegin Nikolai Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk).

Источники по генеалогии Джучидов, зависящие от «Мунтахаб ат-таварихи Муини»

Статья посвящена рассмотрению связей между источниками, зависящими от «Мунтахабат-таварихи Муини» Муин ад-Дина Натанзи. В статье показаны связи этих источников с «Мунтахабат-таварихи Муини» и между собой. Также показаны противоречия в данных источниках, связанные с некритическим восприятием «Мунтахабат-таварихи Муини». Выдвинуто предположение о зависимости «Тарихи Хайдари» Хайдара ибн Али Хусайни Рази от «Нусахи Джаханара» Казии Ахмада ибн Мухаммада Гаффари Казвини. Показаны связи-заимствования сведений между источниками, зависящими от «Мунтахабат-таварихи Муини».

Ключевые слова: Орда-ичен, Золотая Орда, Натанзи, Урус-хан, генеалогия Джучидов, Гаффари.

«Мунтахабат-таварихи Муини» – сочинение Муин ад-Дина Натанзи – написано в 1413–1414 годах. Известны две редакции данного сочинения: 1) текст, посвященный царевичу Искандеру; 2) текст, посвященный Шахруху. Данный источник содержит большое количество сведений, которые не встречаются в источниках того периода. Ранее мы уже оценивали ценность и достоверность этих сведений¹, придя к выводу о малой достоверности генеалогических и хронологических данных и относительно высокой ценности рассказов о поступках тех или иных ханов и эмиров (Сабитов, 2010, с. 150–154). На основе анализа большей части источников по генеалогии Джучидов, нами был сделан вывод о том, что Натанзи опирался в своих построениях на черновик работы Рашид ад-Дина, содержащей неверную генеалогию золотоордынского темника Ногая от Орда-ичена, что вкуче с неверным отождествлением его с сыгнакским ханом Кара-Ногаем привело к появлению данного мифа (Сабитов, 2015, с. 578). Другие исследователи высказывали точку зрения о высокой степени достоверности известий Натанзи (Ускенбай, 2013, 288 с.), а также исходя из этого и зависящих от него ис-

¹ См., например: Сабитов Ж.М. Аноним Искандара как генеалогический источник // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. – Казань, 2008. С.117–122.

точников. Но данные аргументы не учитывают многие факторы, в том числе и гипотезу А.Г. Гаева о путанице двух Ногаев, из-за которого сыгнакские Тука-Тимуриды стали «потомками Орда-ичена» (Сабитов, 2014, с. 145–157; Гаев, 2002, с. 9–15).

«Мунтахабат-таварихи Муини» очень важен для решения одного частного вопроса происхождения некоторых ханов Золотой Орды. При этом данная научная проблема существует со второй трети XIX века, когда впервые обнаружили большие нестыковки между «Мунтахабат-таварихи Муини» и другими источниками. При этом тема об источниках, которые зависят в своих сведениях от «Мунтахабат-таварихи Муини», не особо затрагивалась в историографии. Здесь стоит отметить предисловия к данным источникам из «Сборника Материалов по истории Золотой Орды» (Том 2. Персидские источники) и исследования Т.И. Султанова (Султанов, 2006, с. 264–265). В них отмечалось, что «Нусахи Джаханара» Гаффари (История Казахстана, 2006, с. 401) и «Тарихи Хайдари» Рази (Там же, с. 407) зависят от сведений Натанзи.

Помимо них есть еще несколько сочинений, зависящих от Натанзи. Т.И. Султанов выделял еще турецкое сочинение Мунеджим Баши. Помимо этих сочинений есть еще две крымские рукописи.

Ниже мы разберем каждый источник по отдельности, отметив как достоверность сообщения, так и его связи с Натанзи.

1. Первым источником является «Нусахи Джаханара» («Списки устроителя мира») Кази Ахмада ибн Мухаммад Гаффари Казвини, посвященным Иранскому шаху Тахмаспу и законченным в 1564–65 годах.

1.1. «но в пути (Берке. – Ж.С.) скончался от болезни колик в 664 г. (= 13 XI 1265 – IX 1266). После него царство досталось потомкам Орды, разделившимся на две ветви; каждая будет упомянута в особом параграфе» (Там же, с. 402).

Здесь стоит отметить, что сообщение о том, что в Улусе Джучи после Берке царство досталось потомкам Орда-ичена явно недостоверно. Согласно многочисленным источникам, власть Берке наследовал Менгу-Тимур, внук Бату, а не некий потомок Орда-ичена. Кроме того, в этом сообщении говорится о двух линиях потомков Орда-ичена, правивших в разных частях Улуса Джучи, что также не является достоверным сведением.

1.2. «Первый параграф о царях Кок-орды; им принадлежали области правого крыла, как-то: улусы Ли́ка, Укек, Маджар, Булгар и Казань. Токта-хан, сын Курбукуя, сына Орды, сына Джучи, сел на царство. В 702 г. (= 26 VIII 1302 – 14 VIII 1303), соответствующем году барса, между ним и Ногаем, по которому теперь называется упомянутый улус, в окрестностях Саксина и Булгара произошла битва, и он (Токтай) одолел» (Там же, с. 403).

Здесь мы видим следующие ошибки: неправильная локализация Кок-Орды. При этом Либка (Литва) не входила в состав Улуса Джучи. После прочтения этого отрывка может сложиться мнение, что ханам Улуса Джучи принадлежали только часть Повольжья, часть Северного Кавказа и Литва, что не полностью отражает границы владений ханов улуса Джучи. Также генеалогия Тохты не верна. Он не был внуком Орда-ичена, а был правнуком Бату. Скорее всего, идентификация Ногай и Ногайской Орды (современное для Гаффари государство) – личные домыслы автора.

1.3. «Тогрул, сын Токтай-хана, правил после отца 17 лет и скончался в 727 г. (= 27 XI 1326 – 16 XI 1327). Узбек-хан, сын Тогрула, по которому назван улус Узбекский, после отца по праву наследования сел на его место» (Там же, с. 403).

Здесь стоит отметить, что Тогрул действительно был соправителем в Улусе Джучи (Тула-бука-хана), но он погиб вместе с Тулабукой и своими братьями. Он не правил 17 лет и не умер в 1326–27 годах. Узбек стал ханом не после отца и не по праву наследования (был избран ханом).

1.4. «Второй параграф о ханах Ак-орды, которым принадлежали области левого крыла от Улук-така до Каратала и границы Луса. Туда-Мунке, сын Нокая, сына Кули, сына Орды, был назван ханом и долгое время находился в этой должности» (Там же, с. 403).

Тут не верны локализация Ак-орды (Сабитов, Кушкумбаев, 2013, с. 60–72) и генеалогия Туда-Мунке, который не был сыном золотоордынского темника Ногай и не был правнуком Орда-ичена, а был правнуком Бату и сыном Тугана.

1.5. «Сасы-Бука, сын Нукая, получил власть после брата и умер в 720 г. (12 II 1320 – 30 I 1321). Эрзен, сын Сасы-Буки, после отца стал обладателем власти и через 25 лет, в 745 г. (= 15 V 1344 – 3 V 1345) скончался. Мубарек-ходжа, сын Эрзена, скончался после 6 месяцев правления. Чимтай, сын Эрзена, правил 17 лет; эмиры Кок-

орды его приглашали на царство, но он не согласился. Урус-хан, сын Чимтая, хотел соединить оба улуса» (История Казахстана, 2006, с. 403–404).

Здесь мы видим следующие ошибки. Сасы-Бука не был сыном золотоордынского темника Ногая. Урус-хан тоже не был его потомком. Здесь Гаффари полностью пересказывает данные Натанзи. Генеалогия и хронология из этого отрывка абсолютно фантастична. Причины ее появления описаны уже давно (Гаев, 2002, с. 11–15).

1.6. Тимур-Мелик, сын Урус-хана, сел на царство и предался пьянству... в 807 г. (= 10 VII 1404 – 28 VI 1405) (Тохтамыш. – Ж.С.) умер. Нузи-оглан, сын Урус-хана... После поражения Тохтамыша Тимур дал ему царство улуса Джучиева и в 777 г. (2 VI 1375 – 20 V 1376) с берега реки Итиль отправил в Дешт. Тимур-Кутлук-хан, сын Тимур-Мелика (История Казахстана, 2006, с. 404).

Здесь не верна дата смерти Тохтамыша, дата воцарения Нази (и написание имени также, видимо здесь имеется ввиду Куйурчак). Также не верна генеалогия Тимур-Кутлука, который не является сыном Тимур-Мелика и внуком Урус-хана.

2. Вторым источником является «Тарихи Хайдари» Хайдара ибн Али Хусайни Рази, законченным в 1618–19 годах.

Надо сказать, что рассказывая о западной части Улуса Джучи, Рази вообще не использует данные Натанзи о правлении Тохты, Тогрула и Узбека. Видимо, увидев противоречие между Натанзи и другими источниками, Рази предпочел использовать не Натанзи, описывая эту часть истории Улуса Джучи.

2.1. «Рассказ о царях Ак, которые также из потомства Джучи. Область левой руки от Улук-така до фуртасов и Руси была в их обладании. Первый из них Мункай, сын Букая, сына Тули, сына Орды, сына Джучи, он правил некоторое время и скончался» (Там же, с. 409).

Видимо, здесь допущены ошибки и вместо Букай нужно читать Нукай, а вместо Тули следует читать Кули. Здесь стоит отметить, что в других источниках ничего не известно о некоем первом царе Мункае, который был правнуком Орда-ичена (и, видимо, сыном золотоордынского темника Ногая) и чья держава простиралась от Улытау в центральном Казахстане до Русских княжеств. Правда, если предположить, что под данным именем скрывается Туда-Менгу (или Менгу-

Тимур), то такие границы имеют место быть. Только стоит отметить, что они оба не являлись потомками Орда-ичена.

2.2. «После него на правление сел Сасы-Бука, который был его братом, он скончался в 720 г.х. (12.02.1320–30.01.1321). Идерен, сын Сасы, стал правителем иля после отца, правил 25 лет и умер. Мубарак-ходжа, сын Идерена, после Идирена стал правителем иля и улуса, он умер после 6 месяцев правления. Джиджай, сын Идерена стал преемником брата и правил 17 лет. После него правителем иля стал его сын Урус-хан» (Там же).

Здесь стоит отметить, что этот отрывок является коротким пересказом данных Натанзи.

2.3. «Тимур-Малик, сын Уруса, после брата стал обладателем короны и трона... Тимур-Кутлук-хан, сын Тимур-Малик-хана, в 759 г.х. (14.12.1359-02.12.1358) прибыл к Тимуру» (Там же).

Тут видны две ошибки: неправильная генеалогия Тимур-Кутлука и дата его прибытия к Тимуру. Скорее всего, 759 г.х. это искаженный 779 г.х., который встречается у Гаффари, у Натанзи такого года нет. Видимо, в плане данных сведений Рази зависит от Гаффари, а не от самого Натанзи. Косвенно в эту пользу играет и известие о Мункае, который неизвестен по Натанзи и известен по Гаффари. Также короткий пересказ свойственен для Гаффари, Рази мог пересказать сведения Натанзи более обширно, или, во всяком случае, по-другому. Здесь же пересказы Гаффари и Рази очень похожи.

3. Рукописи османского историка XVII века Мунеджим Баши: Джамии ад-Дувал («Собрание династий») на арабском языке и его перевод на османский язык Сахаиф ал-Ахбар («Листы известий»), осуществленный в 1720–30-х годах. К сожалению, данные первоисточники не введены в научный оборот. По мнению Султанова Т.И., ознакомившегося с данными сочинениями, Мунеджим Баши следует за ал-Гаффари (Султанов, 2006, с. 265).

4. Крымско-османская Хроника «Семь планет» Мухаммед-Ризы, составленная в 1737 году (перевод Ильяса Мустакимова).

«После смерти Джучи его сыновья – Орду и Бату – прибыли для церемонии оплакивания [отца] в орду своего деда. Чингиз-хан назначил на ханство улуса Джучи младшего [из двоих прибывших] сына Джучи – Бату. «В соответствии с отеческим обычаем» он пожаловал этим своим двум старшим внукам шатры, «именуемые у них ордами»: Орде – белый шатер, Батыю – синий шатер. Когда пос-

ле Джанибека и его сына Бердибека династия Бату прервалась, не долгое время правили ханы из рода Шибана по имени Хызр, Базар (Базарчи), Бадут (Мурут) и Рус (Урус). Вследствие междоусобиц в течение короткого времени представители династии Белого шатра исчезли и забылись в смуте» (Мустакимов, 2016).

Здесь стоит отметить, что в этом источнике чувствуется как влияние Натанзи в вопросе локализации орд (видимо, через Мунеджим Баши), так и влияние Утемыш-хаджи (эпизод с раздачей шатров и имена малоизвестных в источниках таких ханов, как Хызр, Базарчи, Бадут (искаженное Бурут, восходящее к Мурут)). Здесь ошибочно Базарчи и Урус приписаны к потомкам Шибана, что не соответствует действительности.

5. «Сокращенная хроника» Мухаммед-Ризы, выполненная Хурреми-челеби Акай-эфенди во второй половине XVIII в. (перевод Ильяса Мустакимова).

«После смерти Джучи трое его сыновей – Токтимур, Орда и Бату, пользовавшиеся наибольшим уважением, отправились к Чингизхану. Чингис принял их с почестью, Орде пожаловал белый, а Токтимуру и Бату голубой шатер; ханство же над улусом Джуджи отдал, по обычаю монголов, младшему сыну, Бату. Впоследствии Улус Джучи разделился на две части, которые по отношению к белому и голубому шатрам названы были правым и левым крылом (досл. «рукой»). Со смертью Бердибека род Саина пресекался, между потомками Джучи произошли раздоры, и на престол Саинов восходили на короткое время один за другим ханы из рода Шибана по имени Хизр, Базар и Барун. Потом появился и, одолев их всех, самовластным государем сделался Рус-хан из потомков Орды, из колена белого шатра. Далее ханствовал Тохтамыш-хан из колена голубого шатра, потомок Токтимура» (Там же).

Здесь стоит отметить, что не во всех вопросах, хроника Хурреми-Челеби Акай-эфенди следует за хроникой Мухаммед-Ризы. Первое противоречие здесь состоит в том, что Орда-ичен получил белый шатер (Белую Орду), но при этом она находилась на правом крыле (на Западе), в то время как Синий шатер (Синяя Орда) принадлежала Бату и Тука-Тимуру и находилась на левом крыле (Восток Улуса Джучи). Здесь локализация орд не противоречит нашим знаниям об улусах, выданных Бату и Орда-ичену. В плане названий шатров (орд), данное сочинение восходит к сведениям Мухаммеда-

Резы. Отличие от вышеупомянутой хроники состоит в том, что здесь Урус-хан назван прямым потомком Орда-ичена, в отличие от Мухаммеда-Резы, у которого данный персонаж является потомком Шибана. Эти противоречащие друг другу сообщения свидетельствуют, насколько смутно представляли себе крымские летописцы XVIII века генеалогию Урус-хана. Скорее всего, данные два источника восходят к сведениям Мунеджим Баши.

6. Рукопись из архива мурзы Мурата Аргинского.

«Со смертью Бердибека род Саина пресекался, между потомками Джуджи произошли раздоры, и на престол Саинов восходили на короткое время один за другим ханы из рода брата Саинова, Шейбана, по имени Хизр, Базар и Барун. Потом появился и, одолев их всех, самовластным государем сделался Рус-Хан из потомков Герде, из колена белого шатра. Далее ханствовал Тохтамыш-Хан, из колена голубого шатра, потомок Токтимура, от которого происходят и теперешние ханы Крымские» (Извлечения, 1844).

В этом источнике мы четко видим преемственность данного отрывка по отношению к сведениям Хурреми-Челеби Акай-эфенди.

Рассмотрев данные источники, стоит отметить, что сведения «Мунтахабат-таварихи Муини» были растиражированы благодаря труду «Нусахи Джаханара» («Списки устроителя мира») Кази Ахмада ибн Мухаммад Гаффари Казвини, от которого зависят все последующие источники либо прямо («Тарихи Хайдари» Хайдара ибн Али Хусайни Рази и рукописи османского историка XVII века Мунеджим Баши «Джами ад-Дувал» («Собрание династий») на арабском языке и его перевод на османский язык Сахаиф ал-Ахбар («Листы известий»), либо косвенно – через сведения Мунеджим Баши. С большой долей вероятности Мунеджим Баши был тем самым источником сведений для «Сокращенной хроники» Мухаммед-Ризы, выполненной Хурреми-челеби Акай-эфенди. Не совсем понятно, зависели ли сведения Мухаммед-Ризы от Мунеджим Баши. С одной стороны, мы видим схожие черты в сведениях о раздаче сыновьям Джучиорд, что может быть чуть искаженным вариантом сведений Натанзи. С другой стороны, в этом источнике Урус-хан назван потомком Шибана, что не совпадает с данными Натанзи. Рукопись же Мурата Аргинского в своих сведениях зависит от «Сокращенной хроники» Мухаммед-Ризы, выполненной Хурреми-челеби Акай-эфенди.

Источники и литература

1. *Гаев А.Г.* Генеалогия и Хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов. Вып. 4. Т.3. – Нижний Новгород. 2002. С. 9–55.
2. *Извлечения* из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов [Электронный ресурс] // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. 1844 (пер. А.Негри) URL:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430 (дата обращения: 19.10.2016).
3. *История Казахстана* в персидских источниках. Т. 4. – Алматы: Дайк-Пресс. 2006. 620 с.
4. *Мустахимов И.А.* Восточные источники XVI–XVIII вв. об Орда-Ичене и Ордуидах (в печати). Препринт доступен по адресу: [http://arhiv.tatarstan.ru/file/Восточные_источники_XVI-XVIII_вв.\(1\).doc](http://arhiv.tatarstan.ru/file/Восточные_источники_XVI-XVIII_вв.(1).doc)
5. *Сабитов Ж.М.* Аноним Искандара как генеалогический источник // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. – Казань. 2008. С.117–122.
6. *Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К.* Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: к вопросу о локализации Ак-Орды и Кок-Орды // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 60–72.
7. *Сабитов Ж.М.* Натанзи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань. 2010. С.150–154.
8. *Сабитов Ж.М.* О происхождении Урус-хана // Ылы Даланың Акселеуі. – Астана. 2015. С. 577–592.
9. *Сабитов Ж.М.* Рецензия на монографию: Ускенбай К.З. «Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи» // Научный Татарстан. 2014. № 4. С. 145–157.
10. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006. 445 с.
11. *Ускенбай К.З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.

Ж.М. Сабитов

«Мунтахаб ат-таварихи Муини»дан бэйле булган Жучилар генеалогиясе буенча чыганақлар

Мәкалә Муин ад-Дин Натанзиниң «Мунтахаб ат-таварихи Муини» белән бэйле булган чынақлар арасындагы элементләрне карауга бағышлана. Мәкаләдә шул чыганақларның «Мунтахаб ат-таварихи Муини» белән һәм үзара элементләрә күрсәтелә. Шулай ук, шушы чыганақлардагы каршылықлар «Мунтахаб ат-таварихи Муини»ны тәнқийтьсез үзләштерү белән бэйле булуы күрсәтелә. Хайдар ибн Али Хусайни Разиниң «Тарихи Хайдари» Кази Ахмад ибн Мухаммад Гаффари Казвининиң «Нусахи Джаха-

нара»дан бэйлелеге турында фараз китерелә. «Мунтахаб ат-таварихи Муини»га бэйле чыганаклар арасындагы мәгълүматларның бэйләнеш-алынамалары күрсәтелә.

Ачкыч сүзләр: Урда-Ичен, Алтын Урда, Натанзи, Урыс хан, Жучилар генеалогиясе, Гаффари.

Zh.M. Sabitov

Sources of genealogy of Juchids dependent on «Muntahab al-Tavarihi Muini»

The article deals with the relationships between sources, depending on the «Muntahab al-Tavarihi Muini» of Muin al-Din Natanzi. The article shows the connection of these sources to «Muntahab al-Tavarihi Muini» and among themselves. Author finds contradictions in the data of sources associated with the uncritical acceptance of «Muntahab al-Tavarihi Muini». It is suggested depending of the «Tarikhi Haidari» of Haidar bin Ali Husaini Razi from «Nusahi Jahanara» of Qazi Ahmad bin Muhammad Ghaffari Qazvini. Author builds an «Origin tree» of data between sources dependent on «Muntahab al-Tavarihi Muini».

Keywords: Horde-ichen, the Golden Horde, Natanzi, Urus-khan, genealogy of Juchids, Ghaffari.

Сабитов Жаксылык Муратович – Ph.D., доцент кафедры политологии Евразийского Национального Университета (Астана, Казахстан); e-mail: babasan@yandex.ru

Сабитов Жаксылык Морат улы – Ph.D., Евразия милли университетінің политология кафедрасы доценты (Астана, Казахстан).

Sabitov Zhaxylyk Muratovich – Ph.D., Assistant Professor, Department of Political Science, Eurasian National University (Astana, Kazakhstan).

Казанская биржа как представительная организация предпринимателей Волжско-Уральского региона (середина XIX – начало XX в.)

В статье анализируется деятельность Казанской товарной биржи, как организации, представляющей интересы провинциальной торгово-промышленной буржуазии Волжско-Уральского региона в пореформенный период развития России. Автор, характеризуя основные направления деятельности Казанской биржи, отношения, которые складывались у казанского биржевого сообщества с органами государственной власти страны, приходит к выводу: биржи, как высшая форма организации рынка, стали первыми общественными представительными учреждениями крупного капитала в России, где большую роль играли не столько конкуренция, сколько общность коренных экономических нужд, социальных потребностей и политических стремлений крупной буржуазии.

Ключевые слова: биржевое движение, Казанская товарная биржа, Биржевое сообщество, Биржевой комитет, рыночные отношения, социально-экономическое развитие.

Биржи в России стали первыми общественными учреждениями крупного капитала, одной из его представительных организаций. Основной целью их создания было осуществление функций представительства и защиты потребностей промышленности и торговли, интересов предпринимателей перед властями и обществом.

Биржевая деятельность в России регулировалась общероссийским законодательством: статьями Торгового устава 1857 г., действовавшим в начале XX в. в редакции 1903 г. Книга третья Торгового устава содержала торговые установления – учреждения и меры, «кои определены законом, как способы к лучшему и успешнейшему движению торговых дел, как вне, так и внутри Империи» (Шершеневич, по изд. 1914 г., 1994, с. 42).

Согласно Торговому уставу, биржа рассматривалась как учреждение «чисто вспомогательное для торговли и промышленности, в обширнейшем понятии этого слова». В документе определялись направления деятельности биржи: «Биржевым обществам, или представляющим их собраниям гласных или выборных, предостав-

ляется постановлять приговоры о всем, что касается устройства и порядка биржевых собраний, удобства и правильности биржевых сделок». Закон закреплял за биржей право неприкосновенности и гарантии в отношении коммерсантов на биржевых собраниях. Арестовать или взять из биржи по требованию суда и присутственных мест по любому делу, кроме уголовного, запрещалось до окончания биржевого собрания. Положения, закрепляющие представительные функции биржевых организаций, в общегосударственных актах отсутствовали (Устав торговый, т. XI, ч. 2, изд. 1876, ст. 2156, 2160).

Вторым источником, определявшим деятельность бирж, стали их уставы. В пореформенное десятилетие именно в уставах биржи на основе разработанных законодательных норм был закреплён статус биржи как корпоративной организации, дающий биржам право на осуществление представительных функций. Уставы разрабатывались местными предпринимателями и регулировали деятельность конкретной биржи. Регистрация бирж проводилась только с разрешения правительственных органов.

В Казани вопрос об открытии биржи был поднят ещё в 1830 г. Бухарец, приписанный в казанское купечество, Мирзан Мирфаизов Сеитов подал в Казанскую городскую думу записку, где доказывал необходимость учреждения биржи. «В этом городе в торговых сношениях, покупке и продаже, равно и мене товаров, предстоит немалое затруднение, а может быть вкрадывается и самое злоупотребление во вред самих купечествующих, городских доходов, которые при учреждении биржи, от оборотов, на многие миллионы быть должныствующих, могут получать себе значительную пользу и увеличение посредством определенных маклеров» (КБЛ, 1879, 12 марта). На эту записку члены думы отреагировали постановлением 1834 г.: «при окончательной отстройке Гостинного двора (после пожара. – Л.С.) определить для собрания купечества и маклеров особый зал». На это решение осталось не выполненным (КБЛ, 1879, 12 марта).

В 1856 г. с подобным предложением выступил один из чиновников. Он писал: «Учреждение в Казани биржи было бы очень полезно, как для самих купцов вообще, потому что их дела были бы друг другу известны, так и для торговой депутации и магистрата, потому что они имели возможность заключать более точным образом о местной торговле и причинах несостоятельности купцов»

(КБЛ, 1879, 12 марта). Основной причиной для открытия биржи автор видел фискальные цели.

Эти предложения были частными мнениями. Купеческое же общество Казани в то время еще не осознало потребности в биржевой торговле. Создание общероссийского капиталистического рынка, обострение на нем конкуренции, развитие путей сообщения, расширение оптовой торговли, быстрый рост экспорта хлеба во второй половине XIX в. подтолкнули казанских купцов к практическим шагам, к учреждению биржи. Кроме того, торгово-промышленная буржуазия нуждалась в своем представительном органе, что отражало возросший уровень ее классового самосознания.

11 ноября 1866 г. был утвержден устав Казанской биржи (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 1, лл. 1–5 об.), а 3 декабря 1867 г. ее торжественно открыли в восьмом городе страны. Биржа стала для крупных торговцев и промышленников центром объединения и регулярно работающей организацией, призванной отстаивать их интересы. Конечно, торговые сделки совершались и до ее появления, но делалось это «кое-где, на Толчке, под открытым небом, в гостиницах и вообще по разным углам и закоулкам» (КБЛ, 1879, 16 декабря; 1884, 18 января). Теперь же дело становилось на регулярную основу, купцов постепенно приучали к правильному, «цивилизованному» ведению дел.

Открытие биржи в Казани – заслуга двух предпринимателей, Н.К. Крестовникова и И.Н. Соболева. Особенно последнего, который и стал ее первым председателем, отслужив в этом качестве 9 лет. По его инициативе и под покровительством с декабря 1868 г. выпускалась газета «Казанский биржевой листок», отражавшая интересы торгово-промышленных кругов города и содержавшая сведения, необходимые для заключения сделок.

Купец 1-й гильдии И.Н. Соболев был типичным представителем крупного капитала российской провинции. С 1850 г. он занимался оптовой хлебной торговлей на Рыбинской и Петербургской биржах, покупал хлеб «в значительных количествах на всех пристанях по рекам Волге, Каме, Вятке, Белой, Уфимке, имел 4 буксирных парохода и 25 барж, выполнял разные казенные подряды и поставку провианта для С.-Петербургского, Московского, Казанского и Кавказского военных округов» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 12, л. 247).

На средства И.Н. Соболева в 1874 г. выстроили на Большой Проломной здание биржи. Это было двухэтажное здание «с обширным залом в два света над главным входом, восьмью отдельными комнатами». Позднее здесь же действовала телефонная станция. И.Н. Соболев передал дом в дар городу «как дань любви к Казани и искреннего уважения к тому сословию, к которому он имеет честь принадлежать» (КБЛ, 1869, 27 февраля; 1883, 18 марта). Наградой за деятельность на посту председателя биржи стало присвоение И.Н. Соболеву звания коммерции-советника.

В уставе Казанской биржи определялись структура и компетенции биржевой организации, права и обязанности ее членов.

Казанская биржа подчинялась Департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов. Вмешательство во внутреннюю и общественную жизнь провинциальных бирж со стороны местных властей в лице начальников губерний и подчиненной им полиции было ограничено законодательством; в особо важных случаях биржи получили право прямого обращения к главе министерства. С 5 июня 1900 г. российские биржи перешли в ведение Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, а с 27 октября 1905 г. биржи вошли в подчинение Отдела торговли вновь созданного Министерства торговли и промышленности. С этого времени посредническая роль губернаторов была упразднена, за ними был оставлен решающий голос в случае возникновения разногласий между биржами и городскими управлениями. Однако, согласно Городовому положению 16 июня 1870 г., городское управление также не имело права вмешиваться в дела биржи, а только содействовать их устройству и работе.

Биржи содержались на собственный капитал, основу которого составляли плата за посещение биржи и взносы членов биржевого общества, что делало их экономически независимыми.

Высшим органом управления Казанской биржи, согласно уставу, являлось биржевое общество, которое образовывалось из членов биржи и собиралось один или два раза в год на общие собрания.

Состав биржевого общества был определен законодательными нормами и включал преимущественно представителей крупного капитала. Членами биржи могли стать местные и иногородние купцы 1-й и 2-й гильдий или выбирающие торговые свидетельства по этим гильдиям. По «Положению о государственном промысловом

налоге» от 8 июня 1898 г. правом вступления в биржевое общество обладали оптовые торговцы, выбирающие свидетельство I разряда, торгующие оптом своей продукцией, держатели промышленных предприятий I–V разрядов, а также владельцы торговых предприятий по скупке и перепродаже партиями отечественного сырья, лесной, сельскохозяйственной, животноводческой продукции по свидетельствам II разряда¹.

Торговые сделки заключались во время биржевых собраний. Для них на Казанской бирже выделили время – два раза в неделю, как правило, между часом и двумя.

Существовало два вида билетов, дававших право на посещение биржевых собраний. Постоянными считались билеты, выданные на один год. Их стоимость определялась в 15 руб., а позднее – в 10 руб. Временными являлись билеты, выдаваемые на 3 или 1 месяц. В 1868 г. билеты на 3 месяца стоили 10 руб., в 1869 г. – 5 руб., а с 1871 г. – 3 руб.; однорублевые билеты выдавались на 1 месяц (КБЛ, 1884, 18 января). Казанский биржевой комитет разрешил всем желающим бесплатно посещать биржевые собрания, но без права заключать торговые маклерские сделки (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 21, л. 38). С 30 декабря 1876 г., сверх установленной платы за билеты, члены биржевого сообщества платили ежегодно определяемый взнос на содержание биржи.

Если до 1 октября (начало нового биржевого года) постоянные билеты не возобновлялись, провинившегося, согласно ст. 1275 Уложения о наказаниях, ждал штраф в 30 руб., до уплаты которого сделки через биржу запрещались. Если же член Биржи пожелает, чтобы «неотделенные дети или братья, или некоторые из приказчиков или конторщиков приходили на биржу, они обязываются согласно 2222 ст. Устава торгового об именах таковых объявлять письменно Комитету, вследствие чего, таковым лицам на право входа в Биржу будут Комитетом выдаваться контрамарки» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 12, л. 159).

Российское законодательство закрыло доступ в биржевые общества лицам, признанным судом виновными за преступления, влекущие за собой ограничение или потерю прав состояния, или ис-

¹ Купеческие свидетельства 1-й гильдии были приравнены к промышленному свидетельству на содержание промышленного предприятия I–III разрядов, 2-й гильдии – IV–V разрядов.

ключенным из службы, а также осужденным за кражу, мошенничество, присвоение или укрывательство краденого имущества, покупку или принятие в заклад похищенного имущества, ростовщичество, несостоятельность (кроме признанных по суду «несчастными»).

Число членов Казанского биржевого сообщества не было постоянным. Так, в 1868 г. – в первый год работы биржи, ее членами стали 107 чел., в 1887/88 гг. – 145, в 1888/89 гг. – 160, 1891/92 гг. – 117. Число постоянных членов биржи с 1866 г. по 1908 г. колебалось от 85 до 266 (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 38, лл. 83, 96; КБЛ, 1873, 12 марта, 8 апреля; Санкт-Петербургские ведомости, 1891, 13 декабря).

Если в 1868 г. среди ее членов представители торговых домов, промышленных и акционерных обществ составляли 10,7%, то в 1908 г. их доля возросла до 32,3%. Это были представители страховых, парходных компаний, банков, семейных и акционерных фирм. В члены биржи записывались не только представители торгового сословия, но и дворяне и крестьяне, меньше были представлены мещане. Так, в 1908 г. купцы и лица, получившие промышленные свидетельства, составили 48,2% от общего числа членов Казанской биржи, крестьяне – 11,5%, дворяне – 4,9%, мещане – 3,1%.

Биржевой комитет в 1894 г. констатировал, что «большинство членов Казанского биржевого общества составляет иногороднее купечество, в общем собрании местное купечество насчитывает 1/3 всего общества» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 38, л. 63 об.). Согласно неполным записям, сохранившимся в Национальном архиве Республики Татарстан, с Казанской биржей работали предприниматели из 83 городов и сел 32 губерний Российской империи. Наиболее полно были представлены города Вятской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, Костромской, Симбирской, Нижегородской, Самарской губерний (Подсчитано по: НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 3, лл. 1 об. – 52 об.; д. 32а, лл. 1–1 об.; д. 35, лл. 1–1 об.; д. 44, лл. 1–26). Следовательно, под влиянием деятельности Казанской биржи оказался крупный экономический район, отличающийся известным единством местных условий и характера экономической деятельности.

Среди казанских предпринимателей – членов биржи, были не только те, кто владел мельницами, баржами и буксирами, занимался закупкой, переработкой зерна и крупы, торговлей мукой и крупой, но и крупные комиссионеры, связанные с выполнением заказов казны и строительными подрядами (М.П. Марко, И.И. Апаков, С.Е. Мер-

кулов, А.З. Персон, М.М. Усманов, Тихомирновы, И.Г. Юнусов и др.) владельцы крупных промышленных предприятий (А.Н. Свешников, М.М. Азимов, И.И. Алафузов, Крестовниковы, С.К. Бурнаев, А.А. Лебедев, Вараксины, И.Ф. Бочаров и др.). Были среди биржевиков и купцы, занятые оптовой торговлей: Унженины (торговали чаем, привозимым из Кяхты), П.В. Щетинкин («оптовая торговля панскими товарами»), Е.М. Гордеева (скобяной и железный товар), А.В. Афанасьев, М.М. Данилов (бакалея), И.П. Ипатов (колониальные товары и вина) и др.

Что же касается татарских предпринимателей, то большинство из них не были членами Казанской биржи, не посещали собраний. Их число среди биржевиков колебалось от 3 чел. (2%) до 13 чел. (5,75%). Причин здесь много, укажем лишь некоторые. Крупных предпринимателей и промышленников среди татар было относительно немного, большинство из них занимались торговлей, в основном розничной, а не оптовой, на которую была рассчитана биржевая деятельность. Татарским предпринимателям был чужд русский язык, на котором заключались договоры: они не доверяли иноверцам и, вообще, мусульмане вели дела между собой «по старинке» без составления бумаг, на «вере». В данном случае в качестве источника регулирования торговых отношений между мусульманами выступал торговый обычай, который жил «в сознании народа как закон» (Шершеневич, по изд. 1907 г., 1995, с. 37). Татары предпочитали заключать контракты между собой в гостиницах и чайных на Сенном базаре.

Согласно §15 Устава Казанской биржи, «Биржевое общество имеет свои собрания, на которые приглашаются заблаговременно члены онаго, находящиеся в Казани». Очередные и чрезвычайные биржевые собрания решали общие вопросы деятельности биржи: рассматривали финансовые отчеты, утверждали сметы на очередной год, распоряжались денежными средствами и недвижимым имуществом биржи, заслушивали отчеты о работе биржевого комитета, составляли разного рода ходатайства, обсуждали вопросы «о сделанных в пользу торговли распоряжениях и состоянии торговли в истекшем году», обсуждали присланные на рассмотрение биржи правительственные законопроекты и предположения, касающиеся мероприятий в промышленно-торговой и финансовой сферах, избирали представителей в разного рода правительственные и общественные структуры и др.

Для представительства биржевого общества во внешних сношениях, для общего руководства биржей и для «ближайшего заведывания делами биржи и ее хозяйственной частью» на три года избирался биржевой комитет с зачетом городской службы (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 1, лл. 1–5 об.). Он состоял из председателя, трех членов, именуемых биржевыми старшинами и старшего маклера. Законодательство не требовало утверждения выбранных лиц со стороны вышестоящих инстанций, но список его членов печатался в Общем составе Министерства финансов (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 17, л. 61).

Председателем мог стать только купец 1-й гильдии, а старшины избирались «из обеих гильдий местного и иногороднего купечества, торгующего и постоянно живущего в Казани, а также из купеческих детей и братьев, производящих там торговые дела по доверенностям начальников семейств или хозяев» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 1, лл. 1–5 об.).

Дела в биржевом комитете решались простым большинством голосов, но для действительности постановлений, касавшихся важных дел, требовалось не только квалифицированное большинство, но и кворум.

Казанский биржевой комитет возглавляли представители крупного торгового капитала, как правило, хлебники и пароходчики: И.Н. Соболев, И.Н. Журавлев, К.И. Романов, М.Л. Свешников, А.А. Лебедев, старейшинами комитета избирались Н.К. и И.К. Крестовниковы, И.О. Тихомирнов, М.П. Марко, Я.Ф. Шамов и др.

Заседания Биржевого комитета проходили не реже двух раз в неделю, а когда дел было немного, то члены комитета собирались один раз в неделю по субботам с часу до трех дня.

Комитеты выполняли **хозяйственные функции**: наблюдали за состоянием и ремонтом биржевого здания, нанимали служащих биржи, обеспечивали своевременное поступление доходов, непосредственно распоряжались средствами биржи на основании утвержденных биржевым обществом смет, организовывали выборы должностных лиц биржи, ходатайствовали перед правительственными структурами и готовили документы для представления к званию коммерции-советника, к наградам отличившихся биржевых деятелей и проч.

Организационно-распорядительные функции комитета включали наблюдение за порядком в биржевых собраниях, запись новых

членов, выдачу маклерам членских билетов для вручения, вновь записавшимся в биржевое сообщество вне Казани, составление правил биржевой торговли. Биржевые комитеты проводили экзамены для кандидатов в биржевые маклеры, устанавливали контроль над их деятельностью, регламентировали работу маклеров в Казани и на ярмарках России и утверждали их отчеты, пресекали противозаконное маклерство.

Согласно Уставу Казанской биржи, за Биржевым комитетом закреплялось право информирования членов биржи, например, «о случившихся потоплениях судов по рекам Волге, Вятке, Каме, Белой, Чусовой, Оке, Суре, Свияге, Цивиле и проч.; о высылке караванов Моршанского, Сибирского (по рекам Белой и Чусовой), Сурского, Орловского и, вообще, судов с низовых пристаней, о милях по Волге и прочих реках, о судах, севших на мели или занесенных в неудобные места и заливы и т.п., а также информацию о том, как различного рода сведения можно получить чрез VI округ путей сообщения» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 7, лл. 46–47). Биржевой комитет наблюдал за колебаниями цен на товары, за официальной котировкой ценных бумаг, публиковал биржевые новости в газете «Казанский биржевой листок».

Коммерческую информацию представляли и различного рода грузовые и страховые кампании. Так, Самолетное общество по требованию Биржевого комитета с 1870 г. стало выставлять по примеру работы в Нижнем Новгороде в конторе на Казанской пристани «сведения о всех пароходах, идущих снизу, о всех обходящих буксирных и каботажных пароходах с обозначением у кого сколько баржей на буксире» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 7, лл. 47 об.–48).

В обязанность Биржевого комитета входили организация изучения состояния городской и губернской торговли, промыслов и промышленности, составление различных справок, в том числе и по правительственным запросам. Так, Статистический отдел Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ ежегодно просил выслать в его адрес данные о местных ценах на сельскохозяйственную продукцию (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 38, л. 56).

Биржевой комитет разбирал все недоразумения между членами биржи, если они касались биржевых дел.

Биржи приняли на себя **представительные функции**. Однако биржи, как добровольные организации, объединяли лишь небольшую часть торгово-предпринимательских кругов. Вне их влияния оказалось значительное число торговцев и промышленников, в том числе и татарских, поэтому биржи нельзя считать органами всеобщего представительства местной провинциальной буржуазии.

Представительская функция Казанской биржи включала работу по обсуждению исходящих от правительства законодательных актов, анализ предложений предпринимателей и подготовку их Биржевым комитетом к обсуждению на общем собрании, доведение принятых решений по назначению в правительственные инстанции. Биржевики ходатайствовали от имени Казанского биржевого общества в государственных структурах по разным торгово-промышленным вопросам, нуждам и затруднениям, организовывали выборы представителей биржевого общества в соответствующие правительственные и общественные инстанции и др.

Члены Казанской биржи в рамках реализации представительских функций привлекались правительством к разработке Промыслового налога 1898 г., проекта Торгового судопроизводства. Они ходатайствовали перед губернатором о доведении до правительства мнения казанских заводчиков и фабрикантов о немедленном введении правил об отношениях между хозяевами и рабочими, изложенными в IX т., 2 ч. Свода Законов «О правилах и обязанностях по содержанию заводов и фабрик» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 7, л. 51).

Биржевики участвовали в формировании Государственного Совета, избирая выборщиков от торговли и промышленности, куда от Казанской биржи выбирался один ее представитель². Делегаты от Казанской биржи избирались в Особое по промысловому налогу присутствие при Министерстве финансов, на Всероссийские торгово-промышленные съезды (первый из них состоялся в Петербурге в 1870 г.), в Общее присутствие Казенной палаты по делам о промысловом налоге, в местное раскладочное присутствие.

² Общине Петербургская и Московская биржи избирали по 4 выборщика, Варшавская, Одесская, Киевская, Лодзинская, Бакинская, Харьковская, Самарская, Саратовская, Либавская, Екатеринбургская, Пермская, Томская, Омская биржи – по 2, остальные, в том числе и Казанская биржа, – по 1 выборщику каждая.

Часть предложений, исходящих от руководящих структур, биржевиками Казани была отвергнута, что говорит об определенной независимости общего биржевого собрания, как органа управления биржей.

Так, министр путей сообщения, поддержанный Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов, в послании от 2 июля 1876 г. предложил «для содействия судоходному начальству по принятию мер к устранению затруднений, встречаемых судоходством по Волге и Каме, учредить в Рыбинске, Нижнем Новгороде и Казани из лиц заинтересованных в движении судов и грузов, временные депутации... для обмера осадки судов до входа на волжские перекаты». Эти депутации должны были подчиняться начальникам округов и инспекторам судоходства по Волге, выдавать ярлыки, прошедшим обмер судов, присутствовать при их погрузке и выгрузке и др. Содержаться же они должны были на сборы с «грузоотправителей и пароходчиков».

19 июля 1876 г. Казанское биржевое общество на общем собрании, обсудив это предложение, не приняло его, обосновав его практическую и экономическую нецелесообразность. В предписании от 11 и 18 августа 1876 г. начальники V и VI округов путей сообщения приказали Казанскому биржевому комитету пересмотреть решение общего собрания биржи, срочно выслать списочный состав депутации и инструкции для работы депутатов. В ответе от 19 августа 1876 г. Казанский биржевой комитет напомнил, что вопрос этот уже был рассмотрен общим собранием биржи, и оно «постановило о неудобном исполнении сего проекта и уже сообщило свое решение через Департамент торговли и мануфактур в Департамент шоссейных и водяных сообщений, поэтому просьбу Вашу о высылке инструкций депутатам по несостоявшемуся выбору таковых, комитет не находит возможным выполнить» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 12, лл. 226–264 об.).

По предложению Департамента торговли и мануфактуры от 27 ноября 1891 г., по поводу «проектируемой замены $\frac{1}{4}$ процентного судоходного сбора попудным», Казанский биржевой комитет 12 декабря 1892 г. ходатайствовал «о совершенном освобождении грузов, сплавляемым по р. Волге и ее притокам, от взимания всякого рода в пользу для казны сборов» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 38, л. 50).

Предприниматели – члены Казанской биржи – поддержали предложение Санкт-Петербургской биржи о разработке проекта

кардинальной перестройки Мариинского водного пути, послали двух выборных представителей в столицу для участия в работе специальной комиссии: председателя Казанской биржи купца 1-й гильдии И.Н. Соболева и временного купца Н.П. Залесского. Кандидатами к ним избрали купца 1-й гильдии старшину Биржевого комитета А.С. Сафронова и чистопольского купца 2-й гильдии А.А. Плаксина (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д.7, лл. 143–146 об.).

Совместно с Рыбинской и Нижегородской биржами казанцы разработали проект и учредили Рыбинско-Нижегородскую общественную пожарную команду для обеспечения безопасности торгующих на Нижегородской ярмарке (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 12, лл. 82 об.–83 об.), обсудили предложение Рыбинской биржи о бесплатном лечении больных судорабочих на Рыбинской пристани и внесли свои предложения по проекту решения (НА РТ, ф.96, оп. 1, д. 7, лл. 84 об.–91, 103 об., 110, 1143 об.–122 об.), обсудили предложение городского головы Елабуги и елабужского купеческого общества о переносе ярмарки из Мензелинска в Елабугу или в Челны на берег Камы, экономически обосновали невыгодность такого переноса, предложили перенести ярмарку за черту Мензелинска, и передали приговор в Санкт-Петербургское отделение Общества содействия русской промышленности и торговли для дальнейшего продвижения (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 2, лл. 6–11, 120 об.) и др.

Делегаты от Казанской биржи совместно с депутатами Съезда представителей пароходных предприятий и судового промысла на реке Волге с притоками, проходившего в сентябре 1875 г., разработали проект углубления фарватера, установки новых знаков (баке-нов) на Волге – «как главного государственного и торгового пути России», одобрили новые правила плавания по рекам Волге и Каме, правила взаимного страхования в волжском бассейне, определили размер налога с предпринимателей на эти цели и др. (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 38, лл. 43, 81–83; КБЛ, 1873, 18 марта; 1874, 17 марта).

Члены Казанского биржевого общества создавали комиссии, разрабатывали и принимали различные проекты, реализация которых была крайне необходима для дальнейшего развития предпринимательства в Казани и Казанской губернии. В качестве примера можно привести разработку проекта устройства речного порта в черте Казани, предложения о прокладке веток железной дороги, направления которых отвечали интересам казанских предпринимате-

лей. Рассматривались вопросы об углублении русла Волги и Казанки, о сооружении зимней стоянки грузовых и пассажирских паровозов, о развитии коммерческого образования в Казани, о создании Общества взаимного кредита и проч.

Над этими проектами биржевики, как правило, работали совместно с Городской думой, тем более что многие из них одновременно были избраны и работали в различных комиссиях этого органа самоуправления.

Итак, биржевое общество объединяло крупных предпринимателей соответствующей местности, осуществляло попечение о нуждах местной торговли и промышленности и представляло их общие интересы на правительственном и неправительственном уровнях, устраивало и субсидировало полезные для торговли и промышленности учреждения. Иными словами, казанские биржевики содействовали правительству «в изыскании и осуществлении мер к преуспеянию торговли и промышленности путем сбора фактических сведений о положении торговли и промышленности района, внесения ходатайств и дачи заключений» по различным правительственным проектам, не забывая о своих доходах и выгодах.

подавляющее большинство сделок на Казанской бирже составляли операции с хлебом, что отражает ориентацию местных купцов второй половины XIX в. на расширение хлебной торговли, приносящей достаточно устойчивый доход на внутреннем рынке, на развитие с конца XIX в. российского хлебного экспорта, поощряемого правительством. зерновой специализации биржи содействовала и ежегодная практика закупки для Военного ведомства муки и крупы в Казанской, Симбирской и Пензенской губерниях (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 38, лл. 12–12 об.). Среди объявлений, доводимых до сведения членов биржи, были сообщения: «для хлебопромышленников о заподряде на торгах для поставки провианта (муки, крупы) и рогож» в различные «магазины» Военного ведомства (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 12, лл. 217–217 об.).

На Казанской бирже сосредоточивались дела хлебных пристаней Волги, Вятки, Белой, Суры и Камы. К хлебным пристаням, с которыми работали маклеры Казанской биржи, относились: Астрахань, Владимировка, Царицын-Камышин, Саратов, Батраки, Самара, Рыбинск, Н. Новгород, Кострома, Ярославль, Елабуга, Чисто-

поль, Пьяный Бор, Пермь, Вятка и др. (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 12, лл. 174–190 об.).

В ответ на запрос заведующего VI дистанцией VI округа Министерства путей сообщения от 5 июня 1876 г. о наиболее удобных местных пристанях, Казанский биржевой комитет 19 июня 1876 г. дал ответ: «Удобнейшие пристани для выгрузки и нагрузки товаров во вверенной Вам дистанции...следующие: Казанская, Бакалдинская, Теньковская, Краснополянская, Тетюшинская и Лабышенская; на Свяжской пристани грузки хлебов вовсе не бывает, на Спасской грузят только во время разлива, на Черепавской и Соболевской от вскрытия навигации и до 15 мая, а на Лаишевской производится только перевес и перегрузка караванов с металлами, идущими из Нижнего Новгорода к Рыбинску; на поименованных пристанях останковки в рабочих не бывает, они большей частью приходят из прилегающих к пристани деревень на расстоянии от 6 до 25 верст. Суда под погрузку товаров на означенных пристанях можно иметь разных размеров и конструкций, поднимающих от 5 до 100 тыс. пуд., и недостатка в оных не бывает» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 38, л. 3).

При сделках роль посредников играли маклеры. По уставу они не имели право совершать операции для себя, продавать на бирже имеющиеся в их распоряжении товары. При выборе на должность маклера предпочтение отдавалось представителям гильдейского купечества, которые хорошо знали торговое дело. Биржевые маклеры по закону выплачивали гильдейские сборы по второй гильдии, а за посредничество получали комиссионные; их размер устанавливал биржевой комитет. Сами маклеры лишались права выбора партнеров, а работали с теми, кого им определит все тот же Биржевой комитет (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 38, лл. 15–15 об.).

Первым гофмаклером биржи избрали Н.П. Квасникова – главу известной в Казани, но к этому времени обедневшей купеческой фамилии. Он прослужил в должности 20 лет: с 1867 по 1887 гг. и за многолетнюю службу в 1884 г. ему вручили золотую медаль (КБЛ, 1884, 22 января). Под руководством Н.П. Квасникова работало четыре, а с 1885 г. шесть маклеров. По новому биржевому уставу 1897 г. маклеры избирались не пожизненно, а на три года, с обязательной рекомендацией 12 известных торгово-промышленных фирм (КБЛ, 18 января, 19 декабря; Волжский вестник, 1897, 30 октября).

Кроме Казани и Казанской губернии, казанские биржевые маклеры активно работали на Нижегородской, Мензелинской, Симбирской, Ирбитской, Бирской, Уфимской ярмарках, выезжали в Москву, Петербург, Рыбинск, Ригу и др. российские города, и даже в Германию (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 17, л. 136; д. 12, л. 56 об.). Они заключали сделки на перевозку, покупку и продажу ржи, овса, крупчатки, муки ржаной, обойной, семени льняного, крупы гречневой и гороха, кулей и др.

На бирже свидетельствовали деловые контракты на покупку и других видов товаров, недвижимости, на зафрахтовку грузов по водным, сухопутным и железным дорогам. С 1874 г. было получено разрешение на аукционную продажу товаров. «Что же касается учета векселей, вексельных переводов, покупки и продажи золота, серебра, процентных бумаг... при Казанской бирже таких дел не производится» (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 17, лл. 15–15 об.).

В 1872 г. годовой оборот Казанской биржи составил 3 756 136 руб., наиболее крупные сделки относились к 1877–81 гг. и достигали 8 млн руб. В среднем за первые 25 лет работы биржи ежегодный оборот равнялся 4 247 000 руб. (НА РТ, ф. 96, оп. 1, д. 17, лл. 83, 96; КБЛ, 1873, 12 марта, 8 апреля; Санкт-Петербургские ведомости, 1891, 13 декабря).

С конца 1869 г. при Казанской бирже начал работать еще один орган представительства буржуазии – отделение всероссийского «Общества содействия русской промышленности и торговли», действовавшего в России с 1867 по 1917 гг. Его устав был утвержден 17 ноября 1867 г.

По уставу члены общества «имели право собираться для обсуждения своих нужд и потребностей», представлять их на усмотрение правительству через возглавлявший общество комитет (Объяснительная записка и проект устава Общества, с. 3). Общество состояло из действительных и почетных членов. Действительные члены общества вносили вступительные взносы в размере 25 руб., и ежегодные – 15 руб. Почетные члены избирались общим собранием за особо важные заслуги в развитии торговли и промышленности России и от взносов освобождались (Отчет Общества..., 1882, с. 4).

Первым председателем, а затем и почетным членом Общества стал крупный торговец чаем коммерции-советник С.Е. Александров, а после его смерти на этот пост избрали Н.К. Крестовникова.

В состав казанского отделения входило около 40 человек. Это были крупные предприниматели, в том числе татарский купец и строительный подрядчик И.И. Апаков, губернские чиновники, университетские профессора (КБЛ, 1870, 9 апреля; 1871, 29 апреля, 27 мая). Но решающие позиции занимали представители торгово-промышленного класса. Никаких прямых выгод участие в работе «Общества содействия русской промышленности и торговли» не давало, но помогало налаживать коммерческие связи, искать покровительства чиновников, в определенной мере влиять на решения правительства по вопросам, затрагивающим интересы буржуазии.

Деятельность Казанского отделения общества во многом была связана с работой Казанского биржевого комитета. Она велась по семи направлениям: содействие росту банков и банковского кредита, развитие народного образования, в том числе и специального торгово-технического, открытие страховых обществ, строительство товарных складов, пристаней и т. п., ходатайство перед правительством «о нуждах и пользах промышленности и торговли – общих и частных, т. е. общегосударственных и местных», устранение препятствий в развитии торговли и промышленности (КБЛ, 1871, 29 апреля).

Следует сказать, что купечество Казани, даже после двадцатилетней работы биржи, жаловалось, что выполнение решений, принятых Биржевым комитетом, не контролировалось: «верные сведения не дают, циркулируют слухи. Истинные цены и действительные сделки стали привилегией немногих. Деятельность биржи ясно направляется к порабощению непривилегированных» (КБЛ, 1886, 18 января).

Поэтому многие купцы предпочитали совершать сделки на стороне, иметь дело с непрофессиональными маклерами «черной биржи», как их называли, «биржевыми зайцами», которые весь день поджидали торговцев у магазина Афанасьева и около винного погреба Вараксина на углу Большой Проломной и Петропавловской улиц наискосок от биржи. На этих «уголках» заключались подряды подчас на сотни тысяч, концентрировались все коммерческие вести и толки, создавались и рушились торговые репутации» (КБЛ, 1891, 17 ноября).

Тем не менее, деятельность Казанской товарной биржи высоко оценивалась как самими купцами, так и правительственными органами. «Биржа оказалась учреждением полезным..., звеном, связующим казанское купечество с Петербургской биржей. В бирже-

вые дни все хлебные торговцы и производители являлись на биржу для справок и для сообщения сведений по своим операциям. По существу биржа – представительство перед высшим правительством об интересах обширного класса торговцев, промышленников, землевладельцев и лиц, соприкасающихся с торговым делом, ... теперь голос русского купечества слышен» (КБЛ, 1886, 1 января).

Источники и литература

1. *НА РТ*. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1.
2. *Там же*. Д. 2.
3. *Там же*. Д. 3.
4. *Там же*. Д. 7.
5. *Там же*. Д. 12.
6. *Там же*. Д. 17.
7. *Там же*. Д. 21.
8. *Там же*. Д. 32а.
9. *Там же*. Д. 35.
10. *Там же*. Д. 38.
11. *Там же*. Д. 44.
12. *Волжский вестник*. 1897. 30 октября.
13. *Казанский биржевой листок (КБЛ)*. 1869. 27 февраля.
14. *Казанский биржевой листок*. 1870. 9 апреля.
15. *Казанский биржевой листок*. 1871. 29 апреля, 27 мая.
16. *Казанский биржевой листок*. 1873. 12 марта, 18 марта, 8 апреля.
17. *Казанский биржевой листок*. 1874. 17 марта.
18. *Казанский биржевой листок*. 1883. 18 марта.
19. *Казанский биржевой листок*. 1884. 18 января, 22 января, 19 декабря.
20. *Казанский биржевой листок*. 1886. 1 января 18 января.
21. *Казанский биржевой листок*. 1891. 17 ноября.
22. *Объяснительная записка и проект устава Общества для содействия русской промышленности и торговли*. – СПб., 1867. С. 3.
23. *Отчет Общества для содействия русской промышленности и торговли в 1881 г.* – СПб., 1882. С. 4.
24. *Санкт-Петербургские ведомости*. 1891. 13 декабря.
25. *Устав торговый*. Т. XI. Ч. 2. Изд. 1876. Ст. 2156, 2160.
26. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – М.: СПАРК, 1995. 556 с.
27. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права (по изд. 1914 г.). – М.: СПАРК, 1994. 335 с.

Л.М. Свердлова

**Идел-Урал төбөгө эшмәкэрләрөнөң вәкаләтле оешмасы буларак
Казан биржасы (XIX йөз уртасы – XX гасыр башы)**

Мәкаләдә Россия үсешенәң реформалар чорында Казан сәүдә биржасының эшчәнлеге, Идел-Урал төбөгөнәң провинция сәүдә-сәнәгать буржуазиясе ихтияжын канәгатьләндерүчә оешмасы буларак, анализлана. Автор, Казан сәүдә биржасы эшчәнлегенәң төп юнәлешләрән сыйфатлап биреп, Казан биржасы берләшмәсе белән дәүләт хакимияте органнары арасында урнашкан мөнәсәбәтләрне ачыклап, шушы нәтижәләргә килә: биржалар, базар оешмасының иң югары формасы буларак, Россиядә эре капиталның беренчә ижтимагый вәкаләтле учреждениясе була. Монда көндәшлек кенә түгел, ә эре буржуазиянең төп икътисадый мохтажлығы, ижтимагый ихтияжы һәм сәяси омтылышы уртаклыгы зур роль уйнаган.

Ачыкч сүзләр: биржа хәрәкәте, Казан сәүдә биржасы, биржа берләшмәсе, биржа комитеты, базар мөнәсәбәтләре, социаль-икътисадый үсеш.

L.M. Sverdlova

Kazan Mercantile Exchange as representative organization of entrepreneurs of the Volga-Ural region (Mid XIXth – early XXth centuries)

The article analyzes the activity of Kazan Mercantile Exchange, as an organization representing the interests of the provincial commercial and industrial bourgeoisie of the Volga-Ural region in the post-reform period of Russia's development. The author, describing the main activities of Kazan stock exchange, relationship that evolved in Kazan exchange community with the public authorities of the country, comes to the conclusion: the stock exchanges, as the highest form of organization of the market, were the first public representative institutions of big business in Russia, where an important role was played not so much by competition, but indigenous community economic needs, social needs and political aspirations of the big bourgeoisie.

Keywords: stock exchange movement, Kazan Mercantile Exchange, exchange community, the Exchange Committee, market relations, social and economic development.

Свердлова Людмила Михайловна – кандидат исторических наук (г.Казань); e-mail: sverdlm@yandex.ru

Свердлова Людмила Михаил кызы – тарих фәннәре кандадаты (Казан шәһәре).

Sverdlova Lyudmila Mikhaylovna – Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Ислам и этнокультурные взаимодействия на территории
Поволжья и Приуралья в XIX – начале XX века
в современной исторической литературе

В статье анализируются исторические исследования 1990–2010-х гг., затрагивающие проблему роли исламского фактора в жизни народов Поволжья и Приуралья в XIX – начале XX века. Отказ от стереотипов советского времени способствует актуализации данной проблематики в отечественной историографии. Особое внимание уделяется работам, посвященным протестным происламским движениям, взаимоотношениям российского государства, православной церкви и мусульман, влиянию ислама на взаимодействие татар, башкир, удмуртов, бесермян, выбору культурных ориентаций мусульманских сообществ России. Выявляется многообразие существующих на современном этапе направлений исследований, подходов и оценок, что свидетельствует об активном научном поиске в региональной исторической науке. В зависимости от принадлежности авторов к той или иной научной традиции, акцент в работах делается на конфронтацию и конфликт, интеграцию и взаимодействие, или сочетание обеих тенденций. Ислам в современных исследованиях характеризуется как постоянно развивающаяся религия, вбирающая в себя разные культурные влияния, способная адаптироваться к местным условиям и новым задачам. Это делает ее жизнеспособной и актуальной для населения региона и заставляет искать новые его интерпретации на бытовом, государственном, научном уровнях.

Ключевые слова: историография истории России, ислам, мусульмане, этнокультурные контакты, татары, башкиры, удмурты.

Ислам и мусульманская культура имеют глубокие исторические корни на территории Поволжья и Приуралья и играют важную роль в жизни проживающих здесь народов. Снятие идеологических запретов в постсоветский период способствовало активизации региональных исследований в данной области. Настоящая статья не претендует на полный анализ появившейся в период 1990–2010-х гг. исторической литературы. В ней предпринята попытка выявить существующие в современной историографии основные направления изучения взаимосвязи ислама и этнокультурных взаимодействий в Поволжско-Приуральском регионе в XIX – начале XX века.

Особое внимание мусульманской теме уделяют историки татарского и башкирского народов. Для них достаточно традиционным является обращение к исследованию социальных движений. В советский период, как отмечает И.К. Загидуллин, в их оценке преобладал классовый подход, а воинствующий атеизм не способствовал всестороннему изучению «роли религии в духовной жизни народов» (Загидуллин, 2014, с. 12).

На современном этапе на первый план выходит религиозный аспект существовавших в местном сообществе противоречий. Л.А. Баширов пишет: «Ислам естественно вплетается в этнонациональную жизнь исповедующих его народов. Реализация национальных интересов, верно или ошибочно понятых национальной политической элитой, – не может осуществляться вне участия «национальной» религии» (Баширов, 2009, с. 221).

Значение ислама для самоидентификации татар, башкир и других мусульманских народов России, усиление мусульманского характера протестных движений конца XIX – начала XX века отмечается рядом исследователей.

О религиозном оттенке национально-освободительного движения второй половины XIX века говорит С.Х. Алишев. В качестве примеров этой тенденции он называет симпатии части мусульман туркам в годы Крымской войны, возвращение крещеных татар в ислам, открытые выступления крестьян с мусульманскими лозунгами (Алишев, 1999, с. 97).

И.К. Загидуллин указывает, что в пореформенный период в Казанской губернии большинство татарских крестьянских выступлений были связаны не с экономическими причинами, а с обострением в стране «мусульманского вопроса» (Загидуллин, 2014, с. 14). Историк затрагивает проблему инокультурных влияний на рост национального движения татар. С одной стороны, отмечается роль татарского просветительства, которое способствовало культурному пробуждению народа. В начале XX века новое поколение татарской интеллигенции было не только знакомо с русской культурой, но и могло иметь заграничное образование. С другой стороны, по мнению данного автора, переход религиозно-национального движения татар в новую фазу был вызван усилением давления русской культуры, в частности, развитием единой системы образования, что соответствовало модернизационным задачам царского правительства.

В этих условиях ислам с его не только религиозными, но и культурными основами, закономерно стал символом самобытной, имеющей многовековую историю традиции. «Главным лейтмотивом мусульманского общественного движения и антиправительственных выступлений народных масс в пореформенный период стали «защита ислама» и «религиозных прав мусульманского населения, борьба за сохранение конфессиональной идентичности, противодействие вмешательству имперской власти в систему национального образования и жизнь общины. Различные социальные группы считали своей главной задачей «недопущение русификаторского» элемента в мусульманское сообщество» (Загидуллин, 2014, с. 420). «Религиозная окраска» протеста выражалась также в поиске культурных ориентаций за пределами России в мусульманских странах, с чем, например, связано обращение за защитой к османскому султану.

Другим направлением исследований на современном этапе является изучение российской государственной политики и связанной с ней деятельности православной церкви в отношении мусульман, взаимодействие православия и ислама в России и Поволжско-Приуральском регионе. Ученые отмечают противоречивость политики государства в этом вопросе. Периоды признания поликонфессиональности населения страны и веротерпимости чередовались с этапами усиления христианизации и активной миссионерской работы по обращению в православие многочисленных народов. Именно так характеризует конфессиональную политику государства и церкви Е.М. Берестова. Она также говорит о специфике подхода к представителям разных религиозных общин: «Эта политика всегда осуществлялась дифференцированно, применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином временном этапе» (Берестова, 2005, с. 100). Мусульмане с момента их вхождения в состав населения России пользовались пристальным вниманием власти и православной церкви. Политика христианизации способствовала появлению в татарском этносе особой группы – кряшены. Православная церковь принимала активные меры, направленные против их возвращения в ислам. Во второй половине XIX века миссионерская работа с местным населением предполагала опору на родной язык, перевод на него христианских текстов и учебных пособий. «Пропаганда ислама была запрещена и преследовалась по закону», однако «на практике духовенство и простые мусульмане существенно влияли на религиозное

состояние проживающего рядом с ними населения», а мечеть могла содержаться на средства казны, как это было, например, в Ижевском заводе (Берестова, 2005, с. 116–117).

Несмотря на наличие ограничений в отношении мусульман, ислам был признан как религия части населения страны. Д.Р. Гильмутдинов пишет, что произошло это, начиная с Елизаветы и Екатерины II. В России возникает «исламский сектор, который является проектом, тесно связанным с властью и геополитикой» (Гильмутдинов, 2015, с. 102). Об этом свидетельствует, в том числе, создание Оренбургского магометанского духовного собрания, деятельность которого распространялась и на мусульман Поволжья и Приуралья. Д.Р. Гильмутдинов, опираясь на сведения Ш. Марджани, отмечает в качестве одной из задач первых муфтиев борьбу с персидско-бухарским влиянием. По мнению данного автора, до реформ Александра II «государство было заинтересовано в облегчении, модернизации исламской сферы, понимаемой тогда как «тюркизацию» мусульманской составляющей империи». Позже «из модернизационных элементов был оставлен только русский язык, а ставка делалась исключительно на религиозную сферу, причем в самых устаревших формах» (Гильмутдинов, 2015, с. 102–103).

Интересный вопрос об инокультурных влияниях и интеграции мусульман в Российской империи на основе изучения деятельности Оренбургского магометанского духовного собрания затрагивает Е.Ю. Смоларц. Она отталкивается от концепции Р.Д. Крюса, который рассматривает данный институт как «инструмент имперской политики», «модифицированную церковь», включающую «элементы религиозной структуры Османской империи» (Смоларц, 2015, с. 414). На основе анализа разнообразных источников, в том числе и мусульманских авторов, и практики Оренбургского магометанского духовного собрания, историк считает, что его нельзя считать ни чисто религиозным (Р.Д. Крюс), ни исключительно административным (М. Кемпер) институтом. Его функции изменялись с течением времени. По мнению Е.Ю. Смоларц, в середине XIX века оно регулировало деятельность мусульманского духовенства, адаптировало политические концепты для мусульман империи. Это вело к изменениям в мусульманском богослужении и самой жизни мусульман. Духовное собрание сотрудничало с административными инстанциями. «Оно способствовало религиозной, административной и по-

литической интеграции мусульман в Российской империи и созданию новых зон социального взаимодействия», которые духовенство и сами мусульмане использовали для достижения своих целей. Работа Оренбургского магометанского духовного собрания по включению мусульман в российское судебное и административное пространство не носила всеобъемлющего характера, но предоставляла «возможность сближения в некоторых областях и устраняло сегрегацию мусульман» (Смоларц, 2015, с. 424).

Вопрос об интеграции мусульман в систему российского управления на примере земских учреждений Самарской губернии рассматривает Л.М. Владимирова. Историк отмечает, что в отличие от «Городового положения», законодательных ограничений для участия мусульман в земских собраниях не было. Однако их работа в органах самоуправления ставила ряд проблем: приведение к присяге, которая учитывала конфессиональную принадлежность земцев, необходимость знания русского языка, поскольку заседания и делопроизводство велись на нем, и др. Малочисленное представительство мусульман в земстве Л.М. Владимирова объясняет низким правовым и социальным статусом, существовавшей квотой для крестьян, недоверием к земским органам. Она считает, что активность мусульманских гласных со временем возрастала. «Постепенно они отстаивали свои этноконфессиональные интересы, когда обсуждение касалось их школьных, религиозных и др. вопросов. В условиях низкого социально-сословного статуса мусульман-хлебопашцев, земские учреждения стали для них местом начала сотрудничества с представителями различных сословий и конфессиональных групп по решению социальных проблем» (Владимирова, 2011, с. 344).

Взаимоотношения между мусульманскими и немусульманскими народами Поволжья и Приуралья – еще один важный аспект современных исследований. В статье В.С. Чуракова и Н.В. Пислегина отмечается, что в контактных зонах Казанской и Вятской губерний татары-мусульмане оказали значительное влияние на соседей. Основываясь на сообщениях дореволюционных авторов, историки говорят о распространении среди удмуртов татарского языка, обычая празднования пятницы, заимствований в одежде и быту, переходов в ислам (Пислегин, Чураков, 2014, с. 36). Историческое существование более тесных связей между татарами и бесермянами приводило к массовым переходам последних в ислам, следствием чего становилось их пол-

ное отатаривание» (Там же, с. 40). Влияние мусульманской культуры, по мнению В.С. Чуракова и Н.В. Пислегина, сказалось также и на традиционных верованиях некоторых удмуртов (Там же, с. 41). Проводниками ислама в удмуртскую и бесермянскую среду были торговцы, мусульманское духовенство, мусульманские учебные заведения. Знание языка местных народов, пропагандистская работа с населением имели свои плоды: «полное принятие ислама и татарского языка» частью нерусского населения края. Некоторые из них, продолжив обучение, могли в дальнейшем стать муллами (Там же, с. 43). Данные авторы отмечают и возможность обратного влияния удмуртской культуры на соседей-татар. Имели место и конфликтные ситуации, связанные с грабежами и воровством. В целом, процесс межкультурного взаимодействия между татарами и удмуртами характеризуется В.С. Чураковым и Н.В. Пислегиным как неоднозначный, сложный и плодотворный, перешедший с уровня бытовой сферы в область образования и науки (Там же, с. 46).

Интересным направлением исследований может стать изучение вопроса о том, насколько ислам влияет на взаимоотношения мусульманских народов Поволжья и Приуралья, прежде всего татар и башкир. И.М. Габдрафиков пишет, что «близость языка, единое вероисповедание татар и башкир во многом благоприятствовало и обусловило активный процесс взаимодействия, взаимопроникновение культур». По его мнению, «к началу XX века в формирующейся региональной общности более устойчивой формой идентичности была не этническая, а конфессиональная, согласно которой население дифференцировалось на мусульман (татар и башкир) и православных христиан» (Габдрафиков, 2005, с. 39). Исследователь на основе современного материала делает вывод об изменении ситуации за истекшее столетие. Несмотря на сохранение интегрирующего начала ислама, в Башкортостане «исламский фактор в общественно-политической жизни заметно уступает этническому фактору» (Там же, с. 44) и башкирская самобытность противопоставляется татарской.

О существовании препятствий для объединения мусульман России в дореволюционный период говорит Г.Р. Хасаншин. Анализируя документы «Особого совещания по мусульманским делам» 1910 г. и другие источники, исследователь делает вывод об отсутствии в стране централизованных сил, «которые могли бы на самом деле осуществить в жизнь идеи панисламизма и пантюркизма» (Ха-

саншин, 2015, с. 267). По его мнению, существовали объективные факторы, которые разделяли мусульманское сообщество России: природно-климатические условия, особенности бытовой и хозяйственной культур, разный уровень общественного развития, образованности, неодинаковая степень урбанизации, несовпадение интересов (Там же, с. 266).

О неоднородности культурных ориентаций мусульман страны пишет и Ю.Н. Гусева. Она считает, соглашаясь с С.Б. Сенюткиным, что «поволжское исламское сообщество, в отличие от некоторых других «мусульманских» регионов России, в большей степени являлось и является частью российской цивилизации. На протяжении нескольких столетий оно «разделяло ее базовые ценностные ориентации («государство», «служение», «коллективизм», «общинность»), включалось в ее социально-экономические и политические процессы, при этом жестко не противопоставляя себя государству и русскому обществу» (Гусева, 2011, с. 164).

Как показывает проведенный далеко не полный анализ имеющейся литературы, в современной исторической науке идет активная работа по осмыслению роли ислама в этнокультурных взаимодействиях как в России в целом, так и на территории Поволжья и Приуралья в XIX – начале XX века. По сравнению с советским периодом значительно расширилась проблематика исследований, сместились акценты. Достаточно традиционным является подчеркивание конфликта, противостояния с официальной культурной линией Российского государства в рамках протестных движений. Под влиянием зарубежных исследований внимание переключается на интеграционные, модернизационные процессы. По-новому рассматриваются культурные влияния и ориентации проживающих в регионе мусульманских и немусульманских народов. Среди ученых формируется понимание ислама и мусульманской культуры как динамично развивающихся феноменов. Как и любая другая религия, ислам на разных этапах по отношению к разным действующим лицам мог выполнять объединяющую и разделяющую функции. Противоречивость и сложность существовавших в XIX – начале XX века этнокультурных взаимодействий в Поволжье и Приуралье накладывает отпечаток и на их историографию.

Литература

1. *Алишев С.Х.* Тернистый путь борьбы за свободу. – Казань: Фэн, 1999. 158 с.
2. *Баширов Л.А.* Ислам в контексте этнополитических процессов в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 1. С. 217–227.
3. *Берестова Е.М.* Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века): Социально-культурная деятельность. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 232 с.
4. *Владимирова Л.М.* Участие мусульман-гласных в деятельности Самарского земства в 1865–1914 гг. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). – Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 338–346.
5. *Габдрафиков И.М.* Ислам и этничность в Башкортостане // Толерантность в межконфессиональном и межэтническом взаимодействии: материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. С. 35–45.
6. *Гильмутдинов Д.Р.* Духовное собрание (ОМДС) как инструмент внутренней колонизации в конце XVIII – первой половине XIX века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. 5. Материалы международной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.). – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С. 100–111.
7. *Гусева Ю.Н.* Методологические основы изучения истории мусульманских общин Среднего Поволжья в XX в.: к постановке проблемы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). – Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 164–166.
8. *Загидуллин И.К.* Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.
9. *Пислегин Н.В., Чураков В.С.* Этнокультурное взаимодействие татар и удмуртов в XIX – начале XX века // ИДНАКАР. 2014. № 2 (19). С. 35–49.
10. *Смоларц Е.Ю.* Церковь для мусульман? Оренбургское магометанское духовное собрание в качестве зоны социального взаимодействия имперских и мусульманских акторов в первой половине XIX века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. 5. Материалы меж-

дународной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.). – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С. 413–425.

11. *Хасанишин Г.Р.* Особенности восприятия российскими сановниками понятий «панисламизма» и «пантюркизма» (по материалам Особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2015. № 5. С. 249–270.

А.М. Субботина

Хэзерге тарихи эдэбиятта XIX йөз – XX гасыр башында Идел-Урал төбөгөндә ислам һәм этномәдәни бәйләнешләр

Мәкаләдә соңгы дистә елларда язылган XIX-XX гасыр башында Идел буе һәм Урал халыкларының тормышында ислам факторының ролен чагылдыручы тарихи тикшеренүләргә анализ ясала. Ватан историографиясендә совет чоры стереотипларын инкарь итү элге проблемаларны актуальләштерергә ярдәм итә. Ризасызлык белдергән ислам хәрәкәтләренә, Россия дүләтенә, православие чиркәвенә һәм мөселманнарның үзара мөнәсәбәтләренә, татарларның, башкортларның, удмуртларның, бисермәннәрнең үзара тәэсиренә, Россиядәге мөселман берләшмәләренә мэдәни юнәлешен сайлауда ислам йогынтысына багышланган хезмәтләргә аеруча игътибар ителә. Хэзерге чорда гамәлдә булган тикшеренүләрнең юнәлешләре, алымнарның, бәяләнүләрнең төрлелеге ачыла, бу төбәкара тарих фәннендә актив фәнни эзләнүләрне раслый. Авторларның теге яки бу фәнни традициягә иярүенә карап, хезмәтләрдә кара-каршы торышка һәм низагга, берләшүгә һәм үзара тәэсиргә басым ясала, яисә ике фикер дә бәйләп алып барыла. Заманча тикшеренүләрдә ислам үз эченә төрле мэдәни йогынты сәндәрүче, жирле шартларга һәм яна мәсьәләләргә яраклашуга сәләтле, даими рәвештә үсә торган дин булып чагыла. Бу аны жирле халык арасында яшәүгә сәләтлеге һәм актуальлеге арттыра һәм аның мәгънәсен көнкүреш, дүләт һәм фәнни дәрәжәдә яңача эзләнүгә мәжбүр итә.

Ачык сүзләр: Россия тарихы историографиясе, ислам, мөселманнар, этномәдәни бәйләнеш, татарлар, башкортлар, удмуртлар.

А.М. Subbotina

Islam and ethnocultural communication in the Volga-Ural region in the XIX - early XX centuries in contemporary historiography

The article analyzes modern historical researches of 1990-2010 which concerns the problem of the role of the Islamic factor in the life of the peoples of the Volga - Ural region in the XIX - early XX centuries. Rejection of Soviet stereotypes stimulates the actualization of this problem in Russian historiography.

graphy. Special attention is paid to works dealing with the Pro-Islamic protest movements, relations of the Russian state, the Orthodox Church and Muslims, to influence of Islam on the interaction of the Tatars, the Bashkirs, the Udmurts, the Besermians, to the cultural orientations of the Muslim communities of Russia. The author reveals the diversity of research directions existing at the present time, of approaches, and assessments that speak of active research in regional historical scholarship. Depending of authors' belonging to one or another scientific tradition the focus in works is made on confrontation and conflict, integration and interaction, or combination of both trends. Islam in modern researches is characterized as a constantly developing religion, absorbing different cultural influences, able to adapt to local conditions and new challenges. This makes it a viable and relevant to the population of the region and makes to look its new interpretations.

Keywords: Russian historiography, Islam, Muslims, ethnocultural contacts, the Tatars, the Bashkirs, the Udmurts.

Субботина Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и менеджмента в культуре Удмуртского государственного университета (г.Ижевск); e-mail: anmisu@yandex.ru; annnamisu@gmail.com

Субботина Анна Михаил кызы – тарих фәннәре кандидаты, Удмурт дәүләт университетының культурология һәм мәдәниятта менеджмент кафедрасы доценты (Ижау шәһәре).

Subbotina Anna Mikhaylovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Management in culture, Udmurt State University (Izhevsk).

Численность и занятость сельского населения Казанского уезда в конце XIX века

В статье на материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. рассматривается общественное разделение труда, занятость, национальный и сословный состав, численность сельского населения Казанского уезда. Выясняется, что непроизводительное и полупроизводительное население составляло незначительные группы, основную группу представляло производительное население, большая часть которого была занята в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: Казанский уезд, конец XIX века, национальный состав, численность, сословность, занятость населения.

Как известно, Казанский уезд располагался на левом берегу р. Волги с земельной площадью 5012 кв. верст и граничил со следующими уездами: на северо-востоке – с Малмыжским уездом Вятской губернии, на северо-западе с Царевококшайским уездом, на юге – с Лаишевским уездом, на западе – со Свияжским; на востоке – с Мамадышским Казанской губернии. В 1897 г. на этой территории проживало 350719 человек или 16,15% всего населения Казанской губернии, в которой насчитывалось 2170665 человек. На территории Казанского уезда располагались два города – это губернский город Казань, в котором проживало 129959 чел. (37,1%) и заштатный город Арск, в котором насчитывалось 1228 чел. (0,4%). Значительная масса уезда 219532 чел. (62,5%) проживала в сельской местности (Общий свод, 1896, табл. б/н).

Материалы «Первой всеобщей переписи населения 1897 г.», в которых зафиксировано наличное население обоего пола, дают общее представление о национальном составе, численности, общественном разделении труда, занятости и сословном составе жителей Казанского уезда.

Как видно из таблицы 1, в сельской местности уезда проживали русские, татары, чуваша, марийцы, мордва, удмурты, башкиры и другие национальности. Однако большую часть сельских жителей составляли русские и татары, соответственно 43,2% и 53,78%. Нужно отметить, что женский пол как у русских, так и у татар, преобладал над мужским.

Таблица 1

Национальный состав сельского населения Казанского уезда*
в 1897 г. (Первая всеобщая, 1904, табл. XIII)

Национальности	Численность населения Казанского уезда			
	Муж.	Жен.	Об. п.	% к итогу
Русские	44282	50563	94845	43,20
Татары	56895	61154	118049	53,78
Чуваши	52	8	60	0,03
Марийцы (черемисы)	2473	2758	5231	2,38
Мордва	15	1	16	0,01
Удмурты (вотяки)	591	647	1238	0,56
Башкиры	–	–	–	–
Другие национальности	57	36	93	0,04
Всего	104365	115167	219532	100

* Без городов.

Таблица 2

Возрастные группы населения Казанского уезда* в 1897 г.
(Первая всеобщая, 1904, табл. III а)

Возрастные группы (лет)	Муж.	Жен.	Об. п.	% к итогу	В том числе грамотных			
					Муж.	Жен.	Об. п.	%
До 1 года	4087	4044	8131	3,7	–	–	–	–
1 – 9	25650	26786	52436	24,0	1893	1190	3083	6,2
10–19	23153	24713	47866	21,8	11431	7131	18562	37,6
20–29	13964	17957	31921	14,5	6169	3980	10149	20,6
30–39	11868	13694	25562	11,6	4291	2435	6726	13,6
40–49	10200	10955	21155	9,6	3068	1750	4818	9,8
50–59	6991	7794	14785	6,7	1832	1266	3098	6,3
60-и более	8435	9210	17676	8,1	1799	1137	2936	5,9
Неизвестный возраст	17	14	31	0,0	5	–	5	0,0
Итого	104365	115167	219532	100	30488	18889	49377	100

* Без городов.

Таблица 2, составленная по возрастным группам, позволяет определить количество работоспособного населения. Если учесть, что в дореволюционный период часто приступали к работе уже в десятилетнем и даже в более раннем возрасте, то верхнюю границу работоспособного населения можно определить в 10–19 лет. Заканчи-

вали свою рабочую деятельность обычно в глубокой старости, поэтому нижняя граница работоспособного населения может быть определена в 60 и более лет. Из данных таблицы 2 видно, что на работоспособную часть населения обоего пола приходилось 72,4%, на детей моложе 10 лет – 27,6%, на лиц, не указавших свой возраст – 0,01%. Мужская часть работоспособного населения составляла 71,5%, женская – 73,2%. Таким образом, в конце XIX в. в Казанском уезде проживало значительное число трудоспособного населения, причем, достаточно грамотного, принимавшего активное участие в создании материальных и духовных ценностей.

Таблица 3

Население Казанского уезда* в 1897 г. по сословиям
(Первая всеобщая, 1904, табл. XXIV)

Сословия	Население Казанского уезда обоего пола					
	Все население об. п.	% к итогу	Русские об. п.	% к итогу	Татары об. п.	% к итогу
Дворяне потомственные	181	0,08	154	0,16	23	0,02
– « – личные	228	0,10	226	0,24	2	0,00
Духовенство	629	0,29	620	0,65	5	0,00
Почетные граждане	173	0,08	147	0,16	24	0,02
Купцы	76	0,03	49	0,05	27	0,02
Мещане	6726	3,06	4930	5,20	1766	1,50
Крестьяне	211179	96,20	88486	93,30	116142	98,39
Войсковые казаки	4	0,00	2	0,00	1	0,00
Иногородцы	1	0,00	–	–	1	0,00
Финляндские уроженцы	–	–	–	–	–	–
Не принадлежащие к выше указ. сословиям	254	0,12	194	0,21	58	0,05
Не указавшие свое сословие	37	0,02	37	0,03	–	–
Иностранные подданные	9	0,01	–	–	–	–
Итого	219532	100	94845	100	118049	100

* Без городов.

Из таблицы 3 видно, что население Казанского уезда было многолико по своему социальному составу. Потомственных дворян в уезде проживало 181 чел., из них русских – 154 чел., татар – 23 чел. Личных дворян в уезде насчитывалось 228 чел., из них русских – 226 чел., татар – 2 чел.

В переписи населения 1897 г. в уезде было представлено 629 человек духовного сословия, из них русское духовенство составляло 620 чел., татарское – 5 чел.

Почетных граждан насчитывалось 176 чел., из них русских – 147 чел., татар – 24 чел.

Из таблицы хорошо видно, что среди представителей привилегированных сословий преобладали русские, тогда как среди татар эти сословные группы представляли незначительное число.

Купцами записались 76 респондентов, в том числе 49 русских и 27 татар.

Заметную группу составляло в уезде сословие мещан 6726 чел., из них русских – 4930 чел., татар – 1766 чел. Сельское население, записанное в мещанское сословие, в основном было занято сельскохозяйственным трудом и мелочной торговлей.

Основную массу сельских жителей уезда составляли земледельцы-крестьяне. В переписи 1897 г. указано жителей уезда в крестьянском сословии 211179 чел., из них русских 88486 чел., татар 116142 чел. В уезде также проживали локальные группы марийцев и удмуртов, которые, как и татары, являлись бывшими государственными крестьянами. Русское сельское население было представлено бывшими владельческими, государственными и удельными крестьянами (Общий свод, 1896, с.75).

Остальные сословия (войсковые казаки, инородцы, финляндские уроженцы, лица, не принадлежащие к указанным сословиям, лица, не указавшие сословия) составляли незначительное число.

Из таблицы 4 видно, что население уезда было представлено во всех трех группах (непроизводительном, полупроизводительном и производительном), но в разных соотношениях. В группу непроизводительного населения вошло 3,12% от всей численности населения уезда. В эту группу входили чиновники, лица, служившие в войсках, духовенство, люди, занимавшиеся медицинской, культурной и учебно-воспитательной деятельностью.

Таблица 4

Занятость сельского населения Казанского уезда* в 1897 г.
(Первая всеобщая, 1904, табл. XXII)

Группы населения	Все население		Русские		Татары	
	Об. п.	%	Об. п.	%	Об. п.	%
а) Чиновники и войско	710	0,32	586	0,62	102	0,09
б) Духовенство и лица свободных профессий	2498	1,14	1218	1,28	1250	1,06
в) Рантье и пенсионеры	1579	0,72	1138	1,20	411	0,35
г) Лишенные свободы, проститутки, неопределенные, неизвестные	2067	0,94	1676	1,77	347	0,29
Итого непроизводительное население	6854	3,12	4618	4,87	2110	1,79
д) Торговля	2643	1,20	2034	2,14	594	0,50
е) Пути сообщений и сношений	903	0,41	877	0,93	19	0,02
ж) Частная служба, прислуга, поденщики	3606	1,65	2867	3,02	671	0,57
Итого полупроизводительное население	7152	3,26	5778	6,09	1284	1,09
з) Сельское хозяйство	194698	88,69	74512	78,56	113807	96,40
и) Промышленность	10828	4,93	9937	10,48	848	0,72
Итого производительное население	205526	93,62	84449	89,04	114655	97,12
Всего	219532	100	94845	100	118049	100

* Без городов.

Важным показателем социальной характеристики этноконфессиональных общин является представительство их членов в правительственных учреждениях – в государственных учреждениях, судебных органах и полиции. Дворянство, как правило, занимало все ответственные должности в администрации, продвигаясь по службе, но для татар этот путь был достаточно затруднителен. Так, в 1897 г. татар, представленных в администрации, суде и полиции, насчитывалось всего 102 чел. Это была небольшая группа татар, составлявшая всего 0,09% от всего татарского населения уезда. В то время как среди русских эта группа достигала 586 чел. или 0,62%.

Духовенство и представители сельской интеллигенции как среди русских, так и среди татар в материалах переписи записаны в

группе непроизводительного населения (соответственно 1,28% и 1,06%). Значительная часть местной интеллигенции была представлена учителями. В 1892 г. в Казанском уезде насчитывалось 112 низших учебных заведений с 42 учителями и 97 учительницами. В этих училищах обучалось 3998 мальчиков и 1839 девочек, всего 5837 чел. Среди татарских учебных заведений в уезде действовало одно татарское училище, в котором обучалось 24 мальчика и 173 девочки и медресе, в которых обучалось 3664 мальчика и 2987 девочек, всего 6651 чел.

Сведения о татарских учебных заведениях, на наш взгляд, несколько занижены, так как известно, что татарские школы практически существовали во всех татарских населенных пунктах, там, где были мечети. По этому поводу И. Гаспринский писал: «Два, три семейства казанских мусульман, поселившись где-либо в степи или русском городе, первым долгом озабочиваются устройством мечети и школы. Бодрость этого населения видна в том, что нам не приходилось видеть у них полуразрушенных мечетей и сколько-нибудь значительных поселений без мектебов» (Гаспринский, 1881, с. 40). Причем, некоторые медресе Казанского уезда были достаточно известными, оспаривая первенство у казанских; например медресе д. Кышкар. В это медресе приезжали учиться из Оренбурга, Семипалатинска, Касимова и др. городов.

Часть русских и татар в этой группе представлена как «рантье и пенсионеры», которые жили, получая доход с имевшейся недвижимости и другой собственности. В целом эта группа составляла среди русского населения 1,2%, среди татар – 0,35%.

Полупроизводительное население в Казанском уезде как среди русских, так и среди татар представляло в целом незначительные группы, соответственно – 6,09% и 1,09%.

В группу полупроизводительного населения, как и ожидалось, вошло достаточно большое количество населения, занятого предпринимательством. Причем торговлей занимались больше русские жители уезда, чем татары – соответственно 2,14% и 0,5%.

В купеческое состояние записывались, как правило, наиболее состоятельные представители торгового капитала. Однако, в целом, торговля являлась одним из распространенных видов занятий населения, независимо от сословной принадлежности человека. Поэтому, надо полагать, что количество русских и татарских торговцев в

уезде было значительно больше, чем записанных в материалах переписи 1897 г. Так, в Казанском уезде в купеческом сословии в 1897 г. было записано всего 76 купцов, из них 49 чел. русских и 27 чел. татар, однако среди русских торговлей занималось 2034 чел., среди татар – 594 чел.

В группу «пути сообщений и сношений» вошло 903 чел., причем русских было несколько больше, чем татар – соответственно 0,93% и 0,02%. Эту группу в основном составляли лица, занимавшиеся извозным промыслом, занятые на речных и железнодорожных работах.

Достаточно большое количество населения уезда было занято в группе «частная служба, прислуга, поденщики». По уезду их насчитывалось 3606 чел., из них 2867 чел. русских и 671 чел. татар.

Интересная картина занятости производственных отношений раскрывается в группе производительного населения, в числе 205526 чел., в том числе русских – 84449 чел. (89,04%), татар – 114655 чел. (97,12%). Большинство из них занималось сельскохозяйственным производством. Причем в сельском хозяйстве было занято больше татар (96,4%), чем русских (78,56%). Главным занятием жителей уезда было хлебопашество, сеяли в основном рожь и овес, разводили крупный и мелкий рогатый скот и лошадей, домашнюю птицу. Огородничество, как весьма выгодный промысел, достаточно быстро развивалось в окрестностях Казани.

В «промышленности» Казанского уезда всего было занято 10828 чел., из них русских – 9937 (10,48%), татар – 848 чел. (0,72%). Значительную часть населения составляли ремесленники: кузнецы, медники, серебряники, портные, сапожники, красильщики, ткачи и др., которые обеспечивали округу практически изделиями первой необходимости.

Распространение капитализма все более втягивало ремесленников в сферу товарно-денежных отношений, хотя в конце XIX в. многие из них еще не потеряли связь с сельским хозяйством. Так, например, в 1894 г. в уезде действовало 12 кузниц, 9 из которых принадлежали крестьянам, 3 – мещанам (НА РТ, ф. 1153, оп. 1, д. 1а., лл. 22–25об.). Одним из крупных пунктов сосредоточения кузнечного промысла в конце XIX в. оставалось село Чебокса Кошачовской волости. Свои кузницы здесь имели русские крестьяне Трифон Артемьев, Игнатий Пузаков, Михайла Харламов, Михайла Яковлев, Николай

Маслов и др. В Кармышской волости в д. Сарай-Чекурча действовала кузница крестьянина Фахрутдина Зябирова. В этой же волости мещане: Леонтий Васильевич Мельников содержал кузницу в д. Кармыш-Казанбаш, Степан Васильевич Смирнов в д. Старый Кырлай и Михайла Павлов в д. Малые Метески. Большинство кузнецов работали дома, в собственных кузницах, по заказам казанских экипажных торговцев и фабрикантов. На этих кузницах в основном было занято от 1 до 3 рабочих. Как сообщали современники, «работают они (кузнецы. – *Н.С., Х.З.*) в большинстве случаев только сами при помощи своих семейных, часто подростков-парней; работников же имеют очень редкие, обыкновенно те, в составе семей которых не находится подручных. Работы производятся по мере поступления заказов, обыкновенно мелких, в продолжение всего года, прерываясь лишь на страдную пору. Впрочем, даже и в страду кузнец, пользуясь свободным от земледельческих работ часом (напр., во время ненастной погоды, мешающей полевым работам), разжигает горн и починает принесенные соседом несколько дней назад тому лемеха, сошники, косу и т.п. Некоторые изготовляют мелкие вещи на продажу (топоры, ножи молотки и т.п.) сбываются обыкновенно на ближайших базарах» (Материалы исследования, 1887, с. 1–3).

Хотя нужно отметить, что на кузницах состоятельных крестьян работали и наемные рабочие, например на кузнице крестьянина Василия Гребенщикова, находившейся в Чебаксе, трудилось 20 чел., вырабатывавших продукции на 800 руб. (НА РТ, ф.1153, оп.1, д.1а., лл. 22–25 об.).

Достаточно широко в Казанском уезде было развито изготовление кирпича. Этим промыслом в 1897 г. в уезде занималось 57 человек, в основном русские и татары, из них 25 чел. в д. Малые Алаты Алатской волости (Там же, лл.76–78 об.).

Специальных помещений для занятия этим промыслом, как правило, не имелось. Производительный процесс был налажен, в основном, во дворах или под навесом, либо прямо под открытым небом. В случае если кирпич выделывался не сырцовый, то для обжига его обычно устраивался за населенным пунктом – горн, часто представлявший общую собственность нескольких кирпичников. Чаще всего продукция изготовлялась силами членов одной семьи, хотя некоторые крестьяне иногда прибегали к найму рабочих. Кирпичным промыслом крестьяне занимались лишь в свободное от по-

левых работ время, им помогали подростки и женщины. В большинстве случаев кирпич производился на продажу: сбывался местным жителям и жителям окрестных селений (Материалы исследования, 1887, с. 34–41).

В Казанском уезде были широко развиты деревообрабатывающие ремесла (рогожно-кулеткацкий, бондарный, экипажный, плотницкий, столярный и т.п.). Ремесленники уезда обладали высоким мастерством в обработке кожи, овчины, шерсти, известны были также слесарный, ювелирный и др. ремесла.

Многие крестьяне находили приработок в отхожих промыслах, уходя на жатву в другие сельскохозяйственные районы, на прииски, на лесные дачи, лесопилни, занимаясь извозом. Отходничество также было развито среди портных, шерстобитов, красильщиков, плотников. Так, например, среди крестьян Кармышской волости Казанского уезда, в достаточной степени был развит промысел валяния зимней обуви, который давал возможность населению в свободное зимнее время пополнять семейный бюджет. Центром этого промысла была деревня Верхняя Масра, из которой каждый год уходило на заработки от 50 до 60 человек. Обычно, после окончания всех полевых работ, в конце сентября или в начале октября, «мастер-валяльщик» подыскивал себе помощника, договорившись с которым отправлялся на работу. Чаще всего шли в Мензелинский, Белебеевский, Бирский, Елабужский уезды, или в деревни, где заказчикам были известны мастера по прежним работам, или переходили из деревни в деревню, предлагая свой труд, нуждающимся в нем. Через три месяца работы мастер с подмастерьем возвращались, заработав от 40 до 60 руб., которые делили доходы поровну (Модернизационные процессы, 2014, с.251–252).

На основе ряда промыслов в Казанском уезде возникали валяльно-войлочные, скорняжные, ткацкие, ичижные, золотошвейные мануфактуры, кожевенные, суконные и др. предприятия.

К 1894 г. в уезде насчитывалось 86 промышленных предприятий, которые производили продукцию на 1155763 руб. (НА РТ, ф.1153, оп.1, д.1а., лл. 22–25 об.). В целом это были небольшие мануфактурные и ремесленные заведения, хотя на некоторых предприятиях работало от 20 до 50 и более рабочих.

Например, одно из самых крупных рогожно-ткацких предприятий, находившееся в д. Байчурине Балтасинской волости, принад-

лежало крестьянину Вафе Бикмухаметову. На нем работало 24 чел., которые производили в год продукцию на сумму 900 руб. На спичечной мануфактуре крестьянина Шакира Хамитова в д. Юртуш Ковалинской волости трудилось 40 чел., выработавших в год продукции на сумму 10649 руб. (Там же).

Более крупные промышленные предприятия в Казанском уезде по большей части принадлежали русским и татарским купцам. Например, в уезде действовали картофельно-крахмальные предприятия казанского 1-й гильдии купца Ефима Семеновича Смоленцева, расположенные: в д. Столбищи (Столбищенская волость) и в с. Девликеево (Воскресенская волость). На первом было занято 20 рабочих, которые производили продукции на 19800 руб.; на втором работало 30 человек, производивших продукции на 34100 руб. в год. На красильном предприятии казанского купца Абдрахмана Ахметовича Ишмуратова, находившемся в д. Нурма-Чапшар (Балтасинская волость), насчитывалось 50 рабочих, производивших продукции на 70000 руб. Из 4-х крупчатых предприятий уезда наиболее крупное, находившееся в д. Кульсеитово (Собакинская волость), принадлежало казанскому купцу Романову. На нем трудилось 65 рабочих, и производилась продукция на сумму 543375 руб. (Там же).

Таким образом, в конце XIX в. в Казанском уезде непроизводительное и полупроизводительное население составляли незначительные группы, в которых несколько преобладало русское население. Основную группу составляло производительное население, большая часть которого была занята в сельском хозяйстве, причем здесь преобладало татарское население. Промышленность уезда была представлена в целом многочисленными промыслами, хотя в рассматриваемый период на основе ряда промыслов здесь начинает развиваться и мелкая фабричная промышленность.

Источники и литература

1. *НА РТ*. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 1а.
2. *Гаспринский И.* Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь: Тип. Спиро, 1881. 45 с.
3. *Материалы* для исследования промыслов населения Казанской губернии / Казанская Губернская Земская Управа. – Казань: Тип. «Казан. Биржевого Листка», 1887. 295 с.
4. *Модернизационные процессы* в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы / Сост. И.К. Загидуллин,

Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; под ред. И.К. Загидуллина. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 532 с.

5. *Общий свод* данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии: Часть экон. / Стат. бюро Казан. губ. земства. – Казань: типо-лит. В.М. Ключникова, 1896. 509, 135 [636] с.

6. *Первая всеобщая* перепись населения Российской империи, 1897 г.: т. XIV. Казанская губерния. СПб, 1904. – Табл. III а. Численность населения по полу и десятилетним возрастным группам; табл. XIII. Распределение населения по родному языку; табл. XXII. Распределение населения по группам занятий; табл. XXIV. Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям; табл. б/н. Наличное население и население постоянное.

7. *Развитие татарской национальной системы образования* в Казанской губернии во второй половине XIX века [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-71318.html>

Н.С. Хамитбаева, Х.З. Багаутдинова

XIX гасыр ахырында Казан өязендәге авыл халкының саны һәм эш белән тәэмин ителеше

Мәкаләдә 1897 елда Россия империясе күләмендә халык санын алудан алынган материаллар нигезендә Казан өязендә яшәгән халыкның катламы, авыл халкының ижтимагый хезмәт буенча бүленеше, аларның эш белән тәэмин ителеше, милләтләргә һәм катлауларга (сословияләргә) аерылуы кара. Нәтижәдә, файдасыз һәм ярымфайдасыз хезмәт белән шөгелләнүче төркемнәр бик аз күләмне тәшкил иткән, нигездә халыкның күпчелеге авыл хужалыгы хезмәте белән шөгылләнгән.

Ачкыч сүзләр: Казан өязе, XIX йөз ахыры, милли состав, халык саны, халыкның эш белән тәэмин ителеше.

N.S. Khamitbaeva, Kh.Z. Bagautdinova

Number and employment of rural population of the Kazan County at the end XIX century

In the article on the data of the First general census of population of the Russian Empire in 1897 is considered the social division of labor, employment, national and social structure, the rural population of the Kazan district. It turns out that unproductive and partially productive population constituted small groups, a core group was represented by productive population, most part of which was employed in agriculture.

Keywords: Kazan county, the end of the XIX century, ethnic composition, the number, class, employment.

Хамитбаева Найла Сахабидиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: hamit46@bk.ru

Хәмитбаева Наилә Сәхәбетдин кызы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Khamitbaeva Nayla Sakhabidinovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh. Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: halida12_61@mail.ru

Баһаветдинова Халидә Зиннәт кызы – ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты ТР халыкларының тарихи-мәдәни мирас бүлегенә фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Bagautdinova Khalida Zinnatovna – Researcher of the Department of historical and cultural heritage of the peoples of the Republic of Tatarstan, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

История города Свияжск и Свияжского уезда на страницах памятных книг Казанской губернии (1861–1916 гг.)

В статье дается анализ опубликованных в памятных книгах Казанской губернии (1861–1916) материалов и статистических данных по г. Свияжску и Свияжскому уезду.

Ключевые слова: г. Свияжск, Свияжский уезд, Казанская губерния, памятные книги, адрес-календари, статистические данные.

Памятные книжки губерний и областей Российской империи – местные издания в ряду комплексных печатных источников по истории русской провинции, официальные универсальные справочные издания, дающие сведения о губернии (или области) за определенный год. В данном случае понятие «памятная книжка» (Памятные книжки губерний и областей Российской империи) обобщает тип изданий, издававшихся под различными заглавиями («памятная книжка», «памятная книга», «справочная книга», «календарь», «адрес-календарь»). Поэтому в заглавии статьи было решено остановиться на общем названии справочных изданий – «памятные книжки». Предпосылкой возникновения этого типа издания стало появление в 1830-х годах губернских типографий, в которых печатались «памятные книжки» (Соловьева). Редакторами и составителями «памятных книжек» (адрес-календарей) были сотрудники губернского статистического комитета¹.

¹ Должностные лица, которые составляли и редактировали «памятные книжки», назначались и смещались губернатором. Наряду с местными изданиями (губернскими и епархиальными «ведомостями», обзорами губерний, трудами губернских ученых архивных комиссий), памятные книжки для историков и краеведов представляют особую ценность, позволяя воссоздать картину повседневной жизни губернии (или области), отдельных населенных пунктов и местностей, получить сведения о составе и занятиях жителей, состоянии природы, экономики, культуры, быта. Памятные книжки почти с самого момента своего выхода в свет становились библиографической редкостью, так как выпускались они сравнительно небольшими тиражами и распространялись в основном в пределах своей губернии или области.

На сегодня существует представительная историческая литература о памятных книжках (Балацкая, Раздорский, 1994, 500 с.; Балацкая, Раздорский, 1996, № 5, С. 13–15; Левин, 2000. Т. III, № 2, С. 227–301; Раздорский, 1997, С. 492–505; Раздорский, 1999, С. 35–41; Раздорский, 2002, С. 124–134; Травникова, Вып. №3 (11), 2015, С. 29–33; Рябая, Вып. № 30 (321), 2013, С. 90–93; Карпинец, Вып. № 1–3 (61), 2015, С. 171–177).

Памятные книжки Казанской губернии издавались регулярно по распоряжению Казанского губернатора губернским статистическим комитетом; отпечатаны были в основном в Казанской губернской типографии.

Первая «Памятная книжка Казанской губернии» (Памятная книжка, 1862, 283 с.) вышла в свет в 1861 году, состояла из 4 отделов: 1) адрес-календарь служащих в губернии лиц и справочные сведения; 2) краткий исторический очерк губернии, содержащий материалы, относящиеся, в основном, к периоду после присоединения Казанского ханства к Московскому государству; 3) статистические сведения; 4) согласно программе, в четвертом отделе должны были располагаться материалы для истории, статистики и этнографии края (неопубликованные акты и древние грамоты, песни, местные народные предания и т.д.).

Издание последующих выпусков «Памятной книжки Казанской губернии» должно было перейти под непосредственное ведение Губернского статистического комитета, изменив программу издания в виде календарной формы. В массе своей, исторические, статистические и этнографические исследования и описания, «смесь, или небольшие статьи» (Памятная книжка, 1862, с. II) по истории, статистике или этнографии имели малый объем, носили отрывочный характер, вследствие чего их нельзя было назвать полноценными исследованиями.

Наряду с другими материалами по уездным городам в новом издании печатались материалы о Свияжске и Свияжском уезде. В частности, в «Памятной книге Казанской губернии на 1861 и 1862 год», в адрес-календаре перечислены должности, имена и звания служащих губернии, представлен состав уездных мировых учреждений по Свияжскому уезду.

В 1862 г., на момент издания первого справочника, управление г. Свияжска осуществлялось городничим и городской главой, действо-

вали такие учреждения, как уездный суд, магистрат, земский суд, окружное управление; в состав последнего входили: окружной начальник и его помощник, окружной врач, лесничий, уездный стряпчий, уездный казначей, уездный врач, уездный почтмейстер, уездный землемер (Там же, с. 30). В ведомстве МНП состояло Свяжское уездное училище (Там же, с. 57). Сходную структуру гражданских учреждений имели и другие города Казанской губернии. В подчинении православного духовного ведомства в Свяжске находились Первоклассный Богородицкий и Третьеклассный Иоанно-Предтеченский монастыри, в Свяжском уезде – Макарьевская пустынь.

В таблице «Расстояния уездных городов Казанской губернии с обозначением количества лошадей на станциях и платы прогонов» Свяжск указан в маршруте Казань – станция Емангаш Нижегородской губернии. Согласно таблице «Взаимного расстояния уездных городов Казанской губернии по почтовым трактам», самым кратким являлся путевой маршрут «Казань-Свяжск» (33 версты), самым длинным – «Мамадыш-Свяжск» (218 верст) (Там же, с. 12).

В «Историческом очерке Казанской губернии», опубликованном в первом издании, имеется лишь упоминание о Свяжске в связи с казанскими событиями 1550–1552 гг. (Там же, с. 12), приводятся сведения о реализации политики христианизации². В «Материалах для статистики Казанской губернии» приводятся такие сведения, как распределение земель губернии по уездам, соотношение производительных и непроизводительных земель, говорится, что леса в Свяжском уезде «худого качества», наибольшее количество пахотной земли находится в Свяжском, Тетюшском, Ядринском и Цивильском уездах. В «Памятной книге Казанской губернии на 1861 и 1862 год» можно проанализировать соотношение луговых и пахотных земель по уездам³.

² Так, например, около 1735 г. в Свяжском монастыре была учреждена «Контора новокрещенских дел», создавались новокрещенские школы. Приводятся данные о переселении русских на завоеванную территорию. Скажем, по свяжскому писцовому перечневому списку 1651 г. известно упоминание о 3 деревнях (382 душ м.п.) – д. Курочкина на ключе (180 душ), д. Ломовка (81 душа), д. Гоголиха (121 душа) (Памятная книга Казанской губернии на 1863 год / Издание Казанского губернского статистического комитета. – Казань: Губернская Типография, 1862. С. 19).

³ Больше всего пахотной земли находилось в Чистопольском (313,994 дес.), Спасском (212,911 дес.), Казанском (203,387 дес.) уездах. По наличию

В той же «Памятной книжке Казанской губернии на 1861 и 1862 год» в «Материалах для статистики Казанской губернии» представлены в виде таблиц численность населения по уездам, соотношение между количеством населения и площадью обработанной земли, соотношение численности мужского и женского пола (в Свяжске преобладало мужское население), национальный состав населения губернии, по уездам представлено общее число ремесленников, заводов и фабрик в уездах и городах. В этом разделе также упоминается об устройстве почтового тракта из Казани в Свяжск. Городское хозяйство городов и посадов губернии в 1860 г. представлено в виде таблицы. Помимо ежегодно поступающих доходов, города и посады имели и запасные капиталы, хранившиеся в приказе общественного призрения и в казанском общественном банке. Имеются данные о соотношении количества домов и лавок в 1860 г. в городах и посадах губернии, о торговле и промышленности.

В статье «Казанская губерния в 1726 г. по сочинению Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства и проч.»,» содержащейся в разделе VI (автор не указан), особое внимание уделяется Свяжской провинции (Там же, 1862, с. 20), в частности, упоминается о создании г. Свяжска, приводятся данные об управителях провинции, канцеляриях и конторах, упоминается школа для детей разных чинов, монастыри и церкви, купечество, указаны города, входившие в состав Свяжской провинции.

В статье «Несколько актов к истории башкирского бунта в царствование императрицы Анны Иоанновны», написанной А. Пупаревым, упоминается о призвании в феврале 1736 г. на службу казанским губернатором Румянцевым свяжского «всякого звания шляхетства» (Там же, с. 44) и т.д.⁴

луговых земель лидировали Чистопольский (116,354 дес.), Спасский (85,757 дес.), Лаишевский (69,908 дес.) уезды. В Свяжском уезде было 143,116 дес. пахотных и 19,944 дес. луговых земель, т. е. из 12 уездов Свяжский располагался на 6 и 7 местах соответственно.

⁴ Так, в указе казанской губернской канцелярии от 8 февраля 1738 г. Свяжской провинциальной канцелярии сказано о направлении на службу для борьбы с бунтующими башкирами дворян и отставных офицеров, в указе губернской канцелярии в Свяжскую провинциальную канцелярию от 14 июня 1745 г. сказано дворянам, служилым, ясадным и прочим иноверцам явиться в Мензелинск для «искоренения воров башкирцев» (Памятная книга

Содержание «Памятной книги Казанской губернии на 1863 г.» (Памятная книга на 1863 г., 1862, 510 с.) достаточно подробно проанализировано А.Н. Силкиным в статье «Свияжск и Свияжский уезд в справочниках середины XIX века», поэтому отсылаю читателя на его публикацию (Силкин, 2010, С. 8–16).

По адрес-календарю «Памятной книги Казанской губернии на 1864–1865 гг.» (Памятная книга, 1864, 235 с.) уездное управление в г. Свияжске включало в себя следующие институты: уездное полицейское управление, городскую думу, уездный суд, уездное казначейство, почтовую контору. Отметим, что в справочнике данные 2 отдела «Справочные сведения» дублируются с изданий предыдущих годов (1861–1882 гг., 1863 г.).

В «Памятной книге Казанской губернии на 1866–1867 гг.» (Памятная книга, 1866, 283 с.) также дублируются сведения, касающиеся учреждений и должностей, учитывая смену лиц, занимавших эти должности⁵. В разделе «Справочные сведения» указаны иконы, носимые для молений по уездным городам и селениям, в частности по Свияжскому уезду, и «народные собрания для молебствий»; материалы о почтах дублируются. В третьем отделе – «Статистические сведения» (Там же, с. 135–215) – содержится разнообразная информация о населении губернии⁶. Согласно этим сведениям, в

Казанской губернии на 1863 год / Издание Казанского губернского статистического комитета. – Казань: Губернская Типография, 1862. С. 58).

⁵ Перечислены уездные предводители дворянства, лица, входящие в уездное полицейское управление г. Свияжска, мировой съезд, уездную земскую управу, городскую думу, окружные акцизные управления, уездное казначейство, уездный суд, дворянскую опеку, а также отдельно перечислены уездный стряпчий, уездный землемер, лесничий, почтмейстер.

⁶ Это сведения о городах и уездах с разделением жителей по сословиям, по половому признаку, вероисповеданию, числу родившихся в губернии с разделением по вероисповеданию, числу умерших по возрастам (с учетом вероисповедания), числу браков по различным исповеданиям; сведения о землях по уездам по ведомствам с обозначением их хозяйственного значения, о наличии разного рода скота по городам и уездам, об оборотах на ярмарках губернии, о наличии фабрик и заводов (с указанием их количества, на какую сумму изготавливается в год товара, числа мастеров и рабочих, заработной платы, с обозначением мест сбыта товаров), количество разного рода зданий в губернии, количество ремесленников с обозначением ремесел, количество выданных торговых свидетельств городам. Имеются также данные о доходах и расходах, капиталах городов губернии, о расходах из земского сбора на отправле-

Свияжске действовала городская больница, в ведомстве МНП находились низшее уездное училище, будничная женская школа, приходское училище, в Свияжском уезде было 2 низших училища и 20 школ в ведомстве МГИ и 1 низшее училище в подчинении МВД. В уезде проживало русских – 38817 лиц м.п. и 42857 ж.п., татар – 10503 лиц м.п. и 10404 ж.п., чуваш – 30 лиц м.п. и 31 ж.п., прочих – 6 лиц м.п. и 1 лицо ж.п. Всего 49356 лиц м.п. и 53293 ж.п.

В отделе IV в очерке «Замечательные селения по Волге в пределах Казанской губернии» даются сведения о поселениях Свияжского уезда: деревнях Печищи, Набережные Моркваши, Собакино, Курочкино, Макарьевская пустынь, с. Троицкое Вязовое и о самом г. Свияжске.

Материалы об уездном городе размещены по следующей структуре: местоположение, история возникновения, укрепления (башни и ворота), церкви, монастыри, дома, население, доходы, земли, здания (каменные и деревянные, деревянные лавки, склады для товаров), учреждения (уездное и приходское училище, будничная женская школа и больница), фабрики и заводы (Там же, 1866, с. 50), церкви (6) и монастыри (мужской первоклассный Богородицкий и женский третьеклассный Иоанно-Предтеченский), сообщается об определении города административным центром Свияжской провинции (1719 г.), уездным городом (1802 г.).

В «Памятной книге Казанской губернии на 1868–1869 гг.» (Памятная книга, 1868, 315 с.) в первом отделе «Адрес-календаре служащих в губернии лиц» (Там же, с. 4–52) дублируются сведения, касающиеся учреждений и должностей, учитывая смену лиц, занимавших эти должности⁷. В отделе II «Статистические сведения о позе-

ние разных повинностей по уездам. Также представлено распределение земель по хозяйственному значению и принадлежности.

⁷ Статистический комитет составляли: председатель – начальник губернии, помощник председателя – вакансия, непременные члены, секретарь комитета, действительные члены (по должности – уездные предводители дворянства и по избранию). Указаны лица, служащие в учебном ведомстве, в том числе уездных училищах, приходских училищах в частности, Свияжском, в духовном ведомстве – настоятели и настоятельницы монастырей, военное ведомство – в управлении губернского воинского начальника представлены начальники уездных команд, лица, входившие в дворянское депутатское собрание, осуществляющие уездное управление, уездные предводители дворянства. Также в лицах и должностях по г. Свияжску представлены такие организации и учреж-

мельном устройстве крестьян Казанской губернии (по пяти уездам (Ядринскому, Свияжскому, Царевококшайскому, Лаишевскому, Казанскому)» данные представлены в виде таблиц. В таблице по Свияжскому уезду указаны владельцы, волости, сельские общества и селения, число крестьян, имеющих право на надел (м.п. и ж.п.), общее количество земли, разделение общего количества земли на наделы и остальную часть, указано количество земли, приобретенной крестьянами сверх надела, наличие у крестьян мирского капитала.

В отделе III, содержащем «Материалы для статистики и этнографии края», размещены найденные при разборе архивов упраздненных судебных мест Казанской губернии извлечения из наиболее интересных дел под общим названием «Архивные дела» (Там же, с. 93–105). Среди прочих дел были помещены «Дело об уклонении из православия в магометанство крещеных татар разных селений Свияжского уезда» (1827 г.), «Дело о вынимании клада крестьянами с. Верхнего Услона, Свияжского уезда, женкою Пелагеей Филипповой, сыном ее Дмитрием Петровым и девкою Ириною Федоровою». В «Отчете о действиях Казанского губернского статистического комитета за 1867 г.» (Там же, с. 2–35) показана плотность населения по уездам на 1 кв. версту (в Свияжском уезде – 39,2 чел., 5 место среди уездов). В уезде мужское население преобладало над женским. В Свияжске торговали красным товаром и съестными припасами на сумму 19000 руб. в год. Городской доход на душу населения составлял 1 р. 49 к., (Свияжск занимал 5-е место среди городов губернии после Царевококшайска – 4 р. 91 к., Казани – 3 р. 46 к., Тетюш – 1 р. 80 к., Цивильска – 1 р. 76 к.). В таблице «О замечательных торговых центрах, фабрично-заводских и ярмарочных пунктах и пристанях в Казанской губернии» (Приложение к отчету Статистического комитета) представлено лишь с. Теньки Свияжского уезда. В «Ведомости о замечательных базарных пунктах в Казанской губернии, где средние обороты каждого базара превышают 100 рублей», указано лишь село Федоровское Свияжского уезда.

дения, как уездное полицейское управление, мировой съезд, уездная земская управа, городская дума, уездное казначейство, дворянская опека, почтовая контора. Указаны перемены, произошедшие в составе чиновников во время печатания памятной книги (в том числе и по Свияжску) (Памятная книга Казанской губернии на 1868–69 год / Издание Казанского губернского статистического комитета. – Казань: Губернская типография, 1868. С. 5).

В «Адрес-календаре служащих в Казанской губернии лиц за 1871 г.» (Адрес-календарь, 1871, 62 с.) перечислены лица, входившие в состав дворянского депутатского собрания (по уездам), указаны посредники по размежеванию земель (по уездам), в рамках учебного ведомства в числе прочих учреждений представлены уездные училища (в том числе Свяжское). В разделе «Уездное полицейское управление» по г. Свяжску в должностях и лицах представлены уездное полицейское управление, городская дума, уездная земская управа, мировой съезд, почтовая контора, уездное казначейство, съезд мировых судей, судебные следователи 1 и 2 участков, уездный врач, уездный землемер, лесничий.

В «Адрес-календаре служащих в Казанской губернии лиц 1872 г.» (Адрес-календарь, 1872, 56 с.) сведения дублируются с учетом происходивших изменений.

В «Адрес-календаре Казанской губернии 1875 г.» (Адрес-календарь, 1875, 154 с.) сведения об указанных выше организациях повторяются. В рамках духовного ведомства представлены настоятели и настоятельницы монастырей, в частности, в г. Свяжске – Богородицкого и Иоанно-Предтеченского монастырей, в Свяжском уезде – Макарьевской пустыни.

В «Адрес-календаре в общей росписи начальствующих и прочих должностных лиц, по всем учреждениям Казанской губернии, а также сословных и общественных учреждений, частных компаний и обществ на 1881 г.» (Адрес-календарь, 1881, 284 с.) перечислены лица, входившие в дворянское депутатское собрание (по уездам)⁸.

«Памятная книжка Казанской губернии за 1889–1890 гг.» (Памятная книжка, 1890, 317 с.) состоит из двух частей: часть 1-я – справочные сведения о лицах, служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях губернии; часть 2-я – стати-

⁸ По Свяжскому уезду упоминаются: уездный предводитель дворянства, его кандидат, депутат, дворянская опека, уездное полицейское управление, городская управа, сиротский суд, мещанская управа, уездная земская управа, земская больница в г. Свяжске, уездный распорядительный комитет, уездное по воинской повинности присутствие, уездное по крестьянским делам присутствие, перечислены волости (всего 11) с указанием их старшин, съезд мировых судей, тюремное отделение, уездное казначейство, почтовая контора, телеграфная станция, духовное ведомство, уездный училищный совет, уездное училище, городские приходские училища.

стические сведения о губернии⁹. Во второй части приводится административное деление губернии: 12 уездов, которые, в свою очередь, делились на станы и волости. По своей территории Свияжский уезд был самым маленьким (2774,2 кв. верст), состоял из 2 полицейских станов, 11 волостей. В виде таблиц представлено распределение пространства губернии по земельным угодьям¹⁰. Также в виде таблиц представлен состав населения губернии¹¹. В добавление к предыдущей таблице прилагается таблица о населении губернии по этнографическому составу. В таблице «Рождаемость по местностям за 1888 г.» представлено количество законнорожденных и незаконнорожденных детей обоих полов, процентное отношение рождаемости к численности населения по городам и уездам. Также приводится аналогичная таблица по смертности, соотношение умерших и родившихся, количество бракосочетаний за 1888 г. по городам и уездам¹². В таблице, посвященной ремесленной деятельности в Ка-

⁹ В первой части по Свияжску представлены сведения о следующих учреждениях и должностных лицах: уездный предводитель дворянства, дворянская опека, полицейское управление, уездный распорядительный комитет, уездное по воинской повинности присутствие, уездное по крестьянским делам присутствие, тюремное отделение, почтово-телеграфная контора, городское общественное управление, сиротский суд, уездная земская управа, земская аптека, земская больница, благотворительные, протоиереи, настоятели и настоятельницы (Богородице-Рождественского собора, Благовещенско-Царевоконстантиновской церкви, Троицкой церкви при Девичьем монастыре, Успенско-Богородицкого монастыря, Иоанно-Предтеченского монастыря, Макарьевской пустыни), училища (городское 2-хклассное, мужское приходское, женское приходское), чины и учреждения судебного ведомства, съезд мировых судей, уездное казначейство, податный инспектор, лесничий, управление воинского начальника, должностные лица и учреждения в селах (с. Куралово, дер. Азелеи Русские, с. Теньки, с. Утяково, с. Русское Бурнашево, с. Федоровское) (Памятная книжка Казанской губернии за 1889–90 годы: в 2-х ч. / сост. В. Люстрицкий. – Казань: Тип. губерн. правления, 1890. Ч. 1. С. 131–135).

¹⁰ По уездам можно проследить площади усадебных, пахотных, луговых и выгонных земель, лесных участков и неудобной земли, а также их ведомственную принадлежность (в десятинах и процентах).

¹¹ По уездам показано количество жителей и плотность населения.

¹² Так, в 1888 г. в Свияжске было заключено 22 брака, в Свияжском уезде – 1126. По данным за 1888 г., в Свияжске было 12 каменных зданий, 296 деревянных, на каждый дом приходилось 9,6 жителей; в уезде насчитывалось 33 каменных, 20469 деревянных зданий, на каждый дом приходилось 5,7 жителей. В Свияжске в 1888 г. действовали 2 фабрично-заводские организации,

занской губернии, приводятся по городам данные на 1858 г. и 1888 г. В частности, в Свияжске ремесленников, изготавливающих продовольственные товары, в 1858 г. было 7, в 1888 г. – 25; изготавливающих предметы одежды в 1858 г. было 4, в 1888 г. – 7, изготавливающих предметы домохозяйства в 1858 г. было 17, в 1888 г. – 24; прочих ремесленников в 1888 г. было 25, также указано процентное отношение к общему числу ремесленников: в 1888 г. – 0,67%, в 1858 г. – 0,4%.

Система русского образования в Свияжском уезде была представлена: в 1859 г. 2 училищами (251 учащихся), в 1889 г. – 85 начальными училищами и школами (учащихся: 2886 мальчиков, 432 девочек). В Свияжске действовало 1 городское училище, 2 начальных училища, учащихся мальчиков – 124, девочек – 54, один учащийся приходится на жителей – 11,7, одна учащаяся приходится на жителей – 27,9.

Для татарского населения в Свияжском уезде действовали 23 медресе, учащихся мальчиков было 941, девочек – 458, 1557 школ приходится на жителей, 19,1 учащихся мальчиков приходится на мужчин, 38,8 учащихся девочек приходится на женщин (Памятная книжка, Ч. I, 1890, с. 1–57).

«Памятная книжка Казанской губернии за 1891–1892 гг.» (Памятная книжка, 1892, 348 с.) традиционно делится на две части: к первой относятся справочные сведения о начальствующих и служащих лицах в губернских, окружных, городских и уездных учреждениях, ко второй – статистические сведения о губернии.

В первой части (Там же, с. 5–133) перечислены лица, входящие в губернский статистический комитет, состав депутатского собрания (по уездам), гласные губернской земской управы (по уездам), должности и занимавшие их лица Свияжского резервного батальона, представлены уездные учреждения в г. Свияжске¹³.

сумма производства в рублях составила 3000 руб., занято 4 рабочих м.п. В Свияжском уезде в 1858 г. было 1 производство, в 1888 г. – 3 производства, сумма – 431100 руб., на них рабочих и мастеровых (138 лиц м. п. и 1 лицо ж.п.), 4 малолетки м.п. Промыслами в уезде занималось 3964 лиц м.п. и 9 лиц ж.п., общий доход от промыслов составил 114312 руб.

¹³ Уездный предводитель дворянства, дворянская опека, полицейское управление, уездный распорядительный комитет, уездное по воинской повинности присутствие, тюремное отделение, почтово-телеграфное отделение, городское общественное управление, сиротский суд, уездный съезд, земские

Во второй части (Там же, с. 1–79) – в таблице «Административное деление губернии» данные по Свияжскому уезду дублируются с предыдущим изданием, однако в самой таблице добавлена графа «Число земских участков». По Свияжскому уезду их насчитывалось 4. Также представлены таблицы «Распределение пространства губернии по угодьям», «Сведения о волостях»¹⁴, составленные в декабре 1891 г. волостными правлениями. Также в виде отдельных таблиц представлены по уездам: 1) численность и половой состав и 2) этнический состав населения. В таблице «Рождаемость по местностям за 1889 г. и 1890 г.» показано количество законнорожденных и незаконнорожденных детей обоих полов, отношение новорожденных и умерших, бракосочетаний по городам и уездам. В отдельную таблицу помещены сведения об урожае в 1891 г. по уездам. К 1890 г. в Свияжске действовали 2 завода, обрабатывающих

начальники и их участки, волостные старшины, уездная земская управа, земская аптека, лечебные учреждения и земские врачи, арестное помещение, благочинные, настоятели и настоятельницы первого, второго и третьего округов, указаны казначей и настоятель Успенско-Богородицкого мужского монастыря и благочинных монастырей, настоятельница Иоанно-Предтеченского женского монастыря, настоятель Макарьевской пустыни, православные сельские приходы и священники, отделение Епархиального училищного совета, церковно-приходские школы (учителя), городское двухклассное училище, городские и сельские начальные училища, уездный училищный совет, чины судебного ведомства, уездное казначейство, податное присутствие, уездное по питейным делам присутствие, лесничество, управление уездного воинского начальника.

¹⁴ По Свияжскому уезду представлены 11 волостей (Верхне-Услонская, Клянчинская, Юматовская, Ташевская, Теньковская, Ивановская, Азелейевская, Кушманская, Ульяновская, Косяковская, Ширданская); в таблице приводятся данные пространства волости в кв. верстах, земли усадебного, пахотного, лугового и выгонного, лесного назначения, неудобные земли в принадлежности к крестьянским обществам, число населенных местностей, число обществ, число окладных ревизских душ, число жителей (с разделением по половому признаку), по вероисповеданию (также с разделением по половому признаку), национальной принадлежности (русские, инородцы), число церквей, мечетей, жилых домов, дворов, количество домашнего скота, доходность, число лиц, занимающихся промыслами, и лиц, занимающихся кустарными занятиями, общая их годовая доходность, число трактиров и винных лавок, число начальных училищ, церковно-приходских школ и школ грамоты, количество обучаемых в них (м.п. и ж. п.), число магометанских школ, количество обучаемых в них (м.п. и ж. п.), подлежат к уплате (налоги) казенные подати и повинности, земский сбор, сбор по волостному и сельскому управлению, количество недоимок, мирской капитал.

полевые растения (сумма производства составила 3600 руб.), в Свияжском уезде – 1 «фабрика», обрабатывающая животные продукты (сумма производства составила 1200 руб.), 5 «заводов», обрабатывающих земледельческую продукцию (сумма производства составила 482850 руб.), 1 «завод», обрабатывающий ископаемые продукты (сумма производства составила 51000 руб.).

Также в виде таблиц представлены: данные о состоянии народного образования в уездных городах, селах; о количестве детей школьного возраста от 8 до 12 лет (без мусульман); детей, не посещающих школу; степень образования учителей. Так, в Свияжском уезде было 45 учителей, из них 8 окончило учительские семинарии, свидетельство гимназии (или реального училища) имел 1 педагог, уездных, или городских или духовных училищ – 22 чел., 14 учителей не закончили курсы и получили начальное и домашнее образование. Среди 32 учительниц образовательный ценз был выше: 11 окончили гимназии и институты, 1 – женское духовное училище, 17 – в учительскую школу, 1 – прогимназию, и лишь 2 не закончили курсы и получили начальное и домашнее образование. В деревнях действовало 38 медресе и мектебов, в учебный процесс было вовлечено 4476 мусульманских мальчиков и 674 девочек.

Первая часть «Памятной книжки Казанской губернии за 1893–1894 гг.» (Памятная книжка, 1894, 391 с.) состоит из двух отделов. В первом отделе представлена информация о начальствующих и служащих лицах в губернских, окружных, городских и других учреждениях, находящихся в Казани, во втором – исторические и географическо-статистические сведения о г. Казани.

Вторая часть справочного издания включает в себя 2 отдела: 1) адресные сведения о служащих лицах в учреждениях, находящихся в уездных и заштатных городах; 2) статистические сведения об уездных городах и уездах (Там же, с. 87–122). Новыми по сравнению с предыдущей «Памятной книжкой» являются следующие моменты. В ведомстве военного министерства указан Свияжский резервный батальон (должности и лица, их занимавшие); в виде таблиц даются сведения по волостям (по уездам), движению населения по учебным заведениям и общественным библиотекам в уездных городах и селениях, больницам и врачам, распределенным по уездам, расходам на волостное и сельское управление в 1892 г., количестве земли, приобретенной крестьянами в собственность в 1892 г.

«Памятная книжка Казанской губернии на 1897 г.» (Памятная книжка, 1897, 499 с.) традиционно состоит из 2 частей: часть I – город Казань; часть II – уездные города и их уезды, в приложение включены статистические сведения по Казанской губернии.

Список учреждений и чиновников по Свияжску позволяет представить административные и социальные функции уездного города для горожан и сельского населения уезда (Там же, с. 123–420)¹⁵.

В «Адресной книжке Казанской губернии на 1900 г.» (Адресная книжка, 1900, 450 с.), во второй части, к вышеуказанным организациям, перечисленным в «Памятной книжке Казанской губернии на 1897 г.» по Свияжскому уезду, добавлены сберегательные кассы, члены по раскладке сборов с гильдейских предприятий, члены по раскладке сборов с негильдейских предприятий, местный комитет русского общества Красного креста. В третьей части даются данные по распределению площади губернии по уездам, населению, лесоводству, промышленности, торговле, народному здравью и общественному призрению, образованию (Там же, с. 2–66).

В «Памятной книжке Казанской губернии на 1901 г.» (Памятная книжка, 1901, 495 с.) указан 229-й Свияжский резервный батальон

¹⁵ Уездный предводитель дворянства, кандидат и депутат дворянства, дворянская опека, чины уездной полиции, уездный и ветеринарный врачи, городская управа, купеческая управа, мещанская управа, уездная земская управа, чины судебного ведомства, управление уездного воинского начальника, сиротский суд, уездное казначейство, акцизные чины, чины ведомства МГИ, почтово-телеграфная контора и почтово-телеграфное отделение, управление уездного воинского начальника, земские начальники и их участки, уездный съезд, уездный распорядительный комитет, уездное по воинской повинности присутствие, уездный училищный совет, отделение Епархиального училищного совета, уездное по питейным делам присутствие, уездное податное присутствие, городское по квартирному налогу присутствие, уездное отделение тюремного комитета, городское двухклассное училище, мужское и женское начальные приходские училища, лечебные учреждения, земские врачи и фельдшера, земская аптека, благотворительные, настоятели и настоятельницы, духовные следователи, уездная тюрьма, арестное помещение, отдел казанского общества трезвости, библиотека. В Приложении в первой главе по таблице Свияжского уезда (2774,2 кв. верст) можно проследить распределение земских участков по уездам, волостей по станам и земским участкам. Во второй главе представлено население губернии по народностям и вероисповеданию. В третьей главе находят отражение земледелие, лесоводство и промыслы населения. В четвертой главе представлена торговля. В пятой главе уделяется внимание народному здоровью и общественному призрению, шестая глава посвящена народному образованию в губернии.

(58-й резервной бригады). Организации и должности повторяются, добавлено уездное по промысловому налогу присутствие, торговая депутация, чиновник ведомства МГИ, Ольгинский детский приют. Содержание второй части также касается территориального деления, национального, конфессионального, сословного состава населения, земледелия, лесоводства, промышленности и торговли, народного здоровья и общественного призрения, народного просвещения.

В «Адрес-календаре и памятной книжке на 1903 г. Казанской губернии» (Адрес-календарь и памятная книжка, 1903, 572 с.) дублируются вышеперечисленные организации по Свияжскому уезду с учетом изменения лиц, занимавших должности, таблицы по территориальному делению губернии на уезды, населению, земледелию, лесоводству, промышленности и торговли, народного здоровья и общественного призрения, народного просвещения.

В «Адрес-календаре Казанской губернии на 1905 г.» (Адрес-календарь, 1905, 438 с.) отсутствует в Свияжске женское начальное приходское училище, появились лечебное учреждение и страховые агенты.

«Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 г.» позволяет увидеть изменения, произошедшие в социальной жизни горожан за последние 10 лет. По Свияжскому уезду (Адрес-календарь и справочная книжка на 1915 г., 1914, с. 406–418) представлены учреждения ведомства Министерства внутренних дел: уездный съезд, земские начальники, уездная земская управа, медицинская часть земства, уездное по воинской повинности присутствие, Свияжская почтово-телеграфная контора VI класса, Теньковское почтово-телеграфное отделение, уездное полицейское управление, городская управа, волостные правления; местные институты Министерства финансов: уездное раскладочное присутствие, городское по квартирному налогу присутствие, городское по государственному налогу с недвижимых имуществ присутствие, уездное казначейство, уездный комитет попечительства о народной трезвости, ведомства проведения: женская прогимназия, уездный училищный совет, инспекция народных училищ, городские высшее начальное училище и низшая ремесленная школа, ведомства Министерства юстиции: городской сиротский суд, уездное отделение Общества попечительного о тюрьмах, уездная тюрьма, духовного ведомства: Свияжское отделение Казанского епархиального училищного сове-

та, мужские монастыри, женский монастырь, благочиния уезда, а также управление уездного воинского начальника Военного министерства, уездная землеустроительная комиссия Главного управления землеустройства и земледелия и общественные учреждения¹⁶.

Отдел III (справочный) «Адрес-календаря и справочной книжки» содержит: 1) Общие сведения из законоположений, 2) Справочные сведения по Казанской губернии (данные об административном делении губернии, а также списки врачей, адвокатов, магометанского духовенства и другие справочные сведения и т.д.)¹⁷. (Там же, с. 542–659).

В отделе IV, отведенном статистике, представлены данные по географии губернии, населению, данные о площади посева зерновых и других полевых растений, о количестве сельских домашних животных в 1914 г. (по сведениям Центрального статистического комитета МВД), народном образовании, сведения о церковных школах за 1913 г., кредитах, кредитных товариществах, ссудо-сберегательных товариществах и земских кассах мелкого кредита за 1913 г., сведения о крестьянских общественных учреждениях мелкого кредита; фабрики, заводы, торговля.

С началом Первой мировой войны в справочных изданиях появились новые штрихи, повествующие о причастности населения региона к данному событию эпохального значения и одновременно новые явления в жизни учреждений и населения. Так, в «Адрес-календаре и справочной книжке Казанской губернии на 1916 г.» (с приложением Обзора деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг.) (Адрес-

¹⁶ Общество помощи нуждающимся ученикам местного высшего начального училища, общество помощи нуждающимся ученицам Свяязской прогимназии, общество благоустройства дачной жизни в селе Верхнем Услоне, городской общественный банк.

¹⁷ По Казанской губернии, в частности и по Свяязскому уезду, представлены сведения о земских начальниках и составе их участков, распределение волостей по станам, земским участкам, военно-конским участкам, с приведением статистических данных, собранных в 1914 г., сведения о распределении обязанностей между уездными членами округа Казанского окружного суда в виду учреждения в них по законам 6 и 26 июня 1912 г. новых должностей (по уездам), следственные участки округа Казанского окружного суда по уездам, благочиннические округа Казанской епархии, духовные следователи Казанской епархии по уездам, лесничества, мечети и мусульманское духовенство, лечебные заведения и врачебные участки, фельдшерские пункты, ветеринарные врачи и фельдшеры, аптеки.

календарь и справочная книжка, 1916, 1062 с.) зафиксированы новые почтово-телеграфные отделения в населенных пунктах уезда: Макулово, Бурундуки и Соболево, уездное по военному налогу присутствие, Каинковское высшее начальное училище (Там же, с. 435–440). Отдел III справочный по Свяжску содержит информацию об обществе Красного Креста: отделение № 14 Лазарета имени е.и.в. Великой княгини Елисаветы Федоровны при Казанской общине сестер милосердия (15 коек) и три лазарета от Всероссийского Земского Союза г. Свяжск: 1) при земской больнице, 2) при женской прогимназии, 3) служащих Свяжского земства, личном составе Свяжской уездной комиссии Комитета е.и.в. Великой княгини Елисаветы Федоровны, Свяжского уездного попечительства по призрению семейств нижних чинов и ратников ополчения, призванных на действительную военную службу, Свяжского земского учреждения по оказанию помощи больным и раненым воинам и семействам лиц, призванных в войска, Свяжское уездное отделение комитета е.и.в. Великой княжны Татьяны Николаевны и т.д. (Там же, с. 614–746).

В отделе IV, статистическом, информация представлена в традиционной структуре.

В «Обзоре деятельности Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг.» г. Свяжск упоминается по ряду эпизодам. Так, например, в вопросе о квартирной повинности упоминается, что в г. Свяжске численность квартированных нижних чинов превышала население города. Это привело к тому, что часть запасных чинов пришлось вывести на квартиры соседних селений (Там же, Обзор деятельности... с. 10). Также особо выделен Свяжский уезд в деле оказания помощи семьям призванных землеустроенных хозяев. Денежные средства выделялись Департаментом Земледелия и уездными земствами, и только в Свяжском уезде, помощь призванным единоличным владельцам оказывал исключительно персонал, состоящий при Свяжской уездной землеустроительной комиссии (Там же, с. 54).

Особая ценность этого источника заключается в возможности воссоздания отдельных сюжетов повседневной жизни губернии, конкретного города, получении сведений о динамике численности, половинном, конфессиональном составе населения, и его занятиях, торговых, промышленных предприятиях и т.д. Сделав обзор материалов, содержащихся в памятных книгах, можно сделать вывод о том, что г. Свяжск в 1861–1916 гг. был типичным небольшим

уездным городом Казанской губернии, население которого в 1866–1867 гг. составляли дворяне, купцы, мещане, крестьяне, духовенство и военные. В Свияжском уезде население в основном исповедовало православие и ислам. В уезде проживали русские, татары, чувашаи. Жители занимались перепродажей товаров и мелким ремесленным производством. Промышленность в Свияжске представлена тремя «заводами», крупных промышленных предприятий не было.

В 1866 г. Свияжске действовала 1 больница, в ведомстве МНП находились низшее уездное училище, будничная женская школа, приходское училище. В Свияжском уезде было 2 низших училища и 20 школ в ведомстве МГИ и низшее училище в подчинении МВД (Памятная книга на 1866–67 г., 1866, с. 192). По данным на 1897 г., в Свияжске была 1 больница, в уезде – 48 начальных народных училищ, состоявших в ведении МНП, 25 церковно-приходских школ и школ грамоты, 3 миссионерских начальных школ «Братства св. Гурия». В начале XX в. образованию стало уделяться большее внимание, так, например, к началу 1915 г. в Свияжске действовали прогимназия, высшее начальное училище, 2 одноклассных начальных училища, ремесленная школа, в уезде 71 одноклассное начальное училище и 2 – двухклассных; церковных школ в уезде – 2 второклассных, 31 одноклассная (Адрес-календарь и справочная книжка, 1916, с. 801).

Таким образом, памятные книжки, адрес-календари составляют важную часть национального книжного фонда России, они стоят в ряду наиболее ценных местных изданий, помогают получить неискаженные позднейшими поправками исторические сведения, дают обширные статистические данные по местной истории, в частности, по Свияжскому уезду Казанской губернии. В Памятных книгах Казанской губернии опубликован уникальный краеведческий материал, собранный губернским статистическим комитетом, ориентированный на практическое применение. В связи с этим обстоятельством в справочнике не нашли отражение такие важные события российской истории, как, например, отмена крепостного права (1861) и другие либеральные реформы 1860–1870 гг., русско-турецкая война (1877–1878), русско-японская война (1904–1905) и т.д. Однако прослеживаются результаты пореформенных изменений, связанные с земской, городской и другими реформами, в целом с модернизационными процессами в стране.

Источники и литература

1. *Адрес-календарь* и памятная книжка на 1903 г. Казанской губернии / Издание губернского статистического комитета; под ред. Д.П. Малова. – Казань: Тип. губ. правл., 1903. 572 с.
2. *Адрес-календарь* и справочная книжка Казанской губернии на 1915 г. / Издание Казанского губернского статистического комитета. – Казань, 1914. 891 с.
3. *Адрес-календарь* и справочная книжка Казанской губернии на 1916 г. / Издание Казанского губернского статистического комитета. – Казань, 1916. 1062 с.
4. *Адрес-календарь* Казанской губернии на 1905 г. / Издание губернского статистического комитета; под ред. Д.П. Малова. – Казань, 1905. 438 с.
5. *Адрес-календарь* Казанской губернии. – Казань, 1875. 154 с.
6. *Адрес-календарь* служащих в Казанской губернии лиц. – Казань, 1872. 56 с.
7. *Адрес-календарь* служащих в Казанской губернии лиц / Издание статистического комитета. – Казань, 1871. 62 с.
8. *Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц, по всем учреждениям Казанской губернии, а также сословных и общественных учреждений, частных компаний и обществ на 1881 г. / Издал П.М. Кошкин. – Казань, 1881. 284 с.
9. *Адресная книжка* Казанской губернии на 1900 г. / Сост. М.Н. Пинегин. – Казань, 1900. 450 с.
10. *Балацкая Н.М., Раздорский А.И.* Наследие регионов – достояние нации: Программа РНБ «Памятные книжки губерний и областей Российской империи» // Библиотека. 1996. № 5. С. 13–15.
11. *Балацкая Н.М., Раздорский А.И.* Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1836–1917). Предварительный список. – СПб., 1994. 500 с.
12. *Карпинец А.Ю.* Источники справочно-статистической информации по истории социально-экономического развития Кузбасса периода конца 1850-х – начала 1890-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Вып. № 1–3 (61). 2015. С. 171–177.
13. *Левин Д.Э.* Памятные книжки губерний и областей Российской империи в системе культуры: Опыт исслед. // RS. Ежеквартальник русской филологии и культуры. – СПб., 2000. Т. III. № 2. С. 227–301.
14. *Памятная книга* Казанской губернии на 1863 год / Издание Казанского статистического комитета. – Казань, 1862. 510 с.
15. *Памятная книга* Казанской губернии на 1864–65 год. – Казань, 1864. 235 с.
16. *Памятная книга* Казанской губернии на 1866–67 год. – Казань, 1866. 283 с.

17. *Памятная книга* Казанской губернии на 1868–69 год / Издание Казанского губернского статистического комитета. – Казань, 1868. 315 с.

18. *Памятная книжка* Казанской губернии за 1889–1890 гг. / Издание губернского статистического комитета; сост. В. Люстрицкий. – Казань, 1890. 317 с.

19. *Памятная книжка* Казанской губернии за 1891–1892 гг. / Издание губернского статистического комитета; сост. В. Люстрицкий. – Казань, 1892. 348 с.

20. *Памятная книжка* Казанской губернии за 1893–1894 гг. / Издание губернского статистического комитета; сост. В. Люстрицкий. – Казань, 1894. 391 с.

21. *Памятная книжка* Казанской губернии на 1861 и 1862 год. – Казань, 1862. 283 с.

22. *Памятная книжка* Казанской губернии на 1897 г. / Сост. В. Лотин. – Казань, 1897. 499 с.

23. *Памятная книжка* Казанской губернии на 1901 г. / Издание губернского статистического комитета; под ред. Н. П. Кильдюшевского. – Казань, 1901. 495 с.

24. *Памятные книжки* губерний и областей Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/9503> (дата обращения 17.08.2016).

25. *Раздорский А. И.* Материалы по истории издания губернских и епархиальных справочников середины XIX – начала XX века в Архиве Российской национальной библиотеки // Археографический ежегодник за 2001 г. – М., 2002. С. 124–134.

26. *Раздорский А. И.* Памятные книжки С.-Петербургской губернии: (Ист.-библиогр. очерк) // Невский архив: Ист.-краевед. альм. / Балт. гуманитар. науч. фонд. – СПб., 1997. С. 492–505.

27. *Раздорский А. И.* Памятные книжки Санкт-Петербургской губернии как исторический источник // Материалы XXXIII научной конференции молодых специалистов (30–31 марта 1998 г.) / РНБ. – СПб., 1999. С. 35–41.

28. *Рябая С. А.* Издания Вятского губернского статистического комитета как источник по истории развития фабрично-заводской промышленности региона второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. № 30 (321). 2013. С. 90–93.

29. *Силкин А. Н.* Свяжск и Свяжский уезд в справочниках середины XIX века // Свяжское историческое краеведение и современность: материалы респ. науч.-практ. конф., Свяжск, 24 мая 2010. Вып. 1. 2010. С. 8–16.

30. *Соловьева Л.* Памятная книжка как источник [Электронный ресурс]. URL: <http://starina44.ru/l-soloveva-pamyatnaya-knizhka-kak-istochnik> (дата обращения 18.08.2016).

31. *Травникова И.В.* Памятные книжки – провинциальные издания XIX в. (на примере Пензенской губернии) // Вестник Пензенского государственного университета. Вып. №3 (11). 2015. С. 29–33.

Список сокращений

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
МВД – Министерство внутренних дел
МГИ – Министерство государственных имуществ
МНП – Министерство народного просвещения

д. – деревня	к. – коп.
дес. – десятина	р., руб. – рублей
ж.п. – женский пол	чел. – человек
м.п. – мужской пол	

А.П. Шадрина

Казан губернасының Истәлекле китаплар битләрендә Зөя шәһәре һәм Зөя өязе тарихы (1861–1916 еллар)

Мәкаләдә Казан губернасының истәлекле китапларында (1861–1916 еллар) Зөя шәһәре һәм Зөя өязе буюнча бастырылган материалларга һәм статистик мәгълүматларга анализ ясала.

Ачыкч сузлар: Зөя шәһәре, Зөя өязе, Казан губернасы, истәлекле китаплар, адрес-календарьлар, статистик мәгълүматлар.

A.P. Shadrina

History of Sviyazhsk and Sviyazhsk district on the pages of Memorable books of Kazan province (1861–1916)

The article gives a comprehensive analysis published in the materials of Memorable books of Kazan province (1861–1916) and statistics on history of Sviyazhsk and Sviyazhsk district.

Keywords: c. Sviyazhsk, Sviyazhsk district, Kazan province, Memorable books, address-calendars, statistics.

Шадрина Анна Петровна – соискатель отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г.Казань); e-mail: anna-moiseeva20@mail.ru

Шадрина Анна Петр кызы – Татарстан Фәннәр академиясе Ш.Мәржани ис. Тарих институтының яна гасыр тарихы бүлегә соискателе (Казан шәһәре).

Shadrina Anna Petrovna – Postgraduate Student of the Department of modern history, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Историография новейшей истории Мордовии

Статья посвящена анализу основных тенденций в развитии историографии новейшей истории Мордовии. Важнейшей из них являлся тот факт, что историография советской истории Мордовии формировалась в условиях господства марксистско-ленинской идеологии и, прежде всего, была нацелена на выполнение пропагандистских функций. В силу этого, исторические события советского периода трактовались односторонне, только с позиции демонстрации достижений. Несмотря на то, что советские исследования базировались на источниках, их данные не проверялись и не подвергались критическому анализу, а круг источников был весьма ограничен. Свои соображения автор подтверждает анализом проблематики основных трудов этого периода. Отказ от социализма в СССР изменил историографическую ситуацию. Автором отмечается, что в условиях прекращения идеологического диктата историки региона обратились к тематике, закрытой ранее для исследователей, к пересмотру сделанных прежде оценок. Освещение исторических процессов стало носить более критичный характер, а по ряду проблем историки продолжают острые дискуссии. В заключении делается вывод о том, что современные исследования значительно скорректировали результаты советской историографии. Это стало возможным благодаря вовлечению в научный оборот закрытых ранее источников и применению новых методологических подходов. Что касается оценок текущих событий, то они в значительной степени, как и раньше, используются в пропагандистских интересах.

Ключевые слова: историография истории Мордовии, советская историография, региональная историография.

Понятие «новейшая история», существующее в отечественной исторической науке, чаще всего хронологически привязывают к Октябрьской революции 1917 г., которая была воспринята советскими историками как факт вступления России в коммунистическую общественно-экономическую формацию. Для Мордовии новейший период логично было бы соотнести с созданием автономии (1928 г.), придавшим новый импульс экономическому и культурному развитию региона. В рамках статьи не ставится цель анализировать советскую и постсоветскую историографию дореволюционного периода, а также результаты археологических и этнографических

исследований. Задача данной работы – проанализировать основные тенденции развития историографии новейшей, т.е. советской и постсоветской, истории республики. Поскольку даже в этих скромных рамках список работ насчитывает многие десятки наименований, в статье указан ограниченный перечень авторов, а в списке литературы приводится только одна из работ.

Анализируя советскую историографию, необходимо четко понимать ее специфику. Развитие историографии советского периода происходило на основе марксистско-ленинского учения, как идеологической и методологической основы исторических исследований. Поскольку издание исторических трудов повсеместно осуществлялось на государственные средства, ни одна работа, отрицающая марксистскую методологию, издана быть не могла. Этим обусловлено полное методологическое и идеологическое единообразие советской историографии, особенно применительно к освещению советского периода. Развитие общества рассматривалось через формационное развитие и классовую борьбу. Идея прогресса доминировала – прогрессивное социалистическое сегодня и коммунистическое завтра противопоставлялись отсталости капиталистического и архаического вчера. «Колониальное прошлое» народов России и их «светлое социалистическое» настоящее рассматривалось через призму торжества ленинской национальной политики. Эти идеи доминировали в развитии исторической науки вплоть до распада СССР и заложены практически во все работы, характеризующие развитие Советской Мордовии. В силу этих обстоятельств исторические исследования советского периода никогда не представляют позицию конкретного исследователя, являясь отражением господствующей идеологии.

Историческая наука в советском обществе выполняла важнейшую пропагандистскую функцию. Создание мордовской автономии повлекло за собой написание обобщающих трудов по истории мордовского народа и республики в целом, задачей которых являлось не обобщить достигнутые ранее результаты, а заложить пропагандистские ориентиры. В этом смысле работы советского времени ценны не сами по себе, а как своеобразные памятники общественной мысли своего периода.

Историография новейшей истории края начиналась с работ, созданных в процессе организации автономии (Мордовский округ Средне-Волжской области, 1929). В 1937 г. Т.В. Васильев – один из

организаторов мордовской автономии – издал монографию «Мордовия» (Васильев, 1937), которая была подготовлена по результатам обобщения фактических материалов, собранных в процессе обсуждения вопросов образования автономии, и содержала подробный социально-экономический анализ территории, населенной мордвой с начала XX в. по 1930-е гг. Образование автономии, как исследовательская проблема, исследователи стали освещать значительно позже. В 1956 г. вышла монография И. Васькина (Васькин, 1956), которая трактовала создание автономии как важнейшую ступень в развитии мордовского народа. В работе И. Яшкина уже был поставлен вопрос о формировании социалистической мордовской нации, которая, согласно господствующей идеологии, рассматривалась как высшая ступень национального развития (Яшкин, 1960). Аналогичная работа была написана Т.В. Попковым (Попков, 1963), трактующим процессы развития мордовской нации, как торжество ленинской национальной политики. На этом фоне несколько выделяется историко-правовая работа М.С. Букина, в которой он на огромном фактическом материале описал процесс создания МАССР.

На начальном этапе существования автономии в исследованиях преобладала социально-экономическая тематика. Индустриальные процессы в социально-экономическом развитии Союза ССР и его регионов, которым отводилось центральное место, определили значимость исследований проблем становления и развития различных отраслей промышленности и формирования рабочего класса. Появление специальных исторических исследований о промышленном развитии Мордовии связано, прежде всего, с деятельностью М. Бора «Развитие социалистической промышленности Мордовской АССР» (1941 г.). Его труд преувеличивал скромные достижения промышленности республики в годы индустриализации. В послевоенное десятилетие появился очерк А. Ивашкина и А. Кладова «Социалистическая промышленность Мордовской АССР» в книге «Советская Мордовия» (1950 г.), в котором дано обобщающее описание развития промышленности Мордовии за два предыдущих десятилетия.

С середины 1950-х гг., несмотря на несомненное расширение круга рассматриваемых тем, в публикациях по-прежнему доминировали традиционные для советской историографии вопросы, связанные с индустриальным строительством и ростом численности рабочего класса. В публикациях И.П. Пахомова (Пахомов, 1958)

особое место было уделено участию рабочего класса Мордовии в социалистическом соревновании. В многочисленных работах А.В. Косихина исследовалась проблема создания энергетической базы промышленности Мордовии в период индустриализации, ее состояние в последующие десятилетия (Косихин, 1977). Вопросы увеличения численности пролетариата были освещены в работе Л.М. Кичева (Кичев, 1980) и монографии Н.Е. Адушкина (Адушкин, 1981). Несмотря на безусловное увеличение объектов исследования (топливная промышленность, энергетическая промышленность, энергетическая промышленность и пр.), тематика исследований сохраняла стандартный характер, ориентируясь на отражение роста количественных показателей. Такие социально-экономические проблемы, как отраслевые диспропорции в промышленности, невыполнение планов, сравнительный анализ имущественного положения населения совершенно не затрагивались исследователями. Источниковая база исследований носила весьма ограниченный характер, представляя собой преимущественно опубликованные партийные документы и материалы статистики.

Аграрное развитие республики довоенного периода представлено немногочисленными публикациями партийно-советских работников и отдельных историков (например, М.А. Палькина, П. Шапошникова, Т.В. Васильева и др.). Естественно, что они не отражают всей сложности проводившейся коллективизации и раскулачивания. Первыми научными исследованиями, в которых были привлечены статистические источники и широкий круг архивных документов по истории колхозного строительства в Мордовии, стали монографии С.С. Ивашкина (Ивашкин, 1957) и, особенно, М.В. Агеева (Агеев, 1960). Однако и в них показывались лишь позитивные результаты преобразований, не затрагивая «особенностей» социалистического переустройства сельского хозяйства республики. Впервые на особенности коллективизации Мордовии, в частности на проблемы социального расслоения крестьянства, темпы колхозного строительства, размах крестьянских выступлений, обратили внимание в своих статьях Л.Г. Филатов, М.В. Дорожкин и И.Я. Яшкин, однако эти проблемы рассматривались авторами в контексте классовой борьбы и сопротивления «эксплуататорских элементов» деревни прогрессивным преобразованиям. Вопросы развития деревни исследовались исключительно в контексте подтверждения соответствующих политико-

идеологических аксиом. Так, В.Г. Тягушев писал о местных советах как инструментах борьбы за коллективизацию (Тягушев, 1972), а А.П. Лебедев, рассматривая вопросы управления совхозами, изучал политотделы (Лебедев, 1982).

В годы Великой Отечественной войны территория Мордовии находилась вне зоны ведения боевых действий. В связи с этим изучение военного периода рассматривалось в двух основных аспектах – вклада трудящихся в борьбу с фашистами (Корсаков, Куркин, 1949), а также – деятельности общественно-политических организаций в годы войны. Так, Д.И. Глазунов, Н.И. Молин, Т.В. Попков рассматривали роль партийной организации в годы войны (Глазунов, Молин, Попков, 1962), аналогичным образом в работах историков рассматривалась роль комсомола (Глазунов, 1957) и местных Советов (Сальников, Сорокин). Жизнь человека увязывалась с общественно-политическими процессами и отдельно вовсе не рассматривалась. При такой постановке проблем говорить об объективности изучения социально-экономических процессов было невозможно. Проблемы раскулачивания, бедности, послевоенного голода, низких темпов аграрного развития оставались за пределами внимания исследователей.

Во второй половине XX в. произошли качественные изменения в социально-экономическом и политическом развитии Мордовской АССР. Были созданы новые отрасли промышленности, которая продемонстрировала грандиозные темпы роста. Произошло повышение благосостояния населения и образовательного уровня жителей республики, в том числе обусловленное созданием Мордовского государственного университета. Происходило развитие городов, транспорта, транспортных магистралей, соединяющих республику с крупнейшими промышленными центрами. Эти изменения носили прогрессивный характер. Они широко использовались государственной пропагандистской машиной для утверждения преимуществ советского образа жизни и широко популяризировались среди населения. В силу этих обстоятельств в 1960–1980-е гг. сложился широкий круг работ, посвященных социально-экономическому и политическому развитию республики в послевоенный период. Работы, посвященные текущему развитию МАССР, носили политико-пропагандистский характер, их создание, как правило, осуществлялось коллективами авторов и привязывалось к юбилеям и знаменатель-

ным датам (30 лет МАССР, 1961; 50 лет созидания. 1930–1980, 1979; Под звездой Октября, 1967; 50 лет автономии Советской Мордовии, 1980; Мордовия. Этапы большого пути. (1917–1977), 1978). Несмотря на то, что перечень работ, посвященных экономическому и социальному развитию МАССР, достаточно широк, они представляют собой весьма однообразную картину и в идейном, и в методологическом, и в фактическом отношении.

В конце 1970-х гг. были подготовлены фундаментальные коллективные монографии, посвященные истории республики и ее важнейшего политического института – республиканской организации КПСС. Новейшей истории был посвящен второй том «Очерков истории Мордовской АССР», изданный в 1961 г., охватывая период до декабря 1960 г. В 1979 г. историками Мордовского госуниверситета было подготовлено двухтомное учебное пособие для исторических и филологических факультетов вузов «История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней», второй том которого, как и в предыдущем издании, был посвящен периоду, начинавшемуся с 1917 г. Эти работы подытожили основные результаты полувековой работы историков региона, которые были весьма не однозначны. К несомненным достижениям следует отнести тот факт, что историческая наука по-прежнему базировалась на источниках, но при этом к материалам источников (в качестве которых выступали партийные документы и статистика) критического отношения не допускалось. Несмотря на расширение тематики исследований, историку предписывалось заниматься констатацией прогрессивных и позитивных проявлений. Историческими исследованиями фиксировались и превозносились только объективные достижения региона, такие как индустриальное развитие, становление всеобщей системы образования и преодоление безграмотности, ликвидация эксплуатации человека человеком, стирание национальных границ. Проблемные вопросы не ставились и не обсуждались. Отсутствие свободного обсуждения проблем привело к тому, что советское поколение историков было совершенно не способно вести дискуссию с политическими оппонентами, не владея навыками объективного анализа действительности. Последней яркой работой советского периода стала монография Ю.Ф. Кожурина и И.Я. Яшкина (Кожурин, Яшкин, 1979), характеризующая экономическую, социальную, и политическую систему республики как проявление развитого социализ-

ма, а также политико-идеологические новации, связанные с принятием Конституции СССР 1977 г. и Конституции МАССР 1978 г. Авторы опирались на обширный фактический материал и источники, не выходя за существующие идеологические рамки.

Если учебники истории, несмотря на одностороннее изложение, не были лишены содержательности, то коллективная монография, посвященная деятельности важнейшей политической организации Мордовии – республиканской организации КПСС, стала яркой демонстрацией методологического тупика, в котором оказался коллектив авторов (Очерки истории мордовской организации КПСС, 1979). Не имея возможности пользоваться источниками, стремясь соблюсти лояльность по отношению к вышестоящим партийным инстанциям, игнорируя персональный вклад первых секретарей обкома в развитие республики, коллектив фактически написал книгу, лишенную самостоятельного содержания и повторяющую основные постулаты, изложенные в уже изданных учебных пособиях.

Своеобразную черту под изучением советской истории региона подвел коллективный труд «История советского крестьянства Мордовии» (История советского крестьянства Мордовии, 1987, 1989). Изменение идеологической ситуации в обществе и вовлечение в научный оборот новых архивных источников позволили показать в первой его части, что сельское хозяйство мордовского края к концу 1920-х гг. в целом восстановило дореволюционный потенциал и единоличное хозяйство не переживало упадка (А.П. Лебедев), что в доколхозной деревне богатые хозяйства не играли существенной роли в социально-экономических отношениях (В.С. Лунин), что колхозное строительство в 1932–1934 гг. отличалось нестабильностью в силу определенных причин (Филатов, 1990). Начало «перестройки» оказало некоторое воздействие на содержание второй части этого коллективного труда и его авторы (например, Ю.И. Сальников и В.С. Ивашкин) признали, что коллективизация осуществлялась преимущественно административными методами, отметили наличие ряда кризисных явлений в развитии колхозного сектора в Мордовии в предвоенные годы. В целом каких-либо существенных сдвигов в оценке аграрных преобразований в довоенной деревне в этих трудах еще не произошло. Были фактически обойдены многие важные проблемы послевоенного крестьянства Мордовии, напри-

мер, такие как голод 1946–1947 гг., налоговый гнет, «второе раскулачивание» 1948 г. и др.

Подводя итог развитию советской историографии новейшей истории Мордовии, следует еще раз подчеркнуть, что историческая наука этого периода носила прикладной характер и была направлена не на познавательные, а на пропагандистские цели. Как текущее, так и ретроспективное развитие освещалось в едином ключе, в поставленных идеологических рамках. Заметных изменений в оценках различных этапов развития республики – строительства государственности, индустриализации, коллективизации – на протяжении советского периода так и не произошло, хотя тематический перечень исследований, безусловно, расширился.

В конце 1980-х гг. советское общество пережило острейший кризис, итогом которого стал отказ от социалистического выбора и марксистско-ленинской идеологии. С точки зрения развития историографии следствием этого стали свободный выбор историками тематики исследования, появление новых источников, расширение методологического арсенала и плюрализм оценок. Ревизии подверглись практически все периоды советской истории. В публикациях А.П. Терняева исследовалось социально-экономическое развитие региона в период нэпа (Терняев, 2004). Более объективными стали оценки индустриализации. В работах О. Каштанова были изучены вопросы развития промышленности Мордовии в период первых пятилеток (Каштанов, 1996). Автором были рассмотрены не только проблемы увеличения численности рабочего класса, но и сложности этого процесса. Были проанализированы факты использования принудительного труда, материально-бытовое положение рабочих, вопросы соблюдения трудовой дисциплины.

В постсоветской историографии сложилось целое направление исследований, нацеленное на объективное освещение истории развития крестьянства Мордовии. Л.Г. Филатов обозначил основные проблемы и особенности коллективизации региона (Филатов, 1990). В монографии В.К. Абрамова были остро поставлены вопросы, связанные с насильственным характером коллективизации, антиколхозными выступлениями, раскулачиванием, негативными экономическими и социально-демографическими последствиями коллективизации (Абрамов, 1996). О.И. Марискин исследовал влияние советской налоговой политики на крестьянское хозяйство в доколхоз-

ный период (Марискин, 2004). Процесс насильственной ломки традиционного крестьянского уклада в 1930-е гг. и анализ социально-экономических последствий коллективизации для аграрной сферы Мордовии стали предметом многочисленных публикаций Т.Д. Надькина (Надькин, 2006). С позиции новых подходов А.П. Солдаткиным рассматривается эволюция региональных органов власти в условиях становления командно-административной системы (Солдаткин, 1998). Указанные работы рассматривают осуществление коллективизации в Мордовии во всех ее противоречиях, анализируя особенности взаимоотношений крестьянства с властями и увязывая происходящие в эти годы события не с процессами модернизации, а с процессами оформления командно-административной системы.

Появление новых источников позволило существенно углубить историографию военного периода. Социально-экономическое развитие Мордовии в годы Великой Отечественной войны получило освещение в диссертации В.П. Лузгина (Лузгин, 1995). В работах С.В. Митина исследовалось состояние колхозного крестьянства в годы войны (Митин, 1997). В.Д. Шнякин исследовал состояние материально-технической базы и трудовых ресурсов сельского хозяйства в послевоенное десятилетие (Шнякин, 1998). Напряженные взаимоотношения власти и крестьянства в послевоенный период рассматривались в работах В.А. Ломшина (Ломшин, 2003).

Новые темы исследований появились и в освещении Великой Отечественной войны. На основании новых источников начали освещаться вопросы деятельности органов госбезопасности по обезвреживанию вражеской агентуры, по борьбе с дезертирами, получила освещение борьба с бандитизмом и т.д. С.Б. Бирюкова проанализировала проблемы организации эвакуации и ее значение для социально-экономического развития республики (Бирюкова, 1996). Архивные источники дали возможность изучить формирование воинских частей на территории Мордовии, что было сделано в диссертации В.М. Ковшовой (Ковшова, 1999). В диссертации Е.М. Кечайкиной была проанализирована деятельность органов милиции в годы войны (Кечайкина, 2002). По данным анализа материалов, опубликованных в Книге Памяти, Л.Г. Скворцова исследовала безвозвратные потери уроженцев Мордовии (Скворцова, 2004).

Работа «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (2005 г.) объединила основные публикации истори-

ков региона по вопросам функционирования политической системы, развития общественно-политической жизни, состояния социокультурной сферы, промышленности и сельского хозяйства, положения населения в условиях военного времени. Реализация этих работ стала возможной благодаря кардинальным изменениям историографической ситуации во второй половине 1980-х гг. и вовлечения в научный оборот новых источников.

Вторая половина 1950-х – 1980-е гг. продолжает привлекать интерес исследователей нереализованным реформаторским потенциалом. В работах Т.И. Щербаковой анализируются проблемы реформы управления промышленностью 1958–1964 гг., развитие Мордовского совнархоза и личность его председателя Е.А. Веселовского (Щербакова, 2010). Несколько диссертационных работ были посвящены социально-экономическому и общественно-политическому развитию республики в т.н. период застоя. Е.В. Русеев в своей диссертации рассматривал взаимоотношения власти и общества в 1950–1960-х гг. (Русеев, 2004). В работе Р. Агишева данная проблематика распространялась на 1970–1980-е гг. (Агишев, 2006). Диссертация Е. Моисеева была направлена на изучении тенденций и противоречий развития республики во второй половине XX в. (Моисеев, 2004). И.Г. Кильдюшкина рассматривала социально-экономическое развитие Мордовии в переходный период – между советской и постсоветской эпохами (Кильдюшкина, 2004). Несмотря на то, что авторы уже не ограничены идеологическими рамками, они не выходят за рамки описательного подхода, что отчасти объясняется объективными трудностями. Архивные документы, характеризующие советскую эпоху, все еще не полностью открыты для историков. Статистика советского общества не дает однозначной, выраженной в единообразных (относительных или абсолютных) единицах картины, которая позволяла бы реально судить о темпах и направлениях развития республики. Остаются не вовлеченными в научный оборот источники, хранящиеся в российских архивах, которые позволяли бы отслеживать влияние союзного центра на формирование экономической стратегии Мордовии и политического курса ее руководства.

В последние десятилетия появились диссертационные исследования, посвященные не исследованным аспектам общественно-политической жизни. В работах А.И. Белкина были проанализированы сложнейшие взаимоотношения государства и церкви (Белкин,

1995). Диссертационная работа В.В. Шустина направлена на изучение протестных явлений, имевших место в советском обществе, в том числе на материалах Мордовии (Шустин, 2006). Интересным аспектом исследования является освещение ситуации в Дубравлаге – системе исправительно-трудовых учреждений, находящихся на территории республики. История системы государственной безопасности получила отражение в издании, подготовленном к юбилею службы безопасности. Достоинствами этой работы являются не только исторический очерк истории органов безопасности, но и публикация многочисленных документов, характеризующих их деятельность, как в советский, так и в постсоветский период (От ВЧК до ФСБ, 2003). О.Е. Чиняков в своих публикациях рассматривал деструктивные проявления в экономической системе советского общества – структурные диспропорции, проблемы планирования, хищения, приписки и должностные преступления (Чиняков, 2008).

Получила значительное развитие оценка исторической роли Мордовского государственного университета – его образования, эволюции, формирования кадрового потенциала, влияния на состояние республики. В работах К.И. Шапкарина сделаны попытки переосмысления проблемы формирования в Мордовии гуманитарной научной интеллигенции (Шапкарин, 2004).

В 1990-е гг. исследователи активно анализировали текущие процессы – механизм и проявления кризиса, поразившего советское общество, развал советской политической системы, зарождение и развитие новых политических механизмов, социальное расслоение, оформление и роль национальных движений. В условиях отсутствия идеологического диктата анализ текущих процессов стал ареной столкновения различных точек зрения практически по всем вопросам. Безусловным пионером в исследовании текущих политических и этнополитических процессов стал В.В. Маресьев, собравший и опубликовавший широкий круг документов, характеризующих зарождение и развитие в Мордовии во второй половине 1980-х гг. общественно-политических течений разного толка (Маресьев, 1996). Национальные и этноориентированные организации привлекали пристальное внимание исследователей. В работах Т.И. Щербаковой (Учайкиной) был проведен сравнительный анализ деятельности этноориентированных организаций в трех финно-угорских республиках Российской Федерации – Карелии, Коми и Мордовии

(Учайкина, 1997). Была проанализирована деятельность международных финно-угорских организаций, национальная политика Республики Мордовия (Утешев, Щербакова, 2004). В работах В.К. Абрамова национальные движения рассматриваются с этноориентированных позиций, а сам автор отрицает прогрессивность влияния на мордовский народ русской государственности, русского языка и культуры (Абрамов, 2004).

Общественно-политическая жизнь Мордовии начала – середины 1990-х годов получила широкое освещение в научной литературе. В многочисленных статьях были освещены все стороны политической борьбы, развернувшейся в ходе введения в Мордовии президентского поста, последовавшей борьбы за власть между президентом и Верховным Советом, упразднение президентства и формирование новой политической системы. Яркий цикл статей, посвященных общественно-политической ситуации в регионе, в 1990-е гг. опубликовал П.Н. Киричек (Киричек, 1999). Наличие широкого круга работ, посвященных анализу различных сторон современной жизни РМ, поставило задачу обобщения результатов этих исследований и выработки концепции развития республики. Первым шагом в этом направлении стала публикация материалов II Меркушкинских научных чтений, получивших название «Мордовия в годы реформ» (Мордовия в годы реформ, 2001). Впервые в нем были тематически подобраны статьи, характеризующие экономическое, социальное и политическое развитие РМ в постсоветский период. В монографии Ж. Конниченко и В. Юрченкова были проанализированы обстоятельства политического и социально-экономического кризиса середины 1990-х гг. и сделана публикация документов, характеризующих ситуацию в республике (Конниченко, Юрченков, 2006).

В начале 2000-х гг. были опубликованы издания, которые, с одной стороны, обобщали полученные исследователями новые результаты, а с другой, как и в советское время, рассматривали новейшую историю как инструмент пропаганды и демонстрации достижений власти. Важнейшим из них стало юбилейное издание «Десять лет созидания», приуроченное к десятилетию принятия Конституции республики Мордовия (Десять лет созидания, 2005). Издание базировалось на концепции, которая рассматривала первую половину 1990-х гг. как период острейшего кризиса в развитии республики, преодоленного благодаря настойчивой и конструктивной политике Главы

Мордовии – Н.И. Меркушкина. Богатый фактический материал, наполняющий издание, направлен исключительно на подтверждение этого тезиса. Идеологически и методологически это издание написано в русле преемственности по отношению к юбилейным изданиям позднесоветской эпохи. Так же как и в советское время достижения историков постсоветской эпохи были конвертированы в масштабные издания, нацеленные как на школьное, так и на вузовское преподавание истории. В рамках серии книг для школ Республики Мордовия, был издан учебник для 9 класса средней школы (История и культура мордовского края в XX веке, 2008). Он охватывал исторический путь мордовского края от начала XX века до современности, вобрав в себя результаты новейших исследований, адаптированные для школы. Итогом изменения историографической ситуации стала подготовка к изданию коллективной монографии «История Мордовии» в трех томах, третий том которой был посвящен развитию мордовского края в XX – начале XXI в. (История Мордовии, 2010). В данном издании были учтены те изменения, которые произошли в развитии исторической науки за десятилетия. Несмотря на выявленные историками проблемы, советский период в истории Мордовии по-прежнему, как и в советский период, оценивается историками позитивно. Не умаляются ключевые достижения советского общества, такие как экономический рост, индустриальное развитие, развитие образования, социальная защищенность граждан. Создание мордовской государственности, как и прежде, рассматривается как фактор, который весьма способствовал ускорению развития региона. Наряду с этим в постсоветский период историками был достигнут консенсус по целому ряду проблем, которые либо игнорировались советской исторической наукой, либо освещались весьма тенденциозно. Важнейшим достижением региональной историографии является обоснованная постановка вопроса о цене советских преобразований. В значительной степени – это цена аграрных преобразований, поскольку Мордовия долгое время была почти исключительно аграрным регионом. Важной проблемой является также проблема произвола власти во всех проявлениях – в формах политических репрессий, государственно-церковных противоречий, давления на инакомыслящих, идеологического диктата и др. Несмотря на усилия историков, достаточно широким является круг вопросов, по которому консенсус не сложился, и сохраняются острейшие противоречия. Среди них вопросы о роли КПСС, о воз-

можных альтернативах экономического развития региона, о модели взаимоотношений центра и региона, о судьбах мордовского народа и оценке результатов советской национальной политики.

В отношении текущих процессов современные исследователи занимают достаточно конформистскую позицию, позитивно оценивая деятельность регионального руководства.

Работы историков постсоветского периода демонстрируют расширение методологического арсенала. Наиболее активно исследователи обращались к модернизационному подходу, активный интерес вызывают исторические личности советской эпохи, в интересах сохранения источников исследователи стали включать в монографии полные тексты документов. Распространение компьютеров сделало доступным применение методов компьютерного анализа и работу с базами данных. Следует отметить, что на современном этапе исследователь не ограничен ни в выборе темы, ни в выборе подходов, а опубликованные результаты носят безусловно авторский характер, что абсолютно исключает полное единомыслие историков в оценках.

Говоря о качестве современных исследований, следует отметить, что и исследователи постсоветского периода унаследовали от предшественников не критичное отношение к источникам, слепо доверяя документам и статистическим данным. Верификация данных делает объективно необходимым сопоставление региональной информации с общероссийской. Во многих случаях современные исследователи опираются исключительно на местный материал, без привлечения документов из российских и региональных архивов, что, безусловно, снижает качество работ. Тот факт, что за прошедшие десятилетия мордовской исторической наукой были достигнуты значительные результаты, не исключает возможностей для уточнения и расширения полученных знаний.

Таким образом, историография новейшей истории Мордовии развивалась под влиянием объективных факторов. Исторические исследования были ограничены жесткими рамками марксистско-ленинской идеологии и находились в полной зависимости от государства. Это повлияло на качество исследований, носивших преимущественно политико-пропагандистский характер. Осуществление исследований было, тем не менее, привязано к источникам, что способствовало быстрому улучшению качества исследований, когда, после отказа от социалистической идеологии, стали доступны но-

вые документы и были сняты ограничения по выбору тематики исследований. Мордовская историческая наука успешно преодолела кризисный период 1990-х гг., продемонстрировав расширение круга научных интересов исследователей и растущее разнообразие методологического инструментария. В условиях нового этапа развития исторической науки историки Мордовии не только сумели компенсировать односторонность и тенденциозность советской историографии, но и продемонстрировали свою способность к созданию востребованных обществом масштабных исследовательских и издательских проектов.

Источники и литература

1. *30 лет МАССР*. – Саранск, 1961. 208 с.
2. *50 лет автономии Советской Мордовии*. – Саранск, 1980. 267 с.
3. *50 лет созидания. 1930–1980*. – Саранск, 1979. 236 с.
4. *Абрамов В.К.* Мордовский народ (1897–1939 гг.). – Саранск, 1996. 412 с.
5. *Абрамов В.К.* Мордовское национальное движение в XX в. // *Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа*. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. С.126–137.
6. *Агеев М.В.* Победа колхозного строя в Мордовской АССР. – Саранск, 1960. 415 с.
7. *Агишев Р.Р.* Власть и общество Мордовии в 1970-х – начале 1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2006. 22 с.
8. *Адушкин Н.Е.* Рабочий класс Мордовии: страницы истории и тенденции современного развития. – Саранск, 1981. 201 с.
9. *Белкин А.И.* Государственно-церковные отношения в Мордовии в 20–60-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1995. 21 с.
10. *Бирюкова С.Б.* Проблемы эвакуации в годы Великой Отечественной войны (на материалах республик Мордовия, Чувашия, Марий Эл): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1996. 22 с.
11. *Букин М.С.* Становление Мордовского советского государства (1917–1937): дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1982. 450 л.
12. *Васильев Т.В.* Мордовия. – М., 1937. 208 с.
13. *Васькин И.А.* Национальное возрождение мордовского народа. – Саранск, 1956. 164 с.
14. *Глазунов Д.И.* Комсомол Мордовии в годы Великой Отечественной войны. – Саранск, 1957. 180 с.
15. *Глазунов Д.И.* Мордовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / Д.Глазунов, Н.Молин, Т.Попков // *Ученые записки Морд. гос. университета*. – Саранск, 1962. №24. С.52–99.

16. *Десять лет созидания*. Республика Мордовия, 1995–2005. – Саранск, 2005. 404 с.

17. *Ивашкин С.С.* Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. – Саранск, 1957. 144 с.

18. *История и культура* мордовского края в XX веке: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / Т.Д. Надькин, А.П. Солдаткин, Т.И. Щербакова. – Саранск, 2008. 249 с.

19. *История Мордовии*: в 3 т. Т.3: От Гражданской войны к гражданскому обществу. – Саранск. 2010. 512 с.

20. *История советского крестьянства Мордовии*. Ч. 1. 1917–1937 гг. – Саранск, 1987. 264 с.

21. *История советского крестьянства Мордовии*. Ч.2. – Саранск, 1989. 224 с.

22. *Каиштанов О.А.* Промышленность и рабочий класс Мордовии в период осуществления политики индустриализации страны. 1926–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1996. 20 с.

23. *Кечайкина Е.М.* Милиция Мордовии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2002. 22 с.

24. *Кильдюшкина И.Г.* Социально-экономическое развитие Мордовии (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. 22 с.

25. *Киричек П.Н.* Политическое сознание в Мордовии в начале 90-х гг. XX в. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Материалы IV Сафаргалиевских научных чтений. – Саранск, 1999. С.352–367.

26. *Кичев Л.М.* Руководство КПСС формированием и развитием рабочего класса в автономных республиках и областях в годы первых пятилеток 1928–1937 гг. (на примере Мордовской АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1980. 16 с.

27. *Ковшова В.М.* Воинские формирования на территории Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1999. 17 с.

28. *Кожурин Ю.Ф.* Мордовия на этапе зрелого социализма / Кожурин Ю., Яшкин И. – Саранск, 1984. 160 с.

29. *Конищенко Ж.Д.* На пороге реформ: Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов / Ж.Д. Конищенко, В.А. Юрченков. – Саранск, 2006. 386 с.

30. *Корсаков И.М.* К вопросу об участии трудящихся Мордовии в Великой Отечественной войне / И.М. Корсаков, А.И. Куркин // Записки НИИЯЛИЭ. Сер. История и археология. – Саранск, 1949. № 11. С. 3–40.

31. *Косихин А.В.* Энергетики Мордовии в борьбе за электрификацию республики в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) // Из истории формирования и развития рабочего класса Мордовии. – Саранск: изд-во Морд. гос. ун-та, 1977. С. 104–114.

32. *Лебедев А.П.* Деятельность политотделов по политическому и организационно-хозяйственному укреплению совхозов Мордовии (1933–1940 гг.) // Вопросы истории Мордовской АССР. – Саранск, 1982. С. 40–56.

33. *Ломшин В.А.* Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2003. 269 л.

34. *Лузгин В.П.* Народное хозяйство Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1995. 20 с.

35. *Марсеев В.В.* Становление и развитие новых общественно-политических объединений в Мордовии в 1988–1992 гг. Этнический фактор: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИЭА РАН, 1996. 22 с.

36. *Марискин О.И.* Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). – Саранск, 2004. 240 с.

37. *Митин С.В.* Крестьянство Мордовии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1997. 23 с.

38. *Моисеев Е.В.* Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития (исторический аспект): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Саранск, 2004. 42 с.

39. *Мордовия в период реформ:* материалы II Меркушкин. науч. чтений. – Саранск, 2001. 415 с.

40. *Мордовия.* Этапы большого пути. (1917–1977). – Саранск, 1978. 190 с.

41. *Мордовский округ Средне-Волжской области:* культура и хозяйство. – Саранск, 1929. 156 с.

42. *Надькин Т.Д.* Сталинская аграрная революция и крестьянство (на материалах Мордовии). – Саранск, 2006. 159 с.

43. *От ВЧК до ФСБ.* История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия. – Саранск, 2003. 374 с.

44. *Очерки истории Мордовской АССР.* Т.2. – Саранск, 1961. 543 с.

45. *Очерки истории мордовской организации КПСС.* – Саранск, 1979. 709 с.

46. *Пахомов И.П.* Социалистическое соревнование в промышленности Мордовской АССР в годы довоенных пятилеток // Записки МНИИЯЛИЭ. № 19. История, археология, этнография. – Саранск, 1958. С. 86–125.

47. *Под звездой Октября*. МАССР за 50 лет советской власти. – Саранск, 1967. 332 с.

48. *Попков Т.В.* Осуществление ленинской национальной политики в Мордовии (1917–1962). – Саранск, 1963. 135 с.

49. *Русеев Е.В.* Власть и общество: Мордовия в условиях реформ середины 1950-х – первой половины 1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. 20 с.

50. *Скворцова Л.Г.* Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. 221 л.

51. *Солдаткин А.П.* Органы исполнительной власти Мордовии в 1928–1938 гг. (структура, функции, кадровый состав): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1998. 24 с.

52. *Терняев А.П.* Социально-экономическое развитие Мордовии в период новой экономической политики: дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. 259 л.

53. *Тягушев В.С.* Советы Мордовии в борьбе за массовую коллективизацию // Вопросы истории и археологии МАССР. – Саранск, 1972. Ч. 1. С.17–39.

54. *Утешев А.А.* Национальная политика в Республике Мордовия в конце XX – начале XXI века / А.А. Утешев, Т.И. Щербакова // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Саранск, 2004. С. 137–156.

55. *Учайкина Т.И.* Национальные движения финно-угорских народов России в 1989–1995 гг. (на примере республик Карелия, Коми, Мордовия): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1997. 18 с.

56. *Филатов Л.Г.* Коллективизация в Мордовии: проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений. – Саранск, 1990. С. 185–199.

57. *Чиняков О.Е.* Деструктивные проявления в экономической системе советского общества накануне перестройки (на материалах Мордовской АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2008. 19 с.

58. *Шапкарин К.И.* Республиканская власть и советская научная интеллигенция: модели взаимоотношений // Материалы VIII–IX Сафаргалиев. науч. чтений. – Саранск, 2004. С. 27–44.

59. *Шнякин В.Д.* Развитие материально-технической базы и трудовые ресурсы сельского хозяйства Мордовии в середине 40-х – конце 50-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1998. 195 л.

60. *Шустин В.В.* КГБ СССР в борьбе с протестными проявлениями внутри советского общества в конце 1950–1980-е гг. (по материалам Мордовии): дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2006. 166 л.

61. *Щербакова Т.И.* Реформа управления промышленностью 1957–64 гг. и ее влияние на развитие промышленного потенциала Мордовского экономического административного района // Интеграция науки и образования. – Саранск, 2010. С. 184–192.

62. *Яшкин И.А.* Формирование мордовской социалистической нации. – Саранск. 1960, 128 с.

Т.И. Щербакова

Мордовиянең иң яна тарихы историографиясе

Мәкалә Мордовиянең иң яна тарихы историографиясе үсешендәге төп юнәлешләре анализлауга багышлана. Шуларның иң әһәмиятле факты, Мордовия совет тарихы историографиясе марксизм-ленинизм идеологиясе хакимлек иткән шартларда формалаша, беренче чиратта, пропагандалау вазифасы үтәүгә юнәлдерелгән була. Шул сәбәпле, совет чорының тарихи вакыйгалары бары тик казанышларны күрсәтү аңлашылган берьяклы аңлатыла. Совет тикшеренүләре, чыганаclarга нигезләнүгә карамастан, мәгълүматлары тикшерелмәгән һәм тәнкыйть астына алынмаган, ә чыганаclar гаять чикле булган. Автор үзенең фикерен бу чордагы төп хезмәтләрнең проблемаларын анализлау белән раслый. СССРда социализмнан баш тарту историографик хәлне үзгәртә. Автор идеологик диктат бетү шартларында төбәк тарихчылары моңа кадәр тикшеренүчеләр өчен ябык булган мәсьәләләргә мөрәжәгать итүләрен, элеккеге баялүләрен яңадан карап чыгуларын билгеләп үтә. Тарихи процессларны яктырту тәнкыйтьлерәк сыйфат ала, ә күп кенә мәсьәләләр буенча тарихчылар арасында кискен бәхәсләр дәвам итә. Йомгак ясап, шуны әйтәп була, хәзерге заман тикшеренүләре совет историографиясе нәтижеләренә байтак төзәтмәләр кертә. Бу фәнни әйләнешкә моңа кадәр ябык булган чыганаclarны жәлеп итү һәм яна методологик алымнар куллану ярдәмендә мөмкин була. Бүгенге вакыйгаларның баяләмәсенә килгәндә, алар шактый дәрәжәдә элеккечә пропагандалау максатыннан кулланыла.

Ачыкч сүзләр: Мордовия тарихы историографиясе, совет историографиясе, жирле (төбәк) историографиясе.

T.I. Shcherbakova

Historiography of contemporary history of Mordovia

The article is devoted to the analysis of the main tendencies in development of historiography of the contemporary history of Mordovian Republic. The most important of them was domination of Marxist-Leninist ideology. That is why contemporary history has been aimed at the performance of the propaganda functions. The historical events of the soviet times were considered only from

the viewpoint of the performance of achievements, regardless of the problems and contradictions, which didn't represent the subjects of the debates. Despite that soviet researches were based on the sources, their information hadn't been verified or revised. In addition the number of sources was quite limited. The author confirms his statements by the analysis of main work of the period. The refusal of socialism in the USSR has changed the situation in the historiography. It is postulated that in conditions of the termination of the ideological hegemony historians of the region has addressed to the problems which were earlier closed for researchers and to revising of the previous estimations. As a result the most topical issues such as the collectivization and the industrialization were reinterpreted. The historical researches got rather critical character, and a number of problems have been debated. In conclusion the contemporary researches have corrected the results of the soviet historiography. It became possible by the involvement of the new sources and by the application of the new methodology. As regards of the estimates of the current events they are generally used in the propaganda interests as before.

Keywords: historiography of contemporary history, history of Mordovia, Soviet historiography, regional historiography.

Щербакова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (г.Саранск); e-mail: tatyana_shcherbakova@bk.ru

Щербакова Татьяна Иван кызы – тарих фәннәре кандидаты, Н.П. Огарев ис. Мордовия дәүләт университетының Россия тарихы кафедрасы доценты (Саранск шәһәре).

Shcherbakova Tatyana Ivanovna – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Chair of History of Russia, Ogarev Mordovia State University (Saransk).

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 908

Р.Г. Галлям, Б.Р. Хисматуллин

Легенда о «Зюри хане»

Статья посвящена публикации исторической легенды о «Зюри хане» эпохи Казанского ханства (XV – середина XVI вв.). Ранее не публиковавшийся текст предания, записанного со слов жителей села Старые Зюри Тюлячинского муниципального района Республики Татарстан, обнаружен во время работы комплексной эпиграфической экспедиции ученых Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника летом 2014 г. в Тюлячинском муниципальном районе Республики Татарстан, в фондах Тюлячинского краеведческого музея.

Ключевые слова: Казанское ханство, Зюрейская даруга, «Зюри хан», Тюлячинский муниципальный район Республики Татарстан, село Старые Зюри.

Круг письменных источников по истории Казанского ханства узок. В этой связи любое новое известие о прошлом этого поздне-средневекового государства имеет определенное значение. Тем более, что определенный источниковедческий резерв для дальнейшего изучения проблем его прошлого наличествует¹.

В числе других, некоторый источниковедческий резерв таят в себе и исторические легенды, предания татарского народа – эти своеобразные образцы устного народного творчества. Далеко не все они опубликованы. С другой стороны, и те, что опубликованы в различные периоды, в исторических исследованиях задействованы фрагментарно, востребованы лишь узким кругом специалистов – историков и филологов. С исторической точки зрения, содержащиеся в них известия, факты, даты и т.д., в целом, еще не достаточно изучены и проанализированы².

¹ Источниковедческой перспективе изучения истории Казанского ханства будет посвящена одна из последующих наших статей.

² Так же в этой связи возможно, что одна из причин кроется в непреодолимых препятствиях языкового и археографического характера для части исследователей.

В числе разнообразных татарских легенд и преданий особую ценность представляют топонимические, родословные легенды, предания и легенды, посвященные основанию Казани (Старой и Новой Казани), другим историческим событиям, личностям и т.д. Вместе с тем, в числе других видов нарративных источников, исторические сведения (события, факты, даты и т.д.), содержащиеся в легендах и преданиях, в каждом, отдельно взятом случае требуют тщательного историко-сопоставительного анализа, документальной сверки их данных со сведениями других видов и типов источников (в особенности, письменных источников)³. С другой стороны, как своеобразные фольклорные источники, их полностью игнорировать нельзя. Так как в основе исторических легенд, преданий лежит народная память, память многих поколений людей. К тому же, как минимум, большинство из них имеет реальную историческую подоплеку.

В этой связи впервые публикуемая легенда о «Зюри хане» нами обнаружена во время работы комплексной эпиграфической экспедиции ученых Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника летом 2014 г. в Тюлячинском муниципальном районе Республики Татарстан, в фондах местного Тюлячинского краеведческого музея (директор Альфия Билялова). Она ранее была записана у жителей села Старые Зюри Тюлячинского муниципального района Республики Татарстан.

Как нам стало известно, легенда бытует в округе села Старые Зюри с давних времен. Прежде всего, она интересна тем, что в ней упоминаются некий правитель местной округи эпохи ханства по

³ Как известно, одно из неписаных правил, краеугольных камней методологии исторической науки заключается в том, что нельзя делать далеко идущие выводы, базируясь на сведениях лишь какого-то ни было одного вида источников, а в особенности – нарративных. К сожалению, иногда именно этим «грешат» современные исследователи, в особенности, филологи и языковеды, публикующиеся по проблемам этногенеза татарского народа, генезиса татарской знати эпохи средневековья и т.д., зачастую базируясь в своих исследованиях лишь на сведениях нарративно-легендарного, фольклорного характера. С научной точки зрения, в них основные выводы, в лучшем случае, могут быть восприняты лишь как основа научной гипотезы (при том, требующей обязательной дальнейшей проработки и уточнения с помощью других типов и видов источников – с тем, чтобы подтвердить гипотезу, либо наоборот, ее опровергнуть). В противном случае, они способны ввести научную общественность (общественность в целом) в долготелее заблуждение (что время от времени происходит).

имени «Зюри хан» («Жәри хан»), а также его рано ушедшая из жизни дочь Зухра. Насколько нам известно, ранее данные личности не были известны исследователям истории Казанского ханства, как и сама легенда.

В некоей исторической основе публикуемой легенды о «Зюри хане» особо сомневаться не приходится. Так, например, в Казанском ханстве существовала одноименная податно-административная даруга (область) – так называемая, «Зюрейская даруга» («Жәри даругасы»), включавшая в свой состав земли государства к востоку от Казани – столицы ханства (Галлям, 2002, с. 280–316) (см. рис. на форзаце 1). Более того, некоторыми исследователями высказывается мысль о том, что село Зюри (Старые Зюри) в те времена могло быть даже ее центром (административным, либо политико-административным) (Мухамедьяров, 2012, с. 227–228; Исхаков, 1998, с. 14–16, 58–60).

Судя по некоторым историческим источникам (в частности, писцово́й книги Казанского уезда 1565–1568 гг.), у упомянутой даруги-области было и другое (вероятно, более древнее) название – «Чювашская даруга», которая, в свою очередь, подразделялась на Верхнюю, Среднюю и Нижнюю «Чювашские» даруги (области). К тому же, у «Чювашской Середней» даруги, куда входило и поселение Зюри (ныне село Старые Зюри) было и другое, параллельное название – «Иски-Юртовская даруга» (очевидно, что по наименованию селения, состоявшего в этой административной даруге-области ханства)⁴.

В действительности, исторические материалы подтверждают древность современного селения Старые Зюри в Тюлячинском муниципальном районе Республики Татарстан. Так, например, на северной окраине села, на левом берегу реки Меша, на месте старого кладбища поныне находится надмогильный памятник (120 x 46 x 17 см) «с рельефной надписью плохой сохранности. На бордюре и в верхней части (под стрельчатой аркой) рельефный растительный орнамент. Надпись есть и на боковых сторонах. Датируется первой половиной XVI в.» (Казаков, Старостин, Халиков, 1987, с. 197). К тому же древность селения в полной мере подтвердили и археологические изыскания, ведшиеся в окрестностях села в начале 2000-х гг. под руководством ученого-археолога А.А. Бурханова.

⁴ Как одно из наследий эпох Вожской Болгарии и Золотой Орды, понятие «чюваш» в Казанском ханстве являлось понятием этносоциального содержания, обозначающим ясачных земледельцев, в своей массе, волжско-болгарского происхождения (см.: Галлям, 2002, с. 305–308).

Могила эпохи
Казанского ханства
в селе Старые Зюри
Тюлячинского
муниципального
района РТ (первая
половина XVI в.).
Фото Р.Г. Галляма.
2014 г.

Кроме того, стоит также заметить, что «Зюри» («Жөри») – достаточно распространенный топоним, в особенности, в пределах Тюлячинского и Мамадышского муниципальных районов современной Республики Татарстан. Так, к примеру, кроме села Старые Зюри, в Тюлячинском муниципальном районе имеются деревни Новые Зюри (Яна Жөри) и Алан-Зире (Алан Жөри), а в Мамадышском муниципальном районе – село Зюри (Жөри), а также микротопоним под названием «Жөри чокыры» (т.е., яма, овраг под названием «Зюри»). Так или иначе, все эти топонимы отражают историческую память населения округа (Населенные пункты, 1997, с. 179, 264, 267).

Приведенные данные отнюдь не отрицают вероятность наличия в округе в период ханства реальной исторической личности по имени «Зюри» («Жөри») – «Зюри хан» («Жөри хан»). Скорее, наоборот, способствуют живучести такого рода гипотез и предположений. Если так, то он, к примеру, мог быть одним из так называемых «друга-беков» ханства – сборщиком налогов по упомянутой Зюрейской даруге (области) ханства. По имеющейся традиции, впоследствии селение, где находилась его резиденция, также могла наименоваться его именем⁵.

⁵ На практике случаев, когда селения Казанского ханства назывались именами казанской знати, имевшей в этих самых селениях свои «дворы» (рези-

Также не стоит удивляться тому, что легенда именуется эту личность «ханом». В этом заключается одна из характерных особенностей татарских легенд и преданий, когда в них местные правители (бей-князья) из числа высшей знати ханства зачастую предстают «ханами» (см., напр.: Зайтов, 1884, с. 277–280). Вероятно, что в подобных случаях термин «хан» следует понимать обобщенно, в значении «правитель», «властитель» в целом (в данном случае, как правитель, властитель округа, области, местности).

В целом же, заключая предисловие и комментарии к публикации легенды, отметим, что она, как своеобразный фольклорный источник, отражение многовековой памяти населения исторической области, достойна внимания и всестороннего исследования специалистов.

«Жөри хан» турында риваять

Бик борынгы заманнарда хэзерге Иске Жөри авылы яныннан ага торган Мишә елгасы бик киң һәм бик тирән булган. Жөри хан үзенең гаскәрләре белән яудан кайтканда, тау итәгендә ял итәргә туктаган. Бу урындагы табигать гүзәллегенә хәйран калып, шушында шәһәр төзөргә уйлаган. Ләкин аксакаллар белән киңәшкәннән соң, Мишә елгасының киңлегенә су юлы өчен житеп бетми дигән фикергә килгәннәр. Үзләре хыялланган шәһәрне, ераграк китеп, хэзерге Казан урынына салганнар.

Ханның каланы Жөри урынында төземәвенен тагын бер сәбәбе булган. Кала төзелә башлагач, ханның кызы Зөһрә хасталанып китә һәм вафат була. Ханның йөрәгә кызының фажиғасе белән бәйләү урында яшәү белән килешә алмаган. Һәм хан бу урыннан киткән.

Иске Жөридәге борынгы каберлекнең халык телендәгә исеме – «Хан кызы каберлеге».

Шулай итеп, Иске Жөри авылының атамасы Жөри хан исемненән килеп чыккан.

Легенда о «Зюри хане»

(перевод с татароязычного оригинала текста)

В стародавние времена река Меша, на берегу которой расположено село Старые Зюри, была очень широкой и глубоко-

денции), достаточно много (к примеру, Аметево, Кулмаметево, Девликеево, Кадышево, Бурнашево, Дербышки, Тереулово, Кулаево и т.д.).

водной. Зюри хан, возвращаясь со своим войском из похода, остановился здесь отдохнуть. Он был так впечатлен красотой здешних мест, что решил здесь построить город. Однако, посоветовавшись с аксакалами, пришли к мнению, что ширина реки Меши не благоприятствует судоходству. Отойдя подальше, задуманный город основали на месте современной Казани.

Была еще одна причина, по которой хан не стал возводить город на месте села Зюри. Когда только приступили к постройке города, заболела и умерла его дочь Зухра. Хан не мог жить на месте, где все здешнее ему напоминало об этой трагедии. И он покинул эти места.

Народное название древней могилы в селе Старые Зюри – «Могила ханской дочери».

Таким образом, название села Старые Зюри произошло от имени хана Зюри.

Источники и литература

1. *Галлямов Р.Ф.* (Галлям Р.Г.). Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». 5 февраля 2002 г. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. С. 280–316.
2. *Зайтов М.Б.* О Чаллыном городище в Лаишевском уезде близ дер. Чаллы, Шумбутской волости // ИОАИЭ, 1884. Т. III. С. 277–280.
3. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю татар XV–XVII вв.). – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. 276 с.
4. *Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 240 с.
5. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Сост. и отв. ред. Р.Г. Галлям. – Казань, 2012. С. 227–228.
6. *Населенные пункты* Республики Татарстан. Краткий справочник / Гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань, 1997. 390 с.

Р.Г. Галлям, Б.Р. Хисмәтуллин

«Жәри хан» турында риваять

Мәкалә Казан ханлыгы чорын (XV–XVI гасыр уртасы) чагылдыручы «Жәри хан» турында тарихи риваятькә багышлана. Аның элегрәк Татарстан Республикасының Теләче муниципаль районына караучы Иске Жәри

авылында язып алынып, Теләче туган якны өйрәнү музеенда сакланучы, моңарчы нәшер ителмәгән текстын мәкалә авторлары ТФАнең Ш.Мәржани ис. Тарих институты һәм Болгар дәүләт тарих һәм архитектура музей-тыюлыгы гыйльми хезмәткәрләренең 2014 нче елның жәендә Теләче районы жирлегендә алып барган комплекслы тарихи-эпиграфик тикшеренүләре вакытында табып алган.

Ачкыч сүзләр: Казан ханлыгы, Жәри даругасы, «Жәри хан», Татарстан Республикасының Теләче муниципаль районы, Иске Жәри авылы.

R.G. Gallyam, B.R. Khismatullin

The legend of ‘Zyuri Khan’

The article is devoted to the publication of the historical legend about ‘Zyuri khan’ of the period of the Kazan khanate (XV– middle of the XVI centuries). Earlier been not published the text of the legend which was written down from residents of the village Old Zyuri of the Tyulyachinsky municipal district of the Republic of Tatarstan, was found in funds of Tyulyachinsky museum during work of a complex epigraphic expedition of scientists of Sh. Marjani Institute of history and the Bulgarian state historical and architectural memorial estate in the summer of 2014 in the Tyulyachinsky municipal district of the Republic of Tatarstan.

Keywords: Khanate of Kazan, Zyureyskaya daruga, ‘Khan Zyuri’, Tyulyachinsky municipal district of the Republic of Tatarstan, a village Old Zyuri.

Галлям Рашид Габдельфатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: r.gallam@mail.ru

Галләм Рәшит Габделфәрт улы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенң өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Gallyam Rashid Gabdel'fartovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

Хисматуллин Булат Ринатович – ассистент Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань); e-mail: Bulatbayer@mail.ru

Хисмәтуллин Булат Ринат улы – Казан (Идел буе) федераль университетының ассистенты (Казан шәһәре).

Khismatullin Bulat Rinatovich – Assistant, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan).

Служилые татары через призму земельной тяжбы с монастырем

В данной статье предпринята попытка анализа информационного потенциала двух публично-правовых актов XVII века, отражающих социальный конфликт между служилыми татарами и Елабужским Троицким монастырем, осуществлявшим активную колонизацию территории Нижнего Прикамья. Тексты приложенных источников дают возможность проследить не только ущемление монастырем владельческих прав служилых людей, но и изменение отношения властных структур к этой затяжной земельной тяжбе.

Ключевые слова: Казанский край в XVII в., малоизвестные акты, служилые татары, монастырская колонизация, социальный конфликт.

Предлагаемые вниманию читателей документы принадлежат к числу публично-правовых актов – это подлинники ввозной и послушной грамоты, остающиеся вне активного исследовательского круга. Обе грамоты отложились в фонде Грамот Коллегии экономии (ф. 281) Российского государственного архива древних актов (г.Москва) и были учтены в известном хронологическом указателе, составленном И.П. Ермолаевым (1980, с.95 (№ 609), 215 (№ 1451)). Они интересны специалистам даже не провозглашением факта ввода во владение рыболовными и земельными угодьями в Закамье таких коллективных феодалов, как Елабужский Троицкий монастырь и Дом митрополита, а привлекают внимание своим ретроспективным потенциалом. Отражением той борьбы, которая развернулась за средства производства – за рыболовные угодья – между служилыми татарами и Елабужским монастырем. В сущности обе рукописи взаимосвязаны, взаимодополняют друг друга и раскрывают особенности, с одной стороны, традиционной системы хозяйствования, сложившейся еще в эпоху Казанского ханства, с другой стороны, монастырской колонизации присоединенных земель, проникновения и формирования церковно-монастырского землевладения в Среднем Поволжье в целом, и в Нижнем Прикамье в частности. Тем самым, они позволяют выделить один из факторов, оказавших существенное влияние на развитие служилого нерусского землевла-

дения в регионе, а именно – не противодействие светской власти наступлению высшей иерархической верхушки Церкви на феодальные права служилых татар.

Хорошо известен факт сохранения феодальных прав за теми представителями привилегированных слоев бывшего Казанского ханства, которые проявляли свою лояльность к новой власти (см.: ИТУАК, 1889, вып. 24, с. 32; ДММ, т. 1, ч. 1. с. 148 (№ 21); ААЭ, т. 1, с. 267–268 (№ 245); ДАВК, с. 27–28 (№ 23); ПК 1602–1603 годов, л. 97). В 50–70-е гг. XVI в., а в отдельных случаях и в более позднее время, царская администрация соблюдала некую преемственность в юридическом оформлении владений за служилыми татарами, продолжавшими владеть своей наследственной собственностью по «старине», «без дач». Признавала юридическое действие документов, фиксирующих сделки с землями, совершенные в ханский период. Отмечала в грамотах на поместные владения о неизбежности прав собственности словосочетанием «как было при Магмедеме (Магмеделиме) царе» (см.: ПК 1602–1603 годов, с. 172–173 (л. 195 об.–196 об.))¹.

Наряду с этим новая власть занималась землеустройством, вводила «нормы» поместных жеребьев и ясачных наделов, производила выдачу документов на имевшиеся владения от имени царя, осуществляла раздачу различных угодий и промысловых статей в поместье представителям ясачного населения. О чем в определенной степени говорят упоминания в Писцовой книге Болтина о «казанской даче» и «казанских грамотах» (см. упоминания: ПК 1602–1603 годов, л. 30 об., 36 об., 47, 49 об.–50, 71, 72, 81, 82, 90, 91, 92, 92 об., 93 об., 94 об., 95, 96 об., 97, 121 об., 122, 141, 144, 149, 170, 174 об., 175, 178–178 об., 181, 181 об.–182, 183 об.–184, 190 об.–191, 199, 200 и др.). Публикуемая ввозная грамота свидетельствует, что новая власть признавала факты купли-продажи земли, совершенные не только при хане Мухаммед-Амине, но и при последующих правителях. Так, юридическую силу сохраняла купчая, составленная при Сафа-Гирей хане в 935 г. по лунной хиджре, т.е. не ранее 16 сентября 1528 г. по юлианскому календарю. Однако любой документ, удостоверяющий право собственности, мог быть проигнорирован или

¹ Здесь подразумевается казанский хан Мухаммад-Амин, сын Ибрагима и Нур-Султан, находившийся на престоле в 1487–1495 и 1502–1518 гг. (см.: Татарская энциклопедия, т. 4, 2008, с. 312).

истолкован в желаемом русле, в соответствии с потребностями и поставленной целью, если в земельном конфликте ущемлялись интересы представителей высших структур ветвей (светской и духовной) власти. Подтверждением этому служит и разрешение земельной тяжбы, разгоревшейся в 1673/74–1692 гг. между служилыми татарами деревни Менгер Алатской дороги Казанского уезда и Елабужским Троицким монастырем.

Семена будущего земельного конфликта были посеяны выдачей в марте 1638 г. послушной грамоты келарю Новой пустыни «в Каменном городище на Елабуге» старцу Моисею с «братъею» на «пустовую землю и на сенные покосы и на рыбные ловли за Камою рекою». Монастырь на Каменном городище был построен в 1615/16 г., в нем устроены две церкви – Троицкая и Святодуховская (Духосошественская). Слабая обеспеченность землей заставила монастырское руководство обратиться не позднее 1632/33 г. с челобитной о передаче обители земли, которая «лежит в пуге, не владеет ею никто». Плакида Веревкин, которому было поручено выяснить статус и величину «пустовых» (т.е. лежащих «в пуге», не приносящих дохода) земель с привлечением местных жителей (т.е. произвести «сыск») в 1632/33 г. составил сыскные книги, в которых со слов 27 опрошенных «сторонних людей» записал «про пустошь за Камою речкою за Простинским истоком по речке по Ирите, что та земля истари не пахотная и не поместная, и не владеет ею никто». Из показаний окольных жителей выходило, что эта земля не находилась в сельскохозяйственном обороте, т.е. не использовалась под пашню, не передавалась помещикам и никто в настоящий момент ее не эксплуатировал. Отсюда следует, что в данном случае под «пустошью» следует понимать заброшенные прежним населением угодья, а не опустошенный населенный пункт и уж тем более не квалифицировать их как незаселенные земли. По сведениям П.Веревкина, площадь пустоши составила примерно 4 тысячи четвертей, т.е. 2 тысячи десятин (2180 га), к ним примыкали луга в междуречье Камы и Бетьки, протяженностью 20 верст (21,34 км), и пространство в 8 верст (8,54 км) занимал лес, доходивший до р. Зай. В лугах находился исток реки Прости и три озера. Сыщик также отметил, что эти рыболовные угодья «на оброке ни за кем не бывали».

Закономерно возникает ряд взаимосвязанных вопросов о компетентности и информированности привлеченных к опросу «сторонних

людей». Ведь степень их осведомленности зависела от давности проживания опрошенного в данной местности, от близости места его жительства к объекту отдела, от возраста респондента и т.д. Как бы то ни было, основанному на высоком правом берегу р. Камы монастырю на противоположном левобережье той же реки Камы были отделены Иваном Нармацким 200 четвертей земли от Камы реки вверх по правой стороне р. Бетьки, а также сенные покосы и рыбные ловли, те самые Простинский исток с тремя озерами. Размеры лугов уточнены не были, но вряд ли все учтенное пространство перешло к монастырю. Жалованные земли были отмежеваны от поместных и ясячных земель. Соответствующий документ, удостоверяющий права собственности монастыря на перечисленные угодья, с трафаретным призывом к крестьянам повиноваться келарю «с братьею» и нести возложенные на них подати, был скреплен печатью «царства Казанского» и выдан воеводой Иваном Васильевичем Морозовым за скрепой дьяка Никифора Талызина. Этот документ в будущем станет одним из аргументов, доказывающих правомерность претензий монастыря на природные водоемы (рыбные ловли), ставшие предметом земельного спора со служилыми татарами.

Завязалась тяжба в 1573/74 г. после подачи служилым татаринном деревни Менгер Алатской дороги² Кулайком (Кулахмедом) Янбахтиным челобитной с жалобой на разбойное нападение на него и семерых его «товарищей», на избиение, изымательство и грабеж их имущества, совершенные монастырскими крестьянами. Служилые просили допросить игумена с целью выяснения правомерности притязаний монастыря на принадлежащую им вотчину – бортные ухозя и рыбные ловли. А игумен Авраамий на допросе отвечивал, что монастырь владеет рыбными ловлями по жалованным грамотам и отрицал факт разбойного нападения на татар.

Обе стороны предъявили имеющиеся у них на руках документы. Служилый татарин представил три документа, выданные своему отцу Янбахте Янгозину. Первый из них был выдан в ответ на челобитную Янбахты в 1597/98 г. и предписывал, надо полагать, местной администрации, подтвердить право служилого татарина на его старинную вотчину после производства сыска. Второй представлял собой взвозную грамоту 1605/1606 г. казанского воеводы С.А. Волоского

² Ныне это деревня находится в составе Атнинского муниципального района Республики Татарстан.

«с товарищи». Она «вводила» Янбахты во владение наследственными землями – бортным ухожьем «до Зия и до Сусары» и имевшимися в тех ухожьях небольшими озерами. При этом в ней оговаривалось, что Янбахта не будет заниматься ловлей «бобров, и ярцов и инова никакова зверя, oprичь мелкой рыбы». Третий был учетно-служебным документом – разборной десятной, составленной в 1621/22 г. В нем на основании показаний окладчиков и скаски Янбахты Янгозина сына Исламова была сделана запись о его владениях – бортных ухожьях за рекой Камой – по реке Зай, и рыбных ловлях.

Кроме вышерассмотренной грамоты от 11 марта 1638 г., игумен Авраамий принес список с грамоты, по всей видимости, выданной не позднее марта 1647 г.³ В обоих актах упоминались переписные книги вотчинной земле и крестьянам монастыря, составленные Дмитрием Болховским. Согласно этой переписи, в вотчину монастыря входили луга по левобережью Камы от Чертыка до лугов в окрестностях озера Соболеково, площадью 9 тысяч копен, и 1680 копен сенных покосов в окрестностях озера Мальковское. В общей сложности монастырю было передано 23 озера.

В январе 1674 г. дьяк Казанской приказной палаты Яков Портомоин⁴ своей пометой на «деле» распорядился организовать сыск, который весной 1678 г. провел Андрей Епанчин. Сыщик выполнил поручение с большим старанием: в общей сложности опросил 110 человек, в числе которых были и православные, и новокрещены, и му-

³ Датировано по имени воеводы боярина князя Михаила Петровича Пронского, находившегося в Казани в качестве «большого» воеводы с июня 1643 г. по середину марта 1647 г. (см.: РГАДА, ф.281, ГКЭ по Казани, д.21/6429, л.61–71, 135–137 об.; д.65/6473, л.1; д.66/6474, л.1, 13; д.67/6475, л.1–8; д.68/6476, л.1–5; д.69/6477, л.1–10; д.70/6478, л.1–5; Дворцовые разряды, т.2, 1851, с.707; т.3, 1852, с.3–4, 10–11, 44, 46, 68–69; Акты исторические, т.3, 1842, № 300; Русская историческая библиотека, т.10, 1886, с.311–314; Акты исторические и юридические, т.1, 1859, с.25–26 (№ 13)).

⁴ Этот дьяк был хорошо осведомлен о территории, подведомственной приказу Казанского дворца, так как примерно с 1639/40 г. на протяжении 20 лет являлся подьячим этого учреждения. После службы в Симбирске, Запорожье, Смоленске и участия в Виленском походе, вновь был направлен в Запорожье, сидел у Ивана Выговского в тюрьме, служил в полку князя А.Н. Трубецкого и был пожалован в дьяки. Получил оклад в 650 четвертей и 70 рублей. В 1662 г. служил в Свияжске, с августа 1663 по февраль 1666 г. – в Астрахани, с июня 1668 г. по 1 апреля 1673 г. являлся дьяком Пушкарского приказа, с 4 июля 1673 г. был назначен в Казань (см.: Веселовский, 1975, с. 426).

сультане. Лишь 10 человек (1 православный и 9 новокрещен) не были в курсе того, кому принадлежат озера в лугах от Зая до Сусары реки. Все остальные отметили, что «исстари» рыбными ловлями владел служилый татарин Янбахта Янгозин (Янгозеев) из деревни Менгер, а в настоящее время – уже старцы Елабужского монастыря. Из 100 человек 20 знали, что право собственности Янбахты на озера было подтверждено грамотами, но ни один не смог сказать «по каким крепостям и дачам» владеют старцы. Проведя осмотр пространственного размещения озер, сыщик А.Епанчин пришел к выводу, что озера находятся в бортовых ухозях Янбахты и что «в тех же межах и урочищах» расположены и монастырские селения – село Бетьки и деревня Прости с пашенными землями и санными покосами.

Воеводская администрация решила удостовериться в адекватности заключения А.Епанчина, и в 1675/76 г. направила казанца Алексея Пелепелицына и подьячего Степана Власьева для проведения повторного сыска (дозора) и составления чертежа. К сыску были привлечены другие 65 жителей окрестных мест и все они также подтвердили факт эксплуатации озер монастырем, лишь один человек знал, что «исстари» озерами владел Я.Янгозеев «с товарищи», 13 человек слышали об этом от других. Показания опрошенных о времени, на протяжении которого озера считались монастырской вотчиной, существенно отличались: назывались 20, 30, 40 и более лет. Согласно досмотру А.Пелепелицына, получалось, что на левобережье Камы, в лугах от реки Сусары и до речек Омшан и Курча озера имеются, в том числе Простинский исток, но бортовые ухозя там отсутствуют. Эти ухозя располагались ниже по течению Камы, в лугах между реками Амшан и Курча, и в свою очередь входили в состав монастырской вотчины. Бортовые же ухозя и рыбные озера, принадлежащие служилому татарину, были расположены еще ниже по течению Камы при реке Зай.

Это заключение, возможно, было сделано не без определенного влияния монастырских властей, ибо в очередной челобитной игумена, поданной в 1675/76 г. мысль о том, что тяжба идет об объектах, территориально не совпадающих, получила дальнейшее развитие⁵. К составлению обращения игумен подошел очень основательно, вни-

⁵ Игумен Елабужского Троицкого упомянул о челобитье Кулая Янбахтина в 183 г., т.е. в 1673/74 г. Если здесь не была допущена описка, то служилые обращались с челобитной два года подряд.

мательно изучил аргументы служилых татар, обозначение трассировки границ вотчины, определения межевых признаков в представленных ими документах, проштудировал материалы сысков, изучил правовую регламентацию решения земельных тяжб и т.д.

Доказывая свою правоту, игумен предпринял попытку иной интерпретации признаков, посредством которых были зарегистрированы оспоренные объекты и указано их местоположение. Тем самым он стремился обосновать беспочвенность притязаний служилых на озера, перешедшие в собственность монастыря, и убедить приказных в том, что рыбные ловли служилых татар территориально находятся в другой пространственной точке. Настоятель отметил, что по грамотам, предъявленным служилыми, им было дано право ловли рыбы в небольших «диких» озерах, даже не имевших названия. Из чего следовало, что монастырь владеет озерами вполне узнаваемыми, с обозначенными названиями. Обратил он внимание приказных и на то, что при разборе 1621/22 г. выборные записали за Янбахтой бортный ухажей и рыбные ловли по реке Зай, что и сам Янбахта подтвердил это перед разборщиком. Затем священник подчеркнул, что река-то Зай «удалена от Камы вниз». Отсюда получалось, что спор идет о разных, пространственно удаленных друг от друга владениях.

Не упустил игумен из виду и тот прецедент, что служилые татары не воспользовались правом выражения несогласия с результатами регистрации их земель за монастырем до, в ходе и после валового писцового описания, произведенного писцом С.Волынским «с товарищи» (как это традиционно сложилось), что от них не поступало челобитий. Наконец, настоятель напомнил о правовых нормах, регулирующих землеустройство. Сослался на 30 статью XVII главы Соборного уложения, устанавливающую 40-летний срок, в течение которого можно было пересмотреть принятое решение о вотчине (Соборное уложение 1649 г., 1987, с. 88), и на 63 статью XVI главы Соборного уложения, объявляющую необратимость передачи «порозжих» земель, произведенной писцами (Там же, с. 82). И добавил, что монастырь владеет пожалованной ему землей, санными покосами и рыбными ловлями более 60 лет.

Надо полагать, после таких доводов чаша весов склонилась в пользу игумена. Однако обращение к материалам писцовых книг С.Волынского показало, что в них действительно присутствует запись о собственности служилого Кулая: бортные ухажья и озера

были записаны за ним по казанской грамоте за приписью дьяка Петра Микулина. Тогда как ни в приказной избе, ни в приказе Казанского дворца книги, в которых были бы отражены владения Елабужского монастыря, выявлены не были⁶.

3 декабря 1676 г. челобитную подали Алмячка (Альмухаммад) Янбахтин с товарищи и попросили приложить к делу, наряду со взвозной, купчую, переведя ее текст с татарского. Просьба была услышана, текст частного акта переложен на русский язык. В нем был зафиксирован факт совершения в 935 г. по лунной хиджре⁷ Булгаком Сеит-Ахметевым сыном продажи своей земли «з деревнями и с медом и с плужною с полянною землею и с санными покосы с лугами и с рыбными ловлями с озера и в лесах з зверьми и со всеми угоды и с подлинным» Алгозе Касимову сыну. Границы проданной земли доходили на севере до Камы, на востоке совпадали с руслом реки Сусары до ее устья, на юге спускались до вершины реки Кугурчи и доходили до большой дороги, на западе шли по реке Зай до ее устья. Довложение купчей в «дело», рассмотренное три года спустя после подачи челобитной Кулаем Янбахтиным, свидетельствовало о стараниях служилых татар противодействовать активности монастыря. Тем не менее, на протяжении более десяти лет обе стороны вопрос об озерах не поднимали. Очевидно, это было связано с уходом из жизни всех трех братьев – сыновей Янбахты: Кулмухаммада (Кулайки), Джамалетдина (Чимайки) и Альмухаммада (Алмячки).

Следует заметить, что купленная вотчина по своему происхождению относилась к разряду купленных у другого землевладельца и свидетельствовала о состоятельности служилого татарина Алгозы Касимова сына. Однако проследить его родственные связи с представителями пяти поколений челобитчиков (Ислам – Янгозя – Янбахты – Кулайко, Чимайко, Алмячка – Адрахманко) не представляется возможным. Вместе с тем определение челобитчиками спорных угодий «вотчинами» не только указывает на юридический ста-

⁶ В писцовой книге сделана запись следующего содержания: «В ясачной деревне Менгерь Болшой на речке Менгерь и на ключе в поместье за служилыми татараы за Кулаем Янбахтиным сыном Исламова да за Бектемирком Тукеевым сыном Усламова по жеребью. А в тех жеребьях пашни семь длинников, полсема поперечника, итого сорок пять десятин в поле с полудесятиною, а в дву по тому ж. А третье поле за речкою Семитом» (см.: Писцовое описание города Казани и Казанского уезда, 2006, с. 348).

⁷ Т.е. не ранее 16 сентября 1528 г.

тус владений, но и является показателем родовитости владельцев. При этом вотчины, купленные у другого землевладельца и принадлежавшие к числу родовых вотчин продавца, на протяжении 40 лет после заключения сделки могли быть выкуплены его родственниками (см.: Соборное уложение 1649 г., 1987, с. 84–85 (ст. 5–8)). Хотя слова «не бити челом детям и племянники» в текст купчей и вписывались. В данном случае угрозы выкупа не последовало, владение купленными землями с 1568 г. носило монопольный характер, и на это обстоятельство счел необходимым, по всей видимости, обратить внимание Альмухаммед Янбахтин.

Затянувшийся перерыв в тяжбе был прерван челобитной Абдрахмана Кулаева «с товарищи» от 10 декабря 1688 г. В ней была освещена общая картина земельного конфликта. Перечислены опорные документы, удостоверяющие их права собственности на рыбные ловли «в Казанском уезде за Камою рекою до Зия и до Сусары речки»: «татарское письмо» прадедам, грамоты 1597/98 и 1605/06 гг. деду Янбахте Янгозееву, десятиня 1621/22 г. Отмечен факт подачи челобитной келарем Елабужского монастыря Моисеем «с братьею» с просьбой передать им якобы ничейные Простинский исток с озерами. Изложив просьбу о закреплении за ними прав владения спорными озерами, служилые сослались на статьи Соборного уложения 1649 г. Прежде всего, на 235 статью X главы, регламентировавшую, правда, разрешение пограничных поземельных споров между крестьянами и духовными/светскими землевладельцами (см.: Там же, с. 58).

Очевидно, служилые хотели подчеркнуть документально оформленный, нотариальный характер прав собственности на свои владения, неприемлемость нарушения границ и неприкосновенности земельной собственности. Ведь согласно статье 235, способом доказательства прав собственности являлись как писцовая документация, так и показания старожильцев. Второй была ссылка на 14 статью XVI главы Соборного уложения, запрещающую передавать иноземческие земли русским помещикам и наоборот (см.: Там же, с. 75). Эта статья логически тесно связана с предыдущей 13-й, в которой речь шла о судьбе выморочных поместий всех категорий землевладельцев. Она вводила нормы прожитков, выделяемых наследникам умершего, и предписывала отдавать излишки в род беспоместным и малопоместным. 14-я же статья выделяла из общего ряда выморочные поместья иноземцев, к которым часто причислялись и

служилые татары, запрещая выводить эти земли из фонда нерусского землевладения. Ссылкой на 14 статью челобитчики хотели подчеркнуть незаконность каких-либо посягательств на земли, принадлежавшие служилым татарам.

Наконец, в челобитной А. Кулаева содержалась ссылка на 63 статью XVI же главы Уложения (см.: Там же, с. 82). Эта статья запрещала передавать челобитчикам скрытые владельцами порозжие земли, находящиеся в пределах записанных и отмежеванных писцами поместий и вотчин. Фактически она определяла приоритет писцовой документации в решении земельных споров и ограничивала степень доказательности показаний обыскных людей. Отсылкой к последней статье татары извещали о возможности/допустимости неприведения точных ориентиров и названий водоемов, если они находились в границах их владений, официально зарегистрированных государственными агентами – писцами. Заметим также, что своими ссылками на Соборное уложение служилые татары продемонстрировали хорошее знание законодательных норм, определявших правовой статус феодальной земельной собственности и способы разрешения земельных споров. Указали на недопустимость нарушения официальной межи. Примечательно, что они не видели разницы в правовом статусе обеих форм феодальной собственности на землю – поместий и вотчин.

Правовая грамотность служилых татар была по достоинству оценена судьями приказа Казанского дворца. 29 сентября 1690 г. к казанскому воеводе князю Д.А. Борятинскому с «товарищи» была отправлена указная грамота об отказе служилому татарину Абдрахману Кулаеву его наследственной вотчины и озер в соответствии со старыми крепостями, дачами, десятне и писцовым книгам С.Волынского. Игумену с «братъею» было указано владеть землей и лугами по старым дачам и не претендовать на озера, расположенные в бортовых ухажьях служилых.

Обращает внимание на себя аргументация отказа. Первым основанием для отказа в передаче спорных озер монастырю стало то, что «татарские крепости монастырских крепостей старше». Другими словами, декларирование спорных озер в крепостных документах, фиксация в разборной десятне за дедом Абдрахмана – Янбахтой Янгозеевым, регистрация в писцовых книгах Семена Волынского «с товарищи» – за его отцом за Кулаем Янбахтиным состоялись раньше, чем в грамотах о пожаловании их Елабужскому монастырю.

Второй довод был продиктован тем, что осмотр и сыск подтвердили пространственное расположение рыбных озер в межевых пределах, отмеченных в правоустанавливающих документах на имя деда и отца челобитчика: «и по осмотру и по сыску те озера объявились в их же старых дачах в вотчине в бортных ухозяях и в старых межах и урочищах». Третьим аргументом стали статьи Соборного уложения: 1) запрещающие отдавать челобитчикам земли и угодья, даже если они были излишними, но были зарегистрированы в писцовых книгах, и предписывавшие не полагаться на показания обыскных людей (см.: Соборное уложение 1649 г., 1987, с. 82 (ст. 63 главы XVI)); 2) запрещающие отдачу поместий иноземцев русским помещикам и, наоборот (см.: Там же, с. 75 (ст. 14 главы XVI)). Как видим, нормы Соборного уложения активно применялись на практике.

А поскольку монастырь получил спорные рыбные ловли на основании показаний обыскных людей, скрыв факт утайки принадлежности их служилым, да и в писцовых книгах озера не были записаны за монастырем, да еще и Уложение предписывало отдавать иноземские поместья иноземцам, то право Абдрахмана на спорные озера было признано. Для отказа был отправлен подьячий Казанской приказной палаты Василий Андреев.

Радость служилых от выигранного спора была недолгой. Через год с небольшим, 18 ноября 1691 г., в тяжбу включился митрополит Казанский и Свияжский Маркелл. Он пожаловался, что приписной к Дому митрополита монастырь ущемлен в своих владельческих правах, объявил челобитье А.Кулаева «ложным», отказчика (т.е. лицо, привлеченное к оформлению озер во владение) подьячего Василия Нестерова потворствующим Абдрахману из-за приятельских отношений, указал на то, что не была проведена очная ставка с Абдрахманом на озерах. Исходя из этого, митрополит попросил аннулировать совершенную передачу (отказ) угодий (обозначенных в пересказе челобитной как «старинные» монастырские) служилым и подтвердить право собственности монастыря на «крепостные» рыбные ловли и озера за Камой. Примечательно, что юридическую несостоятельность закрепления рыбных ловель за служилым он аргументировал имевшим место игнорированием крепостных документов и писцовых книг.

Прием игумена «сработал»: властные структуры неожиданно изменили свою позицию. Было принято решение об отдаче всех угодий на территории, прилегающей к реке Каме в Кривой Волошке, повыше Каменных гор и до Чертовских гор, а также на правобе-

режье реки Бетьки (где брала начало река Прости и находились четыре озера) Елабужскому Троицкому монастырю, приписанному к Дому митрополита. Основанием для передачи были объявлены ввозные грамоты от 5 августа 1616 г. и от 11 марта 1638 г. От имени царей Ивана и Петра Алексеевичей казанским воеводам Петру Абрамовичу Лопухину «с товарищи» было указано отдать спорные угодья монастырю, а «казанскому татарину Адрахманку Кулаеву с товарищи» отказать в праве владения.

Наиболее интересной для анализа ситуации представляется та часть адресованной казанской администрации грамоты, в которой были изложены аргументы, обусловившие принятие решения о передаче спорных земель Елабужскому монастырю, к тому времени приписанному к митрополичьей Кафедре. Условно эти аргументы можно разделить на две группы. Первую группу составляют доводы, свидетельствующие об оправданности позиции монастыря в земельном споре, а вторую – суждения и факты, говорящие о шаткости и беспочвенности претензий служилых.

Мотивированность отдачи спорных владений монастырю была объяснена в первую очередь отсутствием в грамотах, представленных служилыми татарами (дедом Абдрахмана Янбахтой Янгозиным «с товарищи»), информации об осуществлении обыска и о межевых признаках. Дело в том, что в грамоте, инициированной подачей челобитной Янбахтой Янгозиным, дедом Абдрахмана, содержалось предписание о подтверждении владельческих прав служилых свидетельскими показаниями, а в грамотах не было сказано, состоялся ли обыск. Поэтому юридическая сила крепостных документов и была подвергнута сомнению.

Неопределенность границ и различия в конкретизации пространственного расположения владений служилых татар в разборной десятне, записанной по сказке Янбахты и окладчиков, и в его челобитной дали основания усомниться в законности его притязаний на озеро. Дело в том, что в десятне за Янбахтой были записаны бортные ухозя и рыбные ловли за Камой рекой «по Заю реке». А в челобитной он писал о старинной вотчине «на Омшане и на Кугурчи и до Зая и до Сусара речек». Это кажущееся различие явно являлось результатом несовершенного перевода. В итоге смысловое различие, придаваемое словам предлогами «по» и «до», сослужило татарам плохую службу.

Аргументом для декретирования отдачи спорных земель монастырю стали грамоты – ввозная 1616 г. и отдельная 1637/38 г. – узаконившие передачу монастырю «пустой» земли, сенных покосов и рыбных ловель за Камой рекой в «порозжих» землях. Были приняты во внимание свидетельские показания сторонних людей в ходе произведенного П.Веревкиным в 1632/33 г. сыска, засвидетельствовавшим «пустоту» переданной монастырю земли. А также факт отдела и межевания в 1638 г., пашен, лугов и рыбных ловель («Простинский исток с ысточным озером да три озера западных») от смежных поместных и ясачных угодий, отраженные в отдельной книге И.Нармацкого.

Примечательно, что приказные сочли нелегитимным учет и фиксацию спорных угодий за служилыми татарами в писцовых книгах С.Волынского. Юридическую несостоятельность этого государственного крепостного документа они увидели в том, что описание было осуществлено на основании ввозной грамоты 1605/06 г., а свидетельские показания об этих озерах в материалах сыска отсутствовали. Не была принята в качестве обоснования владельческих прав служилых и купчая запись 1528 г., так как в позднейших правоустанавливающих документах (в грамотах 1597/98 и 1605/06 гг., в разборной десятне 1621/22 г., в писцовых книгах) и в челобитье Кулая, отца последнего челобитчика Абдрахмана, она не фигурировала («не явилась же»).

В грамоте от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей, адресованной казанским воеводам, возвещалось также о прекращении действия грамоты, выданной в ответ на челобитную Абдрахмана Кулаева от 10 декабря 1686 г. и предписания, отраженного в резолюции дьяка. Тем самым, выданное служилым на основании обыска, двух последовательно проведенных дозоров и документа, определяющего пространственные размеры спорных рыбных ловель и бортных угодьев (чертежа), свидетельство утратило свою юридическую силу. Соответственно, недействительной была признана и помета дьяка с распоряжением владеть служилым татарам озерами, дислоцированными в наследственной вотчине.

Вслед за этим составители грамоты довольно подробно остановились на факторах, обусловивших столь кардинальное изменение своей позиции по вопросу о спорных озерах. Они исходили из того, что монастырские земли имели границы: что межевые признаки, обозначающие их трассировку, были записаны и во ввозных грамотах 1616 и 1638 гг., и в отказных книгах 1638 г. А сыск и дозор,

проведенные А.Епанчиным с привлечением старожильцев и сторонних людей, а также дозор, сыск и чертеж А.Пелепелицына показали пространственное расположение спорных рыбных озер в пределах монастырских владений (от Зия до Сусары речек). Подготовившие грамоту воеводам подчеркнули, что природные водоемы, входившие в состав вотчины монастыря, все имели названия, при этом сточные были связаны между собой в некую озерную систему, а из бессточных (западных) озер, находившихся на территории монастырской вотчины, лишь одно расположено в бортных ухажьях. А за пределами монастырской земли и до нижней границы (до реки Зай) вотчины Янбахты Янгозина находились шесть бессточных озер, два из которых были именованы. Тогда как Янбахта в своих обращениях писал о закреплении за ним права владения изолированными друг от друга (глухими), заросшими небольшими озерами, не имевшими названия. Незнание привлеченными к повторному обыску людьми того факта, кто до монастыря владел рыбными ловлями, было квалифицировано как несоответствие свидетельских показаний с информацией, записанной в крепостной документации, предъявленной служилыми татарами.

В заключение служащие приказа Казанского дворца сослались на 55-ю статью Соборного уложения. Она предписывала не принимать к рассмотрению поместные дела и не затевать «не всчинать» новую тяжбу по земельным конфликтам, по которым уже были приняты решения до 28 января 1649 г., т.е. оставляла в силе решения, принятые по судным делам до Соборного уложения. А служилые татары, как отметили приказные, до 1673/74 г. не обращались с челобитными о пересмотре решения о передаче рыбных озер, принимавшегося в 1616 и 1638 гг.

В соответствии с указной грамотой от 27 августа 1691 г. казанские воеводы направили Афанасия Бутлерова совместно с подьячим Григорием Протопоповым для проведения процедуры «отказа» рыбных ловель монастырю. В присутствии жителей окрестных селений, основываясь на материалах дозора, сыска и чертежа А.Пелепелицына, они провели судебный обряд оглашения передачи спорных рыбных ловель в приписанный к Дому митрополита Елабужский Троицкий монастырь. В июне 1692 г. митрополиту была дана ввозная грамота на «рыбные ловли на Каме реке в Кривой волошке з западными и с ысточными озерами до Чертовских гор и от Камы реки

вверх по речке по Бетке по правую сторону Простинской исток с источным озером да три озера западных со всеми угоды».

Следует отметить, что вышеизложенное ни в коем случае не претендует на полное раскрытие информационного потенциала публикуемых грамот. Он многогранен и мозаичен. Так, предлагаемые вниманию читателей грамоты приобретают особую смысловую нагрузку при воссоздании географии прошлого, при составлении родословия служилых, при изучении специфики землевладения служилых татар, в частности, они свидетельствует о необязательности пространственного расположения владений служилого в рамках одной местности. В хозяйственный комплекс представителей служилого рода из деревни Менгер входили и закамские земли, удаленные от названной деревни, от Казани, на весьма приличное расстояние. Насколько характерным было это явление для служилых татар в целом, при современном состоянии изученности проблемы сказать трудно.

Не следует воспринимать предлагаемые вниманию читателя акты и как отражение всеобщего, универсального характера случая, составляющего один из эпизодов монастырской колонизации земель Среднего Поволжья. Ибо, не имея возможности осуществления системного анализа комплекса документального материала, некорректно на основе одного-двух случаев говорить о том, какой характер, частный или универсальный, носил земельный конфликт, и делать беспрекословные выводы. Поэтому одной из задач будущего остается расширение базы научных поисков: выявление и включение в исследовательский оборот нового документального материала.

Приложения

№ 1

1638 (7146) марта 11.

Послушная грамота казанского воеводы боярина Ивана Васильевича Морозова «с товарищи» келарю Елабужского Троицкого монастыря старцу Моисею «с братьею» на «пустовую» землю, сенные покосы и рыбные ловли за рекой Камой.

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа указу боярин и воеводы Иван Васильевич Морозов, князь Микита Микитич Гогарин, дьяки Микифор Талызин да Леонтей Полуехтов дали грамоту Елабужские пустыни Троецкого монастыря, что в Каменном городище, келарю старцу Моисею з братьею, или хто по нем иные ке-

лари и строители в том монастыре будут, на пустовую землю и на сенные покосы и на рыбные ловли за Камою рекою для того.

В прошлом во 145-м году в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте писано в Казань к боярину и к воеводам к Ивану Васильевичу Морозову, ко князю Миките Микитичю Гогарину, дьяком к Микифору Талызину, к Леонтию Полуехтову, били челом государю Живоначальные Троицы Каменного городища, что на Елабуге, келарь старец Моисей з братьею. А сказали, в прошлом де во 124-м году поставили они на том Каменном городище монастырь, и в том де монастыре устроили две церкви во имя Живоначальные Троицы да Сошествие Святого Духа. И у той де пустыни земли мало, питатца им в той пустыне нечем. А есть де в Казанском уезде за Камою рекою до Зая речки вверх Камою рекою до Бетки речки пустовая земля и черной лес и сенные покосы, и та земля лежит в пуге, не владеет ею нихто, и государю б их пожаловати, велети тое пустовую землю и всякие угоды дати им в монастырь на церковное строенье, на воск и на тимьян и на вино церковное и им на пропитанье. И по государевой грамоте велено отделили к Троецкому монастырю Новые пустыни Каменного городища келарю старцу Моисею з братьею ис порозжих земель на двести чети с сенными покосы и рыбными ловлями.

А в сыскных книгах Плакиды Веревкина 141-го году написано: сказали ему в сыску сторонних людей дватцать семь человек про пустошь за Камою речкою за Простинским истоком по речке // (л. 2) по Ирите, что та земля истари не пахотная и не поместная, и не владеет ею нихто. А по скаске и по смете тое пустоши будет на четыре тысячи чети в поле, а в дву по тому ж, а сенных покосов к той же пустоши от речки Бетки да на низ подле Камы реки на дватцать верст да чернаго лесу меж поль на восемь верст до речки Зая. Да в тех же сенных покосех рыбные ловли в лугах Простинской исток и с озером источным да три озера западных. И тот Простын// (л. 3)ской исток и озера на оброке ни за кем не бывали.

Да в отдельных книгах Ивана Нарматцкого нынешняго 146-го году написано, отделил он к Троецкому Елабужскому монастырю, что в Каменном городище, старцу Моисею з братьею от Камы реки вверх по реке по Бетке по правую сторону на двесте четьи с сенными покосы и рыбные ловли Простынский исток с ысточным озером да три озера западных, и тое землю и сенные покосы и рыбные ловли от поместных и от ясачных земель отмежевал. А межи той земле и сенным покосом учинены вверх по речке по Бетке по нижней стороне на поле у болот стоят две березы вместе, на одной березе грань, с тех берез на две ж березы из одного корени, на одной березе грань, с тех берез на дуб, на нем грань, с того дуба на березу, на ней грань, з березы на дуб, на нем грань, с того дуба на

орешник, с орешника прямо через дубник до речки до Курчи, от речки Курчи на горе на дуб, на нем грань, с того дуба до речки до Амшану, Амшань речка впала в речку в Курчу, а Курча речка пала в Каму речку // (л. 3) до Манковского острова. И Елабужские пустыни Троетцкого монастыря, что в Каменном городище, келарю старцу Моисею з братьею, или хто по нем иные келари и строители в том монастыре будут, владети пашенною землею по отдельным книгам Ивана Нарматцкого. И которые крестьяня на той земле учнут жити, старца келаря з братьею слушали и доход ему в монастырь платили, чем они их пооброчат.

К сей грамоте государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать царства Казанского приложил боярин и воевода Иван Васильевич Морозов, лета 7146-го, марта в 11 день.

На обороте: Справил Гришка Амирев.

Скрепа: Диак Микифор Талызин.

РГАДА, ф. 281, ГКЭ по Казани, д. 61/6469. 1 л.

№ 2

1692 (7200) июня.

Ввозная грамота казанского воеводы ближнего боярина Петра Большого Аврамовича Лопухина «с товарищи» митрополиту Казанскому и Свяязску Маркеллу на рыбные ловли на левобережье реки Камы, в Кривой Волошке, и на Простинский исток, находившиеся во владении служилого татарина Абдрахмана Кулаева из деревни Большой Менгер.

(л. 1) По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев боярин и воеводы Петр Аврамович Лопухин с товарищи дали ввозную грамоту преосвященному митрополиту Казанскому и Свяязскому на рыбные ловли, что на Каме реке, в Кривой волошке з западными и с ысточными озерами, и на Простинской исток с ысточными и з западными озера, которыми владел служилой татарин Алацкие дороги деревни Менгер Адрахманко Кулаев, для того.

В прошлом во 182-м году бил челом блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу служилой татарин Алацкие дороги деревни Менгер Кулайко Янбахтин. В прошлом во 106-м году по казанской грамоте дано отцу ево – Янбахтке Янгозееву – в Казанском уезде в вотчине, в бортном ухोजье за Камою рекою, меж Зия и Сусары речек,

озера и на Курчи рыбные ловли. И ввозная грамота отцу их Янбахтке на тое рыбные ловли в прошлом во 114-м году // (л. 2) за печатью царства Казанского дана. И в разборной десятне боярина и воеводы князя Бориса Михайловича Лыкова 130-го году те рыбные ловли за отца ево написаны. А после де отца их тою вотчиною, бортным ухожьем и рыбными озера и на Мшаном и на Курчином, владеет он по старине по прежним дачам. И ездил он в ту свою вотчину для бортного ухожья и рыбной ловли. И в той де ево вотчине взяли ево и товарищев ево семи человек Елабужского Троицкого монастыря крестьяня, собрався многие люди, и били их и мучили и грабили платье и рыбные снасти с неводом, и с лошадьми и с рухлядью свезли в монастырь. И чтоб того монастыря игумена допросить, по какому указу и по каким крепостям те ево рыбные ловли называют своими, и положить им крепости.

И по тому их челобитью Троицкого Елабужского монастыря игумен Авраамий в допросе сказал: рыбными ловлями они владеют по жалованым грамотам, а крестьяня де их и он игумен ево Кулайка с товарищи не бивали и грабежем ничего не имывали.

А в грамотах, каковы положил служилой татарин Кулайко Янбахтин, написано: во 106-м году бил челом блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии казанской служилой // (л. 3) татарин Янбахтка Янгозеев: вотчина де за ним искони вечная отца ево и деда и прадеда в Казанском уезде на Мшане и на Курчи и до Зия и до Сусары, и в том же ево в бортном ухожье в вотчине озера невеликие дикия, глухия, а бобровой де ловли в тех озерах нет, только де в тех озерах есть мелкая рыбка. И он де в той своей вотчине в бортном ухожье в тех озерах рыбы про себя уловить без указа не смеет, и чтоб в тех озерах велети про себя рыба ловити. И велено про те озера, что в Янбахтине вотчине Янгозеева на Мшане и на Курчи, сыскать всякими сыски накрепко, те озера в ево ль старинной вотчине, и на великого государя в тех озерах рыбу не ловят ли, и на оброк те озера не отданы ль? Да будет те озера в ево старинной вотчине и на великого государя в тех озерах рыбы не ловят, и на оброк никому не отданы, велено ему Янбахте в тех озерах про себя рыбу ловить. И во 114-м году боярин и воеводы князь Степан Александрович Волоской с товарищи дали служилому татарину Янбахте Янгозину в ево вотчине, в бортном ухожье до Зия и до Сусары, озера невеликия и глухия дикия. И велено ему теми озерами владеть и мелкая рыба про себя ловить, а бобров и ярцов и инова никакого зверя, опричь мелкой рыбы, не ловить.

А в разборной десятне // (л. 4) 130-го году за приписью дьяка Андрея Степанова да Ивана Васильева написано: служилой татарин Янбах-

та Янгозин сын Исламов. Окладчики сказали, вотчина за ним за Камою рекою по Зай реке бортной ухой да рыбная ловля. А Янбахтко сказал про вотчины то же, против окладчиковы скаски.

А в грамоте, какову положил Троицкого Елабужского монастыря игумен Авраамий, прошлого 146-го году написано, марта в 11 день боярин и воеводы Иван Васильевич Морозов с товарищи дали грамоту Елабужские пустыни Троецкого монастыря, что в Каменном городище, келарю старцу Моисею з братьею на пустую землю и на сенные покосы и на рыбные ловли за Камою рекою для того.

В прошлом во 145-м году в грамоте блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России написано в Казань к боярину и воеводам к Ивану Васильевичу Морозову с товарищи, били челом Живоначальные Троицы Каменного городища, что на Елабуге, келарь старец Моисей з братьею. Есть в Казанском уезде за Камою рекою за Простинским истоком по речке по Ирите, вниз Камою рекою до Зия речки, вверх Камою рекою до Бетки речки, пустовая земля, лежит // (л. 5) в пусте, не владеет ею никто. Чтob велети тое пустовую землю и всякие угоды дати в монастырь на церковное строение, на воск и на фимиян, и на вино церковное, и им на пропитание. И велено отделить к Троцкому монастырю новые пустыни Каменного городища келарю старцу Моисею з братьею ис порозжих земель на двести четвертей с санными покосы и с рыбными ловлями.

А в сыскных книгах Плакиды Веревкина 141-го году написано, сказали ему в сыску сторонних людей дватцать семь человек про пустошь за Камою рекою, за Простинским истоком по речке по Ирите, что та земля истари не паханная и не поместная, и не владеет ею никто. А по скаске и по смете тое пустыни будет на четыре тысячи чети в поле, а в дву потому ж, а санных покосов к той ж пустыни от речки Бетки да на низ подле Камы реки на 20 верст, да черного лесу меж поль на восемь верст до речки Зая. Да в тех же санных покосех рыбные ловли, в лугах Простинской исток и озера, на оброке ни за кем не бывали.

Да в отдельных книгах Ивана Нармацкого прошлого 146-го году написано, отделил он к Троицкому Елабужскому монастырю, что в Каменном городище, старцу Моисею // (л. 6) з братьею от Камы реки вверх по речке по Бетке по правую сторону на двести четьи с санными покосы и рыбные ловли Простинской исток с ысточным озером да три озера западных. И тое землю и сенные покосы и рыбные ловли от поместных и от ясашных земель отмежевали. И межи той земли: по Бетке по нижней стороне на поле у болот стоят две березы вместе, на одной березе грань, а с тех берез на две ж березы из одного корени, на одной березе грань, и с тех берез на дуб, на нем грань, с того дуба на березу, на ней грань, з

березы на дуб, на нем грань, с того дуба на орешник, с орешника прямо через дубник до речки Курчи, от речки Курчи на горе дуб, на нем грань, с того дуба до речки до Амшану, а Амшана речка впадала в реку Курчю, а Курча река впадала в Каму реку до Малковского острова.

Да в списке з грамоты, что положил Троицкого Елабужского монастыря игумен Авраамий з братьею, написано. Во 155-м году в грамоте блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца написано в Казань к боярину и воеводам ко князю Михаилу Петровичю Пронскому с товарищи, в прошлом в 155-м году писали к великому государю и прислали переписные книги Елабужского Троицкого монастыря вотчинной земле и крестьянским дворам, а в переписных книгах князь Дмитрея Болховского прошлого 155-го году написано за Троицким Елабужским монастырем // (л. 7) в вотчине от Чертовского песку вниз Камою рекою до Соболековских гор сенных покосов по мере девять тысяч копен. Да в тех же сенных покосех рыбных ловель Простинское озеро и с ысточным озером, осмьнатцать озер западных да у Мальковского острова сенных покосов 1680 копен, а в тех сенных покосех три озера: озеро восточное Большое Соболеково пало в Каму реку, да озеро Сорочье пало в Соболеково, да озеро западное.

И в прошлом ж во 182-м году, генваря в 9 день, по помете на деле дьяка Якова Портомоина велено на тое спорную землю на весне послать дворянина добра и против крепостей досмотреть и сыскать старожилами, и тот досмотр и сыск за руками обыскных людей привести в Казань, а теми рыбными ловлями до указа велено владеть ему Кулайку.

И в сыску Андрея Епанчина прошлого 184-го году написано, крестьян и новокрещенов, и татар дватцать человек сказали, о которых де восточных и западных рыбных озерах ныне спор у служилых татар у Кулайки да у Чимайка, да у Алмянка Янбахтиных Троицкого Елабужского монастыря с старцами, и теми де озерами – озером Соболековым да озером Простинским и иными восточными и глухими и западными на Мшане и на Курче, от Зая реки и до Сусары речки ж рыбными озерами исстари владел служилой татарин деревни Менгер Янбахтка Янгозеев по грамотам, а ныне де теми рыбными озерами владеют // (л. 8) Троицкого Елабужского монастыря старцы, а по каким крепостям и по дачам владеют, того они не знают. Новокрещенов и татар семьдесят два человека сказали, слышали де они от старожилов и от отцов своих, что де от Зия речки и до Сусары речки ж рыбными озерами исстари владел служилой татарин деревни Менгер Янбахтка Янгозеев, а ныне теми озерами владеют Троицкого Елабужского монастыря старцы, а по каким крепостям и по дачам владеют, того они не знают. Один человек

крестьянин да девять человек новокрещенов сказали: от Зия де речки и до Сусары речки ж рыбными озерами хто владел, того они не знают.

А в дозорных книгах Андрея Епанчина написано: по досмотру с теми старожиллами и с сторонними людьями от устья Зия реки до Сусары речки ж бортных ухожьев и сенных покосов и в лугах рыбных озер на трицать на пять верст, от Сусары речки в тех бортных ухожьях на пустоши с Нагайских гор Троицкого Елабужского монастыря село Бетьки с пашенные земли и с сенными покосы, и от того села Бетьков на низ по Каме реке на горах бортные ухожья. А подле тех гор выпал в лугу из озерок исток и пал в Простинское озеро, что словоет по татарски Енимязи, и с того озера – в иные озера, и из озерок тот исток пал в Каму реку // (л. 9) против Краснова острова, на обе стороны того Простинского истоку озера дикая глухия и источные. А по скаске старожильцов теми озерами исстари владел служилой татарин деревни Менгер Янбахтко Янгозеев, а ныне де владеют Троицкого Елабужского монастыря старцы. А Курча речка вышла ис степи лесом же Омшаном. И меж Курчею и меж Соболековским истоком деревня Прости того ж Троицкого Елабужского монастыря крестьян. И по сторон тое речки Курчи озера невеликия дикая и глухия и источныя. И Курча речка пошла в Каму реку пониже Простинского истоку с версту, на приверх Соболековские горы, а Соболековские горы подле Камы реки до Соболековского истоку версты с три, на ней бортные ухожья. По конец тое горы в Каму реку выпал исток из Соболековского озера, что словоет по татарски Тыгирманлик, а в то озеро от Зия речки подле горы, что словоет Омшанская, и меж бортных ухожьев пали озера долгие. И из озерок истоки и болота, словоет Омшан, пало в Сорочье озеро, ис Сорочья озера исток впал в Тугурманлик озеро, что словоет Соболеково. А по сторон того Омшану в дубниках и в бортных ухожьях и в лугах озера дикая и глухия. И по скаске старожильцов теми озерами исстари владел служилой татарин деревни Менгер Янбахтко Янгозеев, а ныне де теми озера владеют Троицкого Елабужского монастыря старцы. И по досмотру меж Зия и Сусары речек те озера // (л. 10) в бортном ухожье Янбахтки Янгозеева и Троицкого Елабужского монастыря село Бетьки да деревня Прости с пашенными землями и с сенными покосы в тех же межах и урочищах.

Да в прошлом же во 184-м году для сыску посыланы про те рыбные ловли казанец Алексей Пелепелицын да приказные полаты подьячей Степан Власьев. А велено им со старожильцами и сторонними людьями сыскать всякими сыски накрепко, русскими людьями и новокрещены по своей евангельской непорочной заповеди господни, а мурзы и татары по их вере, по шерти, в правду: от Зия речки и до Сусары рыбными озера источными и западными хто исстари владел, отец ли

их Янбахтка Янгозеев, или Троицкого Елабужского монастыря игумен з братьею? И те спорные озера в его ль Янбахткине вотчине в бортном ухोजе? И против крепостей досмотреть и на чертеж начертить, и при-весть в Казань.

И в сыску Алексея Перепелицына да подьячего Степана Власьева написано, восемь человек крестьян сказали, рыбными де ловлями, кото-рые за Камою рекою, озером Простинским и озером Соболековым и иными источными и западными озера от Березовой гривы до Малков-ского истоку преж Троицкого Елабужского монастыря игумена з братьею служилой татарин Янбахтко Янгозеев владел ли или нет, того они не ведают, потому что они на Елабугу приехали жить из разных мест, тому лет з дватцать, // (л. 11) а с их де приезде на Елабугу владе-ют теми водами Троицкого Елабужского монастыря игумен з братьею. Дватцать шесть человек крестьян сказали: рыбными де ловлями, кото-рые за Камою рекою, озером Простинским и озером Соболековым и иными источными и западными озера от Березовой гривы до Малков-ского истоку преж Троицкого Елабужского монастыря игумена з братьею служилой татарин Янбахтко Янгозеев владел ли или нет, того они не ведают. А тому лет с сорок владеют Троицкого Елабужского монастыря игумен з братьею. Один человек крестьянин сказал, рыб-ными де ловлями, что за Камою рекою, озером Простинским и озером Соболековым и иными источными и западными озера, исстари владел служилой татарин Янбахтко Янгозеев с товарищи, а как де учили вла-деть монастырем, тому больши сорока лет. Шесть человек крестьян сказали, теми де водами владеет Троицкого Елабужского монастыря игумен з братьею, тому ныне будут, как они запомнят, лет с сорок, а прежде де их служилой татарин Янбахтко Янгозеев теми владел ли или нет, того они не ведают. Крестьян и новокрещенов девять человек, чю-ваши четыре человек сказали, слышали де они от сторонних людей, что преж сего теми рыбными ловлями владели служилые татара деревни Менгер Янбахта Янгозеев с товарищи, а сами они подлинно не ведают. А как де монастырем владеют, и то они памятуот, будет тому лет с тритцать и с сорок. Одиннатцать человек новокрещенов сказали, как де // (л. 12) теми водами владеют Троицкого Елабужского монастыря игумен з братьею, два человека запомнят лет с тиртцать, один человек сказал, что он запомнит лет з дватцать, а преж сего теми рыбными лов-лями хто владел, того они не ведают.

И по досмотру Алексея Перепелицына да подьячего Степана Влась-ева спорные рыбные ловли за Камою рекою, с верхние межи от речки Сусары на низ по Каме реке до речек Омшана и Курчи, пониже вотчины Троицкого Елабужского монастыря села Бетьков, в лугах на их мона-

стырских сенных покосех от Березовой гривы озеро Простинское исток впадет в озеро Простинское ж, а из другога Простинского озера исток пал в Каму реку, позади Березовой гривы озеро Ольховое и исток из него впадет в Простинской исток; да западных озер: озеро // (л. 13) Плоское, озеро Ореховое, озеро Тольнишное, озеро Камышное, озеро Медвежье, два озера Набережных, озеро Сорокоумово, озеро Песочное. А бортовых верховых ухажьев на тех лугах нет. Да от речек Амшана и Курчи на низ по Каме реке в других их же монастырских лугах до нижней монастырские межи Мальковского истоку озеро Соболековское, исток из него впадет в Каму реку. Ис того ж озера вышло озеро Кривое, исток из него впадет в Долгое озеро. Озеро Камышное истоком впадет в Соболековское озеро, озеро Долгое да озеро Плоское, озеро Мальковское. Плоскова озера исток впадет в исток Долгова озера, а Долгова озера исток впадет в исток же Мальковского озера, а из Мальковского озера исток впадет в Каму реку. Да в тех же урочищах озеро Чистовое западное, а на тех лугах бортовые верховые ухажья есть. А за монастырскою межою нижнею от Мальковского истоку до нижней межи Янбахтины вотчины Янгозеева до речки Зия, Зай то ж, западных озер: озеро Ольховое, озеро Деревня, два озера под бором, два озера блиско Зая речки.

И в прошлом же во 184-м году били челом блаженные памяти великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу Троицкого Елабужского монастыря игумен з братьею. В прошлом де во 183-м году били челом служилой татарин Кулайко Янбахтин о их монастырских озерах, что в их межах и в лугах их монастырских // (л. 14) подле Камы реки большие восточные и западные озера, а ево де Кулайковым сродником по их челобитью дано им про себя рыбу ловить в бортовых их ухажьях в глухих малых, диких озерах.

И в розборной де казанской десятне во 130-м году выборные люди татара сказали, татарину Янбахте Янгозееву дано бортовой ухажей и рыбная ловля по речке по Заю. И он де Янбахтка сказал то ж. А Зай де речка от тех их озер и от межи вниз по Каме реке удалена. И в писцовых книгах Семена Волынского с товарищи та земля и сенные покосы и рыбные ловли написаны, и межи и грани учинены по-прежнему за ними, а не за ним татаринном Кулайком и не за ево сродники. И челобитья де и спору до писцов и при писцах и после писцов до 183-го году ево Кулайкова и сродников ево о тех озерах не бывало. А как де они по грамотам со 124-го году до ево Кулайкова челобитья до прошлого 183-го году тою землею и сенными покосы и рыбными ловлями владеют, и тому минуло 60 лет с лишком. А в Уложенье в седьмой на десять главе тридесятая статья напечатано, судить о вотчине за сорок лет, а после

сорока лет о вотчинных никаких угодьях указу не положено. Да в шестой на десять главе в шестьдесят // (л. 15) третьей статье: которые челобитчики учнут на кого бити челом о порозжих отводных землях, а по писцовым книгам сыщется, что за теми людьми, на кого о тех землях будет челобитье, те земли в их межах и гранях, и тем землям указано быть по писцовым книгам за теми людьми, за кем они написаны. И то бо том ис писцовых книг писца Семена Волынского с товарищи и з разборной десятины 130-го году и из Уложения выписать.

И в писцовых книгах Семена Волынского с товарищи прошлых 156-го и 157-го, 158-го, и 159-го, и 160-го годов написано, Казанского уезда Алацкие // (л. 16) дороги деревни Большой Менгер за Кулайком Янбахтиным сыном Исламовым в ево вотчине в бортном ухोजье рыбные ловли до Озия и до Сусары озера невеликие глухие, дикие, за Камою рекою да по Авлашь реке по одной стороне бортной ухोजей. А велено ему в тех озерах мелкую рыбу ловить про себя, а бобров и ярцов и инова никакова зверя, опричь мелкой рыбы, не ловить. А писаны за ним те озера и рыбные ловли по казанской грамоте за приписью дьяка Петра Микулина, какова дана отцу ево Янбахте Янгозину 114-го году, а за Троицким Елабужским монастырем те рыбные ловли, о которых спор с служилыми татаринном Кулайком Янбахтиным, в писцовых книгах Семена Волынского с товарищи ж написаны в тех книгах в приказной полате не сыскано и в Приказе Казанского дворца в Поместном столе по справке тех писцовых книг // (л. 17) не сыскано.

Да во 185-м году, декабря в 3 день, в челобитье татарина Алмячка Янбахтина с товарищи написано: били челом они Елабужского Троицкого монастыря на игумена з братьею в грабежу и об рыбных ловлях о озерах, и на те рыбные озера ввозную грамоту положили, да они ж де на те озера положили купчею татарское письмо, и чтоб великий государь пожаловал, велел то их татарское письмо перевести на руское письмо. И по тому их челобитью татарское письмо на руское письмо переведено. А в том письме написано: «Се письмо о земле и о водах писано лета 935-го. Сеит Ахметев сын Булгак целым умом сказал, от отца осталась вотчина истинная на Амшане. Взятчик Касимов сын Алгоза, продав, взяв цену рубль, взял вотчину з деревнями и с медом и с плужною с полянною землею и с санными покосы с лугами и с рыбными ловлями с озера и в лесах з зверьми и со всеми угодьи. И с подлинным к востоку межа Сусар с речкою с устьем, межа в полуденную сторону Кугурчи вершины по большую дорогу, межа на западную сторону Заи речки по устью, в ночную // (л. 18) сторону по Каму реку, межа с четыре стороны межами яз, Булгак, из вотчины вынял, не бити челом детям и племянники и сторонним людям никому».

Да во 197-м году, декабря в 10 день, в челобитье татар Абдурахманка Кулаева с товарищи написано: В прошлых де годех до казанского взятия владели прадеды их по татарскому письму рыбными ловлями в Казанском уезде за Камою рекою до Зия и до Сусары речки. И в прошлом во 106-м году по грамоте великих государей велено те рыбные ловли отдать деду их Янбахте Янгозееву до Зия и до Сусары речки. И в прошлом во 114-м году по ввозной грамоте в вотчине их бортовой ухажей те ж рыбные ловли отданы деду ж их Янбахте. И в разборной десятне 130-го году те ж рыбные ловли за дедом же их написаны ж. И после того в прошлом во 146-м году били челом Елабужской пустыни Троицкого монастыря старец келарь Моисей з братьею ложно на Простинской исток с озером в их межах и урочищах, что владели прадеды и деды их, а в челобитье своем написали, будто тот исток и с озера ни за кем не бывали, а владенье и дачи и ввозную грамоту // (л. 19) прадедов и дедов их и отца их утаили, и теми спорными их озера и сверх тех озер и иными их же озера насильством владеют они Троицкого монастыря старцы. И чтоб великие государи пожаловали их, велели теми спорными Простинскими озера и иными, что в их межах и урочищах, Соболеково озеро и с ыными их и с озерами до Зия и до Сусары речки, владеть им по-прежнему по старым межам и урочищам. А великих государей указе и в Соборном уложении в десятой главе двести тритцать пятая статья напечатано, будет дворцовых сел и черных волостей у крестьян земля будет // (л. 20) смежна с патриаршими или с митрополичьи или со архиепископли и епископли и с монастырскими или с поместными и с вотчинными землями, и в таких смежных землях учинитца спор, и про такие спорные земли сыскивать писцовыми и дозорными и отдельными книгами и всякими крепостями старожильцы и окольными всякими людьми, на которых учнут слатися дворцовых сел и черных волостей крестьяня и вотченники и помещики, и по сыску в таких спорных землях указ учинить, разводить те спорные земли сторожильцы по старым межам и граням. Да в шестой на десять главе в четвертой на десять статье мимо иноземцов иноземских поместей никому не давати, а руским людем поместий иноземцов не давати ж. В той же главе шестьдесят третья статья, которые челобитчики учнут на кого бити челом о порозжих отводных землях, а в сыску обыскные люди про те земли скажут, что за теми людьми, по которые какое челобитье будет, порозжие отводные земли есть, а по писцовым книгам сышетца, что за теми людьми на кого о тех землях будет челобитье, те земли в их межах и гранях, и тем землям быти за теми людьми, за которыми те земли писцы написали и отмежевали и отгранили к поместьям их к вотчинным землям, а бобыльским людем в тех землях не верить.

И в прошлом во 199-м году, сентября в 29 день, в грамоте // (л. 21) великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев писано в Казань к боярину и воеводам ко князю Данилу Афонасьевичю Борятинскому с товарищи, указали великие государи служилому татарину Адрахманку Кулаеву в родственной ево вотчине в бортном ухोजье в старых межах и урочищах и озерами Простинским и иными озерами же источными и Соболековым владеть и мелкая рыба про себя ловить по-прежнему по старым крепостям и дачам 114-го и по разборной десятне 130-го годов, и по писцовым книгам писцов Семена Волынского с товарищи 156-го и 157-го, и 159-го, и 160-го годов, а бобров, ярцов и инова зверя, кроме мелкой рыбы, ловить не велено. А Троицкого Елабужского монастыря игумену з братьею владеть землею и санными покосы по старым их дачам, а озерами владеть теми, которые не в их татарских дачах и в вотчине в бортном ухोजье. А которые озера объявились в старых их татарских дачах и в их межах и в бортном ухोजье, и теми озерами владеть не велено, потому что их татарские крепости монастырских крепостей старее, да и потому что те озера по старым крепостям и дачам и по разборной десятне объявились и написаны за дедом ево Абдрахманковым за Янбахтком Янгозеевым. А в писцовых книгах Семена Волынского // (л. 22) с товарищи те ж рыбные ловли и в тех же урочищах в бортном ухोजье написаны за отцом ево за Кулайком Янбахтиным. А по осмотру и по сыску те озера объявились в их же старых дачах в вотчине в бортных ухожьях и в старых межах и урочищах. А по Уложению велено быть по писцовым книгам, за кем писцы написали, а обыскным людям верить не велено. А те озера даны были им по обыском в монастырь и в челобитье своем они, как о тех озерах били челом, их татарскую дачю старинную утаили и в писцовых книгах те озера за тем монастырем не написаны; да по Уложению ж мимо иноземцов иноземческих поместий отдавать не велено, и те озера по-прежнему за ним Адрахманком отказать. И для отказу тех вышеписанных рыбных ловель посылан ис Казани приказные полаты подьячей Василей Андреев.

И в отказных ево книгах написано, что он при сторонних людех те вышеписанные озера татарину Адрахманку в вотчине ево в бортном ухोजье отказал. И в нынешнем в 200-м году, ноября в 18 день, в грамоте ж великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев написано в Казань к боярину и воеводам к Петру Аврамовичю // (л. 23) Лопухину с товарищи, бил челом великим государем преосвященный Маркелл митрополит Казанский и Свияжский, в прошлом во 199-м году по ложному челобитью служилого татарина Казанского уезду Алацкие

дороги деревни Мингеръ Адрахманка Кулаева отпущена ис приказу Казанского дворца в Казань их великих государей грамота. А по той грамоте послан был ис приказные полаты подъячей Василей Нестеров. И он де подъячей, дружа и норovia тому служилому татарину, домового ево приписного Троицкого Елабужского монастыря рыбные ловли за Камою рекою з землею и с санными покосы, в лугах Простинской исток с озером, отказал в вотчину мимо старинных крепостей и писцовых книг с ево ж Адрахманковыми друзьями и хлебоддцы ж, и не дав с ним Адрахманком на тех их крепостных рыбных ловлях очные ставки. И великим государем пожаловати б ево, не велеть тому Адрахманкову ложному челобитью и неправому отказу поверить и старинным и рыбными ловлями ему Адрахманку мимо крепостей владеть, и велети б ему преосвященному митрополиту теми своими старинными крепостными рыбными ловлями и озерами за Камою рекою владеть по прежнему.

И великие государи указали в Казанском уезде рыбным ловлям по Каме реке, повыше Каменных // (л. 24) гор, в Кривой волошке з западными и источными озерами до Чертовских гор, и от Камы реки вверх по Бетке по правую сторону Простинскому истоку с ысточным озером да трем озерам западным со всеми угоды по ввозным грамотам 124-го и 156-го годов, каковы даны игумену Ионе и келарю старцу Моисею з братьею, быть преосвященного Маркелла митрополита Казанского и Свияжского за приписным ево домовым Троицким Елабужским монастырем. А челобитчику казанскому татарину Адрахманку Кулаеву с товарищи от тех рыбных ловель отказать для того. В списках з грамот, каковы он Адрахманко подал к делу, написано, во 106-м году бил челом дед ево Адрахманков татарин Янбахтка Янгозеев, в Казанском де уезде старинная искони у отца и у деда на Мшане, на Курче, да от Зия и до Сусары, и в той де вотчине есть глухие невеликие озера, а в тех озерах есть мелкая рыба, чтоб в тех озерах про себя ловить. И по той грамоте про те озера велено сыскать: будет те озера в ево старинной вотчине и на великих государей в тех озерах рыбы не ловят, и на оброк никому не отданы, и ему в тех озерах про себя рыбу ловить. Да в ввозной грамоте 114-го году боярин и воеводы князь Степан Александрович Волоской с товарищи дали ему ж Янбахтке вышписанные озера. И будет те мелкие озера в ево вотчине в бортном ухोजье, а не на оброке ни за кем, и Янбахте // (л. 25) теми озерами владеть и мелкая рыба про себя ловить, а бобров и ярцов и иного никакова зверя не ловить. А сыск про те озера был и за Каму реку урочищ в тех грамотах не написано, а написано в 130-м году в разборной десятне за ним Янбахткою вотчина за Камою рекою по Заю реке бортной ухोजей да рыбная ловля по окладчиковым и по ево Янбахткине скаске. А в 106-го

году в челобитье ево Янбахткине написано: вотчина де старинная на Мшане, на Кугурчи да Зай и да Сусара, а не по Зай реке. Да и потому тем рыбным ловлям быть за тем вышеписанным монастырем, в списках со ввозных грамот 124-го году, августа 5-го числа, написано: дано Живоначальные Троицы Каменного городища игумену Ионе рыбные ловли на Каме реке, повыше Каменных гор в Кривой волошке з западными и источными озерками до Чертовских гор. Да во 146-м году боярин и воеводы Иван Васильевич Морозов с товарищи дали грамоту того ж монастыря келарю старцу Моисею з братьею на пустую землю и на сенные покосы и на рыбные ловли за Камою рекою ис порозжих земель. А в сыскных книгах Плакиды Веревкина 141-го году написано: дватцать семь человек про пустошь за Камою рекою за Простинским истоком по речке по Ирите, что та земля исстари не паханая и не помещная и не владеют ею никто, а по скаске и по смете тое пустоши будет четыре тысячи // (л. 26) чети в поле, а в дву потому ж, а сенных покосов к той ж пустоши от речки Бетки да на низ подле Камы реки дватцать верст, да черного лесу меж поль на восемь верст до речки Зая. Да в них же сенных покосех рыбные ловли в лугах Простинской исток с озером источным да три озера западных, и тот Простинской исток и озера на оброке ни за кем не бывали. А по отдельным книгам отказу Ивана Нармацкого 146-го году написано, отделено к тому монастырю вышеписанная пашня и сенные покосы и рыбные ловли, Простинской исток с источным озером да три озера западных, и от поместных и от ясашных земель та земля и сенные покосы, и рыбные ловли отмежованы и межи учинены вверх по речке по Бетке по нижней стороне до речки до Курчи, от речки Курчи до речки до Мшану, а Мшан речка пала в Каму реку до Мальковского острова. А что за Одрахманковым отцом за Кулайком Янбахтиным после тех их монастырских дач вотчина бортной ухжей и рыбная ловля написаны в Семеновых книгах Волынского с товарищи 156-го и 157-го, и 158-го, и 159-го, и 160-го году. Он же Адрахманко объявил в Казани татарское письмо 935-го году Сеита Ахметова сына Булгака, что он Сеит продал Алгозе Касимову сыну вотчину с плужною пашенною землею и с санными покосы с лугами и с рыбными ловлями и с озера и з звери и со всеми угоды и с подлинным. К востоку Сусар с рекою с устьем, межа с полуденною сторону Кугурчи вершины // (л. 27) по Большую дорогу, межа по западную сторону – Зай реки на устье, в ночную сторону по Каме реку, межа с четыре стороны. И писцовые Семеновы книги Волынского, и то татарское письмо ему Адрахманку не ко оправданию, потому в писцовые книги те рыбные ловли писаны по ввозной грамоте 114-го году.

А в сыску про те озера не явилось же, а татарского письма в грамотах 106-го и 114-го и в разборной десятне 130-го году и в тех писцовых книгах и в челобитье 182-го году, как отец ево Адрахманков о тех озерах учал бить челом, не явилась же. А что 195-го году, декабря 10 числа, в ево ж Адрахманкове с товарищи челобитье писано до Казанского взяття владели прадеды их по татарскому писму рыбными ловлями за Камою рекою до Зия и до Сусары реки, и во 106-м году по грамоте велено де те рыбные ловли дать деду их Янбахте Янгозееву, и во 114-м году по ввозной грамоте в вотчине их бортной ухожей те рыбные ловли отданы ему Янбахте, и во 130-м году в разборной десятне те ж рыбные ловли написаны за дедом же их Янбахткою, и во 146-м году Елабужского Троицкого монастыря келарь старец Моисей з братьею бил челом на Простинский исток с озером источным да о трех западных, и с тех их озер, которые в их межах и урочищах, что де владели прадеды и деды их, и в челобитье своем написал, будто тот исток и озеры ни за кем // (л. 28) не бывали, а владенье де и дачи и ввозную грамоту прадедов и дедов и отцов их утаили, и в писцовых книгах Семена Волинского те рыбные ловли з бортным ухожем до Зия и до Сусары речки после их челобитья во 156-м году написаны за отцом их Кулайком Янбахтиным. И во 182-м году против челобитья отца ево Адрахманкова Кулайка розыск и дозор был, кто истари владел истоком и озеры. И в розыскных де и в дозорных книгах обыскных людей в скасках написано, что исток и озеры до Зия и до Сусары речки в той вотчине в их межах и урочищах владели прадеды и деды их, и велено дядям их и ему Адрахманку владеть до указа великих государей, а после того тем их рыбным ловлям и вотчине чертеж и дозор вдругоряд, а в чертежу де те их спорные озера написаны в их межах и урочищах, а теми де спорными их озерами насильством владеют Елабужского Троицкого монастыря старцы. И чтоб по чертежу великих государей указ учинить по Уложению, и теми спорными их простинскими озерами и иными, что в их межах и урочищах Соболеково озеро и с ыными их озерами до Зия и до Сусары речки, владеть им по-прежнему.

И во 198-м году, апреля в 28 день, по ево Адрахманкову челобитью помечено, в родственной ево вотчине в бортном // (л. 29) ухожье в старых межах и урочищах озерами Простинским, Соболековым и иными малыми озерами глухими велено владеть и мелкая рыба про себя ловить по-прежнему по старым крепостям и по дачам 114-го и по разборной десятне 130-х годов и по писцовым книгам Семена Волинского 156-го и 157-го, и 158-го, и 159-го, и 160-го годов, а бобров и ярцов и иного зверя, кроме мелкой рыбы, не ловить, а Троицкому Елабужскому монастырю игумену з братьею владеть землею и санными покосы по старым их да-

чам, и озерами владеть теми, которые не в их татарских дачах и в их межах и урочищах и в бортном ухोजье, и теми озерами владеть не велено, потому что их татарские крепости монастырских старее, да и потому де, те озера по старым крепостям и дачам и по разборной десятне явились и написаны за дедом ево Адрахманковым Янбахтком Янгозеевым, а в писцовых книгах Семена Волынского с товарищи те ж рыбные ловли и в тех же межах урочищах в бортном ухोजье написаны за отцом ево за Кулайком Янбахтиным. А по досмотру де и по сыску те озера явились в их же старых дачах в вотчинных бортных ухожьях и в старых межах и урочищах, а по Уложению де велено быть по писцовым книгам, за кем писцы написали, а обыскным людем верить // (л. 30) не велено, а те озера даны были по обыском в монастырь. И в челобитье своем они как о тех озерах били челом, их татарскую дачю утаили. И в писцовых де книгах те озера за тем монастырем не написаны, да и по Уложению мимо иноземцов иноземских поместей давать не велено.

И то ево Адрахманково челобитье и помету 198-го году оставить же для того. По ввозным грамотам 124-го и 146-го годов урочища, а по отказным книгам Ивана Нармацкого 146-го году монастырской земле с угодьи и рыбным ловлям межа: вверх по реке по Бетке по нижней стороне до речки до Курчи, от речки Курчи до Мшану, а Мшан река впаля в Каму реку до Малковского острова. А по сыску и по досмотру Андрея Япончина от усть Зия речки до Сусары бортных ухожьев, сенных покосов и в лугах рыбные ловли тритцать пять верст, от Сусары речки в тех бортных ухожьях по пустоши с Ногайских гор Троицкого Елабужского монастыря село Бетьки с пашенными землями и санными покосы, и от того села Бетьков на низ по Каме реке на горе бортное ухोजье, а подле тех выпал в лугу из озерок исток и пал в Простинское озеро, что словет по татарски Енимязи, и с того озера в ыные озерка, из озерок тот исток пал в Каму реку против Красного озера, по обе стороны // (л. 31) против Простинского истоку дикие озерка.

Да по досмотру ж и по сыску и по чертежу Алексея Пелепелицына спорные рыбные ловли за Камою рекою с верхние межи от речки Сусары на низ по Каме реке до речек Амшана и Курчи, пониже Троицкого Елабужского монастыря села Бетьков, в лугах на их монастырских сенных покосех от Березовой гривы озера Простинское, исток впал в озеро Простинское ж, а из другого Простинского озера исток впал в Каму реку, назади Березовой гривы озеро Ольховое, исток из него впал в Простинской исток, да западных озер: озера Плоское, озеро Ореховое, озеро Тальнишнее, озеро Камышное, озеро Медвежье, два озера Набережных, озеро Сорокоумово, озеро Песочное, а бортных верхних ухожьев на тех лугах нет. Да от речки Омшану и Курчи, пониже же по

Каме реке, в других ж их монастырских лугах до нижние монастырские межи Мальковского истоку озеро Соболековское, исток из него впал в Каму реку, и с того ж озера вышло Кривели, исток из него впал в другое озеро Камышное, истоком впало Соболековское озеро Долгое да озеро Плоское Мальковское. Плоскова озера озеро и исток впал в исток же Мальковского озера и из Мальковского озера исток впал в Каму реку. Да в тех же урочищах озеро Читовное западное, а в тех лугах бортные // (л. 32) верховые ухозя есть. А за монастырскою межою от Мальковского истоку до нижние ж межи Янбахтины вотчины Янгозеева да речки Зия, Зай то ж, западных озер: Ольховое, озеро Деревня, два озера под Бором, два озера блиско Зая речки. А дед ево Адрахманкова Янбахты челобитье было о глухих диких невеликих озерках, а не по именом и не о источных. А и в сыску Андрею Епанчину и Алексею Пелепелицыну сказали, теми де вышеписанными озера истари владел Янбахтка Янгозеев, а ныне владеют ими Троицкого Елабужского монастыря старцы, а ныне из тех же обыскных людей сказали, кто наперед сего владел, не ведают, ныне де владеют того ж монастыря старцы. И то ему Адрахманкову с товарищи не к оправданию, потому обыскные люди сказали розные речи и против их челобитей и грамот несходно. И в сыску Плакиды Веревкина 141-го году обыскные люди сказали, земля и лес и сенные покосы не пахатная и не поместная и не владеют ею никто. Да и по дозору и чертежу Алексея Пелепелицына в тех монастырских дачах явились рыбные ловли – озера и озерка источные – и писаны по именом, а не дикие и глухие озерка. Да и по тому тем рыбным ловлям быть за тем монастырем, в указе великих государей в Соборном Уложении написано, которые // (л. 33) дела вершены до московского большого пожару, как во 134-м году, мая в 3 день, горел Кремль и Китай, и которые дела вершены генваря по 28 число 157-го году, и поместным делом так и быть, как они вершены, и впредь их не вчиняти и не выписывать. А рыбным ловлям тому монастырю дача учинена во 124-м и во 146-м году, до того 157-го году генваря 28 числа, а спору о тех рыбных ловлях после тех дач де 182-го году от татар от Янбахтка Янгозеева и от Кулайка Янбахтина и Адрахманка Кулаева с товарищи ни от кого в деле не явилось. А тот великих государей указ прошлого 199-го году, августа 27 числа, за пометою думного дьяка Прокофья Богдановича Возницына и по // (л. 34) той великих государей грамоте велено те рыбные ловли на Каме реке в Кривой волошке з западными и с ысточными озерками до Чертовских гор и от Камы реки вверх по речке по Бетке по правую сторону Простинской исток с источным озером да три озера западных со всеми угоды отказать преос-

вященного Маркелла митрополита Казанского и Свяжского за приписным ево домовым Троицким Елабужским монастырем.

И по тому великих государей указу для откazu тех вышеписанных рыбных ловель посыланы ис Казани казанец Афонасей Бутлеров да приказные полаты подьячей Григорей Протопопов. И в книгах ево Афонасьевых, каковы он подал в приказной полате в нынешнем ж в 200-м году, марта в 5 день, написано, что он Афанасей и подьячей, приехав на те вышеписанные рыбные ловли и взяв с собою из околных сел и деревень сторонних людей, и при тех сторонних людех против челобитья преосвященного митрополита Казанского и Свяжского на Каме реке рыбные ловли в Кривой волошке з западными и с ысточными озерами до Чертовских гор и от Камы реки вверх по речке по Бетьке по правую сторону Простинской исток с ысточным озером да три озера западных со всеми угоды, да и по досмотру // (л. 35) и по сыску и по чертежу казанца Алексея Пелепелицына и с приказные полаты подьячего Степана Власьева прошлого 182-го году спорные рыбные ловли за Камою рекою, с верхние межи от речки Сусары на низ по Каме реке до речек Амшана и Курчи, пониже Троицкого Елабужского монастыря села Бетков, в лугах на их монастырских сенных покосех от Березовой гривы озеро Простинское истоком впало в Каму реку, позади Березовой гривы озеро Ольховое, исток из него впал в Простинской исток, да западных озер: озеро Плоское, озеро Ореховое, озеро Тальнишное, озеро Камышное, озеро Сорокоумово, озеро Песочное. Да от речек Амшана и Курчи на низ ж по Каме реке в других их же монастырских лугах до нижние монастырские межи Мальковского истоку озеро Соболековское, исток из него впал в Каму реку, ис того ж озера вышло озеро Кривель, исток из него впал в Долгое озеро, озеро Камышное, истоком впало в Соболековское озеро, озеро Долгое да озеро Плоское, озеро Мальковское. Плоскова озера исток впал в исток же Долгова озера, и Долгова озера исток впал в исток же Мальковского озера, а из Мальковского озера исток впал в Каму реку. Да в тех же урочищах озеро Читовное западное // (л. 36) в дом Пречистыя богородицы и преосвященного Маркелла митрополита Казанского и Свяжского в ево Троицкой Елабужской монастырь по прежнему отказали.

А дана ся ввозная грамота в Дом казанские митрополии на вышеписанные рыбные ловли по челобитью преосвященного Маркелла митрополита Казанского и Свяжского впредь для владенья.

К сей ввозной грамоте великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малья и Бе-

лая России самодержцев печать царства Казанского боярин и воевода Петр Аврамович Лопухин приложил, лета 7200-го, июня в ... день.

На обороте: Справил Петрушка Лукин.

Скрепа: Дьяк Никифор Зайцев.

РГАДА, ф. 281, ГКЭ по Казани, д. 157/6565. 36 л.

Источники и литература

Акты исторические и юридические и другие царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т. 1. – Казань, 1859. 230 с.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. – СПб., 1842.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук (ААЭ). – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 1. 1294–1598. 548 с.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. – М., 1975.

Дворцовые разряды. Т. 2. – СПб., 1851; Т.3. – СПб., 1852.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР (ДММ). Т. 1, ч. 1. – Саранск, 1940. 432 с.

Древние акты, относящиеся к истории Вятского края (ДАВК): прил. ко 2-му тому сб. «Столетие Вятской губернии». – Вятка, 1881.

Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI – XVII вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.

Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (ИТУАК). Вып. 24. – Тамбов, 1889.

Писцовая книга (ПК) Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста / Сост. Р.Н. Степанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.

Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов: Публикация текста / сост. Д.А. Мустафина. – Казань: изд-во «Фэн» АН РТ, 2006. 660 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.281. Грамоты коллегии экономии (ГКЭ) по Казани, д.157/6565; д.61/6469; д.21/6429; д.65/6473; д.66/6474; д.67/6475; д.68/6476; д.69/6477; д.70/6478.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 10. Записные книги Московского стола. – СПб., 1886.

Соборное уложение 1649 года / подг. текста Л.И. Ивиной. – Л.: Наука, 1987.

Татарская энциклопедия. Т. 4. – Казань, 2008.

Д.А. Мостафина

**Монастырьлар белән жир өчен дөгъвалашу
күзлеге аша караганда йомышлы татарлар**

Өлеге мәкаләдә XVII гасырдагы йомышлы татарлар һәм Түбән Кама жирләрен актив колонизацияләүче Алабуга Троицк монастыре арасындагы социаль низагны чагылдыручы ике гавами-хокукый актларның мәгълүмати потенциалын анализлау омтылышы ясала. Кушымта итеп бирелгән чыганаclarның тексти монастырьлар тарафыннан йомышлы кешеләрнең биләүче хокукларын кысуларын гына түгел, ә хакимият структураларының бу озакка сузылган жир өчен дөгъвалашуга карата мөнәсәбәтләрендәге үзгәрешне дә күзәтергә мөмкинлек бирә.

Ачкыч сүзләр: XVII гасырда Казан төбәге, аз билгеле булган актлар, йомышлы татарлар, монастырьларның колонизациясе, социаль низаг.

D.A. Mustafina

**‘Sluzhilye’ (military) Tatars through the prism
of the monastery land litigation**

In this article is made an attempt of the analysis of the informational potential of two publicly-legal acts of the 17th century, reflecting social conflict between the ‘sluzhilye’ Tatars and the Yelabuga Trinity monastery, which carried out active colonization of the Lower Kama region. The texts of the attached sources provide an opportunity to trace not only the infringement of the monastery possessory rights of service people, but also the change of attitude of the power structures to this protracted land dispute.

Keywords: Kazan region in the 17 century, little-known acts, military Tatars, monastic colonization, social conflict.

Мустафина Дина Абдулбаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань); e-mail: maktub29@yandex.ru

Мустафина Дина Абдулбар кызы – тарих фәннәре кандидаты, Казан (Идел буе) федераль университетының Халыкара багланышлар, тарих һәм көнчыгышны өйрәнү институты Татарстан тарихы, археология һәм этнология кафедрасы доценты (Казан шәһәре).

Mustafina Dina Abdulbarovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of History of Tatarstan, Archaeology and Ethnology, Institute of International Relations and Oriental studies, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan).

Новые данные о судьбе участников Хивинской экспедиции князя А. Бековича-Черкасского. 1718–1719 гг.*

В статье на основе новых архивных источников рассказывается о судьбе некоторых участников Хивинской экспедиции, совершенной в 1717 г. под руководством князя А. Бековича-Черкасского в Центральную Азию. Документы Российского государственного архива древних актов позволяют охарактеризовать отношение жителей Хивинского ханства к попавшим к ним в плен россиянам, проследить судьбу отдельных пленных, выявить обстоятельства их освобождения, дать оценку роли астраханских юртовских татар в их судьбе, уточнить позицию российских властей в отношении пленных соотечественников.

Ключевые слова: архив, источник, Хивинская экспедиция, пленные, хивинцы, астраханские юртовские татары, выкуп, обмен, XVIII в.

Экспедиция в Хивинское ханство, предпринятая в царствование Петра I в России в 1717 г., не раз привлекала к себе внимание исследователей. Подготовка к ней и основные этапы экспедиции А. Бековича-Черкасского получили всестороннее освещение в историографии (Брежнева, 2011; Васильев, 2015; Дело 1714–1718 годов, 1871; Иллерицкий, 1940; Мальбахов, Дзамихов, 1996; Попов, 1853; Русско-туркменские отношения, 1963). На этом фоне известий о дальнейшей судьбе участников злополучной экспедиции, оказавшихся в плену у хивинцев, крайне мало (Терцы, 1888, с. 41–43). И это притом, что в плен попало большое количество людей, как военных, так и гражданских лиц.

Об этом российским властям, кстати, стало известно из показаний немногих вернувшихся обратно участников экспедиции, одним из которых был астраханский юртовский татарин Алтын Усейнов. Его показания, как мы увидим, играли немаловажную роль при принятии Сенатом решений по делам, связанным с Хивинской экспедицией 1717 г.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII–XVIII вв.», проект №14-01-00054/а.

Обнаруженные нами архивные документы свидетельствуют, что отдельным пленникам из числа участников Хивинской экспедиции А. Бековича-Черкасского спустя несколько месяцев удалось обрести свободу.

Как отмечал в челобитной царю, написанной в 1719 г., один из этих людей, прапорщик Казанского гарнизонного драгунского полка Андрей Друманд, его выкупили в 1718 г. у хивинцев за пятьсот рублей астраханские юртовские татары. Подробности своего освобождения А. Друманд не приводит, отмечает лишь, что вместе с ним «вышел ис полону» астраханец Иван Кисельников, но у хивинцев оставалось еще двое русских людей, которых также можно было освободить за выкуп. Для этого он предлагал организовать обмен оставшихся двоих русских пленных на трех каракалпаков, которые, по его сведениям, содержались под арестом в Казани (РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 107, л. 219).

Сенат затребовал справку в отношении челобитчика и получил ответ, что в показаниях астраханского юртовского татарина Алтына Усейнова, «который был с ним князем Черкасским в Хиве» сообщалось, «как де их в степи у ханского шатра учили достальных от него Черкасского розбирать, и в то время, как их связанных вели дорогою до Хивы и в Хиве видел он взятых узбеками в полон русских людей, которые были в том походе 8 человек, в том числе полковника Семена Дромонта сын...» (Там же, л. 220 об.).

По всей видимости, предложение прапорщика А. Друманда по обмену пленных русских на каракалпаков было принято Сенатом. На это указывает сенатский приговор от 13 мая 1719 г., подписанный обер-секретарем Сената А. Щукиным (Там же, л. 223).

В челобитной другого участника экспедиции – астраханского посадского человека Ивана Кисельникова, содержатся интересные подробности, связанные с обстоятельствами его освобождения. Он писал, что спустя 10 месяцев, как он находился в плену, его хозяин-хивинец повез его для продажи в Бухару и, «не доехав Бухары, за день попались на дороге астраханские татары Кусекей Барак абызов с товарищи, которые были в аулах для торгу и меня выкупили, а в выкупу дали двести рублев...» (Там же, л. 27).

Принимая во внимание указание прапорщика А. Друманда, что вместе с ним «вышел ис полону» астраханец И. Кисельников, можно предположить, что сам А. Друманд мог быть выкуплен теми же

юртовцами во главе с Кусекеем Барак абызовым, которые приехали в Бухару (либо окрестные селения) по купеческим делам. При этом А. Друманд и И. Кисельников не обязательно могли находиться в одной группе пленных. Астраханский юртовский татарин А. Усейнов утверждал, что видел прапорщика А. Друманда вместе с симбирским подьячим Федором Феоктистовым и его человеком Тимофеем, которых взяли в плен в лагере хивинского хана, «а по взятии де оных куды их узбеки девали, того он, Алтын, не ведает». По всей видимости, об освобождении именно этих соотечественников и хлопотал поручик А. Друманд перед царем. А астраханского посадского человека И. Кисельникова А. Усейнов видел в Хиве в составе другой группы пленных участников Хивинской экспедиции (Дело 1714–1718 годов, 1871, с. 351).

Вместе с тем, стоит отметить, что вопросу выкупа соотечественников из плена в контексте восточной политики государства власти в России, как правило, придавали должное значение. В то же время Н. Веселовский, например, обратил внимание на то, что в инструкции Ф. Беневени, отправленного Петром I в качестве посланника России в Бухару, не ставилась задача выкупать русских пленных (Веселовский, 1881, с. 10). А между тем назначение Ф. Беневени на эту должность состоялось на другой год после гибели Хивинской экспедиции А.Бековича-Черкасского. Ф.Беневени, по сути, по личной инициативе вывез с собой из Бухары при возвращении в Россию несколько десятков русских пленников (Воловников, 1986, с. 135).

В этом контексте факт выкупа у хивинцев астраханскими юртовскими татарами прапорщика Казанского драгунского полка А. Друманда и астраханского посадского человека И. Кисельникова достаточно ярко характеризует юртовцев, в частности, с моральной точки зрения, так как они близко восприняли тяжелое положение пленных соотечественников (И. Кисельников, например, отмечал в челобитной, что его били в плену «смертно» (РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 107, л. 27)) и не пожалели на их выкуп 700 рублей.

В то же время сам факт освобождения указанных лиц из хивинского плена можно отнести в какой-то мере к разряду счастливой случайности. Не зря И. Кисельников подчеркнул, что астраханские юртовские татары «попались» им на дороге всего за день езды до Бухары, куда его вез на продажу хозяин-хивинец.

Следует отметить, что для астраханских юртовских татар участие в караванной торговле с государствами Центральной Азии было характерным направлением предпринимательской деятельности. Русский посланник в Бухаре Ф. Беневени указывал в своих донесениях, что в Бухару и другие центрально-азиатские города приезжает под видом астраханских и казанских татар много подвластных калмыцкому хану Аюке «степных» татар (Торопицын, 2011, с. 164).

В 1743–1744 гг. астраханский губернатор В.Н. Татищев в переписке с Коллегией иностранных дел добивался для юртовцев возможности отправлять традиционные торговые караваны из Астрахани напрямую в среднеазиатские города Хиву и Бухару. Он подчеркивал, что если не решить этот вопрос, то «здешние подданные Ея императорского величества бухарцы, гилянцы и татары, которые чрез один бухарской и хивинской торг прибыль имеют, в крайнее убожество придут, а в таможенном пошлинном зборе последует умаление...» (АВПРИ, ф. 77, оп. 1, д. 12, л. 164–164 об.). Тем самым В.Н. Татищев фактически обосновал ведущую роль жителей восточных слобод Астрахани и астраханских татар в русско-среднеазиатской торговле, показывая ее значимость для таможенных доходов страны.

Следует также подчеркнуть, что в процессе изучения архивных материалов, отложившихся в Государственном архиве Астраханской области, нами были выявлены документы, подтверждающие участие астраханских юртовских татар в Хивинской экспедиции князя А. Бековича-Черкасского. В отличие от юртовского татарина А. Усейнова, сравнительно быстро получившего у хивинцев свободу, некоторым из его соплеменников довелось провести в плену более длительный период времени. Знатным юртовцам, таким как мурза Канмамет Урусов или табунный голова Биякай Булатаев, пришлось самостоятельно решать вопрос о своем освобождении из хивинского плена (Торопицын, 2014, р. 112–118).

По всей видимости, здесь могла сыграть свою роль знатность происхождения пленников. Возможность получения выкупа заставляла хивинцев удерживать их в плену, тогда как многих рядовых мусульман, бывших в числе участников экспедиции князя А. Бековича-Черкасского, освободили относительно быстро.

В свете этого выявленные нами документы, связанные с Хивинской экспедицией А. Бековича-Черкасского, представляют не-

сомненный интерес, так как позволяют расширить наше представление об одной из трагических страниц в истории русско-восточных отношений.

Приложения

№ 1

**Челобитная царю Петру I прапорщика Казанского
гарнизонного драгунского полка А. Друманда**

не ранее мая 1719 года

Державнейший царь государь всемилостивейший.

В прошлом, государь, 716 году по указу Вашего царского величества был я, нижеименованный, от лейб-гвардии Преображенского полку з господином капитаном князем Черкасским на Вашей царского величества службе в Хивинском походе, и по разбитии нашего полку взят я, низайший, был в полон в Хиву, и в прошлом 718 году выкупили меня, нижеименованного, ис того хивинского полону астраханские юртовские татары, дали за меня пять сот рублей ис своих денег.

Великий государь, прошу Вашего величества да повелите Ваше державство за оной мой полонной откуп и за понесенные убытки и на размену людскому дву человек, которые и по ныне тамо остались в полону в Хиве, отдать мне трех человек каракалпак, которые ныне держатца в Казани. Да там же, государь, в полону был астраханец Иван Кисельников, который вышел со мною ис полону вместе. И по челобитью ево за откуп ево и за разоренья повелено выдать ис хивинских пожитков, которые в Астрахани.

Вашего величества всенижайший раб прапорщик Андрей Друманд... в ... 1719 году.

К сему прошению прапорщик Андрей Друмонт руку приложил.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 219. Подлинник. Автограф.

№ 2

**Приговор Сената на челобитную прапорщика
Казанского гарнизонного драгунского полка А. Друманда**

13 мая 1719 г.

1719 мая в 13 по указу великого государя Правительствующий Сенат приказали челобитье Казанского гварнизона прапорщика Андрея Друмонта и учиненную в Сенате выписку об отдаче вместо людей ево

дву человек, которые в полону в Хиве, на размену каракалпак трех человек, которые держатца в Казани, за полонной ево откуп ис Хивы и убытки ради учинения указа отослать из Сената в Ыностранную коллегию, и о том в тою коллегию послать указа.

Обер-секретарь Анисим Щукин.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 223. Подлинник. Автограф.

Источники и литература

1. *АВПРИ*. Ф. 77. Оп. 1. 1743 г. Д. 12.
2. *РГАДА*. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107.
3. *Брежнева С.Н.* Попытки установления первых культурных и торговых контактов России с ханствами Средней Азии в XVIII веке // *Вестник Саратовского государственного технического университета*. – Саратов, 2011. Т.4. № 2. С. 289–295.
4. *Васильев Д.В.* Страница азиатской политики Петра I: к истории похода Бековича-Черкасского в Хиву // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. – Самара, 2015. Т. 17. № 3–1. С. 24–29.
5. *Веселовский Н.* Русские невольники в средне-азиатских ханствах. (Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Составлены под редакц. ген. штаба ген.-лейт. В.Н. Троцкого. Изданы на правах рукописи по распоряжению Туркестанского ген.-губернатора ген.-адъют. К.П. фон-Кауфмана). – Ташкент, 1881. 11 с.
6. *Воловников В.Г.* Посланник Петра I на Востоке. – М.: Наука, 1986. 162 с.
7. *Дело 1714–1718 годов*, об отправлении л.-гв. Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву // *Материалы Военно-ученого Архива Главного Штаба / Под ред. члена Археографической комиссии А.Ф. Бычкова*. – СПб., 1871. Том I. С. 197–400.
8. *Иллерицкий В.* Экспедиция князя Черкасского в Хиву // *Исторический журнал*. 1940. № 7. С. 40–51.
9. *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). – Нальчик: Эльбрус, 1996. 352 с.
10. *Попов А.Н.* Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. – СПб., 1853. 188 с.
11. *Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв.* (до присоединения Туркмении к России). Сб. архивных документов. – Ашхабад, 1963. 587 с.
12. *Терцы*. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о терском казачьем войске. Составил А. Ржевуский. – Владикавказ, 1888. 287 с.

13. *Торопицын И.В.* Эмбарго на поставки оружия странам Востока, как принцип внешнеторговой политики России в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. №3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 163–166.

14. *Торопицын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в развитии отношений России с государствами Центральной Азии в XVII–XVIII вв. // British Journal of Science, Education and Culture. – London: London University Press, 2014. № 1 (5). Vol. 2. P. 112–118.

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

И.В. Торопицын

Князь А.Бекович-Черкасскийның

Хивә экспедициясендә катнашучыларының язмышлары турында яңа мәгълүматлар. 1718–1719 еллар

Мәкаләдә яңа архив чыганаclarына нигезләнеп, 1717 елда Урта Азиягә князь А. Бекович-Черкасский житәкчелегендәгә Хивә экспедициясендә катнашкан кайбер кешеләрнең язмышы тасвирлана. Россия дәүләт борыңгы актлар архивының документлары Хивә халкының аларга әсирлеккә эләккән россиялеләргә мөнәсәбәтләрен тасвирларга, аерым әсирләрнең язмышын күзәтергә, азат итү шартларын ачыкларга, әстерхан юрт татарларының әсирләр язмышында уйнаган ролен бәяләргә, Россия хакимиятенә әсирлектәгә ватандашларына карата позициясен төгәл билгеләргә мөмкинлек бирә.

Ачыкч сүзләр: Архив, чыганак, Хивә экспедициясе, әсирләр, Хивә халкы, әстерхан юрт (йорт) татарлары, йолым, алмашу, XVIII гасыр.

I.V. Toropitsyn

New data about the fate of the participants of the Khiva expedition of Prince A. Bekovich-Cherkassky. 1718–1719

In the article on the basis of new archival sources it is told about the destiny of some of participants of the Khiva expedition in 1717, under the leadership of Prince A. Bekovich-Cherkassky to Central Asia. Documents of Russian State Archival depository of Ancient Documents permit to characterize the attitude of the inhabitants of the khanate of Khiva to the Russians taken to them in prison, to reveal the circumstances of their release, to estimate the role of Astrakhan Yurtovsky Tatars in their fate, to clarify the position of the Russian authorities towards the compatriots in prison.

Keywords: Archive, source, the Khiva expedition, prisoners, the people of Khiva, Astrakhan Yurt Tatars, redemption, exchange, 18th century.

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета (г.Астрахань); e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Торопицын Илья Василий улы – тарих фәннәре кандидаты, Әстерхан дәүләт университеты Россия тарихы кафедрасының доценты (Әстерхан шәһәре).

Toropitsyn Ilya Vasil'evich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, Astrakhan State University (Astrakhan).

НОВЫЕ КНИГИ

УДК 94(47)

Д.Р. Гильмутдинов

Новый труд по истории татарского национального движения 1860–1905 гг.

Монография доктора исторических наук И.К. Загидуллина (Загидуллин, 2014) является на сегодняшний день уникальным изданием, в котором дается систематизированное изложение общественного движения татар-мусульман в пореформенный период (до «Октябрьского» манифеста 1905 г). Этот период истории Российской империи, по мнению автора, – время трансформации ее в «национальное государство» (с. 316 и др.) в виде стеснения либеральных преимуществ, связанных с «Великими реформами» для национальных меньшинств. В частности, на с. 68–69 говорится, что на пути построения национального государства власть сознательно «игнорировала» принципы имперского управления, что «консолидация национальных элит» в земских органах власти противоречила имперским принципам, а потому со стороны администрации чинились препятствия для участия татар в этих органах власти. Таким образом, в пореформенный период власть игнорировала сложившиеся имперские порядки.

Работа основывается (на 90%) на архивных источниках – документах МВД, Синода, губернских канцелярий и десятков других органов власти. Опора на государственную делопроизводственную документацию в силу ее регулярности дает автору «имманентную системность». Автор провел колоссальную работу по систематизации (хронологической, тематической, событийной) и анализу данных разноплановых источников. На наш взгляд, он сумел обработать и преподнести эти данные как детально выверенную событийную картину. И.К. Загидуллин обнаружил и личностный (человеческий, конкретно-исторический) фактор в протестных выступлениях татаро-мусульманского меньшинства. Определены ключевые, поворотные события, хронологические «узлы» в виде правительствен-

ных мероприятий, приводивших к вспышкам недовольства. Это 1878–79, 1883, 1897 и другие годы.

В аннотации книги говорится, что монография написана на материалах прошений и петиционных кампаний мусульманского населения. Действительно, автор широко использует такие источники, как петиции, «приговоры», проекты преобразований, подчеркивая, что петиционные кампании были не напрасны, поддерживали попытки татарских обществ защитить свои гражданские права, пишет, что эти источники показывают мнение определенных кругов (классов) татарского общества. Есть и личные программы (муфтиев С. Тевкелева, М. Султанова, ученых Р. Фахретдинова, Г.-Р. Ибрагимова). Динамика истории (историзм) и алгоритм общественного движения, метод и специфика татарского национального движения, сформулированные автором (сначала – постановление администрации, а потом – реакция населения) обоснованы и очевидны. Однако для «национального движения», на наш взгляд, необходим более широкий диапазон действий и событий национально-культурной жизни. Автор практически не затрагивает такие сферы, как литература, богословие, исторический нарратив (историко-биографические труды Ш. Марджани «Мустафад аль-ахбар» и Р. Фахретдина «Асар», где известные общественные и религиозные деятели описывают историю крупных мусульманских приходов и их имамов, одним из главнейших факторов которой также было отношение к власти). В некотором смысле ограничена и историографическая база исследования – не использовались труды М.Кемпера (2008), С.Дюдуаньона (1997), Р.Джераси (2013) и некоторые другие.

Есть небольшие претензии к методологии и терминологии. Автор исходит из мнения об обществах, которые создаются на основе удовлетворения экономических интересов (а затем и национальных) определенных классов. Личностям, по этой концепции, отведена минимальная роль. Приводятся две периодизации общественного движения. Во «Введении» представлена мировоззренческая динамика, состоящая из трех стадий: первая половина XIX века связывается с переходом от религиозной концепции личности к просветительской, пореформенный период связывается с господством просветительской модели, а начало XX века называется «Высоким Возрождением». Концепция «просветительства» у татар не раз подвергалась критике (в лице М. Кемпера, Р. Адыгамова, А. Бустанова

и некоторых др. западных ученых) – называть религиозных деятелей «просветителями», на наш взгляд, не совсем корректно. «Высокое Возрождение» – это кульминация развития итальянского искусства XV века, когда «сложность и масштабность исторического бытия эпохи» привела к внушительному развитию искусства, что противоречило упадку в экономической и политической сферах. Было ли это в начале XX века у татар? Если это выражение является авторским неологизмом и в него вкладывается новый смысл, то его обязательно необходимо было изложить.

В «Заключении» автор представляет адаптированную к специфике татарского общества XIX века трехэтапную концепцию развития нации М. Гроха. Автор следует А. Капеллеру, говоря, что на этой стадии у татар было общественное «религиозно-национальное движение». Отдельные выражения свидетельствуют, что у автора имеется свой взгляд относительно траектории общественного движения татар. Возможно, мы увидим отдельный труд, посвященный этой проблеме. Методологию автора можно назвать экономическим детерминизмом социальных отношений. Термин «внутренняя окраина», употребляемый автором, был бы законченным и обоснованным, «дополнившись» методологией А. Эткинды, анализом феномена «внутренней колонизации» России. Отсутствие «османского фактора» (автор его критикует, преуменьшая его значение) и полноценного списка татароведов из числа зарубежных ученых не выводит автора на тему «идентичности», которая также могла бы быть полезной для раскрытия «национального движения» на личном, социально-бытовом, а не политическом уровне. Автор не разделяет «субъективную» идентичность и объективные признаки сложения нации (с. 5), подчеркивая важное место процесса урбанизации и развития капиталистических отношений в общественном движении татар. Работу И.К. Загидуллина можно отнести к социально-юридическому направлению истории.

Из недочетов можно назвать присутствие фраз и предложений многозначного содержания. Например, «Язык и религия стали для них своеобразными маркерами европеизации». Этой фразой автор пытался затронуть тему идентичности. Однако, дальше эта мысль не развивается. Бросается в глаза неточность терминов на арабском языке в цитатах из Корана: вместо Абу Лахаба «Абу Лашби», вме-

сто «Трактата о справедливости братьев» (Рисалия гадлия ихван) «Трактат братская снесь» и т.д.

Монография «Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.» является очередным серьезным достижением татарской исторической науки. Данным монументальным трудом И.К. Загидуллин раскрывает специфику общественной активности татар в период самодержавия. По количеству проанализированного материала данный труд не имеет аналогов. Его можно было бы назвать энциклопедией татарской общественной жизни в последние десятилетия самодержавного строя.

Литература

Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. 538 с.

Дюдуаньон С. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII – начало XX века) // Ислам в татарском мире: История и современность: Материалы международного симпозиума. – Казань, 1997. С. 57–69 и др.

Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.

Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. – Казань: Российский исламский университет, 2008. 675 с.

Гильмутдинов Данияр Рустамович – кандидат исторических наук, заведующий отделом источниковедения Центра исламоведческих исследований АН РТ (г.Казань).

УДК 94(470.4)

Ч.Х. Саматова

О сборнике документов и материалов «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года»

В последние десятилетия в средствах массовой информации, политических и научных кругах активно обсуждаются вопросы о роли и значении ислама в новых геополитических условиях. Все чаще отмечаются факты и события, когда религиозные вопросы переносятся в сферу политики и используются для решения опреде-

ленных военно-политических, социально-экономических задач отдельных политических групп. Это приобретает особую актуальность в ходе происходящего в последнее время активного включения ислама в процесс глобализации, крупных и интенсивных миграционных процессов представителей мусульманских народов в европейские страны с традиционно христианской религией и иными мировоззренческими ценностями, а также наличия в российском социуме выходцев из мусульманских регионов Средней и Центральной Азии, Северного Кавказа. Для объективного анализа места и роли ислама в современном мире, избегания формирования ложных стереотипов в восприятии представителей исламской цивилизации мировой общественностью, умения отличать истинно религиозные принципы от искусственно создаваемых в угоду определенным событиям и лицам необходимо обратиться к истории взаимоотношений российского государства и ислама. При этом непредвзятой оценке данной проблемы могут способствовать не только изучение трудов историков, но, прежде всего, анализ архивных источников, которые становятся более доступными для широкого круга читателей благодаря их публикации.

В конце XIX – начале XX века в российском мусульманском обществе также наблюдались новые явления, вызванные к жизни изменившимися социально-политическими условиями. В этот период происходило проникновение в традиционное мусульманское общество элементов европейской культуры, образования, этики, новых социальных взаимоотношений и политических взглядов. Эти процессы вызывали неоднозначную оценку как со стороны самих мусульман, так и представителей власти. Отношение последних к обновленческим процессам было продемонстрировано на Особом совещании по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае, состоявшемся по инициативе премьер-министра П.А. Столыпина при Министерстве внутренних дел с 12 по 29 января 1910 г. (Особое совещание, 2015). Председателем был назначен директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Харузин. В качестве участников присутствовали представители ведомств, имевших непосредственное отношение к «мусульманскому вопросу»; ректор Казанской духовной академии Чистопольский епископ Алексей, Мамадышский епископ Андрей, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода В.М. Скворцов, входившие в Совет министра народного просвещения С.Ф. Спешков,

Н.А. Бобровников, помощник попечителя Петербургского учебного округа А.А. Остроумов, казанский губернатор М.В. Стрижевский, начальник Вятской губернии П.К. Камышанский и др.

Особое совещание констатировало, что начавшееся в конце XIX столетия национально-культурное возрождение мусульманских народов в Волжско-Камском регионе приняло четкую «антигосударственную панисламистскую и пантюркскую» направленность; среди поволжских татар, ставших в авангарде указанного движения, стал «народиться сознательный национализм, стремящийся к обеспечению своего культурного влияния» (НА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 4728, л. 23) не только на тюркские, но и на другие народы России. Решения этого совещания стали негласной инструкцией для последующей борьбы властей с новометодной школой, прогрессивными педагогами из среды татар-мусульман.

Вообще, для имперского правительства «мусульманский вопрос» в Поволжье сводился к «татарско-мусульманскому вопросу», что объяснялось многочисленностью татар в данном регионе, ведущей ролью в татарском социуме мусульманского духовенства, разветвленной сетью мектебе, медресе и мечетей. А вошедший на рубеже XIX–XX вв. новый формат обсуждения ключевых вопросов на высшем уровне – проведение межведомственных совещаний с привлечением представителей различных ведомств, местных администраций и специалистов, профессионально занимающихся мусульманской проблематикой, демонстрировал невозможность продолжения работы в прежнем ключе, необходимость выработки рекомендаций, адекватных, как социокультурной ситуации в мусульманском сообществе, так и приемлемых для центральных властей.

В этой связи появление сборника документов и материалов «Особое совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г.» актуально и своевременно. Ранее историками были опубликованы некоторые материалы Особого совещания (Из истории национальной политики царизма, 1929; Махмутова, 1998, с.68–87). Достоинством данного сборника является то, что он представляет собой целостный труд, куда включена практически вся документальная база, касающаяся организации, проведения, решений данного совещания, мнения чиновников различных ведомств и уровней, представителей православного духовенства и др.

Сборник состоит из трех разделов. В первый раздел «Делопроставленные материалы центральных и местных учреждений, записки чиновников и миссионеров» вошли документы из фонда 821, описи 8 Российского государственного исторического архива. Приводимые здесь материалы разноаспектны и включают переписку между руководителями центральных ведомств, их циркуляры нижестоящим структурам, донесения губернаторов, служащих учебных округов, записки православных миссионеров, аналитические справки различных чиновников и т.п. Изучение этих материалов способствует пониманию истоков тенденциозного отношения центральных властей к модернизационным процессам в социокультурной жизни татар-мусульман Поволжья; показывают как целенаправленно и планомерно формировалось на государственном уровне восприятие татар-мусульман Поволжья как панисламистов, пантюркистов, которые якобы использовали новометодную школу, татарскую прессу для пропаганды своих идей, в том числе, с целью распространения ислама на соседние финно-угорские народы.

Документы данного раздела выявляют те вопросы, которые сформировали у власти потребность в коллегиальном обсуждении и созыве Особого совещания 1910 г.: масштабное отпадение крещеных татар в ислам и связанная с этим необходимость анализа эффективности проводимой этноконфессиональной политики в отношении народов Поволжья; модернизация татарского общества, выразившаяся в развитии новометодного образования, прессы, книгоиздательства; поддержка Оренбургским магометанским духовным собранием прогрессивных тенденций в сфере национального и конфессионального образования; включение мусульман в политическую жизнь, в том числе через организацию мусульманских съездов 1905 и 1906 гг.; опасения, связанные с деятельностью младотурков в соседней Турции и антиправительственных выступлений в Средней Азии. И все эти вопросы для властей были связаны и сцементированы с «антигосударственным панисламистским» движением среди поволжских татар.

Анализ документов демонстрирует, что определенную роль в создании предвзятой оценки обновленческих процессов среди татар сыграли местные миссионеры, и прежде всего, епископ Мамадышский Андрей (князь А. Ухтомский). В его лице церковь оправдывала мусульманской пропагандой возвращение после «Манифеста» 17 октября 1905 г. в ислам крещеных татар. Также критическому анализу должна быть подвергнута записка и.д. епархиального ино-

родческого миссионера Казанской епархии священника С.Багина «Об отпадении в магометанство крещенных татар и о причинах этого печального явления» (1909). Но и среди представителей православного духовенства не было единого мнения о причинах этого явления. Например, епископ Чистопольский Алексей в своем достаточно эмоциональном письме директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Харузину говорил: «Не пропаганда мусульманства нам вредит, а наши деятели-миссионеры, не за мусульманами надо следить, а посмотреть на себя, на свое дело» (с. 158).

Наряду с Русской православной церковью активное участие в формировании негативного отношения к модернизационным процессам в татарском социуме принимали структуры Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, старометодисты, видевшие в джадидистах своих «профессиональных» конкурентов. Обращает внимание, что при изучении соответствующих вопросов многие чиновники, не обладая объективной информацией, ссылались на авторитетных, на их взгляд, лиц, и тем самым способствовали тому, что вопрос о «татаро-мусульманской опасности» увеличивался как снежный ком. Это происходило на фоне донесений ряда губернаторов об отсутствии подобных явлений. Например, оренбургский губернатор В.Ф. Ожаровский не выявил фактов антиправительственного влияния мугаллимов-новометодистов (с. 159). Напротив, сенатор граф К.К. Пален, во всеподданнейшей записке «Мусульманский вопрос» (1909) необоснованно поднял вопрос о негативном влиянии татар на коренное население Средней Азии и др.

Большей аналитичностью и системностью отличаются приводимые в сборнике документы, принадлежавшие перу чиновников учебного ведомства: записка попечителя Оренбургского учебного округа Н.А. Бобровникова «К вопросу о мугаллимах, получивших образование за границей» (1908), соображения директора народных училищ Казанской губернии М.Н. Пинегина «По инородческому вопросу» (1910). Своеобразный экскурс в историю этноконфессиональной политики царского правительства в отношении коренных народов Поволжья и модернизационных процессов в татарском обществе представляет «Справка, составленная чиновником особых поручений МВД на основе поступивших докладных записок, по поводу наиболее актуальных тем для обсуждения на Особом совещании» (1910). Обращает внимание, что чиновники учебного ведомства придерживались более активной, деятельной позиции в отноше-

нии социально-культурной сферы татар-мусульман, в то время как для Министерства внутренних дел приоритетным оставалось сохранение социально-политической стабильности в обществе.

Второй раздел «Опубликованные материалы, поступившие в Департамент духовных дел иностранных исповеданий» сформированы, прежде всего, из работ казанских миссионеров епископа Мамадышского Андрея и епископа Чистопольского Алексия. Именно работа Епископа Андрея «О мерах к охранению Казанского края от постепенного завоевания его татарами» подтолкнула центральные власти обратить пристальное внимание на обновленческие процессы в культурной, образовательной, духовной жизни татар. В его работе «Лихолетье в жизни православия среди приволжских инородцев» (1909) приводится «Программа занятий съезда деятелей по христианскому инородческому просвещению в г. Казани, выработанная советом «Братства святителя Гурия». Особо следует обратить внимание на работу Епископа Чистопольского Алексия «Современное движение в среде русских мусульман» (1909), которая в отличие от указанного ранее письма более тенденциозна. В ней он транслирует идею о том, что реформирование школьной сферы татар, развитие национальной прессы, политическая активность татар есть проявление панисламистских тенденций (с. 310). В этом разделе также представлены материалы некоторых проправительственных газет («Новое время», «Петербургские ведомости», «Колокол»).

Третий раздел сборника включает список участников, протоколы заседаний и постановление Особого совещания, а также тексты докладов и выступлений участников. Представленные документы демонстрируют перечень рассмотренных на совещании вопросов, подходы в их решении со стороны различных ведомств, мнения участников, причины различных точек зрения, источники тех или иных предложений и инициатив, степень знания и осведомленности обсуждаемых проблем, а также некоторые статистические материалы регионального характера. Примечательно, что члены совещания признали свою «крайнюю неосведомленность ... со всеми явлениями, происходящими в мусульманском мире». Для устранения этого пробела было решено путем проведения ежегодных подобных совещаний при Министерстве внутренних дел улучшить взаимодействие между центральными и местными властями.

Согласно журналу Особого совещания, меры для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае были разделены на три группы: административные, духовно-просветительские, культурно-просветительские. Что касается джадидистских школ, совещание предложило преобразовать их в частные учебные заведения. В свою очередь, традиционные учебные заведения в результате исключения из их программы общеобразовательных дисциплин вводились в узко конфессиональные рамки. В результате заявлений ряда участников совещания о том, что Оренбургское магометанское духовное собрание, используя свои полномочия, будет способствовать татаризации мусульманских народов, было рекомендовано: проводить экзамены на звание мулл по утвержденным Министерством внутренних дел программам не на татарском, как это практиковалось, а на родном языке экзаменуемых, а также создать специальные испытательные комиссии на местах для лиц, не проживавших на территории Уфимской губернии, и др. С целью охранения «инородцев-христиан» и язычников от «исламизации» и «татаризации» власти выступили за улучшение материальной базы действующих миссионерских организаций.

Направленное 15 января 1911 г. в Совет министров представление (Императорская Россия и мусульманский мир, 2006, с.318–337), подготовленное на основе резолюций совещания, в результате изменения названия («О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому влиянию среди мусульманского населения») приобрело иную «окраску». Теперь рекомендуемые меры обуславливались необходимостью защитить татаро-мусульманское население Поволжья от влияния панисламизма и пантюркизма (Махмутова, 2001, с.31). Однако и в таком виде решения Особого совещания 1910 г. не получили законодательное оформление, что, возможно, было связано со смертью координатора курса П.А. Столыпина.

Четвертый раздел сборника состоит из делопроизводственных материалов, составленных под воздействием решений Особого совещания 1910 г., среди которых отношение министра внутренних дел П.А. Столыпина «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения» в Совет Министров, рапорт ярославского архиепископа Тихона (Белавин) об обсуждении миссионерским совещанием по вопросам внутренней и внешней миссии при Святейшем Синоде

постановлений Особого совещания при Министерстве внутренних дел по выработке мер для противодействия тюрко-мусульманскому влиянию в Поволжском крае (1911) и др.

Сборник содержит «Примечания», куда включены документы, иллюстрирующие процессы, происходившие в общественно-политической жизни татаро-мусульманского общества того времени (например, «Программа мусульманской партии Союз мусульман»), элементы национальной политики государства в отношении татар (например, «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» от 14 января 1906 г.), разъяснения по отдельным вопросам, краткую информацию об участниках и др.

Подводя итоги, следует отметить, что составителями сборника документов и материалов «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года» проделана большая работа по сбору, систематизации и анализу материала. Он, несомненно, поможет расширить источниковую базу как уже по ранее разработанным направлениям исторических исследований, так и серьезно облегчит задачу для последующих научных изысканий по данной проблематике.

Источники и литература

Из истории национальной политики царизма // Красный архив. 1929. № 35. С.107–127; № 36. С.61–83.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. матер. / сост. Д.Ю. Арапов. – М.: Наталис, 2006.

Махмутова А.Х. Проект, не успевший стать законом // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. №1/2.

Махмутова А.Х. Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 3/4.

НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4728. Л. 23.

Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / Сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. Загидуллин; сост. указ. Р.М. Зялялетдинова. – Казань: Издательство Академии наук РТ, 2015. 588 с.

Саматова Чулпан Хамитовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, доцент Казанского кооперативного института (филиал) Российского института кооперации (г.Казань).

УДК 94((470.23-25)

И.К. Загидуллин

Первый исторический путеводитель по «мусульманскому» Петербургу

Одним из оригинальных и эффективных форм пропаганды исторических знаний для туристов и местных жителей, интересующихся историей родного края, являются путеводители, содержащие сведения страноведческого и справочно-энциклопедического характера. По своему формату и форме изложения материала они имеют ряд особенностей, которые отличают их от других научно-популярных сочинений. Такая книга должна быть малого размера, чтобы удобно было носить с собой, содержать короткую и одновременно подробную достоверную информацию и о маршруте следования, и об историческом объекте, и собственное мнение автора и опираться на определенные ценностные установки, иметь иллюстрации – начиная от картосхем и завершая фотографиями объектов историко-культурного наследия. В то же время нет каких-либо четких стандартов для разработки путеводителя, что предоставляет авторам-составителям неограниченные возможности для презентации исторической информации.

Всем этим требованиям соответствует рецензируемая книга. Исторический путеводитель «Мусульманский Петербург» (Беккин, Тагирджанова, 2016) получился именно таким «карманным» и «толстым» (640 с.), интересным, познавательным и содержащим много нового материала, в том числе еще впервые вводимого в научный оборот. Для облегчения восприятия научных терминов, имеющих отношение к мусульманской культуре, в приложении издания имеется глоссарий, составленный по материалам энциклопедических словарей. Быстрому поиску информации о конкретной личности способствует также именная указатель. Возможно, следовало бы сделать и географический указатель, позволяющий туристу, самостоятельно совершающему пешую прогулку-экскурсию по городу, оперативно находить интересующую местную достопримечательность.

Как известно, усиление роли религий в современном светском обществе способствовало формированию новых направлений научных изысканий в сфере гуманитарных знаний. В нашем случае выбор темы определяется, прежде всего, той большой ролью, какую в

повседневной и семейной жизни этноконфессиональных сообществ, особенно для первых двух поколений переселенцев, играли религиозные традиции. Конечно, в условиях большого города для отдельных категорий жителей эти традиции подвергались существенной трансформации, однако несомненно, что в этнокультурном плане столица была разделена на этноконфессиональные локальные группы, хотя и отсутствовали четко выделенные этноконфессиональные кварталы, характерные для крупных, средних и малых российских городов рассматриваемого времени.

Успешность путеводителя предопределена высоким профессионализмом и научной компетентностью авторов-составителей, которые, зная Санкт-Петербург «изнутри», легко ориентируются в городском пространстве и успешно реконструируют забытые страницы прошлого. Р.И. Беккин – известный исламовед, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, автор ряда книг по исламской экономике; ученый, по крупицам собирающий источники по истории татар родного города и его округи. А.Н. Тагирджанова – известный краевед, автор многочисленных публикаций по истории татарской общины Санкт-Петербурга, имеющий большой опыт по разработке, организации и проведению пеших экскурсий по «мусульманским местам». Одним словом, авторами-составителями путеводителя являются ведущие специалисты по истории татарско-мусульманской общины Санкт-Петербурга.

Тандем ученого и краеведа придает труду некий академический шарм, путеводитель выделяется четкой структурой и системностью изложения материала. Более того, в формате путеводителя авторы представили свои последние научные открытия. Другой примечательной чертой издания следует признать простой и доступный язык книги.

В предисловии, написанном Р.И. Беккиным, объяснена причина обращения к такой специфической форме научно-популярного изложения материала: авторы желают охватить более широкий круг читателей, а значит осуществить более масштабную научно-просветительскую работу по реконструкции жизни одной из конфессиональных групп петербуржцев. Этим определяется новизна издания. В предисловии также определены хронологические (XVIII в. – 1930-е гг.) и территориальные границы путеводителя (город и пригороды), представлена краткая характеристика основных трудов,

привлеченных авторами, указаны методика и приоритеты комплектования материала.

Согласно «Списку использованной литературы и источников», при составлении путеводителя был привлечен широкий круг имеющейся литературы и опубликованных источников по теме. Особо следует отметить привлечение материалов 28 фондов Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Архива востоковедения ИВР РАН, Российского государственного архива ВМФ, а также многочисленных справочных изданий. Конечно же, круг использованных авторами источников намного шире. Это, прежде всего, исторические кварталы и здания Санкт-Петербурга и его пригородов, где протекала заполненная повседневными хлопотами и трудовыми буднями семейная и общественная жизнь мусульман, где сбывались и разрушались мечты прибывающих с большими надеждами в столицу людей, это – экспозиции и фонды музеев и библиотек, где хранятся материалы по культуре мусульманских народов, это – общественные здания, которые арендовались татарами для проведения религиозных и культурно-просветительских мероприятий и иных целей, правительственные учреждения, в которых служили мусульмане, молитвенные здания и другие здания, принадлежавшие мусульманам, это – мусульманские кладбища, где сохранились надмогильные плитки и могилы без них, это – семейные архивы авторов и их знакомых, личные архивы коллег-историков, воспоминания старожилов, родных и близких, и, наконец, собственные воспоминания и переживания авторов. Глубоко символично, что книга начинается с раздела «Слова признательности», адресованного большой группе ученых, музейным, архивным работникам, общественным деятелям, старожилам Петербурга, оказавшим содействие при работе над книгой. Вот, кажется, неполный перечень тех источников, путем анализа которых составлялись тексты данного путеводителя. Образно говоря, в путеводителе представлена расшифрованная исследователями часть закодированной временем и закрытая для обывателя информация по истории мусульман в столице империи.

На наш взгляд, работа существенно выиграла бы, если бы имелась вводная статья об основных этапах и особенностях формирования мусульманской общины в столице империи. (К слову сказать, такая статья имеется в конце путеводителя и написана с целью оз-

накомления читателя с основными вехами истории мусульман в советский и постсоветский периоды). Как известно, войны Российской империи с мусульманскими государствами, присоединение новых территорий экстраполировались на этноконфессиональную топографию ее столицы, добавляли новые штрихи официальной, культурной и хозяйственной жизни города. Если ясачные татары Среднего Поволжья и служилые татары были рекрутированы на строительство Санкт-Петербурга, то представители других мусульманских народов – казахи, азербайджанцы, крымские татары, литовско-польские татары, народы Северного Кавказа и Средней Азии оказались в составе России, начиная со второй трети XVIII в. Мусульмане окраин, в отличие от поляков, евреев, финнов, ставших российскими подданными примерно в одно и то же время с мусульманами и занявших свою нишу в городском хозяйстве, были не частыми гостями столицы и появлялись в городе в угоду внешнеполитическому курсу самодержавия или с целью получения высшего образования, или продолжения казенной службы. На этом фоне выделялись приезды официальных делегаций мусульманских государств, прежде всего Ирана и Османской империи, открывших здесь свои дипломатические представительства.

Поволжские татары, элиту которых – служилых татар – Петр I упразднил и приписал к самому низшему, податному, сословию, стали осваивать столицу, будучи крестьянским населением, наиболее удачные предприниматели старались записываться в гильдейское купечество. Важно также отметить, что урбанизационные процессы среди татар в XVIII – первой половине XIX в. были направлены на освоение городского пространства на юго-востоке страны, где они создавали свои колонии с целью торговли со Средней Азией и Казахской степью и выступали ключевым градообразующим элементом региона. Именно поэтому татарская община столицы первоначально формировалась из числа военнослужащих, отставных солдат и матросов. (В этой связи важное познавательное значение имеет опубликованное в приложении путеводителя прошение на татарском и русском языках доверенного военнослужащих о выделении молитвенного помещения и места кладбищу 1796 г. с поименованным списком просителей – самого древнего из введенных в научный оборот документов, составленного мусульманами). Лишь в пореформенный период наметилось довольно актив-

ное заселение татарами русских городов Европейской части России, в том числе Санкт-Петербурга. Низкий сословно-социальный статус и религиозные народные традиции накладывали свой отпечаток на сферы приложения труда, на районы расселения татар. Такого рода информация существенно обогатила бы путеводитель.

В лучших традициях составления путеводителей тексты книги разделены на базовую и периферийную части. Базовая часть каждой главы (маршрута) состоит из трех сегментов: карты с указанием местонахождения объектов историко-культурного наследия, включенного в данный маршрут; краткого описания самого маршрута и оригинального исследовательского текста. В периферийной части, выделенной курсивом и названной «краткой справкой», и выдержек из источников на темно-зеленом фоне представлена дополнительная информация об исторической личности, событии или достопримечательности. Она призвана расширить и углубить уже имеющиеся знания читателя.

Правомерным представляется включение в периферийную часть многочисленных, в значительной степени эксклюзивных фотографий из семейных альбомов, часть которых публикуется впервые. Вызывает восхищение факт сопровождения практически всех исторических персонажей (в именном указателе отмечено 128 человек), упомянутых в путеводителе, их портретными фотографиями или иллюстрациями предметов, принадлежащих или имевших к ним отношение. Авторы сумели также проиллюстрировать тексты, рассказывающие об объектах материального и нематериального историко-культурного наследия, старинные фотографии, рисунки, планы, архивные документы, которые позволяют воссоздать их облик и определить месторасположение и т.д. Многие из иллюстраций представлены в цвете, что делает книгу привлекательной для восприятия.

Удачное сочетание базовой и периферийной частей придает путеводителю энциклопедический характер и позволяет ориентироваться на читателей с различными интеллектуальными запросами.

Путеводитель состоит из трех самостоятельных частей. Первая часть (8 маршрутов: 6 маршрутов – автор Р.И. Беккин и 2 маршрута – авторы Р.И. Беккин и А.Н. Тагирджанова) посвящена Петроградской стороне, где с начала XVIII в. стали проживать отправленные на строительные работы мусульмане и в начале XX в. была возведена Соборная мечеть. Прежде всего, эти маршруты рассказывают о

лидерах местной татарской общины, ученых, просветителях, чиновниках, военнослужащих, культурно-просветительских и благотворительных обществах, школах, четырех мусульманских приходах, молитвенных помещениях, повествуют об особенностях организации религиозно-обрядовой жизни и хозяйственных занятиях татар. Ряд сюжетов об общественно-политической деятельности мусульманских депутатов в Государственной Думе и их жизни в столице, о II, III и IV Всероссийских съездах мусульман, о посещении Санкт-Петербурга видными мусульманскими общественными лидерами и деятелями культуры имеют и общетюрко-татарское, и общемусульманское звучание. Маршруты, связанные с посещением Института восточных рукописей, ряда высших учебных заведений, Государственного Эрмитажа, Государственного музея истории религий, Российской национальной библиотеки и других музеев и архивохранилищ, где бережно хранятся реликвии мусульманских народов, повествования о становлении и развитии российской академической востоковедческой школы, несомненно, имеют общероссийское значение. Рассказы о дипломатических представительствах мусульманских государств и посещении города сановниками-мусульманами дополняют «мусульманский» Петербург новыми «международными» штрихами, характеризующими взаимоотношения Российской империи с исламским миром.

Во второй части под названием «Отдельные примечательные объекты, не вошедшие в маршруты» (три маршрута, автор Р.И. Беккин), сосредоточены монографические повествования о квартальной мечети в Коломнах, татарской конебойне у деревни Купчино, о ресторанах, принадлежавших касимовским татарам Ф.Карамышеву, М.Яхъину, Х.Ялышеву, Р.Халитову и др. Третья часть путеводителя (семь маршрутов, автор Р.И. Беккин) посвящена истории и жизни мусульманских (татарских) общин пригородов Петербурга и Ленинградской области: в Кронштадте, Шлиссельбургской крепости (Орешек), Карельском перешейке, Тосно и Любани, Царском селе (Пушкин), Луге. Последняя глава под названием «Потомки первопроходцев: татарская община в современном Санкт-Петербурге» представляет собой краткий очерк истории мусульман города в советский и постсоветский периоды, знакомит читателя с общественными организациями и активистами, трудовыми буднями и празд-

никами, издательскими проектами мусульман и другими интересными сюжетами из жизни этноконфессиональной общины.

Важно отметить, что включенная в книгу информация имеет универсальный характер и позволяет, при творческом подходе и необходимости, организовать и автобусную, и комбинированную, автобусно-пешую экскурсию, делая ее более разнообразной по тематике. Одновременно материалы путеводителя могут быть успешно использованы при разработке других туристических маршрутов по городу, посвященных, скажем, мультикультурному ландшафту Петербурга и т.д.

Следует высказать несколько пожеланий, ориентированных на улучшение работы при переиздании книги. Малочисленность объектов, имеющих отношение к мусульманам, и нередко их отсутствие (уничтожены временем), в значительной степени превращают материалы 3-й части в краткий очерк истории татарских общин пригородов Петербурга. При изложении материалов во 2-й и 3-й частях чувствуется слабая редакция текста научной статьи и ее адаптация к стилю путеводителя. В них часто приводятся цитаты из работ современников, которые, на наш взгляд, лучше перенести в периферийную часть книги.

Авторы в целом придерживаются ценностных установок, иллюстрирующих уважительное отношение к мусульманам и позитивные аспекты жизни и деятельности мусульман. Однако имеются некоторые отступления, которые представлены в цитатах из работ современников (с. 143, 161, 187, 292, 293, 486, 487). Между тем, такой подход противоречит ценностным критериям и, возможно, в них запечатлена предвзятая оценка современника к представителям иной культуры и их деятельности или личная неприязнь конкретного человека.

Исторический путеводитель по «мусульманскому» Петербургу – это первый опыт создания многопланового путеводителя по истории мусульман столицы Российской империи и современной культурной столицы Российской Федерации. Исторический путеводитель оказался успешным проектом, открывающим новые перспективы для воссоздания этноконфессионального образа города на Неве. Принципы его разработки могут стать своеобразной моделью для составления аналогичных исторических путеводителей по мусульманским местам других российских городов.

Литература

Беккин Р.И., Тагирджанова А.Н. Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях. – М., СПб.: Институт Африки РАН, 2016. 640 с.; ил.

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань).

УДК 94"1865–1914"(470.43)

А.М. Субботина

Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии: о монографии Л.М. Владимировой

Монография Л.М. Владимировой «Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.)» (Владиминова, 2016) является продолжением диссертационного исследования автора. Обращение к теме конфессиональной специфики функционирования земских учреждений является достаточно редким в отечественной историографии, поскольку сопряжено с трудностью поиска источниковового материала. Хочется отметить, что Л.М. Владимировой успешно справилась с этой сложной задачей. Монография получилась интересной и, возможно, в некоторых вопросах дискуссионной.

Существующее исторически в России географическое, социально-экономическое, культурное многообразие не могло не отразиться на деятельности земских учреждений. Созданные в ходе Великих реформ органы местного самоуправления неизбежно должны были учитывать особенности конкретных территорий. Конфессиональный фактор во второй половине XIX – начале XX в. играл важную роль в жизни населения страны и государственной политике, показателем чего может служить учет и фиксация сведений о вероисповедании кандидатов и гласных земских собраний наряду с их сословной принадлежностью и наличием необходимого имущественного ценза. В этой связи изучение регионального аспекта взаимодействия органов земского самоуправления и мусульманского населения в указанный период актуально как с точки зрения разви-

тия отечественной исторической науки, так и в свете осмысления современного опыта этно-конфессиональных отношений и выработки эффективных решений в этой области.

Исследование охватывает достаточно большой временной период, начиная с учреждения земств в 1864 г., заканчивая вступлением России в Первую мировую войну в 1914 г. Указанные хронологические рамки дают возможность проследить определенные тенденции и оценить результаты деятельности земских учреждений и отношение к ним крестьян-мусульман Самарской губернии.

Лилия Михайловна демонстрирует хорошее знание работ своих предшественников, предлагая свой оригинальный взгляд на проблему учета этно-конфессиональной специфики населения в земской практике. Это оказывается возможным, благодаря включению в сферу исследования целого комплекса опубликованных и неопубликованных источников. В их числе материалы двух архивов, связанных с территориальными рамками исследования: Государственного архива Самарской области и Национального архива Республики Татарстан. Особое внимание Л.М. Владимирова уделяет земским статистическим исследованиям и изданиям, которым посвящен отдельный параграф книги. Личностный аспект отношений земств и мусульман помогают раскрыть такие привлеченные автором источники, как мемуары, публицистика и газетные статьи, переписка. Значительная источниковая база монографии стала основой для аргументированного и обоснованного раскрытия основных положений работы, подтвердив выводы фактическими данными.

В структурном отношении исследование характеризуется лаконичностью. Основное содержание раскрывается в двух главах.

Первая глава «Земские учреждения и мусульманское сельское население» состоит из трех параграфов. Открывается глава параграфом «Земские институты и мусульмане-гласные», который посвящен истории становления земств и участию в них гласных из среды мусульман. Основываясь на анализе имеющегося в распоряжении автора комплекса источников, выявлен персональный и количественный состав гласных-мусульман в губернском и уездных земских собраниях и членов уездных земских управ. Также дана характеристика деятельности мусульман в земских собраниях с точки зрения продолжительности их службы, круга поднимаемых вопросов, степени активности и отношения к ним земского боль-

шинства. Выводы автора особенно интересны с точки зрения демократического начала земского самоуправления и формирования гражданского общества в России в изучаемый период. Автор отмечает существование объективных и субъективных сложностей участия мусульман в земских собраниях. Среди них принадлежность мусульманских гласных к крестьянской курии, имеющей свою квоту по числу гласных, необходимость знания русской грамоты, настороженным отношением и восприятием земств среди исповедующих ислам как представителей русской власти. Несмотря на выявленные трудности и на малочисленность мусульманских гласных в Самарской губернии, по мнению автора монографии, уже в 1880-е гг. наблюдается рост их активности в местном земстве по отстаиванию интересов своих общин (с. 65).

Второй параграф «Обследование земством крестьянских хозяйств» важен с точки зрения показа подхода местных органов самоуправления к организации своей деятельности в аграрной сфере. Характеризуя масштаб и разноплановость земских статистических исследований, Л.М. Владимирова затрагивает вопрос об отношении к ним крестьян. Опираясь на данные источников, она отмечает нежелание некоторых мусульман участвовать в обследованиях (с. 72).

В третьем параграфе первой главы анализируется социально-правовое положение крестьян-мусульман Самарской губернии по разным направлениям (землевладение, политика в сфере образования и конфессиональных отношений и др.) с учетом временной динамики во второй половине XIX – начале XX в. Автором обнаружено существование в изучаемый период некоторого противоречия между закрытостью крестьянских сообществ вне зависимости от конфессиональной принадлежности и модернизационными целями российского правительства (с. 122–123).

Вторая глава монографии посвящена изучению деятельности земских учреждений Самарской губернии. Основной акцент делается на специфике взаимоотношений земств и крестьян-мусульман. Деятельность земства рассматривается по выделенным автором двум направлениям, соответственно раскрываемым в двух параграфах: хозяйственно-экономическому (выделение ссуд и семян в неурожайные годы, борьба с эпидемиями и эпизоотиями домашнего скота, распространение инноваций в земледельческом и животноводческом производстве, применение нового сельскохозяйственного инвен-

таря, развитие огородничества и садоводства, реализация столыпинской аграрной реформы) и социальному (образование, страховое дело, оказание помощи погорельцам, санитарно-эпидемические мероприятия, общественное призрение).

Знакомство с монографией позволяет отметить вклад ее автора в определение роли этно-конфессионального фактора в осуществлении нововведений Самарского земства среди крестьян-мусульман и причин недовольства мусульман деятельностью органов самоуправления. К несомненным достоинствам работы следует отнести богатый источниковый материал, в том числе, наличие большого числа обработанных статистических данных, оригинальность подхода к проблеме и широту ее охвата.

Среди пожеланий автору хотелось бы отметить, что можно было бы сделать более сложной структуру работы. Имеющийся материал вполне позволял сформировать три главы, сузив охват тем в каждом параграфе. Читателю было бы интересно также увидеть не только таблицы, но и какие-то другие иллюстративные материалы, например, фотографии школ, учащихся и др. Можно выразить надежду, что в последующем издании автор учтет эти пожелания и продолжит исследование, включив в него период Первой мировой войны и революции 1917 г.

Проделанная Л.М. Владимировой работа позволила появиться интересному и актуальному научному труду, который, без всяких сомнений, найдет своего читателя и послужит новому исследовательскому поиску в направлении изучения этно-конфессиональных взаимоотношений в России и отдельных ее регионов в разные исторические периоды.

Литература

Владимирова Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.): монография. Серия «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья». Вып. 6. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 256 с.

Субботина Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г.Ижевск).

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Р.Р. Исхаков

Мероприятия, посвященные празднованию 160-летия со дня рождения В.Т. Тимофеева (1836–1895)

В рамках поручения президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова Министерством культуры РТ, Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ, Общественной организацией кряшен РТ был разработан комплекс мероприятий, посвященных празднованию 160-летия со дня рождения известного кряшенского религиозного просветителя, педагога, основателя и первого директора Казанской центральной крещено-татарской школы Василия Тимофеевича Тимофеева (1836–1895).

Цикл юбилейных мероприятий был открыт проведением в мае 2016 г. в г.Мамадыше мастер-классов для учителей и сотрудников домов культуры, посвященные традиционному музыкальному искусству и фольклору татар-кряшен. Главным организатором выступил Республиканский центр развития традиционной культуры при Министерстве культуры РТ. В мастер-классах приняли участие научные сотрудники Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и преподаватели Казанской музыкальной консерватории им. Н.Г. Жиганова.

9 сентября в г. Казани в Доме дружбы народов РТ состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие кряшен Волго-Уральского региона. Актуальные вопросы и перспективы изучения». Научный форум был организован Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ, Домом дружбы народов РТ, Общественной организацией кряшен РТ. Проведение конференции было направлено на консолидацию усилий ученых гуманитарного профиля и исследователей-краеведов, занимающихся изучением истории и культуры татар-кряшен, а также популяризацию кряшенского историко-культурного наследия. На конференции рассматривались следующие вопросы: формирование этноконфессиональной общности кряшен; развитие просветительского движения; народная культура и фольклор; православные религиозные институты: прошлое и настоящее; кряшенская интелли-

генция: вопросы изучения и восстановления биографий известных деятелей культуры, образования, науки, героев военных действий кряшенского происхождения; история этнотерриториальных групп и отдельных населенных пунктов; современное положение этнической культуры кряшен: перспективы сохранения и изучения.

На конференции выступили ученые, краеведы, общественные деятели из Казани и районов Республики Татарстан и Республики Башкортостан, Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска и Челябинской области, а также из г. Екатеринбурга. На пленарном заседании были представлены как доклады ученых-историков, филологов, искусствоведов, так и общественных деятелей. Так, доклад руководителя исполкома Общественной организации кряшен РТ, главного редактора культурно-просветительской газеты кряшен «Туганайлар» Людмилы Белоусовой был посвящен деятельности ООК РТ по популяризации наследия В.Т. Тимофеева. Доктор церковной истории, профессор, заведующий кафедрой Церковно-практических дисциплин Казанской духовной семинарии Алексей Колчерин выступил с докладом «Священник – благословение народа: о первом кряшенском священнике Василии Тимофееве». Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора Российского института истории искусств Наиля Альмеева рассказала о песенном наследии кряшен. Д.филол.н., главный научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ Флера Баязитова выступила с докладом о лексике семейного этикета и духовного родства в говорах кряшен в контексте обрядовых и диалектно-фольклорных текстов. К.и.н., председатель Совета ветеранов кряшенского движения г. Казани Аркадий Фокин посвятил свой доклад проблеме происхождения кряшен в современной историографии. Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, заслуженный деятель искусств РТ Геннадий Макаров рассказал об этнических и национальных аспектах в традиционной культуре кряшен. Директор Муниципального казенного учреждения культуры «Централизованная музейная система Нагайбакского муниципального района» села Париж Челябинской области Надежда Герасимова в своем докладе затронула тему сохранения историко-культурного наследия нагайбаков в музейной системе На-

гайбакского района Челябинской области. К.пед.н., доцент Уральского государственного университета физической культуры г. Челябинска Татьяна Тихонова на примере коллекций этнографического музея села Попово рассказала об особенностях традиционной культуры нагайбаков Чебаркульского района Челябинской области.

Работа конференции была разделена на две секции. Название первой секции, которую возглавил Геннадий Макаров, – «Основы традиционной культуры кряшен». В данной секции выступила научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Халида Багаутдинова с докладом на тему: «Материалы по историко-культурному наследию кряшен в архивных коллекциях России».

Вторая секция была посвящена теме исторического наследия кряшен. Председателем секции выступил заведующий Центром изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Радик Исхаков, который зачитал доклад: «Актуальные вопросы истории кряшен». В работе секции также приняли участие научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Рустем Аминов с докладом «К вопросу о численности нагайбаков в конце XIX – начале XX вв.» и старший научный сотрудник Института истории АН РТ Лилия Мухамадеева представила доклад на тему: «Литературно-издательская деятельность кряшен в первые десятилетия советской власти».

После завершения конференции в Национальной художественной галерее «Хазинэ» Государственного музея изобразительных искусств РТ состоялось открытие выставки «Традиционная культура нагайбаков Южного Урала». Целью выставки было знакомство общественности с декоративно-прикладным искусством, экспонатами музеев Нагайбакского и Чебаркульского районов Челябинской области, которые отражают историю и традиционный быт нагайбаков. Она должна обогатить представление о многообразии и богатстве этнического искусства нагайбаков, установить духовные связи между народами регионов, будет способствовать сохранению традиционной культуры.

Во время открытия выставки была осуществлена презентация каталога, куда вошли лучшие образцы произведений декоративно-прикладного искусства, предметов интерьера – те шедевры народной культуры нагайбаков, которые удалось сохранить в музейных кол-

лекциях. Каталог сопровождают научные статьи татарстанских и челябинских историков и искусствоведов, в которых отражено богатство, особенности и самобытность культуры нагайбаков. Каталог стал первым академическим научным изданием в этой области. На открытии выставки с приветственным словом выступил директор Института истории им. Ш.Марджани, академик АН РТ Р.С. Хакимов.

10 сентября в острове-граде Свияжске прошел первый Республиканский православный фестиваль культуры кряшен «Бәрмәнчек бакчасы – «Вербицкий сад». В фестивале приняли участие всего 12 коллективов, в числе которых и два коллектива из регионов России – нагайбакский ансамбль «Гумыр» из Челябинской области, кряшенский ансамбль «Натукай» из Самарской области. Уникальнейшие образцы православной культуры, свойственные только кряшенам, прозвучали в этот день. Были представлены как отдельные песнопения, так и обрядовые композиции – Май чабу (Масленица), Оло кон (Пасха), Тройсын (Троица), Питрау (Петров день), Пыкрау (Покров день).

Исхаков Радик Равильевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань).

А.В. Ахтямова

**Всероссийский научный семинар
«Татарские городские общины в модернизационных
процессах (середина XIX – начало XX века)»**

26 сентября 2016 года в ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ» прошел Всероссийский научный семинар «Татарские городские общины в модернизационных процессах (середина XIX – начало XX века)». Инициаторами проведения семинара выступили сотрудники отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

С приветствием к участникам семинара обратился заведующий отделом новой истории, доктор исторических наук И.К. Загидуллин.

В ходе работы семинара были заслушаны доклады специалистов по истории татарских общин городов Среднего Поволжья, Приуралья и Южного Казахстана. Рассмотрены вопросы демографического поведения, предпринимательской деятельности городских татар, участия мусульман в работе органов городского самоуправления, особенности их социокультурной жизни и модели сохранения этноконфессиональной идентичности в инокультурной среде и т.д.

Семинар начался с обсуждения доклада преподавателя истории ГАПОУ «Колледж малого бизнеса предпринимательства», кандидата исторических наук Н.А. Кореевой, посвященного деятельности органов городского самоуправления в Казани и татарским предпринимателям в середине XIX века.

В выступлении заведующего отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, доктора исторических наук И.К. Загидуллина были представлены новые статистические сведения, позволяющие увидеть динамику численности татар-горожан и рассуждать об особенностях урбанизационных процессов в губерниях Поволжья и Приуралья в конце XIX – начале XX века.

Помощник президента ФГБОУ ВП «Ульяновский государственный университет», кандидат исторических наук Р.К. Вильданова в своем выступлении рассказала о формировании и функционировании татарской общины г. Симбирска, ознакомила участников семинара с лидерами местной общины, предпринимателями, внесшими большой вклад в социально-экономическое и культурное развитие татар губернского города.

Анализу архивных источников и воспоминаниям профессора Романа Дыбоского (1883–1945) был посвящен доклад ведущего научного сотрудника Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, кандидата исторических наук Г.Р. Рафиковой. Аудитории были представлены фрагменты из воспоминаний бывшего военнопленного профессора о татарах и о Казани периода Первой мировой войны.

Ведущей формой социально-экономической активности татарских городских общин Южного Казахстана – бывших Семиреченской, Сырдарьинской областей – доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин Бугульминского филиала ЧОУ ВПО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязо-

ва», кандидат исторических наук Э.М. Гибадуллина назвала торговую деятельность мусульман и на конкретных примерах иллюстрировала их предпринимательскую активность.

Старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, кандидат исторических наук Р.Г. Галлям ознакомил присутствовавших с историей татарской общины Арска, заштатного города Казанской губернии.

Старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, кандидат исторических наук А.В. Ахтямова представила результаты анализа материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. о занятиях городских татар Уфимской губернии.

Профессором кафедры истории, регионоведения и журналистики ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», доктором исторических наук О.Н. Сенюткиной был заявлен доклад, посвященный основным тенденциям включения татар Нижнего Новгорода в полиэтничное городское пространство и влиянию на этот процесс Нижегородской ярмарки на рубеже XIX–XX веков.

В ходе семинара состоялся обмен мнениями по актуальным проблемам жизнедеятельности татарских общин. Планируется издание материалов семинара, в том числе статей заявленных авторов, которые по уважительным причинам не смогли принять участие в данном научном мероприятии.

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань).

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

«Вопросы формирования и трансформаций
этносоловных групп Поволжья и Приуралья
XVII – начала XX века»

(г.Казань, 20 ноября 2015 г.)

УДК 94(470.344)"17"

Д.В. Басманцев

Имперская идеология и нерусское население на территории Чувашии в XVIII веке

На примере территории Чувашии показаны основные направления политики правительства и механизмы насаждения имперской идеологии в XVIII в., рассмотрены вопросы о соблюдении равенства перед законом и попытках создания единого религиозного пространства.

Ключевые слова: имперская идеология, нерусское население, Чувашия в XVIII в., равенство перед законом, христианизация.

Трансляция имперской доктрины осуществлялась местными государственными учреждениями. С возросшей административной роли областных учреждений и их бюрократизацией усилилось социально-экономическое давление на российское общество, в том числе и на нерусское население Среднего Поволжья. Оно приводило к различным противоречиям и поиску компромисса между государственной властью и местным сообществом.

Территория Чувашии в XVIII столетии имела локальные особенности и отличалась сложным этническим, конфессиональным и социальным составом населения. В отличие от великорусских уездов на территории Чувашии абсолютное большинство составляли крестьяне из чувашей, незначительное число – из русских, татар и мордвы. В религиозном отношении русские и другие народы являлись христианами. В соседстве с ними проживали язычники и татары-мусульмане.

В условиях рождения имперского социума в начале XVIII в. социальные и конфессиональные страты стали подвергаться «унификации и стандартизации». В Петровскую эпоху вплоть до заката правления Екатерины II идеология была одним из инструментов в проведении имперской политики. Однако механизм внедрения государственной идеи в сознание подданных при Петре I еще только сформировался, и лишь ко второй половине XVIII столетия идеологические установки стали «питать» дворянство и широкие слои российского общества (Марасинова, 2011, с. 659–670).

В повседневной жизни нерусского населения Чувашии идеологические нормы приобретались через опыт организации выборов на различные «мирские» должности и в толмачи, прохождения обряда дачи клятвенного обещания, процедуры судебных тяжб и т.д. Постепенная трансляция имперских ценностей в крестьянское сообщество начинала менять у его членов прежнюю культуру и поведение. Одним из таких ценностных составляющих, осознающим обывателями, являлась приверженность «обществу добрых людей». Согласно 3 пункту 53 главы Генерального регламента 1720 г., порядочным членам общества нельзя было водиться с шельмованными и наказанными на публичном месте гражданами, так как «таковой весьма лишен общества добрых людей». В комментариях сказано, что введение данного положения было связано с тем, чтобы подданные «более от худых дел воздерживали» (Реформы Петра I, 1937, с. 133–134).

В правовых актах и архивных источниках сохранились многочисленные свидетельства о «добрых», «лучших» подданных. Государственные крестьяне, в том числе чуваша, быть «добрыми людьми» понимали исходя из занимаемого положения в социальной иерархии общества. Поэтому их представление о «добрых подданных» сводилось к выполнению определенных общественных функций: платить подушину без доимок, нести различные повинности, исповедаться в церквях, вести трезвый образ жизни, не покидать место жительства и т.д. Воеводы следили, чтобы на должности толмача, волостного сотника в общинах выбирались «добрые», «лучшие» миряне (Басманцев, 2012, с. 43–48).

Идеологическая ценность об «обществе добрых людей» диктовала подданным быть законопослушными и исполнять свои социальные функции. Она выступала неким политическим и общественным балансом на местах, зависящим от равновесия интересов вла-

сти и местного социума. Однако это равновесие постоянно нарушалось ввиду различных причин, и местным нерусским народам приходилось отстаивать свои права или прийти к компромиссу, адаптируясь на возникшие имперские вызовы.

Самодержавная власть в первой половине XVIII в. старалась сохранить баланс на местах, удовлетворяя иски нерусских народов Чувашии о злоупотреблениях представителей власти, нарушениях норм закона. Отстранение чиновников от занимаемой должности, проведение следствия и вынесение приговоров, предусматривающих штрафы, казни и конфискации имущества, были одной из основ соблюдения устоев абсолютизма и применения законодательства о должностных преступлениях XVIII в. (Писарькова, 2007, с. 137–140, 237–239; Басманцев, 2015, с. 11–21). Естественно, правительству не всегда удавалось повсеместно и постоянно вести борьбу со злоупотреблениями, совершенными представителями местной администрации. Государство таким образом лишь пыталось сохранять незыблемые идеалы справедливого монарха на местах.

В середине XVIII в. с активизацией христианизации нерусских народов Среднего Поволжья происходило сильное социокультурное, экономическое и идеологическое давление на язычников и татар-мусульман, которым приходилось сделать непростой выбор: остаться язычником или приверженцем ислама и попасть в категорию «подозрительных» подданных, или же принять христианство и стать полноправным членом «общества добрых людей». Согласно дополнительному условию, новокрещены, чтобы не отпали от «общества добрых людей», ежегодно должны были исповедаться в церквях. Принятие христианства для чувашей, как и для других нерусских народов, означало, как на примере мордвы показал исследователь В.А. Юрченков, социальное-правовое уравнивание с русским населением (Юрченков, 2010). Такое положение дел чувашским крестьянам придавало импульс в борьбе за равноправие перед законом, против лихоимцев, вымогателей, организаторов насильственного крещения, за идеалы «общества добрых людей» в целом. Одновременно их принадлежность к православию должна была в глазах имперских блюстителей законности и духовенства снискать защиту от вопиющего произвола коронных чиновников и миссионеров, способствовать реализации принципов «общего блага», социальной справедливости. Во второй половине XVIII столетия нерус-

ское население, пользуясь своими законными правами и защищая свои интересы, непрерывно обращалось с челобитными в местные, центральные и высшие государственные инстанции.

Накопившийся с началом Петровской эпохи дисбаланс между имперскими амбициями и социально-экономическим, конфессиональным положением нерусского населения был выправлен в ходе пугачевского движения 1773–1775 гг. В нем приняли участие чувашские, марийские, удмуртские и другие крестьяне и различные социальные слои населения. Результатом масштабного сопротивления различных по своему национальному, конфессиональному и социальному составу «подданных» (по идеологии абсолютизма они попадали в категорию «недобрых людей») имперскому режиму в лице чиновников-управленцев и миссионеров стало принятие незамедлительных мер по урегулированию национально-конфессионального вопроса и административно-территориального устройства.

Таким образом, идеология абсолютизма должна была сформировать «общество добрых людей» без учета этнических и конфессиональных страт. В середине XVIII в. большая часть нерусского населения, за исключением татар-мусульман и небольшой группы язычников, подверглась массовой насильственной христианизации. В едином конфессиональном пространстве «добрые» подданные должны были осуществлять свои социальные функции и внести свой вклад в «общее благо». При этом идеологические установки находили противоречие со злоупотреблениями чиновников и миссионеров, с интересами нерусского населения, а также с фактором многонациональности и поликонфессиональности империи в целом.

Источники и литература

1. *Басманцев Д.В.* Органы государственного надзора и следствия по борьбе со злоупотреблениями местной администрации на территории Чувашии в XVIII веке // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 11–21.
2. *Басманцев Д.В.* Поведенческий стереотип волжского крестьянства в XVIII веке: социально-нравственный аспект // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность. – Чебоксары, 2012. С. 43–48.
3. *Марасинова Е.Н.* Имперская доктрина российского самодержавия в XVIII веке // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. – М., 2011. С. 657–744.

4. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. – М., 2007. С. 137–140, 237–239.

5. Реформы Петра I. Сб. док. / сост. В.И. Лебедев. – М., 1937. 379 с.

6. Юрченков В.А. Мордовский этнос в имперском социуме: XVIII – начало XX вв. // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicitn/volga_ural/contents.html (дата обращения: 20.04.2010).

Д.В. Басманцев

Империя идеологиясе һәм XVIII гасырда Чувашия территориясендә рус булмаган халыклар

Чувашия территориясе мисалында хөкүмәт сәясәтенең төп юнәлешләре һәм XVIII гасырда империя идеологиясен гамәлгә ашыру механизмнары күрсәтелгән, закон алдында тигезлек саклау турындагы мәсьәләләр һәм бердәм дини пространство булдыру омтылышы каралган.

Ачкыч сүзләр: империя идеологиясе, рус булмаган халыклар, XVIII гасырда Чувашия, закон алдында тигезлек, христианлаштыру.

D.V. Basmantsev

Imperial ideology and non-russian population on the territory of Chuvashia in 18th century

On the sample of territory of Chuvashia are shown main directions of the governmental policy and the mechanisms of imperial ideology in the 18th century, the issues of respect for equality before the law and attempts of creation of the unite religious space.

Keywords: imperial ideology, non-Russian population of Chuvashia in the 18th century, equality before the law, Christianization.

Басманцев Дмитрий Викторович – младший научный сотрудник исторического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г.Чебоксары); e-mail: basmantsevd@rambler.ru

Басманцев Дмитрий Виктор улы – Чуваш дәүләт гуманитар фәннәр институтының кече фәнни хезмәткәре (Чебоксар шәһәре).

Basmantsev Dmitrii Viktorovich – Junior Researcher of Historical Trends, Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary).

Закир Кадыри об основных этапах национального движения татар

Творчество татарского публициста Закира Кадыри, вынужденного в 1918 году покинуть Россию, до сих пор не подвергалось внимательному изучению исследователей. Между тем, основные проблемы, стоявшие перед тюркскими народами страны в начале XX века, нашли отражение в материалах крупной татароязычной газеты «Тормыш» (г. Уфа), редактором которой был Закир Кадыри. Сегодня материалы газеты служат новым источником, благодаря которому можно проследить историю формирования татарской нации, джадидистского движения, взгляды представителей различных политических групп начала XX века.

Ключевые слова: Закир Кадыри, татарская нация, джадидизм, ислам, газета «Тормыш».

В общепринятых формулировках нация представляет собой сообщество людей, проживающих на общей территории, имеющих общий язык и культуру, общие национальные интересы, а также общую историческую память. На сегодняшний день, с одной стороны, в мире происходят глобализационные процессы, и проблемы этнокультурной идентичности изучаются для формирования единого информационно-коммуникативного пространства, с другой – наблюдается стремление к сохранению и развитию культуры каждой нации. Одним из важных элементов нации является ее духовная культура с такими компонентами, как религия, система образования, обряды, музыка, литература, средства массовой информации. Наличие развитых компонентов культуры определяют современное и будущее духовное состояние нации. Со средневековья татарский народ прошел сложный путь развития, в течение которого сформировались основные этнокультурные особенности современных татар.

Одним из известных представителей культурно-реформаторского, просветительского и общественно-политического движения российских мусульман начала XX века (джадидизма) стал уроженец Симбирского края Закир Кадыри, проявивший себя видным педагогом, журналистом, политиком. Выпускник Каирского университета «Аль-Азхар», Закир Кадыри был энциклопедически образованным

человеком, влиятельным теологом-арабистом. В окружении Ризы Фахретдина, Гаяза Исхаки, Мусы Бигиева, Зии Камали и других деятелей национального возрождения, Закир Кадыри активно участвовал в реформах духовной жизни татарского общества, в создании его национальной идеологии.

Какие же главные задачи национального строительства решались в начале XX века? В первую очередь, движение джадидистов разрабатывало реформы ислама, принципы религиозной автономии, после которой рассматривалась и автономия национально-культурная. В нынешних условиях, когда перед миром ислама остро стоят вопросы модернизации и политических реформ, важно изучать наследие джадидизма для мусульманского социума России. Актуальность идеи джадидизма заключается в том, что ислам, как основа мусульманского менталитета, должен находиться «в процессе бесконечной актуализации, а жизнь верующего – пониматься как постоянное религиозное обновление. Джадидизм выступал за реформу ислама изнутри, как назревшую и необходимую целесообразность, ибо любое внешнее вмешательство, как правило, ведет не к модернизации, а к конфликтам» (Попов, 2006).

Следующей задачей было реформирование системы образования, которое по-прежнему строилось на рубеже веков лишь на религиозных знаниях. В татарских медресе, постепенно отказываясь от религиозной схоластики, начали обучать светским наукам, изучать русский язык. Татарская интеллигенция через произведения восточных, русских и европейских писателей осваивала либеральные идеи, приобщалась к демократическим идеалам, изучала новые философские течения. Донести их до народа можно было только через развитие книгоиздания. Джадидисты, в числе которых был и Закир Кадыри, переводили на татарский язык лучшие труды восточных и западных мыслителей, тем самым не только пропагандируя новые знания, но и вырабатывая основы татарского литературного языка. Мыслители новой волны внесли существенный вклад в становление татарской гуманитарной науки и культуры на основе своих исламских ценностей. Тогда «появилась научная концепция исторической эволюции тюрок-мусульман России от их предков хунну до миллета – нации Нового времени» (Хабутдинов). Благодаря усилиям прогрессивно настроенной буржуазии и молодой татарской интеллигенции, в числе которой был Закир Кадыри, в течение

1917 года был определен центр татарской этнополитической нации в лице Национального собрания и Национального управления шта-та «Идель-Урал» в г. Уфе.

Закир Кадыри – один из тех, кто стоял у истоков национальной периодической печати. Уфимская газета «Тормыш», редактором которой он был с 1914 по 1918 годы, отражала все основные идеи и процессы татарского национального строительства. В феврале 1914 года в газете «Тормыш» была напечатана редакционная статья, в которой говорилось: «Все, что было направлено на обновление татарского общества, включая и религиозно-мировоззренческие искания, рассматривается в начале XX века как единое целое: борьба с ложными понятиями в исламе, желание доказать, что ислам есть религия божественная и общественно-научная, возникновение женского вопроса и новых способов обучения и воспитания, национальная культура, национальная история, решение политических, общественных и научных вопросов – все это, сделанное в весьма короткое время, есть наши национальные дела» (Кадыри, 1914, 12 февраля). З. Кадыри также отмечал, что «газета старалась не выпускать из виду три главные темы: национальное строительство, религию, общественную жизнь и в дальнейшем собирается только усиливать их значение» (Кадыри, 1916, 19 октября).

В публицистических статьях «Миллият агымнары» (Национальное движение) З. Кадыри выделил три этапа, которые, на его взгляд, свидетельствуют о формировании у татар национального самосознания. Он отмечает: «На **первом этапе** национальное движение выдвигает из своих рядов лидеров, это любимые и уважаемые народом личности. Первым перед российскими мусульманами предстал смелый и резкий в суждениях Габденнасыр Курсави (1776–1812), заявивший, что «исламский мир готов к последнему издыханию от удавки предрассудков и суеверий». Чтобы быть понятным и услышанным, он издавал свои книги. Его объявляли безбожником и кафиром, осыпали проклятиями, но это не остановило его. Обращение Курсави стало первым камнем в основание будущего здания нашей нации и культуры. Этот высокодуховный человек вывел на общественный майдан таких незаурядных мыслителей, как Ш.Марджани (1818–1889), К.Насыри (1825–1902), дал перо в руки своим последователям и направил их творчество» (Кадыри, 1914, 9 февраля).

Действительно, в становление национального самосознания достойный вклад внесли такие крупные мыслители XVIII–XIX веков, как Утыз-Имяни, Курсави, Марджани. Благодаря им, со второй половины XIX века в обществе пробуждается интерес к национальной истории и культуре, начинается реформирование системы конфессионального образования татар. Закир Кадыри продолжает: «В результате начавшегося движения в 19-ом веке зародилась научная и научно-просветительская литература. Увидели свет книги Марджани о новом подходе к религии и истории, произведения дамеллы Ишмухамеда, Исмагила и других, выступавших против идей Марджани. Появились книги Каюма Насыри по языкознанию, литературе, науке, поэзия Акмуллы и другие, являющие собой широкую и красочную картину исканий, раздумий наших людей в 19-ом веке... Наш язык, избавившись от привнесенного сора, стал понятным обычным людям. Пройдя этот путь, каждая нация обретает право на жизнь среди других народов. И хорошо, если все народности будут осознавать эту ответственность перед историей. Такое было характерно не только для мусульман внутренней России. Мирза Фатых, Гали Ахундов, Пишмазаде на Кавказе, Исмаил Гаспринский в Крыму способствовали обобществлению и распространению этих знаний и обозначили **вторую стадию** национального движения» (Кадыри, 1914, 12 февраля).

Определяющим этапом национального строительства татар рубежа XIX–XX веков историки по праву считают джадидистское движение. В той же статье «Национальное движение» З. Кадыри поясняет: «На волне джадидизма выдвинулись такие незаурядные личности, как Риза Фахретдинов и Рашид Ибрагимов, Галимзян Баруди, Наджип Тютяри, Хусаин и Ахун-заде, Фатых Карими, братья Буби, Захир Бигиев, положившие начало национальной научной литературе и беллетристике. Были открыты тысячи новометодных (джадидистских) школ, десятки новых медресе. Подготовлены тысячи учителей и учительниц для них. Российские мусульмане получили полсотни газет и несколько не периодических изданий» (Кадыри, 1914, 12 февраля). Особое внимание, как уже отмечалось, уделялось реформам в исламе, демократизации и социализации традиционного вероучения. Джадидисты искали и находили в Коране ответы на запросы своей эпохи, призывали к отказу от религиозной догматики и диктата, которые тормозили развитие нации. Они доказывали, что ислам обязы-

вает правоверных мусульман стремиться к образованию на основе научных знаний. «**На этом, третьем** этапе становления нации, – продолжает Закир Кадыри – к ним присоединились и те, кто обучался в русских высших учебных заведениях. Соединение этих сил послужило увеличению потока нашей молодежи в русские учреждения образования, что позволило нам воспользоваться достижениями русской культуры и просвещения. Нация в одно время неожиданно сделала крупные шаги в направлении религиозного обновления, культуры, литературы» (Кадыри, 1914, 12 февраля).

Возвращаясь к вопросу идеологии национального образования в статье «Мектеб или школа?», Закир Кадыри отмечал следующие принципы: «Наши начальные мектебе должны основываться на тюрко-татарских этнических традициях, исламской вере, светской направленности образования, а также воспитании граждан России. Для достижения этих целей мы должны идти по тому пути, по которому идут все цивилизованные нации. Путь же этот заключается в преподавании предметов на родном языке и во включении наших мектебов в сеть государственного общеобразовательного обучения. Для того чтобы воспитывать детей российскими гражданами, в наших мектебах будет преподаваться русский язык как отдельный предмет» (Кадыри, 1915, 28 апреля).

Таким образом, период с конца XVIII до начала XX века Закир Кадыри считает периодом становления татарской нации. Подводя итог проделанной работе по национальному строительству, Закир Кадыри с гордостью пишет, что «теперь нам не грозит ни поглощение другой нацией, ни вымирание, нас не разрушит никакая сила. Все то, чего мы достигли, свидетельствует о нашем праве существовать в мире наравне со всеми другими нациями. Впереди новые времена, но мы переживем и их. Потому что мы сейчас – нация. Нация, имеющая национальное достоинство, не затеряется в этом мире» (Кадыри, 1914, 12 февраля).

В заключение хочется отметить положительный опыт в работе по становлению нации, приобретенный татарским народом на рубеже XIX–XX веков. Учитывая различные варианты формирования современных наций, мы, как и наши предшественники сто лет назад, остаемся сторонниками самобытного развития различных культур. Этот путь является и самым сложным, и наиболее перспективным, так как позволяет не только сохранить для будущих поколе-

ний все богатство исторического и культурного наследия каждой нации, но и использовать его потенциал в экономических и культурных связях с другими народами.

Источники и литература

1. *Кадыри З.* Миллият агымнары // Тормыш. – 1914. – 9 февраля.
2. *Кадыри З.* Миллият агымнары // Тормыш. – 1914. – 12 февраля.
3. *Кадыри З.* Мектеб или школа // Тормыш. – 1915. – 28 апреля.
4. *Кадыри З.* Ике ел тулды // Тормыш. – 1916. – 19 октября.
5. *Попов В.В.* Российские традиции межнационального и межконфессионального диалога // Право и безопасность. 2006. № 1–2 [Электронный ресурс]. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_18_10.htm (дата обращения 08.04.2016).
6. *Хабутдинов А.Ю.* Джадидизм: от общины к нации и от Востока к Западу [Электронный ресурс]. URL: muslim.ru/articles/117/1672/ (дата обращения 08.04.2016).

Р.К. Вильданова

Закир Кадыйри татар милли хәрәкәтенең төп этаплары турында

1918 елда Россиядән китәргә мәжбүр булган татар публицисты Закир Кадыриненң ижаты бүгенге көнгә кадәр дикъкать белән тикшерелмәгән. Әмма Закир Кадыйри мөһәррирлегендә татар телендә чыккан зур «Тормыш» газетасы (Уфа шәһәре) материалларында XX гасыр башында төрки халыклар алдында торган төп мәсьәләләр чагылыш таба. Бүген газета материаллары яна чыганак буларак татар милләтенең оешу тарихын, XX гасыр башындагы төрле сәяси хизебләр вәкилләренең карашларын күзәтергә ярдәм итә.

Ачкыч сүзләр: Закир Кадыйри, татар милләте, жәдитчелек, ислам, «Тормыш» газетасы.

R.K. Vildanova

Zakir Kadyrov about the main stages of national movement of the Tatars

Creative activity of Tatar journalist Zakir Kadyrov, who was forced to leave Russia in 1918, has not yet been the subject of scrutiny research. Meanwhile, main problems facing the Turkic peoples of the country in the early twentieth century, reflected in materials of the large Tatar-speaking newspaper «Tormysh» (Ufa), which was edited by Zakir Kadiri. Today, the materials of the newspaper are a new source, through which one can trace the history of the for-

mation of the Tatar nation, of Jadid movement, the views of representatives of different political groups in the beginning of the XX century.

Keywords: Zakir Kadyrov, Tatar nation, Jadidism, Islam, the newspaper «Tormysh».

Вильданова Римма Камильевна – кандидат исторических наук, помощник президента Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск); e-mail: vil-rimma@yandex.ru

Вильданова Римма Камил кызы – тарих фәннәре кандидаты, Ульянов дәүләт университеты президентының ярдәмчесе (Ульян шәһәре).

Vildanova Rimma Kamilevna – Candidate of Historical Sciences, Assistant to the President of the Ulyanovsk State University (Ulyanovsk).

Селение Абзябар Казанского уезда как объект государственной национально-религиозной экспансии (вторая половина XVI – начало XX в.)

Статья посвящена характеристике национально-религиозной политики правительства и православной церкви в Среднем Поволжье во второй половине XVI – начале XX в., осуществлению ее действенных механизмов, на примере отдельно взятого татарско-мусульманского населенного пункта эпохи Казанского ханства – селения Абзябар («Абжабар»), бывшего Казанского уезда Казанской губернии.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, XVI – начало XX в., национально-религиозная политика, Казанская губерния, Казанский уезд, «новокрещены», селение Абзябар.

Национально-религиозная политика Московского государства XVI–XVII вв., затем – Российской империи XVIII – начала XX в., по отношению к народам Среднего Поволжья не отличалась веротерпимостью, характеризовалась постоянным устремлением правительства и православной церкви христианизировать, а затем, по возможности, и русифицировать «инородцев». В этой связи применялись не только методы административно-организационного, полицейского характера, но и такие, относительно «дружелюбные» способы, как материальное поощрение, моральная поддержка новообращенных в православную веру (так называемых «новокрещенов»), религиозные увещания, наставления и т.д. Смотри по внутривластной обстановке в стране, положению дел в области внешней политики, эта политика то усиливалась, то несколько ослабевала, однако, никогда не прекращалась, в той или иной форме продолжалась вплоть до начала XX в. – известного Манифеста царя Николая II от 17 (30) октября 1905 г. о свободах (Галлямов, 2001, с. 10–26, 101–118; Макаров, 2000, 280 с.; Ислаев, 2004, 416 с.).

Прежде всего, стараниями преподавателя Казанской духовной академии, священника и ученого Н.И. Ильминского и его единомышленников, в XIX в. была отработана своеобразная методика христианизации народов Среднего Поволжья – так называемая система Ильминского, в противовес предыдущему периоду «дикой»,

насильственной христианизации, отдающая предпочтение в этом деле культурно-просветительской работе среди народов Среднего Поволжья, подготовке из их числа православных священников и т.д. (Христианское просвещение, 2012, 412 с.).

В этом контексте, прежде всего как результат целенаправленной политики государства и православной церкви, следует рассмотреть обращение в XVI–XIX вв. подавляющей массы марийцев, удмуртов, чувашей и мордвы¹ в христианство, а также появление в среде татар таких специфических историко-этнографических групп, как татары-кряшены («кряшены» – «крещеные», т.е. крещеные в православную веру) и нагайбаки. Ныне они находятся на этапе своего этнического самоопределения².

За этими сложными национально-религиозными, этногенными процессами кроются судьбы (порою весьма драматичные) не только всей страны, целых народов и регионов, но и отдельно взятых, локальных местностей, селений, родословных и т.д. Их многочисленные примеры весьма поучительны, являются красноречивыми свидетельствами не простых национально-религиозных взаимоотношений государства и православной церкви с народами Среднего Поволжья.

В качестве примера, вкратце остановимся на прошлом селения Абзябар (по-татарски «Абжабар»), бывшего Казанского уезда Казанской губернии. В свое время, ныне не существующее поселение находилось на месте впадения реч. Абзябарки в р. Аты – правый, средний приток р. Казанки, 1,5–2 км южнее современного с. Наласы (Арский муниципальный р-н РТ).

По одной из версий предания, бытующего у населения современного с. Наласы, двое выходцев из их селения, родных братьев, по имени Хисмэт (Хисмэт) и Габделзяббар (Габделжаббар) основали в округе два поселения – Кишметь (по-татарски Кишмэт, впоследствии – с. Кишметево) и Абзябар. Если учесть, что с. Наласы, по нашим оценкам, было основано, приблизительно, в конце XV в. выходцами из Вятской земли – области бывшего Каринского княжества XIV–XV вв. в бассейне р. Вятка (в черте современного села

¹ В отличие от остальных, у мордвы этот процесс христианизации начался еще в XV в.

² Впрочем, кажется, что у нагайбаков, в связи с их постепенной ассимиляцией в русскоязычной среде, он причудливым образом переплетается с процессом этнической деградации.

пояныне сохранилась надмогильная плита первой половины XVI в. – эпохи Казанского ханства), то вероятно, что упомянутые селения Кишметь и Абзябар были образованы на рубеже XV–XVI вв. или же в начале XVI в. (Галлэм, Фәсхетдинов, Әхмәдуллина, 2012, 12–18 б.; Арча төбәге тарихы, 1996, 173 б.).

Как бы то ни было, исследователями (в том числе и нами) все вышеупомянутые селения причисляются к эпохе Казанского ханства (Чернышев, 1971, с. 279, 284, 285, 287).

Безусловно, как последствие событий предыдущего периода, связанного с завоеванием Казанского ханства в 1552–1557 гг., последующей политикой правительства в регионе, следует считать нахождение в начале XVII в. в дер. Кишметево восьми дворов служилых «новокрещен» (служилых людей из татар, новообращенных в православную веру) (Писцовая книга, с. 121–123). Очевидно, что к тому времени население близлежащих селений Наласы и Абзябар было ясачным. В частности, в писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. упоминаются «деревни Обзебар ясачная чюваша³ Ивашко Конбердеев да Ивашко Иванов» (Писцовая книга, 1978, с. 146). Вместе с тем, православные имена-фамилии последних говорят о том, что эти люди были подвергнуты процессу христианизации.

В 1647–1656 гг. такие селения округа, как с. Чурилино (Чүриле), поч. Мамадышево (Мәмеш) на реч. Чуриленке, дер. Кишметево (Кишмәт)⁴, Хозяшево (Хужаш – Чулпан) считались «новокрещенскими» (Писцовая книга, 2001, лл. 462 об.–466). К 1646 г. шесть дворов служилых «новокрещен» (23 чел. м.п.) насчитывалось и в соседней дер. Наласы (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, кн. 6444, л. 240–241)⁵.

Интересно, что по переписи 1678 г., почти все жители дер. Абзябар («Обзебар») в восьми ясачных дворах (16 чел. м.п.) носили татарско-мусульманские имена. Из чего следует, что они если и считались «новокрещенами», то лишь номинально. Кроме того, из

³ Как известно, этносоциальным термином «чюваша» в XVI–XVII вв. русскоязычные источники называют податное, ясачное население Среднего Поволжья болгаро-татарского происхождения – в своей массе, потомков волжских болгар.

⁴ Впоследствии, в XVIII в., Кишметево стало помещным русским селом.

⁵ Правда, уже к 1678 г. они переселились, либо были переселены властями, в селение Носла Арской же дороги Казанского уезда (современная кряшенская дер. Носла Малмыжского р-на Кировской области) (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 1, кн. 6453, л. 431–431 об.).

переписи видны их тесные (очевидно, и родственные) связи с населением таких мусульманско-татарских поселений ближайшей округи, как Наласы, Берези и др. (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 1, кн. 6453, л. 474–475 об.).

Однако вряд ли стоит сомневаться в том, что административные власти, православное духовенство приложили определенные усилия с целью их дальнейшей христианизации, окончательного утверждения татарского населения деревни в православии.

Переломный момент наступил к началу 40-х годов XVIII в., когда свою деятельную работу по христианизации народов Среднего Поволжья начала так называемая «Новокрещенская контора» в г.Свияжске. Причем, начало ее деятельности было ознаменовано массовым разрушением существующих татарско-мусульманских мечетей. В ходе этой религиозно-полицейской акции, к 1742 г., в одном лишь Казанском уезде Казанской губернии было разрушено 418 мечетей (примерно, 3/4 из их общего количества). Данная кампания не обошла стороной и округу дер. Абзябар (см. приложение).

Вместе с тем, практиковалось выселение крещеных (фактически или номинально) татар-мусульман в специально предназначенные для их «жития» русские или «новокрещенские» поселения. Судя по материалам второй ревизии населения 1748 г., именно такая участь выпала и на долю селения Абзябар. В те времена сюда были свезены и поселены «новокрещеные» татары-мусульмане со всей округи (РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 1171, л. 345–349).

Понятно, что они здесь находились под особым иждивением и опекой гражданской администрации, церковных властей. Тем более что в округе имелись и другие, уже наполовину обрусевшие «новокрещенские» поселения, как с. Чурилино (Старое Чурилино), дер. Ходяшево и др. В их числе своеобразной православной «столицей» округи служило с. Чурилино (к тому времени, русско-новокрещенское).

Ощутимые результаты этой политики христианизации мы видим уже в XIX в., когда во всей документации периода дер. Абзябар значится русским поселением. К тому времени тюрко-татарские корни жителей деревни прослеживались лишь в их своеобразной любви к лошадям. В частности, историк и миссионер XIX в. И.А. Износков свидетельствует о том, что «...в прежние годы многие жители этой дер[евни] были конокрады; лошади в ней пропада-

ли, укрывались.... В нынешнем столетии [в XIX в. – Р.Г.] из дер. Абзябар было выслано много крестьян в Сибирь за конокрадство» (Износков, 1885, с. 3).

Крещение в православную веру не принесло жителям дер. Абзябар социально-экономическое благополучие. По свидетельству того же И.А. Износкова, «жители *бедны*; земли и лугов у них достаточно, но более половины угодий они сдают сторонним крестьянам, а сами, по словам жителей соседних деревень, занимаются воровством и пьянством» (Износков, 1885, с. 3).

Селение Абзябар обезлюдело относительно недавно, лишь в 90-х годах XX в. (Республика Татарстан, 1992, с. 53). Таким образом, в итоге оно разделило участь тысяч запустевших российских сел и деревень. Таковой оказалась судьба одного из селений эпохи тюрко-татарских государств позднего средневековья.

Приложения

**Разрушенные к 1742 г. губернскими властями
татарско-мусульманские мечети в округе
«новокрещенского» селения Абзябар
(из «Экстракта в Правительствующий сенат
из Казанской губернской канцелярии о татарских мечетях»)
«Арасланковой сотни Ускина»⁶**

В деревне **Нижней Аты**⁷ [Түбән Аты]⁸ мечеть не сломана при тридцати шести дворах. А расстоянием до Темерчинской мечети в десяти верстах⁹. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От рус[с]кой деревни Чекурчи [Тюбяк-Чекурча – Төбәк-Чокырча] в сороки верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в которм году – не упомнят.

⁶ Тогда земледельческие поселения местных народов Среднего Поволжья в Казанском уезде (татар, марийцев и др.), так же, как и ясачные селения, в Казанском ханстве, подразделялись на податно-административные сотни, имеющие в своей основе общинно-родовую, кровно-родственную основу.

⁷ Части текста документа (названия сотни, деревень и др.) нами выделены жирным шрифтом.

⁸ Тексты в квадратных скобках наши.

⁹ Верста – старая мера длины в 1066,8 м.

В деревне **Темерче** [Тимерче] мечеть *сломана* при шеснацети дворах. Разстоянием до Шеленгирской мечети в пяти верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От села Чюрилина [Старое Чюрилино – Иске Чүриле] в десети верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомянат.

В деревне **Шилиянгуре** [Шүлэнгер] мечеть *сломана* при шеснацети дворах. Разстоянием до Средней Атынской мечети в десети верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От села Чюрилина в десети верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомянат.

В деревне **Средней Аты** [Урта Аты] мечеть не сломана при дватцети дворах. Разстоянием до Ата-Атынской [Отар-Атынской] мечети в пяти верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От села Чюрилина в пятнатцети верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомянат.

В деревне **Отар Аты** [Утар Аты] мечеть не сломана при тритцети дворах. Разстоянием до Чиканас[с]кой мечети в пятнатцети верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От села Чюрилина в дватцети верстах. А скаскою оной деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомянат.

В деревне **Чеканасе** [Чиканас] мечеть *сломана* при пятнатцети дворах. Разстоянием до Мало-Атынской мечети в двенатцети верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От села Чюрилина в дватцети верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомянат.

В деревне **Малой Аты** [Кече Аты] мечеть не сломана при дватцети шести дворах. Разстоянием до Шулинской мечети в пятнатцети верстах. От села Чюрилина в десети верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть де их построена в котором году – не упомянат. Новокрещен во оной деревне нет.

В деревне **Шуле** [Шүлэ – ?] мечеть *сломана* при пятнатцети дворах. Разстоянием до Верхней Атынской мечети в пятнатцети верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От пригорода Арска в десети верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть де их построена в давных годех, а сколько лет – не упомянат.

В деревне **Верхней Аты** [Югары Аты] мечеть не сломана при сорока пяти дворах. Разстоянием до Ист-Юрской [Иски-Юртской] мечети в пятнатцети верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От пригорода Арска в дватцети верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомянат.

В деревне **Иски Юрт** [Иске Йорт] мечеть не сломана при пятнадцати дворах. Разстоянием до Верхней Атынской мечети в пятнадцать верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От пригорода Арска в тридцати верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомнят.

В деревне **Больших Березях** [Олы Бирэзэ] мечеть *сломана* при тридцати дворах. Разстоянием до Иктюрской [Иски-Юртской] мечети в четырех верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От пригорода Арска в четырех верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их в котором году построена – того не упомнят.

В деревне **Верхних Везезях** [Югары Бирэзэ] мечеть *сломана* при шестнадцати дворах. Разстоянием до Большой Везезинской мечети в две верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От пригорода Арска в две верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомнят.

В деревне **Средних Везезях** [Урта Бирэзэ] мечеть не сломана при сорока пяти верстах [дворах]. Разстоянием до Верхней Везезинской мечети в две верстах. Во оной деревне новокрещен не име[е]тца. От пригорода Арска в трех верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомнят.

В деревне **Малых Везезях** [Кече Бирэзэ – Өчиле] мечеть *сломана* при пятнадцати дворах. Разстоянием до Средней Везезинской мечети в две верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. А от пригорода Арска в одной версте. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомнят.

В деревне **Наласе** [Наласа] мечеть не сломана при осьмидесяти дворах. Разстоянием от Малой Везезинской мечети в пятнадцать верстах. Новокрещен во оной деревне не име[е]тца. От пригорода Арска в десяти версте. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомнят.

В деревне **Кутернесе** [Көтәрнәс – Күпербаш] мечеть *сломана* при двадцати осми дворах. Разстоянием до Наласинской мечети в двадцати верстах. Во оной деревне новокрещен не име[е]тца. От пригорода Арска в десяти верстах. А скаскою той деревни жители показали: мечеть их построена в котором году – не упомнят».

РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 803 (1742 г.). Л. 148–151.

Селение Абзябар

(по: Износков, 1885, II. Арская волость, с.3)

«**Абзябар**, (178). Дер. по прав[ую] стор[ону] реч. **Атынки** и по лев[ую] Сибирск[ого] почт[ового] трак[та], от гор[ода] 53 в[ерст], вол[остное] прав[ление] [в] 10 вер[стах]. Название происх[одит] от слов *ат*¹⁰ (тат.) = конь, лошадь, *жабар* (тат.) = загнать скот в крытое место. Говорят, что в прежние годы многие жители этой дер[евни] были конокрады; лошади в ней пропадали, укрывались. Такое же название *атжабар*, за худую славу о жителях носит один из концов с. Хотни¹¹ (XVI, 16). В ныншнем столетии из дер. Абзябар было выслано много крестьян в Сибирь за конокрадство. Дер[евня] входит в состав чулпановского¹² прихода и приходского села (21) [-] наход[ится] в 8 верстах. Дворов 25, жителей 58 м[ужчин] 90 ж[енщин], рус[ские] госуд[арственные] крест[ьяне], сост[авляют] *абзябарское* сельск[ое] общ[ество], из них уходят на продолжительные заработки 4 м[ужчин], 1 ж[енщина]. Жители *бедны*; земли и лугов у них достаточно, но более половины угодий они сдают сторонним крестьянам, а сами, по словам жителей соседних деревень, занимаются воровством и пьянством.

Пром[ыслы]: *шерстобитный* – 10 д[уш] м[ужского] п[ола], дох[од] 100 р[ублей] (работы в теч[ение] года продолжаютс я 1 ½ мес[яцев], вальальный (пригот[овление] валеных сапог – 3 [человека] м[ужского] п[ола] – 100 р[ублей] (работы продолж[аются] три месяца). В дачах¹³ дер[евни] на реч. Атынке находится водяная мельница, сдаваемая в аренду. Надел земли 473 дес[ятин]¹⁴ в даче: «д. Наласы и Абзябар».

Источники и литература

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 803 (1742 г.).
2. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1171.
3. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 6444.
4. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 6453.
5. Республика Татарстан. Административно-территориальное деление на 1 января 1992 г. – Казань: Изд-во «Барс», 1992. 320 с.

¹⁰ Шифры курсивом даны в книге И.А. Износкова.

¹¹ Ныне с. Хотня (Хәтнә) Арского муниципального р-на Республики Татарстан.

¹² Ныне с. Чулпаново (Чулпан) Арского муниципального р-на Республики Татарстан.

¹³ Здесь имеется в виду земельная дача – землевладение сельского общества.

¹⁴ Десятина – старая мера земельной площади, равнявшаяся 1,09 га.

6. *Арча төбәге тарихы: История Арского края.* – Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. 256 с.

7. *Галлямов Р.Ф.* (Галлям Р.Г.). После падения Казани...: Этносоциальная история Предкамья (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 143 с.

8. *Галләм Рәшит, Фәсхетдинов Камил, Әхмәдуллина Миннегөл.* Гасырлар кичкән Наласа. – Казан: Ихлас, 2012. 248 б.

9. *Износков И.А.* Список населенных мест Казанского уезда, с кратким их описанием. – Казань, 1885. 148 с. (разд. паг.).

10. *Ислаев Ф.Г.* Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. – М.: ООО ТИД «Русское слово – РС», 2004. 416 с.

11. *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.): Монография / Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2000. 280 с.

12. *Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов:* Публикация текста / Сост. Р.Н. Степанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.

13. *Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов /* Сост.: И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М.: Издат. центр Ин-та российской истории РАН, 2001. 541 с.

14. *Христианское просвещение* и религиозные движения (реисламизация) крещеных хатар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / Сост. Р.Р. Исаков. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. 412 с.

15. *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Археология и этнография Татарии. Вып. 1: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. С. 272–292.

Список сокращений

дер. – деревня

поч. – починок

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

реч. – речка

р-он – район

РТ – Республика Татарстан

с. – село

чел. м. п. – человек мужского пола

Р.Г. Галлям

**Дәүләт милли-дини экспансия объекты буларак Казан өязе
Абжабар авылы (XVI гасырның икенче яртысы – XX йөз башы)**

Мәкалә Казан ханлыгы чорындагы аерым алынган татар-мөселман торақ пункты – элеккеге Казан губернасының Казан өязе – Абжабар авылы мисалында, XVI гасырның икенче яртысы – XX йөз башында дәүләтнең һәм православие чиркәвенең Урта Идел буенда милли һәм дини сәясәтенә, аны гамәлгә ашыручы көчле механизмына характеристика бирүгә багышлана.

Ачкыч сүзләр: Урта Идел буе, XVI гасырның икенче яртысы – XX йөз башы, милли-дини сәясәт, Казан губернасы, Казан өязе, «яңа чуқынучылар», Абжабар авылы.

R.G. Gallyam

**The village Abzyabar of the Kazan County as an object
of the state national-religious expansion (second half of the XVI –
the beginning of the XX centuries)**

This article is devoted to the national-religious policy of the government and the Orthodox Church in the Middle Volga region in the second half of the XVI –beginning of the XX centuries. The article describes the effective mechanisms for implementation of the state policy on the example of the Tatar village Abzyabar, former Kazan County of the Kazan province.

Keywords: territory of the Middle Volga, XVI –beginning of the XX c., the national religious policy, Kazan province, Kazan County, ‘Novokrescheny’ Abzyabar village.

Галлям Рашид Габдельфартович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: r.gallam@mail.ru

Галлям Рәшит Габделфәрт улы – тарих фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Маржани исемендәге Тарих институты яңа тарих бүлегенең өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Gallyam Rashid Gabel'fartovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of modern history, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (Kazan).

Тарханы и башкиры с.Алькино Бугурусланского уезда Самарской губернии в XIX веке и вопросы этносоциальной истории тюркских селений Среднего Поволжья*

В статье анализируются основные характеристики социодемографического развития села Алькино, одного из крупных тюркских поселений северо-востока Самарской губернии, в XIX веке. Направленность социальных, этнических процессов, протекавших в Алькино, характеризует общую динамику развития тюркских селений края.

Ключевые слова: татары, башкиры, турки, Самарское Поволжье, Южное Средневожье, мусульмане.

Исследование исторической ретроспективы, особенностей зарождения и развития тюркских поселений в пределах современной Самарской области, представляет собой непростую академическую задачу. Особую значимость имеют материалы, относящиеся к конкретике жизни отдельных поселений, способные пролить свет на общую траекторию развития тюркских народов, проживавших на землях Южного Средневожья. В статье анализируются архивные материалы XIX века (данные ревизий, статистические материалы, ведомости селений), отражающие этносоциальную принадлежность жителей селения Алькино¹.

Самые общие демографические, этностатистические сведения о жителях данного поселения за 1834 и 1859 годы приведены в таблице № 1.

В 1855 году Алькино (Галлино, Аллино) вошло в 23-й кантон 17-й юрты Бугурусланского уезда Самарской губернии, а крестьяне, именовавшиеся «башкирами», были зачислены в казенное ведомство. Они обрабатывали 2400 десятин удобной земли (ЦГАСО, ф. 174, оп. 1, д. 3455, л. 5об.–7), что составляло около 24 десятин на одного

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-11-63007.

¹ В первой половине XIX века селение входило в состав Бугурусланского уезда Оренбургской губернии, с 1851 года числилось в том же уезде Самарской губернии, сейчас – в Похвистневском районе Самарской области.

домохозяина. Как и в прочих башкирских селениях Самарской и соседних губерний, система управления в Алькино заметно отличалась от остальных, выстраивалась по военному образцу: с конца XVIII века территории, населенные башкирами и мещеряками, были поделены на кантоны, состоявшие из групп деревень, именованных юртами.

Таблица 1

Сведения о башкирах и тарханах дер. Алькино (Галлино, Аллина) Бугурусланского уезда Оренбургской (Самарской) губернии по материалам ревизий 1834 и 1859 годов²

Год	Количество			Социальная принадлежность
	душ муж. пола	душ жен. пола	хозяев	
1834	157	184	50	Башкиры и тарханы прежде бывшего 9-го, а ныне 12-го башкирского кантона, 29-й юрты команды старшины Абдулвахита Рафикова
1859	2	2	4	Зауряд сотники ³
	1	4	5	Зауряд есаулы
	1	1	2	Старшина
	1	3	4	Мулла
	326	358	92	Башкиры 23-го кантона 17-й юрты

Следует упомянуть особую социально-этническую категорию местных жителей – тарханы⁴. «Ревизская сказка «деревни Аллиной»

² Составлено нами по: (ЦГАСО, ф. 150, оп.1, д. 10, 198; Самарская губерния, 1864).

³ Зауряд-хорунжий, зауряд-сотник, зауряд-есаул – казачьи зауряд-чины. С 1828 года приравнивались: урядник – к чину унтер-офицера, хорунжий – прапорщик, сотник – поручик, есаул – капитан, войсковой старшина – майор (Асфандияров, 2009, с. 681).

⁴ Тарханы – группы служилого населения, получавшие денежные и поместные оклады за станичную или походную службу. Как правило, освобождались от выплаты ясака и обладали поместным владением (суюргалом). Часть «башкирских тарханов» «как по своему положению, так и по сословной принадлежности мало чем отличались от служилых татар» (Габдуллин, 2010, с. 37–39). Служилые татары также могли быть причислены к тарханам.

от 16 апреля 1834 года «прежде бывшего 9-го, а ныне 12-го башкирского кантона 29 юрты команды старшины Абдулвахита Рафикова» называлась «о состоящих мужского и женского пола тарханах из башкир» (ЦГАСО, ф. 150, оп.1, д. 56, л. 475–488).

В различных источниках XIX века селение имело несколько названий: Аллино, Галлино, Гали, а в ревизских сказках 1834, 1855 годов были упомянуты представители большого клана Галиных во главе с основателем – Гали Мухаметевым (1749–1824), который содержал четырех (!) жен и воспитывал десять детей (Там же, л. 475 об.). Большие семьи, как правило, имели и другие алькинские землевладельцы-тарханы: Сагит Арасланов (1739–1818), Бакир Усманов (1755 г.р.), Абдулзамил Аитов (1754–1820), Ишмухамет Юлдашев (1754–1824).

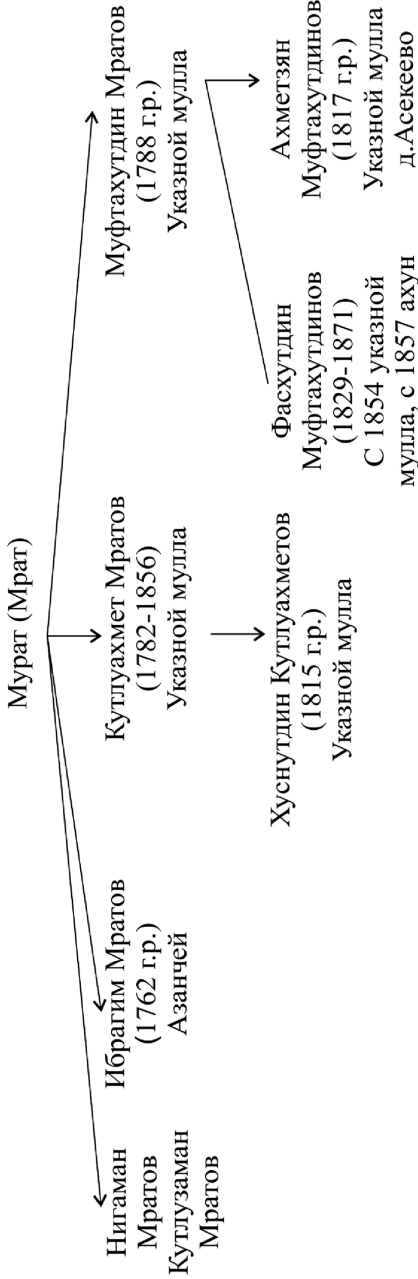
Согласно данным ревизий, ведомостей духовных лиц и устным преданиям, с.Алькино образовалось на тарханских землях (Этносы Самарского края, 2003, с. 267)⁵. Казанские и уфимские исследователи прямо указывают, что здесь проживали башкиры бывшей Кыпчакской волости, ведшие свой род от тарханов Манашевых. Родоначальником рода был выходец из Приуралья, служилый татарин Манаш (Монаш, Мунаш) би (Башкирские шежере, 1960, с. 97–99), чьи потомки получили в 1618 году «тарханную грамоту» на «бобровые ловли, что за Камою-рекою по Кинель-речке» (Габдуллин, 2006, с. 51; Исхаков).

Обнаруженные нами архивные источники указывают, что и во второй половине XIX века потомки Манаша помнили о своих особых правах на эти земли и осознавали себя тарханами. В 1866 году в Самарское дворянское депутатское собрание поступило обращение «от уполномоченных из тархан-башкир Фахрутдина Исмагилова, Феткуллы Мухамет Рахимова и Ширгазы (так в ист. – Ю.Г.) Мухамет Деминова Манашева». В прошении значилось буквально следующее: «Как мы состоим рода Манашева из тархан, по Высочайше утвержденной грамоте 1618 года и указов 15 марта 1691 года и второму указу 1735 года 15 марта. За заслугу эту предков наших 199 (1691 – Ю.Г.) года приказаны рода Юсупова и Килей Манашева, в чем имеем копии грамот...» (ЦГАСО, ф. 430, оп.1, д. 688, л.1).

⁵ Е.А. Ягафова пишет о том, что в 1757 году жители соседней деревни Рысайкино «приобрели у служилых тархан на условиях аренды на 40 лет земли с прилегающими урочищами» (Ягафова, 1998, с.61).

Схема 1

Шеджере тарханского рода Мураговых
(с.Алькино, Похвистневский р-н)

Ссылаясь на грамоты и заслуги предков, ходатаи просили возвести их в дворянское достоинство⁶.

Еще один крупный род, проживавший в Алькино на протяжении XVIII–XX веков, был наиболее авторитетен в вопросах духовных: отец-основатель рода Муратовых (в российских источниках – Мратовых), сохранившийся в народной памяти как благочестивый Мурат-бабай, и его потомки были известными в округе ахунами, указными муллами, азанчегями (см. схему 1)⁷.

Именем Мурат-бабая именуется т.н. священный родник («Бабькай чишмасе» или «Родник Бабькай»), который, согласно устной традиции, был назван по имени жившего в этом селении благочестивого мусульманина (Гусева, 2013, с. 123). Родник назван в честь одного из первопоселенцев, благочестивого мусульманина, основателя рода священнослужителей Муратовых (Мратовых).

Духовное влияние тарханского Муратовых было широко и простиралось за пределы Алькино: указные муллы Кутлуахмет Мратов, Ахметзян Муфтахутдинов и его брат, Фасхутдин Муфтахутдинов, по предписанию Командующего башкирским войском от 14 марта 1854 года были переведены с семьями в деревню Асекеево (ЦГАСО, ф. 150, оп.1, д. 198, л. 447 об.). Именно к мечети с.Алькино были приписаны верующие нарождавшейся в первой половине XIX века махалля г.Бугуруслана (Денисов, 2011, с. 42–43).

Характеризуя особенности демографического развития этого селения, отметим, что подавляющее большинство ясачных крестьян, служилых людей, тептярей и тархан имели крупные патриархальные семьи, насчитывавшие от одного до трех десятков человек. Еще одна важная особенность – широкое распространение двоеженства, которая, помимо приверженности мусульманской традиции, явно указывает на достаточность ресурсов для содержания больших семей. Так, в 1830-е годы в Новом Усманово две жены имелись у 38 домохозяев из 45. Похожая ситуация наблюдалась в Алькино и соседних му-

⁶ Самарское дворянское собрание им в этом отказало. Как было сказано в официальном ответе алькинцам: собрание обязано только вносить фамилии в дворянскую родословную книгу лица, предоставившие «неопровержимые доказательства своего благородного достоинства» (ЦГАСО, ф. 430, оп.1, д. 688, л. 1–3).

⁷ Шеджере составлено нами (по: ЦГАСО, ф. 150, оп.1, д. 198, л. 445 об.–447; ф. 1, оп.1, д. 3068, л. 110об.–111; Гусева, 2007).

сультманских селениях на р.Сок и его притоках (ЦГАСО, ф.150, оп.1, д.10, л. 153–180, д.198, л. 429–469, 569–603).

Итак, Алькино в материалах ревизий XIX века фигурирует как башкирское поселение, но следует четко понимать, что наименования «башкиры» является отчасти сословной характеристикой⁸. Широко известно, что ясачные крестьяне различных этнических групп в Поволжье и Приуралье часто стремились поднять свой социальный статус за счет вхождения в башкирское сословие, дававшее льготы при пользовании землей и льготное налогообложение, поэтому принадлежность к той или иной социальной группе отнюдь не означает тождественность этнической группе: переходы из категории служилых татар в тарханы, причисление ясачных в тептярское сословие и т.д. – типичные ситуации, которые мы наблюдаем.

При этом навряд ли стоит однозначно исключать влияние башкирского субстрата на этнические процессы в этом ареале: об этом свидетельствуют материалы ономастики (наличие башкирских имен), так и многочисленные документальные свидетельства о принадлежности кочевым башкирам земель в районе рек Самара и Кинель (см., напр.: Асфандияров, Асфандиярова, 2002, с. 10–13). Тезис И.Р. Габдуллина, который обозначает земли Уфимского уезда (губернии) как территорию совместного этногенеза как башкир, так и татар (Габдуллин, 2002, с. 214–233), по нашему мнению, вполне может быть распространен на тюркские поселения, располагавшиеся на северо-востоке Самарской губернии.

Источники и литература

1. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3068.
2. ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 10.
3. ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 56.
4. ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 198.
5. ЦГАСО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3455.
6. ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 688.
7. *Самарская губерния*. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб., 1864. XL, 133 с.
8. *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа: Китап, 2009. 744 с.

⁸ О ситуациях причисления тептярей и татар в башкирское сословие в Среднем Поволжье и Приуралье см.: (Материалы по истории татарского народа, 1995, с. 275–276 и др.; Рамазанова, 2001, с.61–74 и др.).

9. *Асфандияров А.З., Асфандиярова К.М.* История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации. Кн.10. – Уфа: Китап, 2002. 188 с.

10. *Башкирские шежере* / Сост. Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1960. 304 с.

11. *Габдуллин И.Р.* К вопросу о сословной эволюции тюркского населения Уфимского уезда (губернии) в XVII–XIX вв. // Единство татарской нации: Материалы научной конференции АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации», Казань, 7–8 июня 2002 г. / Отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: ФЭН, 2002. С.214–233.

12. *Габдуллин И.Р.* Институт тарханства в постордынских и Российском государствах в XV–XVIII вв. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Вып. 1. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С. 37–39.

13. *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. – М., 2006. 320 с.

14. *Гусева Ю.Н.* Ислам в Самарской области. – М.: Логос, 2007. 112 с.

15. *Гусева Ю.Н.* Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. – М.: Медина, 2013. 214 с.

16. *Денисов Д.Н.* Мусульманская община Бугуруслана в XIX – начале XX веков // История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 42–52.

17. *Исхаков Д.* Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/5/> (дата обращения 30.07.2015).

18. *Материалы по истории татарского народа.* – Казань: ИЯЛИ, 1995. 496 с.

19. *Рамазанова Д.В.* Татары Восточного Закамья: их распространение, особенности говора. – Казань: Магариф, 2001. 208 с.

20. *Этносы Самарского края: Историко-этнографические очерки.* – Самара: «Современник», 2003. 288 с.

21. *Ягафова Е.А.* Самарские чуваша (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. – Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998. 369 с.

Список сокращений

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области

Ю.Н. Гусева

XIX гасырда Самара губернасы Бугуруслан өязе Алкино авылының тарханнары һәм башкортлары һәм Урта Идел бue төрки авылларының этносоциаль тарихы мәсьәләләре

Мәкаләдә XIX гасырда Самара губернасының төньяк-көнчыгышындагы зур төрки авылларның берсе булган Алкиноның социаль демографик үсешендәге төп үзлекләренә анализ ясала. Алкинода барган ижтимагый, этник процессларның юнәлеше төбәктәге төрки авыллары үсешенә гомуми динамикасын чагылдыра.

Ачык сүзләр: татарлар, башкортлар, төркиләр, Самара Идел бue, көньяк Урта Идел бue, мөселманнар.

Yu.N. Guseva

Tarkhans and the Bashkirs of the Alkino village of Buguruslan County of the Samara province in the XIX century and issues of ethno-social history of Turkic villages of the Middle Volga region

The article analyzes the main characteristics of socio-demographic development of Alkino, one of the biggest turkic settlements of the north-eastern part of the Samara region in the XIX century. Directionality of ethnic and social processes in this settlement characterizes the general course of evolution of turkic settlements in this region.

Keywords: the Tatars, the Bashkirs, Turks, Samara region, Southern Middle Volga region, Muslims.

Гусева Юлия Николаевна – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Самарского филиала ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения (г.Самара); e-mail: j.guseva@mail.ru

Гусева Юлия Николай кызы – тарих фәннәре докторы, югары белем бирү дәүләт автономия белем бирү учреждениесе «Мәскәү шәһәр педагогик университеты» Самара филиалының фән эшләре бueнча директор урынбасары, тарих, халыкара хокук һәм чит ил төбәкләрен өйрәнү кафедрасы доценты (Самара шәһәре).

Guseva Yuliya Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, the Deputy Director of Science, Samara branch of Moscow City Pedagogical University (Samara).

Татарская ассимиляция как фактор этнодемографических процессов у чувашей в XVIII–XIX вв.

В статье рассматривается вопрос изменения этнической идентичности чувашей Казанской губернии вследствие принятия частью их исламской религии. Анализируются последствия этого процесса на показателях численности чувашей по данным ревизий XVIII–XIX вв. и всеобщей переписи 1897 г. Обращается внимание на особенности влияния догматов ислама на этническое самосознание чувашей.

Ключевые слова: ревизия, численность, исламизация, ассимиляция, отатаривание.

Согласно данным ревизий, на протяжении всего XVIII в. миграционные перемещения и этнодемографические процессы у чувашей Казанской губернии носили неравномерный, «пульсирующий» характер, что, по-видимому, отражало также и латентные этноконфессиональные процессы. На территории одних уездов численность чувашей повышалась, на других, наоборот, неожиданно и резко убывала, причем в ряде случаев весьма значительно и в течение короткого времени. В этом отношении интересно выявленное В.М. Кабузаном резкое изменение численности чувашей в Мензелинском уезде буквально за период между двумя последними ревизиями XVIII в. Если по IV ревизии (1782) здесь было зафиксировано 12656 чувашей, то по данным V ревизии (1795) их осталось всего 2435 чел. «Мензелинский уезд всегда притягивал чувашей. Только в 60–70-х годах сюда официально переселилось более 1 тыс. душ мужского пола. III и IV ревизии зафиксировали здесь соответственно 12656 и 14462 человек «новокрещенных чувашей», однако по пятой ревизии их тут оказалось 2485 человек и даже перепись 1897 г. учла всего 3154 человека. При этом именно с V ревизии резко увеличиваются численность и удельный вес башкир (с 1045 до 1795 человек).

Сохранившиеся источники не позволяют уточнить, что же произошло в Мензелинском уезде, почему с конца XVIII в. здесь почти исчезает многочисленное чувашское и появляется башкирское население? – задается вопросом ученый: «Трудно представить, что произошло обашкиривание уже крещеных чувашей. Возможно, что

имели место какие-то миграционные процессы или повышенная естественная убыль» (Кабузан, 1990, с. 246).

Многие исследователи истории и культуры чувашского этноса (Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, В.Д. Дмитриев и др.) сходятся во мнении, что прирост численности чувашей в XVIII–XIX вв. был бы более значительным, если бы не их частичное отатаривание. По наблюдениям Н.В. Никольского, «в отношении прироста стоят на первом месте уезды: Ядринский, Цивильский, Чебоксарский, Козьмодемьянский уезды и, главным образом, чисто чувашские селения» (Никольский, 1919, с. 19).

Процесс отатаривания чувашей через принятие ислама начался еще во времена Казанского ханства. Однако поскольку ислам в тот период был религией господствующего класса, то «язычествующие» поволжские этносы сопротивлялись его распространению. В России же он стал религией, оппозиционной господствовавшей православной церкви. Для них теперь отпадение в ислам стало формой выражения социального протеста эксплуатации русских светских и духовных феодалов, против гнета русского военно-феодалного государства.

Татарская ассимиляция чувашей-язычников особенно интенсивно шла до середины XVIII в., то есть до начала христианизации чувашей. Но и в XIX в., даже в начале XX в., масштабы перехода уже «новокрещенных» чувашей в ислам оставались значительными как в Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях, так и в Казанской. Более того, как считает В.М. Кабузан, в Казанской губернии процесс отатаривания имел вообще массовый характер (Кабузан, 1977, с. 189).

Произведем сравнительный анализ соотношения чувашей и татар в населении Казанской губернии за 1763–1897 гг.:

Таблица 1

Численность чувашей и татар Казанской губернии в 1763–1897 гг.

Ревизии и перепись	Чуваши	Татары
III (1763)	26,6%	23,7%
V (1795)	27,0% (224,0 тыс.)	24,5% (214,7 тыс.)
X (1858)	21,6% (333,1 тыс.)	28,8% (444,5 тыс.)
Перепись 1897 г.	23,1% (502 тыс.)	31,1% (675,5 тыс.)
Прирост с 1795 по 1897 гг.	224,1%	314,6%

По мнению Р.Г. Фахрутдинова, «высокие темпы роста численности татар нельзя объяснить только естественным приростом. Именно интенсивные процессы татарской ассимиляции привели к тому, что в настоящее время чувашских селений осталось в Закамье небольшое число» (Фахрутдинов, 1975, с. 83–84). Д.М. Исаков считает, что только в течение первой половины XIX в. в Буинском, Симбирском, Цивильском и Тетюшском уездах отатарилось несколько тысяч чувашей (Исаков, 1980, с. 30, 38).

Данный процесс весьма активный характер имел в Свияжском уезде. Еще в 70-х гг. XIX в. И.А. Износков отмечал: «Несколько селений Свияжского уезда, например, Ачасыры, Большое Русаково, Янгильдино и многие татарские селения, занимающие юго-западную часть Тетюшского уезда, по уцелевшим в них памятникам и народным сказаниям, были первоначально заселены чувашами, из которых многие отатарились» (Димитриев, 1969, с. 245). «По метрическим книгам церкви Казанской епархии можно доказать, что к западу от реки Свияга татар не было совсем, а в настоящее время числится значительное количество татар к западу от Свияги в Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и Буинском уездах, – писал Г.И. Комиссаров. – Оказывается, все это чувашаи, переименованные в татары при принятии или отступлении их в ислам» (Комиссаров, 1911, с. 320).

Итак, если на рубеже конца XVIII – начала XIX в. доля чувашей в Казанской губернии была выше удельного веса татар, то в XIX в. татар становится больше. Только с 1795 г. по 1858 г. прирост татарского населения здесь составил 107%, мордвы – 59,4%, мари – 58,6%, чувашей – 48,7% и удмуртов – 40,3%. Сравнительно более чем высокие темпы увеличения численности татар за относительно короткое время определенно объясняются ассимиляцией татарами башкир, мишарей, чувашей, а также удмуртов, бесермян и марийцев. В.М. Кабузан особо подчеркивает, что имеющиеся материалы подтверждают этот вывод: «Еще в начале XVIII в. в Казанской губернии чувашаи численно превосходили татар, но в середине 30-х гг. XIX в эти два народа поменялись местами» (Кабузан, 1992, с. 33) (см. табл. 2).

Ясно, что переход части чувашей в исламскую религию и отатаривание их представляли исторически длительный процесс. Еще до начала массовой насильственной христианизации чувашей-язычников в XVIII в. часть из них (прежде всего болгаро-чувашское население Приказанья и Заказанья), начиная с обозримых XV–

XVII вв., была уже отатарена. В ходе принудительного крещения в середине и во второй половине XVIII в. чуваши «уходили в татары» весьма большими группами, что свидетельствовало о больших симпатиях к мусульманству, нежели православию, а это, в свою очередь, указывало на очевидные успехи проповедников ислама среди них. «По крайней мере, – подчеркивает Е. А. Ягафова, – в христианство чуваши с таким рвением не переходили, и православному духовенству стоило тяжких трудов уговаривать креститься даже 1–2 семьи» (Ягафова, 1998, с. 298).

Таблица 2

Сравнительная динамика численности чувашей и татар в Средневолжских губерниях в XIX в. (тыс. чел.)*

Губерния	1834 г.		1857–1861 гг.		1897 г.	
	чувашаи	татары	чувашаи	татары	чувашаи	татары
Казанская	300,1	363,1	333,1	455,3	502,0	675,4
Симбирская	84,7	67,7	97,8	90,1	159,8	134,0
Самарская	29,9	85,4	80,3	131,6	91,8	159,8
Всего	414,7	616,2	491,2	677,0	753,0	1069,2

* По: Брук, Кабузан, с. 24–25.

Исламизация чувашей имела продолжение и в XIX в., в особенности в его первой половине, хотя и в сравнительно меньших масштабах. Новая вспышка отатаривания чувашей имела место в начале XX в., и связана она была отчасти с изданием известных манифестов 1905 г.

Американский исследователь Франк Ален приводит выдержки из статьи С. Бобровниковой, опубликованной в Нью-Йорке в 1911 г.: «Если некоторые местные жители из других народов (чувашаи, черемисы и т. д.) принимают ислам, то они немедленно начинают называть себя татарами. Я сама пыталась убедить принявших ислам чувашей, что они, как и их отцы, не татараи, а чувашаи. Но они сердито и упрямо настаивали на своем: «Нет, мы татараи, и наши отцы были татарами». Все представители местных народностей без исключения, когда принимают ислам, разрывают свое отношение со своими народами, забывают свои родные языки и становятся татарами по языку, одежде и обычаям. Такие люди являются более фанатичными, чем те, кто родился в мусульманской семье. Татараи убеждены в собственном превосходстве. Они имеют высокое само-

мнение и такое высокомерное независимое поведение, что представители других местных народов соглашаются, что татары и религия ислам превыше всего существующего. Только те народности, придерживающиеся христианства и обладающие сетью христианских школ, способны сопротивляться этому притяжению со стороны татар. Но те племена и народности, которые находятся в промежуточном положении между христианством и исламом, подвержены сильному влиянию со стороны татар» (Ватандаш, 2002, с. 146–155).

Среди причин омусульманивания чувашей священник Д.Филимонов, основываясь на примере деревни Старое Афонькино, называет, например, следующие: «1. Близость татарских селений. 2. Прекрасное знание чувашами татарского языка. 3. Экономическая зависимость от мусульман. 4. Сравнительно позднее возникновение здесь православной миссии, когда некоторые чуваша успели уже совершенно отатариться. 5. Довольно высокая культурность здешних татар, сравнительно не только с чувашским, но и с коренным русским населением. Среди татар число грамотных значительно больше. 6. Хитрость, пронырливость мусульман, которые не стесняются никакими средствами для достижения цели. 7. Гостеприимство, ласковое, приветливое обращение татар с чувашами. 8. Пренебрежительное, высокомерное отношение здешних русских людей к чувашам, которых русские простолюдины нередко называют «орда», «азиат» и т.п. эпитетами. Со стороны татар этого не наблюдается. 9. Совершенно равнодушное формально-холодное отношение к отатариванию чувашей со стороны местных интеллигентных православных людей. 10. Оказание чувашам в трудные минуты жизни материальной и нравственной поддержки среди мусульман» (Филимонов, 1908, с. 623–624).

При вербовке чувашей в ислам татары часто завлекали их легендами о мусульманском рае. А.Иванов приводит одну из них в пересказе священника Г.Перепелкина: «Недавно появился один фанатик-татарин и в каждом доме рассказывает о мусульманском рае. Рай этот описывает он весьма заманчивыми штрихами и причем в чисто чувашском вкусе; например, он говорит чувашам, что в раю будут именно такие кушанья, какие они любят и употребляют, как-то: кислое молоко, творог с маслом, ширтан (копченое мясо), блины, юсман (лепешки), яйца, мед, пиво, вино и т.д. и затем говорил, что каждому чувашину, исповедующему ислам, будет в раю по не-

сколько красивых жен, будет спать на пышных пуховых перинах с 12 подушками». Вот такими-то беседами и рассказами чувашки постепенно пропитываются и в конце концов делаются совершенно неспособными воспринимать высшие истины христианства (Иванов, 1908, с. 572). Однако, надо признать тот факт, что «уходу в татары» способствовали (особенно в регионах чересполосного расселения чувашей с татарами) кроме всего прочего и определенное генетическое родство, сходство языков и, в какой-то мере, общность исторических судеб двух народов.

Таким образом, в течение XVIII – начала XX в. определенная часть тех чувашей, что проживали за пределами основной зоны обитания этноса, т.е. условно вне современных границ Чувашии (особенно те его локальные группы, которые продолжали пребывать в язычестве и языческо-православном синкретизме), достаточно значительными группами переходила в исламскую веру. По наблюдениям Н.В. Никольского, «это движение было значительным среди закамских чуваш и чуваш нынешних Свияжского, Тетюшского, Симбирского и Буинского уездов» (Никольский, 1928 (1929), с. 20). По-видимому, указывают С.И. Брук и В.М. Кабузан, «неспроста прирост численности чувашей в дореволюционный период по сравнению со всеми другими урало-поволжскими этносами был крайне низким». И вправду, цифры говорят сами за себя. Так, с 1719 по 1917 гг. число чувашей в целом увеличилось в 5,2 раза, в то время как у татар – 10,3, мордвы – 11,1, башкир – 10,1, удмуртов – 11,1, марийцев – 7,4 раз. (Брук, Кабузан, 1980, с. 24). Выводы налицо.

Источники и литература

1. Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография. 1980. №6. С. 18–35.
2. *Ватандаш*. – Уфа, 2002. №6.
3. Димитриев В.Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 47. – Чебоксары, 1969.
4. Иванов А. Отступническое движение крещеных и некрещеных чувашей Самарской губернии в магометанство // Самарские епархиальные ведомости: часть неофиц. 1908. №15 (1 августа).
5. Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1980. №4. С. 25–39.

6. *Кабузан В.М.* Изменения в удельном весе и территориальном размещении русского населения России в XVIII – перв. пол. XIX в. // Проблемы исторической демографии. – Таллин, 1977.
7. *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1990. 256 с.
8. *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. – М., 1992. 216 с.
9. *Комиссаров В.П.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Т. 27. Вып. 5. – Казань, 1911.
10. *Никольский Н.В.* Краткий аспект по этнографии чуваш. – Казань, 1919. 103 с.
11. *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. Вып. 1. – Чебоксары, 1928 (1929).
12. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Таткнигоиздат, 1975. 219 с.
13. *Филлимонов Д.* Успехи ислама среди чувашей-язычников деревни Старо-Афонькиной Бугульминского уезда // Самарские епархиальные ведомости: часть неофиц. 1908. № 16 (15 августа).
14. *Ягафова Е.А.* Самарские чувашы (Историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. – Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998. 369 с.

В.П. Иванов

XVIII–XIX гасырларда чувашларның этнодемографик процессы факторы буларак татар ассимиляциясе

Мәкаләдә Казан губернасы чувашларының бер өлеше ислам динен кабул итү сәбәпле, аларның этник бердәйлеге үзгәрү мәсьәләсе карала. XVIII-XIX гасырлар ревизиясе һәм 1897 елгы Гомуми халык исәбен алу мәгълүматларына нигезләнеп, чувашларның күрсәткечләр санына бу процессның нәтижәсе анализлана. Чувашларның этник үзаңына йогынты ясаган ислам дине тәгълиматларының үзенчәлекләренә игътибар ителә.

Ачкыч сүзләр: ревизия, халык исәбе, исламлаштыру, ассимиляция, тарлаштыру.

V.P. Ivanov

Tatar assimilation as the factor of ethnodemographical processes among the Chuvashes in the 18th – 19th centuries

The article deals with the problem of change of ethnic identity of the Chuvashes in Kazan province as the result of Islamisation of one part of them. The consequences of this process are analysed on the rate of the Chuvashes according to the data of audits held in the 18th – 19th centuries, and that of the

general census carried out in 1897. Attention is paid to the distinctions of the impact of Islamic dogmas on the ethnic self-consciousness of the Chuvashes.

Keywords: audit, population, Islamisation, assimilation, Tatarisation.

Иванов Виталий Петрович – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник секции этнологии Чувашского государственного института гуманитарных наук (г.Чебоксары); e-mail: human2000@yandex.ru

Иванов Виталий Петр улы – тарих фәннәре докторы, Чуваш дәүләт гуманитар фәннәр институтының этнология секциясе баш фәнни хезмәткәре, доценты (Чебоксар шәһәре).

Ivanov Vitaliy Petrovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Research Worker, Section of Ethnology, Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary).

Религиозное просвещение и консолидационные процессы среди крещеных татар во второй половине XVI – XVIII вв.

В статье рассмотрены этноконфессиональные процессы, происходившие среди новокрещен Среднего Поволжья во второй половине XVI – XVIII вв., приведшие к формированию у них особой кряшенской идентичности. В работе проанализировано влияние религиозной политики государства и миссионерского движения православной церкви на консолидационные процессы среди крещеных татар, формирование у них особой модели религиозного синкретизма.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения в Среднем Поволжье, история татар-кряшен, миссионерская деятельность, религиозная политика, религиозный синкретизм.

Формирование этноконфессиональной общности кряшен было тесно связано с христианско-просветительской деятельностью Русской православной церкви (РПЦ) и сложными этнокультурными процессами, протекавшими в Волго-Уральском регионе на протяжении многих столетий. В современной историографии закрепились точка зрения, что обращение в христианство предков кряшен (старокрещеных татар) происходило в период присоединения Казанского края к Московскому государству, во второй половине XVI – XVII вв. Крещение началось практически сразу после взятия Казани, при этом особое внимание было обращено на титульное татароязычное население региона. В социальном плане основным объектом христианизации стали представители служилого сословия (Галлямов, 1993, с. 46). Довольно значительным среди крестившихся татар было присутствие служилых ногайцев, в разное время поступивших на военную службу казанским правителям.

Наряду с татарами в христианство обращали также представителей других нерусских народов края, правда, их количество было значительно меньше первых. Нельзя исключать возможности их частичной интеграции в состав новокрещен из числа татар, с которыми их объединяли сходство традиций, быта, языка, длительная совместная жизнь в единой историко-культурной области Волго-Уралья. Кроме данного компонента, в состав новокрещен Предка-

мья вошли отатарившиеся к этому времени представители коренных народов края, потерявшие свою прежнюю идентичность и язык, но сохранившие основы своей этнической культуры и религиозных представлений.

Дискуссионным остается вопрос о роли русско-славянского компонента в формировании новокрещен Казанского края XVI–XVII вв. Ко времени присоединения Казанского ханства к Московской державе в составе местных народов находились группы лично несвободного населения – т.н. «полоняников», формировавшихся за счет угнанных в полон из русских земель лиц в ходе многочисленных военных конфликтов Казанского ханства со своим западным соседом в XV–XVI вв. Ко времени падения Казани часть полоняников, проживая среди местного населения, подверглась частичной аккультурации и языковой ассимиляции, начала вступать в тесные культурные и семейные контакты с татарами и другими народами региона (Акты, 1836, с. 436–439).

Интеграция в состав кряшенского сообщества лиц из числа местного русского населения имела место и в последующее время. В пользу этого свидетельствуют сохранившиеся семейные предания отдельных кряшенских родов (см.: Апаков, 1876). В целом эти контакты не имели заметной динамики и не сыграли существенного значения в этнокультурном развитии предков кряшен. Более заметным был обратный процесс, связанный с быстрым обрусением части крестившихся татар, особенно в селениях, принадлежавших церковному ведомству (на архиерейских и монастырских землях) (Историко-статистическое описание, 1904, с. 32–33; Ермолаев, Липаков, 1984, с. 20). Проживая в преимущественно русской среде, часть новокрещен вслед за потерей своей прежней конфессиональной принадлежности теряет и этническую идентичность. Наиболее интенсивно этот процесс протекал среди представителей крестившейся татарской военно-феодальной верхушки, давшей русскому дворянству множество династий с тюркскими фамилиями.

Наряду с полоняниками из числа русских в селениях и вотчинах татар-мусульман и новокрещен фиксируются полоняники «иноземцы» (представители прибалтийских народов и немцы). Их количество резко возрастает в конце XVI в. за счет полона, вывезенного служилыми татарами в качестве военных трофеев из Прибалтики и Польши в ходе Ливонской войны. В дальнейшем в зависимости от

внешнего окружения эти немногочисленные группы потеряли свои этнические особенности и влились в состав местного населения. По данным писцовых книг начала XVII в., часть из них уже носила татарские имена (Галлямов, 2001, с. 54–55). По всей видимости, некоторые из них, приняв православие и освободившись таким образом из холопства, вошли в состав новокрещен.

В числе новокрещен отмечаются также немногочисленные представители восточных народов («азиатцы»), в силу различных причин оказавшихся в Волго-Уралье, – выходцы из Средней Азии и калмыки. В XVII–XVIII вв. интеграция в состав новокрещен представителей этих народностей была продолжена, особенно в районе верховьев р.Черемшана и Самарской Луки среди ставропольских калмыков и «кызылбашев» (тюрко и ираноязычные группы переселенцев и полоняников из Средней Азии)¹. Представители этих этнических групп, принимая крещение, проживая в преимущественно татарской среде, быстро отатаривались, приобретая в дальнейшем кряшенскую идентичность. К числу таковых можно отнести, например, деревню Тонгузино будущей Уфимской губернии, основанную по преданиям крещеными калмыками, и деревню Новый Салаван Самарской губернии, в которой проживали кряшены-кызылбаши.

Этнокультурные процессы, связанные с формированием новокрещен, несмотря на то, что акции по христианизации к концу XVI в. утратили широкие масштабы, далеко не были закончены ни в XVI, ни в последующем столетии. В число новокрещен вливались новые этнические элементы, представленные отдельными группами татар и других представителей коренных народов края, принимавших крещение.

Формирование конфессиональной группы новокрещен Предкамья в XVI–XVII вв. нельзя рассматривать только как ассимиляцию преобладающей этнокультурной общности (тюрко-татарской) других иноэтничных элементов. Скорее, его надо оценивать как некую консолидацию нескольких этнических элементов, сформировавших качественно новую этнокультурную общность. Одной из причин быстрой консолидации новокрещен и безболезненного включения в

¹ Впервые о наличии «крещеных азиатцев», называемых «кызылбашами», в Восточном Закамье написал в своих записках член этнографической экспедиции 1768–1769 гг. академик И.И. Лепехин (Лепехин, 1771, с. 146–147).

нее групп нетатарского происхождения может считаться отсутствие четких этно-национальных границ между коренными народами региона в эпоху позднего средневековья. Главными маркерами, определявшими границы между народами, оставались различия в конфессиональном и социальном положении (Исхаков, 2007, с. 59). При официальном принятии крещения эти границы, естественно, в значительной степени нивелировались, что создавало благоприятные условия для культурного и этнического сближения представителей местных народов.

Этническим и культурным «ядром», некоей объединяющей скрепой новокрещен Предкамья, можно считать татар. Татарский язык, традиции, религиозно-мифологические представления стали той культурной доминантой, на которой базировалась вся традиционная культура предков кряшен. Наряду с многочисленными историческими источниками, данными изучения материальной и духовной культуры, в пользу этого говорят сохранявшиеся среди самих кряшен различные исторические предания о возникновении их родов и селений (Износков, изд. 2-е, 1895; его же, вып. 1, 2, 1895; Емеев, 1902, с. 343–346; Историко-статистическое описание, 1904; НА ЧГИГН, ф. Н.В. Никольского, д. 305, 309–311, 314, 315, 319, 321).

Исходя из этнического состава, на основе которого формировались новокрещены, можно сделать некоторые выводы об их религиозной принадлежности до принятия крещения. Как свидетельствует большинство источников XVI в., татары воспринимались окружающими народами как представители мусульманского мира, основные носители исламской традиции в регионе. В русскоязычных документах как синоним слову «татары» часто использовались конфессионалы бесермяне/басурманы/агаряне. Интересно, что в русскоязычных источниках XVI–XVII вв. татар, принявших крещение, уже не называли этим этнонимом, так как слово «татары» тесно ассоциировалось с их прежним конфессиональным статусом. Мусульманскую идентичность татар отмечали и иностранные современники. Член австрийского посольства при дворе Ивана IV С.Герберштейн писал: «татары разделены на орды... все исповедуют магометанскую веру; если их называют турками, они бывают недовольны, почитая это за бесчестье. Название же бесермяне их радует. И этим именем любят себя называть» (Герберштейн, 1988, с. 167).

Несмотря на наличие культурных связей с христианскими государствами, присутствие на ранних этапах истории Улуса Джучи (Золотой Орды) в составе его титульного населения христианских общин, достоверных фактов о наличии последователей этого учения в Казанском ханстве у нас нет. Как совершенно справедливо пишет М.Г. Макаров: «признаков их присутствия (татар-христиан. – *Р.И.*) в этот период письменными источниками как церковными, так и светскими не выявлено. Не известны также материалы о каких-либо легендарных церквях и монастырях, о жизни христиан в ханскую эпоху, о святых христианских мучениках и воителях за веру. Христианство является религией с развитыми традициями письменности, однако каких-либо памятников христианско-тюркской письменности до XVI века не обнаружено... Вышеприведенные сопоставления являются достаточными аргументами в пользу того, что тюркские христианские общины, как полноценные социальные структуры в татарском феодальном обществе, в частности, в Казанском ханстве, к середине XVI века едва ли существовали» (Макаров, 2001, с. 22).

Наличие сколько-нибудь существенных групп тюркского населения, исповадовавших христианство, на территории Казанского ханства обязательно нашло бы отражение в хорошо сохранившихся русскоязычных источниках эпохи. В связи с тем, что Казанское ханство длительное время являлось основным геополитическим противником Московского государства, русские летописцы были очень хорошо осведомлены о событиях, происходивших в соседней стране, религиозных и политических пристрастиях населяющих ее народов, и подробно фиксировали эту информацию в своих трудах. Можно утверждать, что при существовании последователей христианского вероучения это не только обязательно нашло бы отражение в исторических документах, но и было бы использовано русской политической и церковной элитой в идеологической борьбе с военным оппонентом, в обосновании претензий русского царя на казанский стол. Кроме того, наличие христианского субстрата нашло бы какое-то отражение в исторических преданиях, устной памяти, фольклоре, чего практически не обнаруживается ни у татар (в том числе и у кряшен), ни у других народов региона.

Таким образом, можно с уверенностью говорить об официальной мусульманской конфессиональной принадлежности татар Казанского

ханства. Несколько сложнее определить уровень восприятия ислама отдельными группами местного населения. Мы не располагаем достаточными эмпирическими данными, чтобы однозначно ответить на этот сложный вопрос. Не вызывает сомнения, что уровень исламизации тюрко-татар средневековья, особенно проживавших вне крупных городов, традиционно являвшихся центрами мусульманской культуры, не мог быть столь же значительным как, например, у татар Волго-Уралья в XIX – начале XX в. На наш взгляд, многие современные исследователи, оценивая религиозные процессы средневековья, переносят и проецируют в прошлое социокультурные реалии, сложившиеся значительно позднее – в эпоху институционального ислама имперского периода, когда это вероучение действительно стало играть определяющую роль в культурной жизни татар. Это связано с массой причин, в числе которых можно назвать использование мифологизированных подходов, восходящих к традиции татарской историографии XVIII–XIX вв., где настойчиво проводилась мысль о «золотом веке ислама», якобы закончившемся после завоевания территории Среднего Поволжья неверными и установления русского господства. Здесь проявляются и определенные идеологические спекуляции, заменяющие научную сторону проблемы и подменяющие религиозоведческий дискурс историософскими, морально-этическими или богословскими рассуждениями.

Восприятие монотеистической традиции – сложный и длительный процесс, растягивающийся на многие столетия, в ходе которого происходит постепенное изменение религиозного сознания, обрядности, религиозно-мифологической картины мира. Этот процесс у татар далеко не был завершен в период вхождения Казанского края в состав Московской державы. Данный тезис, наряду с татарами, можно вполне отнести и к другой этнической общности, являвшейся носителем монотеистической традиции в регионе – русскому населению. Как свидетельствуют работы современных исследователей, воцерковление русского сельского населения, жившего в периферийных районах государства, было завершено лишь в XVIII–XIX вв. В его культуре уживались православный ритуал и древнеславянские языческие обряды и представления (Levin, 1991, p. 31–52).

В «татарском» исламе ханского периода следует четко выделять два основных страта: «элитарный» и «народный». Если первый был достоянием городской элиты и базировался на ортодоксальных нор-

мах ислама и «высокой» мусульманской культуре, то второй, имевший синкретичный характер, сохранял важное значение в жизни сельского населения. Восприятие народного ислама у местного населения также сильно отличалось. У представителей финно-угорских и тюркоязычных (чуваши) народов, приобретших к этому времени татарскую идентичность и официальную мусульманскую конфессиональную принадлежность, являвшуюся составляющей их новой этничности и социального статуса, исламизация стадиально должна была находиться на начальном этапе. Должен был отличаться уровень мусульманской религиозности у оседлого населения и пришельцев-номадов тюрко-кипчакского происхождения, составлявших значительную группу в составе местного служилого сословия. Как и другие религии Откровения, ислам являлся вероучением преимущественно оседлого населения. У кочевых тюркских народов в силу особенностей культурных, социальных и бытовых условий ислам прививался довольно медленно, а позиции традиционных верований оставались сильны. Об этом свидетельствовали арабоязычные путешественники, побывавшие на территории Улуса Джучи в XIV–XV вв. и оставившие в своих сочинениях ценные сведения о религиозных представлениях местных тюрков (Тизенгаузен, 1884, с. 457–458; Становление и расцвет Золотой Орды, 2011, с. 151–176). Это же отмечается в записках западноевропейских современников. Так, итальянец Иосафат Барбаро, посетивший Нижнее Поволжье в 1430-х гг., заметил: «магометанская вера стала обычным явлением среди татар около ста десяти лет тому назад. Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были такие, которые поклонялись деревянным или тряпичным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Едигея – военачальника татарского хана... Однажды, находясь в орде, я увидел на земле опрокинутую деревянную миску. Я поднял ее, обнаружил, что под ней было вареное просо. Я обратился к одному татарину и спросил, что это такое. Он мне ответил, что это положено «hibuthperes», т.е. язычникам. Я спросил: «А разве есть язычники среди этого народа?». Он ответил «Хо, хо! Их много, но они скрываются» (цит. по: Гарустович, 2012, с. 94). Показательна в этом отношении и культурно-религиозная ситуация среди кочевых казахов, киргизов и туркмен. По данным многочис-

ленных исторических и этнографических материалов, несмотря на длительное пребывание в лоне ислама у этих народов долгое время мусульманское вероучение сводилось к внешнему соблюдению некоторых его ритуалов. Лишь во второй половине XVIII – XIX вв., благодаря усилиям татарских и среднеазиатских миссионеров, строительству мечетей и конфессиональных школ в Степи у них происходит усиление влияния мусульманства. Таким образом, можно говорить о сложном, вариативном и синкретичном характере в рассматриваемое время исламской религиозности среди тюрко-татарского населения Среднего Поволжья.

По всей видимости, именно группы татарского населения, у которых уровень исламизации был относительно невысоким, становятся основным объектом христианизации после покорения Казани. В условиях кардинальной смены политического режима часть татар меняет свою конфессиональную принадлежность. В целом этот процесс, вероятно, не был связан с откровенным насилием со стороны новой власти. Приоритет на мирные методы обращения подчеркивался и в «Наказе», данном митрополиту Гурию (Можаровский, 1880, с. 15). Конечно, это не было связано исключительно с миролюбием распространителей христианства, что плохо согласуется с религиозными взглядами политического руководства Русского государства и церковных деятелей из числа «иосифлян», пользовавшихся в это время большим политическим весом при дворе, а также с бурным нравом самого Ивана IV «Грозного», проявившемся у него еще в юности. Главным побудительным мотивом было желание избежать серьезных осложнений с местным населением. Откровенные массовые насильственные действия таили в себе угрозу существенной дестабилизации и без того сложной ситуации в еще не до конца «замыренном» крае, могли привести к расширению территории, охваченной войной, и контингента повстанцев. Кроме того, московское руководство должно было учитывать настроения среди многочисленных служилых татар-мусульман, лояльных по отношению к русскому царю и составлявших внушительную силу в его войске.

Но в условиях военно-политических событий второй половины XVI в., при царивших тогда жестоких нравах нельзя также исключать и случаев насильственного обращения в христианство покоренного населения, о чем свидетельствует множество сохранившихся как среди татар-мусульман, так и княжен исторических преданий, обри-

совыбавующих неприглядную картину методов обращения в христианство после падения Казани. Признавая это, необходимо отметить, что акты насильственного крещения не имели характера целенаправленной политики, исходившей от верховной власти.

Признавая преимущественно ненасильственный характер крещения, нельзя считать данные действия однозначно добровольным актом. Эти действия были вынужденным шагом, мало связанным с мирной миссионерской деятельностью. Сложно представить, что вскоре после захвата Казани немногочисленные русские миссионеры, к тому же не владевшие татарским языком, во враждебном крае, подвергаясь постоянной военной угрозе, могли путем проповедей донести истины православия до неопитов, обладавших абсолютно «иной» системой культурно-религиозных координат и представлений, убедить местное население искренне принять христианство. Именно с этим связано слабое присутствие православия в культурно-религиозной традиции их потомков вплоть до второй половины XIX в., когда казанскими миссионерами были предложены новые, действенные методы христианизации. Показательно и то, что наиболее массовые обращения в христианство, по данным русских исторических источников, происходили еще до учреждения Казанской епархии, т.е. до появления в крае православных проповедников. Так, в 1552 г. плененные в городе татарские князья и мурзы в количестве 500 человек были разосланы для работы по православным монастырям Центральной России, где были вскоре обращены в христианство (Татищев, 1968, с. 357). Казанский летописец под 1553 г. сообщает о радостной вести, что «казанские людие вси, живущие в окрестных странах града того, вся земля казанская, тако же и вся земля Сибирская с молением прихождаху к царю государю великому князю, покоряющиеся, повинии себя творяху и милости прошаху и во всю волю вдашаяся православному царю государю. Мнози же от неверных прихождаху з женами и з детьми и крещахуся» (ПСРЛ, с. 478). Из данного отрывка можно сделать несколько любопытных наблюдений. Кроме самого факта подчинения местного населения новому государю и прихода массы народа к нему «на поклон», наше внимание привлекает то, что часть их принимает крещение. При этом, как можно увидеть из документа, этот шаг рассматривается не как акт миссионерского обращения, а именно как политическое решение, показатель покорности неопитов новому правителю.

Одним из наиболее важных и действенных механизмов обращения в христианство, которым располагали деятели православной миссии после создания Казанской епархии, были делегировавшиеся ей светской властью и закрепленные в «Наказе» особые права, например возможность «печалования». В случае принятия христианства крестившийся по протекции церковных органов освобождался от наказания за преступления. Можно предположить, что данная мера распространялась и на лиц, участвовавших в военных столкновениях с русскими войсками и взятых в плен. Естественной альтернативой наказанию было принятие крещения, чем новообращенный показывал свой отказ от прежней военно-политической ориентации, свою лояльность новому сюзеру, что в глазах как светской, так и церковной власти было достаточно весомым аргументом для его прощения и освобождения от наказания. В XVII в. эти преференции были дополнены налоговыми послаблениями и правом освобождения из крепостной зависимости при принятии крещения (ПСЗ–1, № 867, с. 312–313; там же, № 1099, с. 644–645).

Консолидационные процессы среди новокрещен не привели к быстрому установлению четких конфессиональных границ между последователями двух религиозных течений в составе татар. Практически сразу после начала массового обращения в православие среди крестившихся началось движение отхода от христианства и возвращение в прежнее религиозное состояние, что было вполне естественным явлением, учитывая слабое присутствие православной церкви в жизни неофитов, желание крестившихся сохранить традиционные условия культурной жизни. Здесь вполне можно согласиться с мнением Н.И. Ильминского, исследователя второй половины XIX в., утверждавшего, что вследствие «поспешного, по всей вероятности, и механического, так сказать, крещения татар, без глубокого убеждения их в истине и спасительности христианства, без всякого почти разъяснения и преподания им учения христианской веры, без твердого убеждения их в необходимости и спасительности ее... новокрещенные татары (имеются в виду предки кряшен. – *Р.И.*) с самого первого времени были чужды того убеждения и постоянно нетверды в христианстве» (Выписка, 2012, с. 253–254). В грамоте царя Федора Ивановича от 18 июля 1593 г. на основании донесения казанского митрополита Гермогена (Ермолай) (1589–1602) состояние новокрещен изображалось следующим образом: «В Казани и в Казанском и Сви-

яжском уездах живут новокрещенные с татары, и с чуваш, и с черемисы и с вотяк вместе... и к церквам Божьим не ходят, и крестов на себе не носят, в домах своих божьих образов и крестов не держат, и попов в дома свои не призывают, и отцов духовных не имеют, и к роженицам не зовут, только не сам поп, сведав роженицу, приехав, даст молитву; и детей своих не крестят, только поп не обличит их; и умерших в церкви хоронити не носят, кладутся по старым своим татарским кладбищам; а женихи к невестам своим по татарскому своему обычаю приходят, а венчаться у церкви, и снова венчаются в своих домах попы татарскими, и во все посты и среды и пятницы скором едет...» (Акты, 1836, № 358, с. 436).

Фактическое ослабление государственно-церковного контроля привело к тому, что с конца XVI в. из этнокультурного поля новокрещен «выпадали» пассионарные группы крестившихся татар, а также отдельные лица, сохранявшие сильную приверженность исламу, обращенные преимущественно путем принуждения. Одной из форм апостазии было бегство крестившихся на территорию, находившуюся в данное время вне юрисдикции московского царя (Игнатьев, 1875, с. 183). Этот процесс имел место и в последующее время. Не желая быть христианами, крестившие переселялись в Нижнее Поволжье, на Урал, Северный Кавказ (АВП РИ, ф. 131, оп. 1 (Татарские дела), д. 3, л. 1–2). Падение влияния верховной власти в начале XVII в., приведшее к началу Смутного времени и многочисленных крестьянских восстаний, вызвало новый всплеск «отпадений». Одним из показателей этого движения может служить фиксация в писцовой книге 1646 г. многих новокрещен не с русскими, а с тюркскими именами (Галлямов, 2001, с. 52). В условиях, когда имя было важным показателем конфессионального статуса, этот факт являлся красноречивым свидетельством этнокультурных и религиозных предпочтений данных лиц.

Впрочем, конфессиональная дифференциация не только не привела к постепенному исчезновению новокрещен как особой конфессиональной общности, но напротив, способствовала дальнейшему усилению их консолидации. Жесткая позиция государства на предотвращение отхода крестившихся от господствующей религии (ПСЗ–1, т. I, с. 71) и развитие христианско-просветительской деятельности РПЦ способствовали тому, что численность новокрещен оставалась стабильной. Представители данной общности стали

неотъемлемой частью этноконфессионального ландшафта Среднего Поволжья, а в последствии и Приуралья. Можно полагать, что вышеприведенные процессы, протекавшие среди крещеных татар, способствовали постепенному падению у них влияния ислама и конструированию их идентичности вокруг официальной принадлежности к православной церкви и сохранению важной роли в их жизни сложной системы синкретических верований, в которых ключевую роль играли древние религиозные представления тюркских и финно-угорских народов Волго-Уралья. В условиях, когда религиозная принадлежность имела исключительно важное значение в идентификации местного населения в полиэтническом пространстве региона, а религиозные представления формировали весь уклад культурной жизни, эти факторы объективно способствовали выделению новокрещен из общей массы татар и оформлению у них своей особой идентичности. Большое значение в этом сыграла и особая позиция государственной власти в отношении новообращенных. Понимая сложность сохранения христианской ориентации в среде их соплеменников, государственная администрация стремилась изолировать обращенных в православие от некрещеного населения. Эти мероприятия нашли законодательное закрепление в грамоте сына Ивана IV царя Федора от 18 июля 1593 г., данной казанским воеводам И.М. Воротынскому и А.И. Вяземскому, в которой новокрещеным запрещалось жить совместно с некрещеными (Акты, 1836, с. 436–439) и в указе от 16 июля 1622 г. о запрещении некрещеным татарам селить у себя православных (Законодательные акты, 1986, с. 113). Данные предписания исполнялись вплоть до середины XVIII в. Лишь в годы деятельности «Новокрещенских дел конторы» (Новокрещенская контора) в связи с массовыми обращениями в христианство коренных народов края это правило перестает соблюдаться. Местные церковные и светские органы (новокрещенские команды) оказались не в состоянии справиться с такими масштабными задачами. Кроме того, существенную роль сыграла позиция новообращенных и их некрестившихся соплеменников, не желавших покидать родные, обжитые края. В связи с этим большинство крестившихся татар в этот период остались жить совместно с соплеменниками-мусульманами, что стало одной из причин их массового возвращения в ислам в XIX – начале XX в.

Государство путем запретов и раздачи земель стремилось взять под свой контроль миграционные процессы среди новокрещен, что во многом ей удалось. Если, по данным писцового описания Казани и Казанского уезда 1565–1568 гг. царских окольных Н.В. Борисова и Д.А. Кикина и писцовой книги Ивана Болтина 1602–1603 гг. (см.: Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов, 1979), в Казанском уезде² в этот период отмечалось совместное проживание в одних селениях новокрещен, татар, «полонеников» (полоняников) и «чуваши», то по данным 3 ревизии 1762 г. в Казанской губернии селения старокрещен были практически полностью моноконфессиональными по своему составу (см.: Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в., 1908).

Хотя XVII столетие стало для христианско-просветительской деятельности в Волго-Уралье сложным временем, нельзя говорить о полной приостановке обращения в христианство татар и других народов края в этот период. Эта деятельность распространялась наряду с Нижним Предкамьем на периферийные районы бывшего Казанского ханства, охватывая территорию, прилегающую к Вятско-Камскому междуречью. По данным известного дореволюционного церковного историка, профессора И.М. Покровского, к концу XVII в. относится время крещения жителей ряда татарско-удмуртских деревень северо-восточной части Зюрейской даруги, образовавших в дальнейшем один из старейших кряшенских православных приходов с центром в с.Ошторма-Юмья Мамадышского уезда Казанской губернии (Историко-статистическое описание, 1904, с. 232).

Наряду с религиозно-просветительской деятельностью расширению ареала территориального расселения предков кряшен способствовала естественная миграция, а также государственные мероприятия по колонизации новых земель. Переселяясь на новые территории, они вступали в тесные контакты с местным нерусским населением, что способствовало дальнейшему усложнению этнокультурного состава татароязычных групп новокрещен. В этом отношении довольно характерна ситуация, сложившаяся в кряшенских селениях Северо-Восточной части Заказанья. Если по статистическим материалам второй половины XVIII в. в таких населенных пунктах, как Шемордан,

² В это время территория Казанского уезда охватывала значительную территорию и включала в себя районы Заказанья и Нижнего Предкамья, где проживала основная масса новокрещен.

Поршур, Малая Чура, Новое Семен Головино еще фиксируется преобладание крещеных и некрещеных удмуртов, то уже к началу XIX в. здесь проживали исключительно кряшены (старокрещенные татары) (НА РТ, ф. 3, оп. 2, д. 73, л.17–39, 215–225, 308–316, 379–389.). Схожую ситуацию можно наблюдать в Западном Закамье, где предки кряшен вступили в активное взаимодействие с местными чувашами, частично ассимилировав их (см.: Багин, 1910).

Расширение государственной колонизации Приуралья и строительство Закамской сторожевой черты (линии) во второй половине XVII в. привели к тому, что наряду с представителями других народностей Среднего Поволжья в районы Восточного Закамья начинают переселяться новокрещены. Первоначально заселение новых территорий была связана исключительно с государственной колонизацией. Сюда переселяли, преимущественно принудительно, представителей служилого сословия и крестьян из Центральной России и Среднего Поволжья (Кузнецов, 2009, с. 35–36). Вольной колонизации препятствовала постоянная военная угроза со стороны восточных соседей-кочевников – башкир, ногайцев, калмыков. Лишь с постепенным укреплением позиции и военной мощи Московского государства на восточной окраине миграционные процессы и хозяйственное освоение региона усиливаются. Довольно сложно сказать определенно о времени появления здесь селений новокрещен. Сохранившиеся исторические источники свидетельствуют, что наиболее древние поселения кряшен Восточного Закамья, такие как Сарсаз, Ляки, Налим, Багряш, Иванаево, Федорово, Ураво, Елтан, уже существовали в начале XVIII в. (Матвеев, 1910, с. 6). Более однозначно можно говорить о том, откуда шел основной поток переселенцев. Топонимика населенных пунктов, а также сохранившиеся предания и аналогии в традиционной культуре свидетельствуют, что предки местных кряшен в большинстве своем были выходцами из Нижнего Предкамья. В пользу этого говорит и тот факт, что в официальных делопроизводственных и статистических материалах начала XVIII в. местные жители продолжали числиться «мирскими людьми» Арской и Зюрейской даруг Казанского уезда.

Дальнейшее усложнение этноконфессиональной ситуации среди предков кряшен было связано с проведением политики по массовой христианизации нерусских народностей Волго-Уралья в 1730–1750-х гг. в бытность существования Новокрещенской конто-

ры. За годы ее деятельности была обращена в православие основная масса коренного населения средневожского региона. Лишь татарам-мусульманам удалось сохранить свою профессиональную целостность – по данным Ф.Г. Ислаева, с 1744 по 1762 гг. было окрещено всего 12615 татар (Ислаев, 2001, с. 99, 176).

Время существования Новокрещенской конторы (официально была закрыта в 1764 г.) стало определенной вехой в этноконфессиональной истории кряшен. Во второй трети XVIII в. образовалась новая группа крещеных татар. В русскоязычных источниках она стала обозначаться как «новокрещены», в то время как за крестившимися ранее закрепилось название «старокрещены». Хотя официально разделение татар, принявших православие, на старокрещеных (*иске керәшен, таза керәшен*) (крестившиеся в XVI–XVII вв.) и новокрещеных (*яңа керәшен*) (крестившиеся в XVIII в.) произошло после проведения первой государственной ревизии 1719–1722 гг., фактически именно время деятельности Новокрещенской конторы стало рубежом, который четко разделил представителей этих групп (Ислаев, 2005, с. 276).

К этому времени можно говорить о формировании особого конфессионального сознания старокрещен. По всей видимости, тогда же происходит закрепление в их массовом сознании термина «*керәшен*», постепенно приобретшего характер обозначения представителей этой общности. По данным С.Х. Алишева, именно во второй половине XVIII в. в татароязычных источниках начинает фиксироваться слово *керәшен* для названия татар, принимавших крещение³. Наиболее популярной и научно аргументированной точкой зрения относительно этимологии этого слова считается версия о его происхождении от русского слова «крещеный», трансформировавшегося в соответствии с фрективными особенностями татарского языка в *керәшен*. Наряду с общим историческим контекстом образования и развития кряшенского сообщества, где факт крещения и принадлежности к православной конфессии выступал одним из главных маркеров идентичности, в пользу данной версии можно привести еще несколько дополнитель-

³ В русскоязычных источниках впервые имя «кряшен» (вернее «крещенин») как самоназвание старокрещеных татар фиксируется в 1846 г. – в этнографической записке И.Ляпидовского о жителях Чуринского прихода Мамадышского уезда Казанской губернии (ОР РНБ. Ф. 573 (СПБДА). Оп.1. Д.А1/232. Л.14–18об).

ных аргументов. 1. В этнографической литературе XIX – начала XX в. отмечается, что соседи кряшен из числа русских продолжали называть их крещеными/крещёнами/крещенинами. Данный термин как самоназвание фиксируется и среди самих кряшен, проживавших в преимущественно русской среде. Так, слушательница Казанских кряшенских педагогических курсов М.П. Касимова писала в 1921 г. в своей этнографической записке о жителях родного с.Верхние Казыли Лаишевского кантона ТАССР: «У нас кряшен не зо[вут] кряшенами, а зовут – крещены, от слова «крещение» (Татары-кряшены в зеркале фольклора, 2014, с. 41). 2. Внутри татарского общества кряшенами обозначали всех без исключения татар, принимавших православие. Сам факт крещения в сознании татар-мусульман означал потерю лицом важнейшего элемента «татарскости» и превращения его в «кряшена». Такой же взгляд бытовал и у других коренных народов Волго-Уралья. Долгое время приверженцы традиционных народных ценностей и религий из числа марийцев, чувашей и удмуртов предпочитали называть своих крещеных соплеменников кряшенами / кряженами / крещонами / руссковерами и проч. Подразумеваемая тесную связь народной религии и этнической идентичности, представители традиционных верований указывали свой «настоящий» этнический статус (*чын чуваш* (настоящий, чистый чуваш), *чимарий* (сырой, настоящий мари-ец), *чын удмуртъес* (настоящий удмурт) и отрицали принадлежность к своему этническому сообществу за соплеменниками-христианами (Николаев, 2010, с. 151). В то же время, в отличие от татарского социума, у этих народностей слово «крещеный-кряшен» не приобрело характера обозначения субконфессиональных групп православных христиан. На наш взгляд, это было связано с тем, что в ходе массовой политики христианизации XVIII в. подавляющая часть этих этносов была обращена в православие, что позволило крещеному большинству сохранить прежний этноним.

Говоря о формировании групп старокрещеных и новокрещеных татар, необходимо отметить, что их разделение вплоть до второй половины XIX в., несмотря на наличие различий в традиционной культуре и религиозности, имело весьма условный характер. На протяжении второй половины XVIII – XIX вв., а в ряде случаев и позже, в состав старокрещен входили группы новокрещеных татар, а также представители других народностей, принимавших крещение, проживавших вблизи мест их компактного расселения. От-

дельно нужно сказать о проблеме так называемых молькеевских кряшен (Цивильский и Тетюшский уезды Казанской губернии). В связи с тем, что их предки в основной своей массе были обращены в христианство в первой половине XVIII в. (Филиппов, 1915, с. 1038–1040; Исхаков, 1993, с. 4–25), вплоть до начала XX в. они считались «новокрещеными из татар»⁴. Несмотря на это, в связи с усилением у них влияния православия во второй половине XIX – начале XX в., они интегрируются в кряшенское сообщество, сформировав особую этнотерриториальную группу в его составе.

Источники и литература

1. *АВП РИ*. Ф.131. Оп.1 (Татарские дела). Д.3.
2. *НА РТ*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 73.
3. *НА ЧГИГН*. Ф. Н.В. Никольского. Д. 305, 309, 310, 311, 314, 315, 319, 321.
4. *ОР РНБ*. Ф. 573 (СПбДА). Оп. 1. Д.А1/232.
5. Levin E. Dvoeverie and Popular Religion // Seeking God: The Recovery of Orthodox Russia, Ukraine and Georgia. Ed. by S.K. DeKalb. Northern Illinois University Press, 1991. P.31–52.
6. *Акты*, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. – СПб.: Типогр. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 1. 1294–1598. 548 с.
7. *Анаков М.* Рассказы крещеных татар деревень Тавелей и Алексеевского выселка Ямашевского прихода Чистопольского уезда о происхождении киреметей // Отдельный оттиск из «Известий по Казанской епархии» за 1876 г. №11. – Казань, 1876.
8. *Багин С.А.* Об отпадании в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления. – Казань: Центральная типография, 1910. 35 с.
9. *Выписка* из представленной по поручению казанского архиепископа Сергия (Ляпидевский) Н.И. Ильминским записки о причинах «отпадения» крещеных татар Казанской губернии от 30 августа 1882 г. // Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / сост., авт. вступительной ст., примечаний, научно-справочного аппарата Р.Р. Исхаков. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С.252–261.

⁴ В материалах церковной и государственной статистики второй половины XVIII – первой половины XIX вв. встречается также их обозначение как «новокрещенные чувашки».

10. *Галлямов Р.Ф.* После падения Казани ...: Этносоциальная история Предкамья (вторая половина XVI – начало XVII вв.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 143 с.

11. *Галлямов Р.Ф.* Этнические процессы в Предкамье после завоевания его Русским государством // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. В 2-х частях. – Казань, 1993. 256 с.

12. *Гарустович Г.Н.* Религиозная ситуация в Золотой Орде глазами современников // Ислам и власть в Золотой Орде. Сборник статей. Сер. «История и культура Золотой Орды». Вып. 16 / под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С.73–97.

13. *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М.: Издательство МГУ, 1988. 429 с.

14. *Емекеев С.* Ногайбаки // Православный благовестник. 1902. №24. С. 343–346.

15. *Ермолаев И.П., Липаков Е.В.* Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI – первой четверти XVII в.: по материалам дозорных и переписных книг // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. – Казань, 1984. 153 с.

16. *Законодательные акты* Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Тексты. – Л., 1986. №119.

17. *Игнатьев Р.Г.* Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Записки Оренбургского Отд. Императорского Русского Географического общества. – Оренбург, 1875. Вып. 3. С.183–236.

18. *Износков И.А.* Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края. Вып. 3. Издание 2. – М., 1895. 47 с.

19. *Износков И.А.* Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд. Вып.1, 2. – Казань, 1895. 80 с.

20. *Ислаев Ф.Г.* Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 219 с.

21. *Ислаев Ф.Г.* Религиозная политика российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе (XVIII в.): дис. ... докт. ист. наук. – Казань, 2005. 368 л.

22. *Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии.* Вып.6. Г. Мамадыш и Мамадышский уезд. – Казань: Типография Императорского Университета, 1904. 420 с.

23. *Исхаков Д.М.* Методологические аспекты изучения этногенеза и этнической истории тюркских народов Волго-Камья // Региональные энциклопедии: проблемы общего и особенного в истории и культуре народов Среднего Поволжья и Приуралья: материалы науч.-практ. конф. (20–22 сентября 2006 г.). – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 2007. 138 с.

24. *Исхаков Д.М.* Молькеевские кряшены: проблема формирования и демографическое развитие в XVIII – начале XX вв. // Молькеевские кряшены. – Казань, 1993. С. 4–25.

25. *Кузнецов В.А.* Новая Закамская линия и образование ландмилиции // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т.11. № 2. С. 35–41.

26. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства: в 1768 и 1769 году. Ч.1. – СПб., 1771. 537 с.

27. *Макаров Г.М.* Перспективы развития традиционной культуры кряшен в современных условиях // Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность: материалы научно-практической конференции. – Казань, 2001. С. 19–44.

28. *Матвеев С.М.* О крещеных инородцах Уфимской епархии. Доклад Миссионерскому съезду в г. Казани по вопросу о христианском просвещении инородцев Уфимской епархии. – Уфа: Электрич. губ. тип., 1910. 57 с.

29. *Можаровский А.Ф.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. – М., 1880. 261 с.

30. *Николаев Г.А.* Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: «свои» и «чужие» // Чувашианский гуманитарный вестник. 2010. №5. С.138–159.

31. *Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов* / сост. Р.Н. Степанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 240 с.

32. *Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов* / сост. Д.А. Мустафина. – Казань: ФЭН, 2006. 660 с.

33. *ПСЗ–I*. Т. I. № 1. С. 71.

34. *ПСЗ–I*. Т.2. № 1099. С.644–645.

35. *ПСЗ–I*. Т.2. № 867. С.312–313.

36. *ПСРЛ*. Т.19. – СПб., 1903. 546 с.

37. *Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в.* / под ред. проф. Д.А. Корсакова. – Казань: Университетская Тип., 1908. 447 с.

38. *Становление и расцвет Золотой Орды.* Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.) / сост., вступ. ст., коммент., указатели М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 438 с.

39. *Татары-кряшены в зеркале фольклора* и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (Педагогического техникума) (1921–1922 гг.): сборник материалов и документов / сост., авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исхаков, Г.А. Николаев. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани; Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2014. 316 с.

40. *Татищев В.Н.* История Российская. Т.VII. – Л., 1968. 484 с.

41. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечение из сочинений арабских. – СПб., 1884. 588 с.

42. *Филлипов Г.* Из истории христианского просвещения крещеных татар-мещеряков Тетюшского и Цивильского уездов Казанской губернии // Известия по Казанской епархии. 1915. №37. С.1038–1040.

Список сокращений

АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи
НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ–1 – Полное собрание законов Российской империи, Собрание 1-е
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РПЦ – Русская православная церковь
СПбДА – Санкт-Петербургская духовная академия

Р.Р. Исхаков

XVI йөзнец икенче яртысында – XVIII гасырда татар керәшеннәре арасында дини агарту һәм берләштерү процесслары

Мәкаләдә XVI гасырның икенче яртысы – XVIII гасырда Урта Идел яңа керәшеннәре арасында барган этник-конфессиональ процессларның алар арасында узара охшашлык формалашуга китерүе хакында сөйләнә. Бу хезмәттә дәүләт дини сәясәте һәм православие чиркәвенең миссионерлык хәрәкәте татар керәшеннәрен берләштерүгә йогынтысы һәм аларда дини синкретизмның аерым үрнәге формалашуы анализлана.

Ачыкч сүзләр: Урта Иделдә динара мөнәсәбәтләр, татар керәшеннәре тарихы, миссионерлык хәрәкәте, дини сәясәт, дини синкретизм.

R.R. Iskhakov

Religious education and consolidation processes among the baptized Tatars uring the second half of the XVI – XVIII centuries

The article deals with the ethnoconfessional processes taking place among ethnoreligious ‘novokreschens’ of the Middle Volga region in the second half of the XVI – XVIII centuries, which led to formation of a special ‘Kryashen’ identity. This work analyzed the influence of the religious policy of the state and the missionary movement of the Orthodox Church on the consolidation of process among the baptized Tatars, the formation of their particular model of religious syncretism.

Keywords: inter-confessional relations in the Middle Volga, history of ‘Kryashens’ Tatars, missionary activity, religious politics, religious syncretism.

Исхаков Радик Равильевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); e-mail: ishakovist@gmail.com

Исхаков Радик Равил улы – тарих фәннәре кандидаты, Татарстан Фәннәр академиясе Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының татар керәшеннәре һәм нагайбәкләр тарихын һәм мәдәниятен өйрәнү үзәге житәкчесе (Казан шәһәре).

Iskhakov Radik Ravilyevich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for the Study of History and Culture Tatar-Kryashens and Nagaibaks, Sh.Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Изучение этносословных особенностей на примере жителей деревни Бизяки Елабужского уезда Вятской губернии

В статье рассматриваются источники, которые могут дать ключ для раскрытия этносословных проблем населения Волго-Уральского региона на примере деревни Бизяки Менделеевского района РТ. Приводятся некоторые размышления автора о формировании этносословного и национального самосознания татарского народа.

Ключевые слова: Бизяки, этноним, конфессионим, ясачные татары, башкиры, тептяри, «ясашные чуваша».

В последние два-три десятилетия оживился интерес к тюркоязычному населению юго-востока Татарстана, отразившемуся в документах под разными названиями, как-то татары, мешчеряки (мишари), тептяри, башкиры. Башкирские ученые «ничтоже сумняшеся» объявили их скопом «мензелинскими башкирами», не утруждая себя поисками доказательств и опираясь лишь на ревизские сказки, где это население названо «башкирцами». Бизяки также находятся на этой территории и в документах XVII–XIX вв. они называются то татарской, то башкирской, то тептярской и даже «чувашевской деревней», а жители, соответственно, татарами, башкирцами, тептярями и чувашами.

Так кем же были наши предки? И как можно объяснить такое разнообразие в источниках при определении этносословной принадлежности моих предков? Я человек, формировавшийся в середине XX в., общалась со многими бабушками и дедушками, родившимися и взрослевшими в XIX в. Многие из них были неграмотными, но говорили они на татарском языке, хотя и имевшем некоторые особенности мензелинского диалекта, но никак не на башкирском. Обвинить в этом советскую школу и учебники на татарском языке, как это делают башкирские политологи, невозможно, так как они в ней не учились.

Теперь об определениях, встречающихся в таком разнообразии в официальных документах. Анализируя их, можно ясно увидеть, что как бы ни назывались в них бизякинцы, это тюркоязычное мусульманское население. Думаю, что появление терминов «чувашевская

деревня», «*ясаиные чуваша*» достаточно объяснено в трудах И.П. Ермолаева, Д.М. Исакова и других. Источники по деревне Бизяки только подтверждают их заключение, что термины «*ясаиные чуваша*» и «*ясачные татары*», «*чувашевская деревня*» и «*татарская деревня*» следует рассматривать как категорию социальную, а не этническую. И употребляются они как тождественные понятия по отношению к одним и тем же конкретным людям или поселениям. Конечно, можно было бы допустить, что когда-то в деревне Бизяки жили чуваша, затем отатарившиеся или вытесненные татарами. Однако нет никаких следов, подтверждающих это, ни в виде и названий на местности, ни в виде более или менее близко расположенных чувашских поселений. Так что определимся, что в данном конкретном случае термин «*чувашевская деревня*» означает деревню татарскую.

Попробуем разобраться с употреблением терминов «*башкирцы*» и «*тептяри*» по отношению не только к бизякинцам, но и ко всему тюркоязычному населению Елабужского уезда. «Вообще сословия и народности в Елабужском уезде очень спутаны», – отметили в предисловии составители сборника «Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VI. Елабужский уезд: Ч. 2», опубликованного в г. Вятке в 1889 г. Здесь же имеются любопытные рассуждения о тептярях.

Автор предисловия описывает тептярей так: «Обыкновенно считают тептярей за отдельное племя, за отдельную народность; мы же приняли тептярей за сословие и вот на каком основании. При регистрации одни из тептярей оказались башкирами, другие же черемисами, причем нигде не нашлось тептярей, которые представляли бы собой, так сказать, отдельную этнографическую общность. Слово «тептярь» – татарское, которое, по словам одних, обозначает человека, свободного от податей, по словам других, выражает собой то же самое понятие, как малорусское слово «казак» или древнерусское «стрелец». Говорят, что в старые годы русское правительство для защиты своих восточных пределов от враждебных племен устроило стрелецкое или казацкое войско. Войско это, состоящее из различных инородцев, преданных правительству, получило название тептярского, отчего потом и сами инородцы, служившие в этом войске, стали называться «тептярями». Как служилому сословию тептярям в свое время были предоставлены некоторые льготы, которые сохранились за ними, вместе с названием, до сих пор. В Ела-

бужском уезде встречается два вида тептярей: одни из них называются тептярями-вотчинниками, другие же – тептярями-припущенниками. Первые представляют из себя коренное население, вторые же, по-видимому, суть выходцы из-за Камы» (Материалы по статистике Вятской губернии, 1889, л. I-II).

Постараемся определить, когда тептяри появились в Бизьяках.

Самый ранний официальный документ, в котором говорится о бизьякинских тептярях, – ревизская сказка 1762 г. Третья ревизия здесь была проведена в 1764 г. Отмечу, что тептяри, жившие на речке Безяка, были учтены отдельно от ясашных татар деревни Бизьяки. Можно предположить, что и жили они отдельной деревней под таким же названием. Интересно, что есть и материалы первой ревизии, проведенной в 1722 г., где мы встречаем имена людей, записанных в РС 1764 г. как тептяри. Но здесь они записаны как «*ясашные татара*», платившие «*бобьельский ясак*». В других документах идет речь и о том, что эти тептяри были припущенниками у бизьякинских вотчинников. Исходя из вышесказанного, мы вполне уверенно можем предположить, что платившие «бобьельский ясак ясашные татара» Бизяков в 30-х гг. XVIII в. стали «тептярями». После объединения Тептярского войска с Башкирским в 50-х гг. XIX в., они также стали называться башкирцами. Тептяри-башкирцы в Бизьяках жили до переселения их на казенные дачи в 1864–1886 гг.

Теперь о термине «башкирцы». В бизьякинских документах он появляется в середине XVII в. Именовавшиеся до этого «ясачными татарами» бизьякинцы в челобитных начинают называть себя башкирцами. И обращаются они к этому термину, желая сохранить за собой свои вотчинные земли. Можно предположить, что для них это были идентичные понятия. По-моему, это говорит о том, что тюркоязычное население края оставалось еще этнически однородной массой, не дифференцировалось. С образованием же Башкирского войска бизьякинцы вошли в его состав, и называться башкирцами стало уже все население, а не только челобитчики. В это же время в официальных документах все чаще начал использоваться и конфессионим «мусульмане».

Я могу подтвердить применение различных названий, даже обратившись к истории своего рода. Наши далекие предки Такаш, Уразмет, Сулейман (Сулюк) в ревизских сказках записаны как ясашные татары. А имя их внука и сына Кузяша Сулюкова впервые встре-

чается в РС 1811 г. и числится он там, как и остальные бизякинцы, башкирцем. Объяснить этот факт можно следующим образом. В 50-х годах XVIII века Русское государство для защиты своих юго-восточных границ и «успокоения» башкирских земель начало создавать башкирское войско. Записавшиеся в войско освободились от уплаты ясака. «По указу Правительствующего сената от 24 марта 1754 года, последовавшему с высочайшего повеления г. Оренбургскому губернатору Неплюеву предписано ясак с них снять» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 74об.–75). Так записанные в окладной ясак бизякинцы-вотчинники стали неокладными башкирцами.

Для деревень, расположенных в Вятской губернии и входивших ранее в состав Башкирского войска, в 60-х гг. XIX в. в Елабужском уезде была создана новая волость – Салаушская, причем она представляла собой не территориальную единицу с определенными границами, а единицу административно-сословную. Население Салаушской волости состояло только из вотчинников – башкирцев и тептярей, владевших землей по праву собственности. Так появился Башкиро-тептярский анклав на юго-востоке Елабужского уезда. В него вошло 16 поселений, находившихся на территории пяти уже существовавших до этого волостей Елабужского уезда. Так, например, Бизяки вместе с деревнями Курбан Ключ (Безяки тож), Тураево, Куразово, Псеево, Ахтиял составляли Тураевский куст Салаушской волости. Он занимал юго-восточную часть Кураковской волости, окруженную с юга рекой Камой. Интересно, что дворы ясашных башкир и татар, сидевших на казенных землях и проживавших издавна в некоторых из этих деревень, остались в составе прежних волостей (например, как в Псеево Кураковской волости) (Материалы по статистике Вятской губернии, 1889, с.72).

Административно-сословная единица Салаушская волость, в которой насчитывалось 1566 дворов и 9321 душа обоего пола (Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов, 1876, л. LI), видимо, была своего рода исключением не только в Вятской губернии. Известно же, что волости охватывали разноплеменное население определенной территории, а центр его находился в русском селе, и глава волостного правления также был обычно из русских.

«Вообще сословия и народности в Елабужском уезде очень спутаны, – отметили в предисловии составители сборника. – Например, жители починка Новых Бозяков Асановской волости (переселенцы из

деревни Бизяки. – А.М.), принадлежащие в настоящее время к государственным крестьянам и считающиеся татарами, еще недавно принадлежали к башкирам – тептярям припущенникам. На этом основании новобозьяковцев называют так: «*татары из государственных крестьян, бывшие башкиры из тептярей-припущенников*» (Курсив мой. – А.М.). Принявши казенный поселенческий участок в Асановской волости, чего они легко могли достигнуть, как припущенники, новобозьяковцы тем самым уже вышли из прежней сословности и превратились из тептярей в крестьян государственных; татарами же они себя неправильно именуют потому, что в сословном отношении они совершенно сравнялись с последними, а также потому, чтобы кто-нибудь не счел их вотчинниками или припущенниками» (Материалы по статистике Вятской губернии, 1889, л. II).

На мой взгляд, это говорит о том, что тюркоязычное население края даже во второй половине XIX в. оставалось еще однородной, этнически недифференцированной массой. В то же время это разъяснение показывает, что не только чиновники, но и сами жители считали понятия «башкиры», «тептяри» равнозначными с термином «государственные крестьяне», т.е. термином сословным, тогда как термин «татары» в их понимании означало родовое или этническое определение. Составители же сборника в дальнейшем при характеристике мусульманского населения уезда употребляют термин «татары».

Обратимся еще к одному документу – материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Как известно, в них не учитывалась национальность, но учитывались сословие, вероисповедание, грамотность и родной язык анкетируемого. Материалы переписи населения деревни Бизяки содержат черновые опросные листы по 381 хозяйству (ГАКО, ф. 574, оп. 9, д. 112). В них учтено 1020 мужчин и 945 женщин, в основном, башкирского сословия (есть лишь несколько тептярей-приймаков и мулл, приписанных к другим обществам). О грамотности обычные ответы: неграмотный или читает «помусульмански»; местом обучения указано «медресе» или «у муллы». Любопытный ответ содержится в графе «родной язык». В 9 хозяйствах родным языком оказался «турки», в остальных – «мусульманский», причем в двух случаях написанное «турки» зачеркнуто и переправлено на «мусульман». Определение же родного языка как «турки» дали лица, явно окончившие джадидистские медресе.

На мой взгляд, эти ответы характеризуют осознание бизякинцами лишь обособления в религиозном, но никак не в этническом отношении. По-видимому, можно говорить о том, что ответ абсолютного большинства бизякинцев на вопрос о родном языке «мусульманский» является ярким показателем активного функционирования даже в конце XIX в. конфессионима «мусульман», характерного для средневековья, т.е. периода формирования этноса волго-уральских татар, характеризующегося неразрывной связью в нем религиозных и собственно этнических компонентов. В то же время появление ответов, что родным языком является «турки», свидетельствует о начавшемся распространении влияния джадидизма, идеологи которого в это время пытались, используя выражение Д.М.Исхакова, «сконструировать» этноним «турки» (Исхаков, 2010, с. 12, 48).

Источники и литература

1. ГАКО. Ф. 574. Оп. 9. Д. 112.
2. НА РТ. Ф. 986. Оп. 1. Д. 489.
3. *Материалы по статистике Вятской губернии*. Т. VI. Елабужский уезд: Ч. 2. Подворная опись. – Вятка, 1889. 213 с.
4. *Списки населенных мест Российской империи*, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. X. Вятская губерния: по сведениям 1859–1873 годов. – СПб., 1876. 993 с.
5. *Исхаков Д.М.* Татары: перепись и политика. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 86 с.

Список сокращений

ГАКО – Государственный архив Кировской области
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
РС – ревизская сказка

А.Х. Махмутова

Вятка губернасы Алабуга ыязе Бэзэкэ авылы кешеләре мисалында этник-сословие үзенчәлекләрен өйрәнү

Мәкаләдә Татарстан Республикасының Менделеевск районы Бэзэкэ авылы кешеләре мисалында этник-сословие үзенчәлекләрен өйрәнүгә нигез булган чыганаclar карала. Татар халкында милли үзәк формалашуга бәйле авторның кайбер фикерләре китерелә.

Ачкыч сүзләр: Бәзәкә, этноним, конфессионим, яsakлы татарлар, баш-кортлар, типтәрләр, яsakлы чуашлар.

A.Kh. Makhmutova

**Study of etno-estate features on the example of people
of Bizjaki village of the Elabuga County of the Vyatka province**

The article deals with sources that can provide clues to uncover etno-estate problems of the Volga-Ural region on the example of the population of the village Bizjaki of the Mendeleev District of Tatarstan. We give some reflections on the formation of national and etno-estate identity of the Tatar people.

Keywords: Bizjaki, ethnonym, confessionalism, tributary Tatars, the Bashkirs, the Teptyars, ‘Yasashnye chuyvasha’.

Махмутова Альта Хазеевна – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г.Казань); e-mail: alta1937@mail.ru

Мәхмүтова Альта Хажы кызы – тарих фәннәре кандидаты, Шиһабетдин Мәржани ис. премия лауреаты (Казан шәһәре).

Makhmutova Al'ta Khazeevna – Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher (Kazan).

Этногенетические концепции татарских историков конца XIX – начала XX века

В статье рассматриваются взгляды татарских историков конца XIX – начала XX века на происхождение татарского народа – стержневую проблему джадидистской историографии. Концептуальные подходы к ее решению были изложены Ш.Марджани в первом научном исследовании по национальной истории «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Сведения, привлеченные к истории Казани и Булгара), где история народа излагалась как преемственное и непрерывное развитие от Волжской Булгарии через историю Золотой Орды и татарских ханств, и в целом поддержаны его преемниками Р.Фахрутдиновым, Х.Габяши, Г.Ахмаровым, Х.Атласи, А.Валиди, Г.Батталом. Этногенетические концепции являлись важнейшим компонентом и существенным фактором процесса национальной консолидации, утверждая идею этнического единства и определяя особое историческое и культурное место татар среди других народов. Стал актуальным и требовал ответа вопрос об этнониме и этнической самоидентификации: «Кто мы? Мусульмане, болгары, турки или татары?» Среди татарских историков не было единого мнения по самоназванию, однако, вне зависимости от приверженности тому или иному этнониму, они признавали этнокультурную специфику своего народа и показывали в своих работах становление и развитие особой этничности тюрко-мусульман Поволжья и Приуралья.

Ключевые слова: татарская историография, происхождение татарского народа, этническая консолидация, этническая самоидентификация, этноним.

Во второй половине XIX в. в развитии татарской исторической мысли происходят коренные изменения, обусловленные реформистским движением и формированием этнической общности нового национального типа.

Реалии XIX века требовали преодоления средневековой замкнутости и осмысления, которого не могла дать отвергающая любые изменения идеология традиционализма. Обновление татарского общества начинается на рубеже XVIII–XIX вв. с выдвижения идеи религиозной реформации, отстаивается просветителями и воплощается в последней четверти XIX – начале XX в. в преобразовании всех сфер национальной жизни, или движении джадидизма.

Прежнее, обращенное в прошлое утраченной славы историческое сознание было неприемлемо для пробуждающегося и возрождающегося народа. История, следовательно, представляла не только одну из областей научных знаний, за развитие которых выступали просветители. Необходимо было знать прошлое, чтобы определить собственное историческое и культурное место среди других народов.

В 1885 г. в типографии Казанского университета вышел в свет первый том первого научного исследования по национальной истории «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Сведения, привлеченные к истории Казани и Булгара) реформатора и просветителя Шигабутдина Марджани (1818–1889). Ш.Марджани впервые последовательно излагает историю Поволжья и Приуралья от Волжской Булгарии через историю Золотой Орды и татарских ханств, раскрывая ее развитие как преемственное и непрерывное. Именно с позиций данного концептуального подхода он рассматривает проблему происхождения татарского народа. Сопоставляя и анализируя сообщения источников, ученый приходит к выводу, что средневековые тюркоязычные народы Восточной Европы – кипчаки, хазары, булгары – представляли один и тот же этнос (Марджани, 1885, б.42, 51–53). После покорения татарами булгары и соседние мусульманские племена стали именоваться татарами (Марджани, 1885, б.52). В истории имя господствовавшего народа или правителя становилось именем страны и собирательным именем ее народов: Страна сакалибов, Дашти кипчак, Страна хазар, Страна булгар, Страна татар, Улус Джучи, Юрт Бату, Барриа ал-Берке (Земля Берке), Страна Узбека и, соответственно, кипчаки, хазары, булгары, татары, народ Улуса Джучи, народ Страны Узбека и т.д. (Марджани, 1885, б.12, 17, 43, 52, 96, 98), но закрепилось имя «татары» (Марджани, 1885, б.96; см. также Юсупов, 2005, с.228–251).

Следует отметить, что булгаро-татарская теория этногенеза разрабатывалась совместно с преподавателем Восточного разряда Петербургского университета Хусаином Фаизхановым (1828–1866) – учеником, близким другом и единомышленником Ш.Марджани (Фэезханов, 2006, б.371–373, 378–379). Он не только высылал необходимые книги и делал выборки из источников, оказав неоценимую помощь ученому. В письмах к наставнику им обозначались и обсуждались исследовательские задачи, высказывалось мнение о написанном (Фэезханов, 2006, б.343–344, 350, 355, 366), а отдельные

главы первого тома «Мустафад ал-ахбар...» были составлены на основе его рукописей (Мәрданов, 2006, б.10–15).

Ш.Марджани отвергает характерное для татар отождествление этнокультурной и религиозной идентификации, сформировавшееся в ответ на национально-религиозное угнетение и выразившееся в принятии конфессионима «мусульманин» в качестве самоназвания, которое уже не могло быть приемлемо для народа, стремящегося обрести собственное историческое место. Булгарская идентичность, по его мнению, являлась фальшивой и была украшена несостоятельными религиозными легендами. С первых страниц «Мустафад ал-ахбар...» он обращается к читателю со своим знаменитым вопросом «Кто же ты, если не татарин?» и отстаивает это имя (Мәржани, 1885, б.6). Выбирая самоназвание «татары», он как ученый-историк исходит из реалий исторического развития – под этим названием его народ был известен последние столетия, и как идеолог – «создатель нации» выступает за него как за самый распространенный и интегральный этноним (Кемпер, 2008, с.618; Исхаков, 1997, с.73).

Теория этногенеза Ш.Марджани была принята и развита последующими историками-джадидистами.

Писатель и богослов, журналист и педагог, видный религиозный деятель Ризаэтдин Фахрутдинов (1859–1936) считал себя, прежде всего, историком. Возглавляемый им журнал «Шура» («Совет») по полиграфическому совершенству, энциклопедичности содержания, последовательному плюрализму, популярности и влиянию на общественное сознание занимал исключительное место среди мусульманской повременной печати царской России. Журнал стал играть главную роль в распространении исторических знаний, пропаганде и изучении национальной истории. Значительная часть публикаций в этой области и самые значимые из них принадлежали Ризе Фахрутдинову.

Весьма интересны и важны, учитывая роль журнала «Шура» в формировании исторического и национального сознания татар, его взгляды на происхождение татар и отношение к этнониму. Их можно свести к нескольким основным тезисам. Р.Фахрутдинов относится резко отрицательно к этнониму «татары» и никогда не употребляет его по отношению к своему народу. Название «татары» используется им как синоним этнонима «монгол». Имя правителей-татар перешло на подданные им народы (Олуг Мөхәммәд хан, 1908, б.300). Но есть и другая версия: «татар» означает всадник, так называли авангард

войск Чингиза. И это не этническое название было перенесено на всех тюрков и монгол (Мөрасәлә вә мөхабәрә, 1913, б.249).

Мусульмане Поволжья – потомки волжских булгар (Мөрасәлә вә мөхабәрә, 1913, б.249; Мөрасәлә вә мөхабәрә, 1909, б.373). Среди их предков татар меньше, чем капля в море (Олуг Мөхәммәд хан, 1908, б.300). «Наше национальное имя, – пишет Р.Фахрутдинов, – северные тюрки (шималь төрекләре)» (Мөрасәлә вә мөхабәрә, 1913, б.249). Тем не менее, он не скрывает своих симпатий к Золотой Орде, поскольку это государство было тюркским. Его издревле населяли тюрки – булгары и кипчаки, из тюрков состояла большая часть войск монгольских ханов (Бәркә хан, 1908, б.34). Таким образом, Р.Фахрутдинов, как и Ш.Марджани, развивает идею исторической преемственности Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и современных тюрко-мусульман Поволжья, но не приемлет самоназвание «татары», хотя и не призывает отказаться от него.

Видный религиозный и общественный деятель кадий Духовного собрания Хасангата Габяши (1863–1936) принадлежал к тому поколению татарской интеллигенции, чье мировоззрение и общественные идеалы формировались под влиянием Ш.Марджани, особенно проявившемся на становлении его как ученого-историка (Төхфәтуллин, 1998, б.120–122). Его первые исторические работы – рекомендуемый как учебник для начальных школ «Тюркские племена» (1897) и «Краткая история тюркского племени» (1907) – показывают сферу главных научных интересов историка. Он ставит цель написать всю историю тюркских племен. Почти два десятилетия было отдано работе, прежде чем в 1909 г. в Уфе вышла из печати «Подробная история тюркского племени» (Мофассал тарихе кавеме төрки), ставшая событием в тюркском мире и получившая восторженные отзывы со всех концов России. Х.Габяши делит историю тюркских народов, подобно европейской, на три периода: древний – до падения Монгольской империи, средний – до падения Казани и новый. «Муфассал...» был посвящен первому этапу. Тюрков он относит к туранской ветви потомков Ноя Иафета, к которой также причисляет китайцев, японцев, финнов, малые народы Севера и Сибири. Изложив краткие сведения о других туранцах, Х.Габяши подробно пишет о древних и современных тюрках. По форме сочинение представляет больше собрание сведений по истории и этнографии тюркских народов, чем историческое исследование. Габд-

рахман Сагди по богатству содержания ставил «Муфассал...» на второе место после «Мустафад ал-ахбар...» Ш.Марджани (Сэгъди, 1926, б.191).

Идея исторического родства и единства тюрков весьма значима для Х.Габяши и, увлекаясь, он относит к ним аланов, ясов, маньчжур, тунгусов и др., однако сохраняет объективность в освещении вопроса отношения древних татар к современным (Габэши, 1909, б.249–250).

Научные изыскания учителя русского языка при медресе Старотатарской слободы Казани Гайнутдина Ахмарова (1864–1911) были тесно связаны с деятельностью Общества археологии, истории и этнографии, членом которого Г.Ахмаров состоял с 1893 г. Сотрудничество с ОАИЭ стало для него незаменимой школой, позволило овладеть методами европейской исторической науки.

Вклад Общества в историко-этнографическое изучение народов Поволжья нельзя представить без ярких, глубоких и оригинальных работ Г.Ахмарова. Ему принадлежит честь открытия местонахождения древнего Суvara. Его по праву можно назвать первым профессиональным археологом из татар. Он состоял членом Комиссии по составлению археологической и этнографической карты Казанской губернии. Исследования Г.Ахмарова «О языке и народности мишарей» (1903), «Свадебные обряды казанских татар» (1907), «Тептяри и их происхождение» (1908), опубликованные в «Известиях ОАИЭ», и сегодня не утратили научного значения.

Вслед за Ш.Марджани он обращается к истории национальной государственности. «История Булгарии» (Болгар тарихы, 1909) и «История Казани» (Казан тарихы, 1910) были основаны на материалах популярных лекций, прочитанных автором в Восточном клубе. Г.Ахмаров подробно пишет о происхождении Казани и названии города, подчеркивая, что история города уходит корнями в болгарскую древность. Казанское государство является наследником Булгарии, в известной степени можно говорить об их тождестве. Казанцы и болгары были одним и тем же народом (Әхмәрев, 1910, б.4). Самый крупный раздел «Истории Булгарии» посвящается подробно и обстоятельному доказательству прямого родства современных казанских татар и древних болгар (Әхмәрев, 1909, б.14–38). История Золотой Орды им не рассматривается. Татары пришли из глубин Азии и покорили болгар, но Булгария осталась вне сферы

существенного, в том числе этнического, влияния государства чингизидов, ограничиваясь выплатой дани и сохраняя совершенную свободу во внутренней жизни (Әхмәрев, 1909, б.99–101). Правителями Казанского ханства были татары, и русские постепенно стали называть казанских булгар «казанскими татарами» (Әхмәрев, 1910, б.4). Однако Г.Ахмаров не говорит прямо об ошибочности этнонима «татары».

В 1911–1914 гг. вышли из печати три исторических исследования педагога-новометодиста, автора учебников по астрономии и естественной истории, публициста и общественного деятеля, депутата 2-й Государственной думы Хади Атласова (1876–1938) – «История Сибири», «Сююнбике», «Казанское ханство». Историк восстановил подробнейшую картину прошлого татарских ханств, тщательно выверяя сведения и отдавая предпочтение сообщениям первоисточников. Он писал, что история татар берет начало из общетюркских корней, и начинал отсчет времени от хуннов и правления хана Угыз-Модэ. Современные татары – продолжатели рода тюркских племен Алтая и Сибири. Важное значение в этногенезе татар Атласов придавал хазарскому периоду. В основу исторической концепции ученого была положена идея государственности, и история татар рассматривалась им как преемственность тюрко-татарских государств: Хунну – Тюркские каганаты – Золотая Орда – Казанское ханство (Мухамметдинова, 2004, с.53–56).

Подобный большие надежды молодой ученый, лидер башкирского национального движения, эмигрант, преподаватель Стамбульского университета, востоковед с мировым именем, автор фундаментальных исследований по тюркской истории – дух борца и призвание историка определили драматичный жизненный путь Ахмедзаки Валиди (1890–1970). Известность приходит к нему с первой книгой «История тюрков и татар» (Төрөк вә татар тарихы, 1912) (Вәлиди, 1912). При работе над ней ученый опирался прежде всего на исследования русских и европейских историков в русском переводе и аннотациях, использовал сочинения Ш.Марджани, М.Рамзи и восточные источники. А.Валиди следует предложенному Ш.Марджани делению прошлого татар на два главных периода и в первой части «Истории тюрков и татар» рассматривает национальную историю до русского завоевания. Работа над второй частью, посвященной времени после падения татарских ханств, не была завершена. Структура

«Истории...» составлена под влиянием «Введения в историю Азии» французского историка Леона Каена. Турецкое издание этой книги в переложении Наджиба Гасима было популярно среди татар. История тюрко-татар делится на следующие периоды: тюркские народы в древности, тюрки и ислам, время Чингиз-хана, или великого тюркского государства, Золотая Орда, Казанское ханство. Первоначально книга называлась «История тюрков», но по совету издателя Идрисова Валиди поменял название и ориентировал ее на историю поволжских татар, сократив часть материала о восточных тюрках и расширив главу о Казанском ханстве (Тоган, 1997, с. 83). В последующем переработанном в качестве учебника для средних классов кратком издании (1915) он восстановил целостность общетюркской концепции книги. Подчеркивая родство и единство тюрков еще в недалеком прошлом, историк признавал их этнокультурную самобытность в настоящем (Валиди, 1992, б.13).

Несколько позже книги А.Валиди в том же 1912 г. вышла из печати «История татар» (Татар тарихы) (Баттал, 1912) преподавателя медресе из Троицка Габдулбари Баттала (1880–1969). Автор составил ее как учебник для средней школы. Содержательная, написанная доступным легким языком книга была популярна среди педагогов-новометодистов и выдержала несколько изданий. От подробного рассказа о стране волжских булгар Баттал переходит к истории древних татар, Чингиз-хана и Золотой Орды и далее Казанскому ханству (Казан падишаһлыгы), придерживаясь в главных принципах концепции Ш.Марджани. Позднее Баттал переработал учебник, дополнив его главой о древних тюрках и вынесенными в примечания обстоятельными сносками на источники и литературу (Баттал, 1916). Этнические корни татар, считал он, связаны с волжскими булгарами и пришедшими из Азии под именем татар тюркскими общностями, которые слились с местным населением, но оставили им свое имя (Баттал, 1913, б.149; Баттал, 1916, б.5, 32). Г.Баттал был известен как один из самых жестких и принципиальных защитников имени «татары».

Таким образом, изучение национальной истории являлось ведущим направлением дореволюционной татарской историографии, проблема происхождения татарского народа – стержневой проблемой научных исследований. Воссоздание собственного исторического прошлого было связано с процессом национальной консоли-

дации и являлось ее необходимым и важнейшим элементом, поскольку исторические знания могли утвердить идею этнического единства и определить свое особое место татар среди других народов. Становился актуальным и требовал ответа вопрос об этнониме и этнической самоидентификации: «Кто мы? Мусульмане, болгары, тюрки или татары?»

Как мы могли заметить, не все историки уделяли внимание этой проблеме – цели и содержание работ отдельных авторов, таких как Г.Габяши и А.Валиди, и не предполагали обращения к ней. На наш взгляд, важно не столько определение тем или иным историком своего отношения к выбору этнонима, сколько признание или отрицание им этнокультурной специфики татар. Выше мы убедились, что татарские историки доказывали, следуя в главных принципах Ш.Марджани, становление и развитие особой этничности тюркомусульман Поволжья и Приуралья. В этом сходились, например, предпочитавший этноним «северные тюрки» Р.Фахрутдинов и татарист Г.Баттал. Этногенетические концепции историков были как формирующим фактором, и это относится прежде всего к трудам Марджани, так и выражением той тенденции, которая стала господствующей в татарской общественной мысли: преобладающая часть татарской элиты вне зависимости от приверженности тому или иному этнониму признавала отличную от других тюркских и мусульманских народов культурно-национальную самобытность татар и выступала за ее развитие.

Теперь обратимся к самим этнонимам.

Как уже отмечалось, господствовавший в XVIII – первой половине XIX в. конфессионим «мусульманин» не являлся самоназванием, основанным на особой этничности, и теперь был не приемлем.

Историческое сознание татар хранило память о болгарском прошлом. Ряд фактов, казалось бы, подтверждает сохранение и самого этнонима. В частности, татарская элита не прекращала использование тахаллуса «ал-болгары». Однако и в XII в., и в XIX в. он отражал происхождение в значении родины – места рождения и пребывания (Усманов, 1972, с.139–140). Другие случаи употребления понятия «болгар» в русских и татарских источниках послебулгарского времени также связаны с территорией и выражают скорее политоним, чем этноним. То есть, здесь можно вести речь о продолжении одной из болгарских культурных традиций и фиксации в исторической памяти

преимущества Волжской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства; допустимо говорить о выражении, но опосредованном, этнической принадлежности, но нет оснований утверждать, что продолжало существовать самоназвание «булгары». Поддержка этого этнонима отдельными татарскими деятелями не стала тенденцией. Радикальный булгарский пуризм ваисовской секты не встретил сочувствия. Булгаризм, однако, действительно существовал, но как основа этногенетических концепций.

Предпочтение самоназвания «тюрки» (но тюрки северные, волжские, казанские!) мотивировалось, во-первых, апелляцией к истории: «татары» – имя, навязанное извне, имя поработителей. Во-вторых, татарским политическим тюркизмом, или стремлением к этно-конфессиональной консолидации российских тюрок вокруг татар. Его суть отчетливо выразил Газиз Губайдуллин в статье «Некоторые основы национализма», ярко отразившей тенденции идейных поисков татарской общественности после Февраля. Он писал, что волжские тюрки, всегда выполнявшие культуртрегерскую роль по отношению к тюрко-мусульманскому Востоку, должны возглавить его возрождение и сближение с Европой. А это значит, что они имеют право быть отдельной нацией и должны сохранить ее во имя благоденствия человечества (Газиз, 1917, б.160–161).

Победил этноним «татары». Безусловно, выдающуюся роль сыграл авторитет Ш.Марджани. Силу влияния его риторического обращения «Кто же ты, если не татарин?» подчеркивают многие источники начала века. Была и заслуга К.Насыри, стоявшего у истоков создания грамматики и орфографии общенационального литературного языка и называвшего его татарским. Известное значение имели дебаты в печати и особенно получившая широкий резонанс дискуссия «Кто мы?» на страницах журнала «Шура» в 1911–1912 гг., где последнее слово осталось за приверженцем имени «татары» Г.Ибрагимовым. Определяющим же, на наш взгляд, стало то обстоятельство, что историческая память этнических групп, вошедших в состав татарского народа, не сводилась только к булгарскому прошлому, сохранялись локальные самоназвания, и, очевидно, могло закрепиться лишь название самое распространенное и интегрирующее. И это понимали идеологи – приверженцы этнонима «татары», который был поддержан большинством национальной элиты, стал пропагандироваться в художественной литературе и печати.

Источники и литература

1. *Әхмәрөв Г.* Болгар тарихы. – Казан, 1909. 134 б.
2. *Әхмәрөв Г.* Казан тарихы. – Казан, 1910. 116 б.
3. *Баттал Г.* Татар тарихы: (Рөшди мәктәпләр өчен дәреслек). – Казан, 1912. 112 б.
4. *Баттал Г.* Миллиятне билгеләү // Мәктәп. 1913. №6. Б.149–153.
5. *Баттал Г.* Татар тарихы: (Дәреслек): 3 басма. – Казан, 1916. 130 б.
6. *Бәркә хан* // Шура. 1908. №8. Б.225–231.
7. *Вәлиди Ә.* Төрөк вә татар тарихы. I жөзье. – Казан, 1912. 280 б.
8. *Вәлиди Ә.-З.* Кыскача төрөк-татар тарихы. Беренче жөзье. – Казан, 1992. 183 б.
9. *Габәши Х.* Мофассал тарихе кавеме төрки. – Уфа, 1909. 316 б.
10. *Газиз Г.* Милләтчелекнең бәгъзы әсаclarы // Аң. 1917. №10. Б.138–143; №11/12. Б.159–167.
11. *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань, 1997. 247 с.
12. *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством. – Казань, 2008. 655 с.
13. *Мәрданов Р.* «Хөсәен Фәезханов» китабы // Хөсәен Фәезханов: Тарихи-документаль жыентык. – Казан, 2006. Б.3–26.
14. *Мәржани Ш.* Әл-кыйсьме әл-әүвәл мин китаби Мөстәфад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1885. 267 б.
15. *Мөрасәлә вә мәхабәрә* // Шура. 1909. №12. Б.372–374; 1913. №8. Б.249.
16. *Мухамметдинова А.Х.* Хади Атласи: общественный деятель и историк. – Казань, 2004. 127 с.
17. *Олуг Мөхәммәд хан* // Шура. 1908. №10. Б.297–303.
18. *Сәгъди Г.* Татар әдәбияты тарихы: Дәреслек-кулланма. – Казан, 1926. 300 б.
19. *Тоган З.* Воспоминания. – М., 1997. 649 с.
20. *Төхфәтуллин А.Х.* Ш.Мәржанинең Х.-Г.Габәши ижатына тәэсире // Мәржани: тарих һәм хәзерге заман: Халыкара фәнни конференциясе материаллары. – Казан, 1998. Б.120–122.
21. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972. 223 с.
22. *Хөсәен Фәезханов: Тарихи-документаль жыентык* / Төз.-авт. Р.Мәрданов. – Казан, 2006. 703 б.
23. *Юсупов М.Х.* Шигабутдин Марджани. – Казань, 2005. 271 с.

Список сокращений

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

Ф.Н. Шәкүров

XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар тарихчыларының этногенетик концепцияләре

Мәкаләдә татар халкының килеп чыгышына XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар тарихчыларының карашлары – жәдиди историографиянең төп проблемасы – өйрәнелә. Аның концептуаль алымнары милли тарих буенча беренче фәнни тикшеренүдә, Ш.Мәржанинең «Мөстәфадел-әхбар»ендә (Казан вә Болгар тарихына жәлеп ителгән мәгълүматлар), бирелә. Анда халык тарихы Идел буе Болгарыннан башлап, Алтын Урда һәм татар ханлыклары аша дәвамлы һәм өзлексез үсеш буларак тасвирлана. Гомумән, бу фикерләр галимнең варислары – Р.Фәхретдин, Х.Габәши, Г.Әхмәров, Һ.Атласи, Ә.Валиди, Г.Баттал тарафыннан хуплана. Этногенетик концепцияләре этник бердәмлек фикерен раслап һәм татарларның башка халыклар арасында үзенчәлекле тарихи һәм мәдәни урынын билгеләп, милләтне берләштерү процессының эһәмиятле компоненты һәм асыл шарты була. Этноним һәм этник тиңләштерү (идентификацияләү) мәсәләсе актуальләшә һәм жавап таләп итә: «Кем без? Мөселманмы, болгармы, төрки яки татармы?» Татар тарихчылары арасында үз милләтөн үзләре исемләве буенча бердәм фикер булмаган. Ләкин теге яки бу этноним тарафдары булуларына карамастан, алар үз халкының этномәдәни үзенчәлеген таныганнар һәм үзләренең хезмәтләрендә Идел-Урал төрки мөселманнарының аерым этник үсешен күрсәткәннәр.

Ачкыч сүзләр: татар историографиясе, татар халкының килеп чыгышы, этник берләштерү, этник тиңләштерү (идентификацияләү), этноним.

F.N. Shakurov

Ethnogenetic concepts of Tatar historians of the late XIX – early XX centuries

The article deals with the views of the Tatar historians of the late nineteenth century and early twentieth century regarding the origin of the Tatar people as a core issue of the Jadidist historiography. Conceptual approaches to its solution were outlined by Sh.Mardzhani in the first scientific research on national history «Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar» (The information brought to the history of Kazan and Bulgar), where the history of the people was set out as the continuity and ongoing development of the Volga Bulgaria through the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates. These

ideas generally were supported by his successors as R. Fakhrutdinov, H. Gabyashi, G. Akhmarov, H. Atlasi, A. Validi, and G. Battal. Ethnogenetic concepts were important component and essential factor in the process of national consolidation claiming the idea of the ethnic unity and defining the particular historical and cultural place of the Tatars among other nations. Answer the question of the ethnonym and ethnic self-identity: «Who we are: Muslims, the Bulgarians, the Turks or the Tartars?» became currently important one. Among the Tatar historians it was no any consensus on the self-designation, but regardless of the commitment to a particular ethnonym they recognized ethno-cultural specifics of their people and showed in their works the establishment and development of the particular ethnicity of Turkic Muslims of the Volga and Ural regions.

Keywords: Tatar historiography, the origin of the Tatar people, ethnic consolidation, ethnic self-identity, ethnonym.

Шакуров Фарит Наилевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань); e-mail: faritshakur@yandex.ru

Шәкүров Фәрит Наил улы – тарих фәннәре кандидаты, Казан (Идел буе) федераль университетының бөтендөнья сәясәте һәм халыкара икътисади мөнәсәбәтләр кафедрасы доценты (Казан шәһәре).

Shakurov Farit Nailovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of global policy and international economic relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan).

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish,
etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья
From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region
2016. № 6

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5

Подписано в печать 14.11.2016 г. Формат 60×84^{1/16}

Усл. печ. л. 23,75 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
им. академика В.И. Андреева

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф